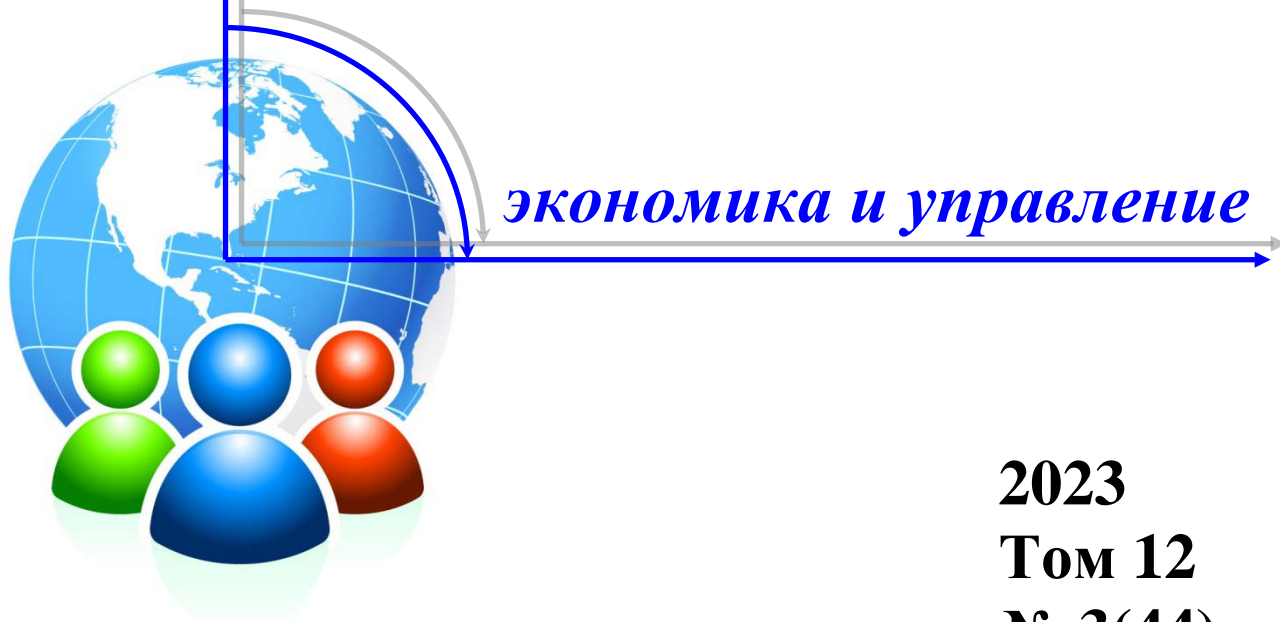


16+

e-ISSN: 2712-8482
p-ISSN: 2309-1762

Азимут научных исследований:



экономика и управление

2023
Том 12
№ 3(44)

e-ISSN: 2712-8482
p-ISSN: 2309-1762

Основан в 2012 г.

16+

Том 12
№ 3 (44)
2023

Ежеквартальный
научный журнал

АЗИМУТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Учредитель – Общество с ограниченной ответственностью «Ландрейл»

Главный редактор

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, доцент

Заместители главного редактора:

Бородин Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор
Иванов Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, профессор
Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент
Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, профессор
Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат
юридических наук, доцент
Масюк Наталья Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Троянская Мария Александровна, доктор экономических наук, доцент
Тюрина Юлия Габдрашитовна, доктор экономических наук, доцент
Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Анпилов Сергей Михайлович, доктор технических наук, доцент
Еремина Наталья Валерьевна, доктор политических наук, доцент
Зюкин Данил Алексеевич, кандидат экономических наук, старший научный
сотрудник

Изотов Александр Викторович, кандидат политических наук, доцент
Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор
Кудинова Галина Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент
Лавренко Елена Александровна, кандидат экономических наук, доцент
Лагутина Мария Львовна, кандидат политических наук, доцент
Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент
Леви Дмитрий Андреевич, кандидат политических наук, доцент
Маркушина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, доцент
Панаедова Галина Ивановна, доктор экономических наук, профессор
Петрук Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент
Самарина Вера Петровна, доктор экономических наук, доцент
Севастьянов Сергей Витальевич, доктор политических наук, доцент
Сорочайкин Андрей Иванович, доктор философских наук, доцент
Терешина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, доцент
Харькова Ольга Михайловна, кандидат экономических наук, доцент
Церпицкая Ольга Львовна, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь

Степина Наталья Валерьевна

Входит в ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-83772 от 29.08.2022 г.

Компьютерная верстка:
Коростелев А.А.

Технический редактор:
Коновалова Е.Ю.

*Адрес редколлегии, учредителя,
редакции и издателя Общества с
ограниченной ответственностью
«Ландрейл»:*

445047, Россия, Самарская
область, г. Тольятти,
Южное шоссе, д. 35А, офис 404
Тел.: +79270290177

E-mail: ANI-ekonom-i-politika@ya.ru
Сайт: <http://landraileiu.ru/>

Подписана верстка 16.10.2023.

Выход в свет 18.10.2023.

Формат 60x84 1/8.

Заказ 2-90-06.



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Цена свободная

INFORMATION ABOUT THE MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Korostelev Alexander Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Computer Science, Applied Mathematics and Teaching Methods (Samara State Socio-Pedagogical University, Samara, Russia)

Deputy Chief Editors:

Borodin Alexander Ivanovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Management (Russian University of Economics, Moscow, Russia)

Ivanov Dmitry Yurievich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department «Organization of Production» (Samara State Aerospace University, Samara, Russia)

Kondaurova Inessa Konstantinovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of chair of mathematics and methods of teaching (Saratov State University, Saratov, Russia)

Kurilova Anastasia Aleksandrovna, Doctor of Economic Sciences, professor, Head of the Department «Finance and Credit» (Togliatti State University, Togliatti, Russia)

Mamychev Aleksey Yurievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for International Relations, Head of the Laboratory of Political and Legal Research, Professor of the Department of Russian Politics (Moscow State University, Moscow, Russia)

Masyuk Natalia Nikolaevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management (Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia)

Troyanskaya Maria Alexandrovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration (Orenburg State University, Orenburg, Russia)

Tyurina Yuliya Gabdrashitovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Finance (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Yarygin Grigory Olegovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «American Studies» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Editorial team:

Anpilov Sergey Mikhailovich, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Reinforced Concrete Structures (Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, Novosibirsk, Russia)

Eremina Natalia Valerievna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of «European Studies» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Zyukin Danil Alekseevich, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher (Kursk State Agricultural Academy, Kursk, Russia)

Izotov Alexander Viktorovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «European Studies» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Kramin Timur Vladimirovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department «Financial Management» (Kazan Innovation University, Kazan, Russia)

Kudinova Galina Eduardovna, Candidate of Economic Science, Associate Professor, Head of a Group of Environmental Economics (Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia)

Lavrenko Elena Alexandrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration (Orenburg State University, Orenburg, Russia)

Lagutina Maria Lvovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department «World Politics» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Lanco Dmitry Alexandrovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «European Studies» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Levi Dmitry Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «European Studies» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Markushina Natalia Yurevna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department «World Politics» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Panaedova Galina Ivanovna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Tax Policy and Customs (North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)

Petruk Galina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Research Department (Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia)

Samarina Vera Petrovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of «Economics and Management» (National Research University «MIS&S», Moscow, Russia)

Sevastyanov Sergey Vitalevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

Sorochaikin Andrey Nikonovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Digital Marketing (International Market Institute, Samara, Russia)

Tereshina Maria Valentinovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department «Public Policy and Public Administration» (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Kharkova Olga Mikhailovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration (Orenburg State University, Orenburg, Russia)

Tserpitskaya Olga Lvovna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department «World Politics» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

экономические науки

ОТКРЫТОСТЬ И ПРОЗРАЧНОСТЬ БЮДЖЕТНЫХ ДАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ – ПРЕДПОСЫЛКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОБЛЮДЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ АРИСТОВ Анатолий Викторович, АРИСТОВ Юрий Иванович, КУРИЛОВА Анастасия Александровна.....	7
ГЕТЕРОГЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН АСЛАЕВА Салима Шамильевна.....	11
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО БИЗНЕСА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ БАЕТОВА Динар Рахметуловна, ГОЛОВА Елена Евгеньевна	14
КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ: ТРЕБОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ БРИЖАК Ольга Валентиновна.....	20
ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ ВАСИЛАТИЙ Олег Валерьевич.....	25
УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВОЛЫНЧУК Андрей Борисович, ВОЛЫНЧУК Яна Александровна.....	29
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ ЖИЗНИ ДУДНИК Анна Игоревна, КОНИЩЕВ Евгений Сергеевич.....	32
РОССИЙСКИЙ ОФСЕТНЫЙ КОНТРАКТ, КАК ИНСТРУМЕНТ МЕХАНИЗМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ В ЭКОНОМИКУ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ, ЕГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИЛЬИН Сергей Александрович.....	36
БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРЕНДОВ В ТЕМАТИЧЕСКОМ КЛАСТЕРЕ «ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ» КНЯЗЕВ Владислав Ринатович.....	40
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ КАК МНОГОСТОРОННИХ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ КРИВОШАПОВА Светлана Валерьевна, ЧИПИЗУБОВ Денис Андреевич.....	44
РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУРИЛОВА Анастасия Александровна, СУХОВ Александр Сергеевич.....	48
МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РИСКОВ АУТСОРСИНГА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛЮ Ли.....	52
МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ НА ИХ ОЦЕНКУ ВАЖНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПРОГРАММЫ WELL-BEING МАЗЕЛИС Лев Соломонович, ЛАВРЕНЮК Кирилл Игоревич, КРАСЬКО Андрей Александрович.....	56
ВЛИЯНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ МАЛАХОВА Светлана Викторовна, ГРАНКИН Владимир Филиппович, СУКМАНОВ Эдуард Валентинович, СКУЛКОВ Игорь Сергеевич.....	62
ПЕРЕХОД К КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ НЕЗАМОВА Ольга Алексеевна, ШАПОРОВА Зинаида Егоровна, ОЛЕНЦОВА Юлия Анатольевна.....	66
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ НОЗДРАЧЕВА Елена Николаевна, БОЕВ Сергей Григорьевич, ДУПЛИН Виталий Викторович, ХАРИТОНОВА Светлана Алексеевна.....	72
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ БАНКОВ НА РЫНКЕ КРЕДИТОВАНИЯ ПАНИНА Дарья Сергеевна.....	77
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАБОТЕ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОСАЛОВА Вероника Сергеевна, НИКОЛАЕВА Анастасия Александровна.....	81
ТЕОРИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТОВ РЕУТОВ Роман Владимирович.....	85
ВЛИЯНИЕ УСИЛЕНИЯ ИНФЛЯЦИИ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ СВЯТОВА Ольга Викторовна, ЗЮКИН Данил Алексеевич, ЖИЛИНКОВА Ксения Борисовна, КАЛУЖСКИХ Александр Геннадьевич.....	90
АДАПТИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СМИЦКИХ Ксения Викторовна, БЕЛОГЛАЗОВА Виктория Александровна.....	94
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ОЦЕНКА ЕГО ВЛИЯНИЯ НА ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ ХИМИЧЕСКИХ И НЕФТЕХИМИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ	

ТЕРТЬШНИК Михаил Иванович.....	99
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА ТИМАКОВА Роза Темерьяновна, ОХРИМЕНКО Елена Ивановна.....	104
НЕОИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ КОРПОРАЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ БРИЖАК Ольга Валентиновна, ТОЛСТОБОКОВ Олег Николаевич.....	108
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ РЫНКА УСЛУГ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В ПЕРИОД БЕСПРЕЦЕДЕНТНОГО ДАВЛЕНИЯ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ ХАЗАНОВ Леонид Александрович.....	113
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ФИКТИВНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ХОХОЕВА Залина Вячеславовна.....	119
<i>политические науки</i>	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ АЛИЕВ Руслан Аллахверди оглы.....	123
«МЯГКАЯ СИЛА» ПОЛИТИКИ КИТАЯ, ТУРЦИИ, ИРАНА: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННУЮ РФ БЕЗРУКОВА Анастасия Александровна.....	131
УВЕЛИЧЕНИЕ ВОЕННЫХ БЮДЖЕТОВ КАК ФАКТОР РОСТА НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ БОГУСЛАВСКАЯ Юлия Константиновна, ЯКОВЛЕВА Елена Сергеевна.....	140
РОССИЯ – СЕВЕРНАЯ АФРИКА: НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ДЖОЛАНОВ Роман Сергеевич, КРЫЛОВА Екатерина Александровна КУПОРОВА Мария Андреевна, ПРЕДЕИН Клим Владимирович.....	147
АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОКАЗАТЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНДРАТЮК Сергей Викторович, МОЙСЕЕВ Александр Михайлович, ИВАНОВА Татьяна Николаевна, МИХАЙЛОВ Михаил Анатольевич, СЕДНЕВ Владислав Владимирович, ЦВЕТКОВА Ирина Викторовна.....	152
ПАРТНЕРСТВО ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА МАЛЫШ Елена Владимировна.....	161
ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЕДИНИЦ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СТОРОЖУК Михаил Владимирович.....	166

CONTENT

economic sciences

OPENNESS AND TRANSPARENCY OF BUDGET DATA OF STATE INSTITUTIONS ON THE EXAMPLE OF THE SAMARA REGION IS A PREREQUISITE FOR IMPROVING PROCUREMENT ACTIVITIES AND COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS OF ANTI-CORRUPTION POLICY ARISTOV Anatoly Viktorovich, ARISTOV Yury Ivanovich, KURILOVA Anastasia Aleksandrovna.....	7
HETEROGENEITY OF SOCIO-ECONOMIC SPACE ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN ASLAEVA Salima Shamilevna.....	11
STATE FINANCIAL SUPPORT FOR SMALL BUSINESSES AT THE REGIONAL LEVEL BAETOVA Dinar Rakhmetulovna, GOLOVA Elena Evgenievna	15
CREATIVE POTENTIAL OF MODERN CORPORATIONS: REQUIREMENTS OF A NEW ECONOMIC REALITY BRIZHAK Olga Valentinovna.....	20
INVESTMENT INSTRUMENTS FOR MANAGING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TRANSNISTRIA INDUSTRY VASILATII Oleg Valeryevich.....	25
RISK MANAGEMENT OF THE ENTERPRISE ON THE BASIS OF PLANNING AND FORECASTING VOLYNCHUK Andrey Borisovich, VOLYNCHUK Yana Aleksandrovna.....	29
DIFFERENTIATION OF THE REGIONS OF RUSSIA BY LIVING STANDARDS DUDNIK Anna Igorevna, KONISHCHEV Evgeniy Sergeevich.....	32
RUSSIAN OFFSET CONTRACT AS A TOOL FOR ATTRACTION OF ADDITIONAL INVESTMENTS IN THE ECONOMY, ITS REGULATORY AND LEGAL SUPPORT ILYIN Sergey Alexandrovich.....	36
BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF RESEARCH TRENDS IN THE THEMATIC CLUSTER “FINANCIAL AND ECONOMIC STABILITY OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE” KNYAZEV Vladislav Rinatovich.....	40
DEVELOPMENT TRENDS OF COMMERCIAL BANKS AS MULTILATERAL SECURITIES MARKET PARTICIPANTS KRIVOSHAPOVA Svetlana Valerievna, CHIPIZUBOV Denis Andreevich.....	44
RATING ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE OF RUSSIAN REGIONS: ECONOMIC ASPECT KURILOVA Anastasia Aleksandrovna, SUKHOV Alexander Sergeevich	48
MATRIX APPROACH TO THE ASSESSMENT OF OUTSOURCING RISKS FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY LIU Li.....	52
MODELING THE INFLUENCE OF THE VALUES HIERARCHY OF EMPLOYEES OF THE ORGANIZATION ON THEIR ASSESSMENT OF THE IMPORTANCE OF WELL-BEING PROGRAM EVENTS MAZELIS Lev Solomonovich, LAVRENYUK Kirill Igorevich, KRASKO Andrey Aleksandrovich.....	56
THE IMPACT OF MACROECONOMIC CHANGES ON THE WELFARE OF THE POPULATION OF THE KURSK REGION MALAKHOVA Svetlana Viktorovna, GRANKIN Vladimir Filippovich, SUKMANOV Eduard Valentinovich, SKULKOV Igor Sergeevich.....	62
TRANSITION TO THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES NEZAMOVA Olga Alekseevna, SHAPOROVA Zinaida Egorovna, OLENTSOVA Julia Anatolievna.....	66
FOOD SECURITY AS AN INTEGRAL PART OF RUSSIA’S ECONOMIC SECURITY UNDER SANCTIONS NOZDRACHEVA Elena Nikolaevna, BOEV Sergey Grigorievich, DUPLIN Vitaly Viktorovich, KHARITONOVA Svetlana Alekseevna	72
MODERN ASPECTS OF THE FORMATION OF BANKS’ INVESTMENT STRATEGY IN THE LENDING MARKET PANINA Daria Sergeevna.....	77
EFFICIENCY OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE WORK OF A DENTAL CLINIC – ECONOMIC ASPECT PROSALOVA Veronica Sergeevna, NIKOLAEVA Anastasya Aleksandrovna.....	81
THE THEORY OF LIMITED EFFICIENCY OF INSTITUTIONS REUTOV Roman Vladimirovich.....	85
THE IMPACT OF INCREASED INFLATION ON THE RUSSIAN ECONOMY SVYATOVA Olga Viktorovna, ZYUKIN Danil Alekseevich, ZHILENKOVA Ksenia Borisovna, KALUZHSHKIKH Aleksander Gennadievich.....	90
ADAPTIVE MODEL OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP ECOSYSTEM DEVELOPMENT SMITSKIKH Ksenia Victorovna, BELOGLAZOVA Victoria Alexandrovna.....	94
SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND ASSESSMENT OF ITS IMPACT ON PLANNING PRODUCTION CAPACITIES OF CHEMICAL AND PETROCHEMICAL ENTERPRISES TERTYSHNIK Mikhail Ivanovich.....	99
FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC MEDICAL TOURISM TIMAKOVA Roza Temer’anovna, OKHRIMENKO Elena Ivanovna.....	104
NEO-INDUSTRIAL MODEL OF DEVELOPMENT OF CORPORATIONS IN THE ECONOMY OF BIG DATA BRIZHAK Olga Valentinovna, TOLSTOBOKOV Oleg Nikolaevich.....	108
INNOVATIVE APPROACHES AND STRATEGIES FOR SURVIVAL OF THE CATERING SERVICES MARKET IN THE PERIOD OF UNPRECEDENTED PRESSURE OF EXTERNAL FACTORS	

KHAZANOV Leonid Aleksandrovich.....	113
DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE THEORY OF FICTITIOUS CAPITAL IN MODERN CONDITIONS KHOKHOEVA Zalina Vyacheslavovna.....	119
<i>political sciences</i>	
STATE CLIMATE POLICY OF THE CASPIAN REGION COUNTRIES: KEY FACTORS OF FORMATION ALIEV Ruslan Allahverdi oglu.....	123
SOFT POWER STRATEGIES IN CHINA, TURKEY AND IRAN: ASSESSING THE POTENTIAL IMPACT ON MODERN RUSSIA BEZRUKOVA Anastasia Alexandrovna.....	131
MILITARY BUDGETS' GROWTH AS A FACTOR OF RISING INSECURITY IN THE BLACK SEA REGION BOGUSLAVSKAYA Yulia Konstantinovna, IAKOVLEVA Elena Sergeevna.....	140
RUSSIA – NORTH AFRICA: SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL AND SPACE COOPERATION DZHOLANOV Roman Sergeevich, KRYLOVA Ekaterina Aleksandrovna, KUPOROVA Maria Andreevna, PREDEIN Klim Vladimirovich.....	147
ANTI-CRIMINAL POLICY: THEORY OF FORMATION AND IMPLEMENTATION INDICATORS KONDRATYUK Sergey Viktorovich, MOISEEV Alexander Mikhailovich IVANOVA Tatiana Nikolaevna, MIKHAILOV Mikhail Anatolyevich, SEDNEV Vladislav Vladimirovich, TSVETKOVA Irina Viktorovna.....	152
PARTNERSHIP IN THE IMPLEMENTATION OF THE COMMON AGRICULTURAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION MALYSH Elena Vladimirovna.....	161
CONCEPTS AND ESSENTIAL FEATURES OF THE TERRITORIAL ECONOMIC UNITS OF THE FAR EAST STOROZHUK Mikhail Vladimirovich.....	166

УДК 338

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_01



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ОТКРЫТОСТЬ И ПРОЗРАЧНОСТЬ БЮДЖЕТНЫХ ДАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ – ПРЕДПОСЫЛКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОБЛЮДЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

© Автор(ы) 2023

АРИСТОВ Анатолий Викторович, аспирант

Тольяттинский государственный университет

445020, Россия, Тольятти, aristov.anatoly163@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0955-5147

АРИСТОВ Юрий Иванович, преподаватель

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение городского округа Тольятти «Школа №73
имени Героя Советского Союза Н.Ф.Карацупы»*

445011, Россия, Тольятти, aristov.yu.i@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1896-1227

КУРИЛОВА Анастасия Александровна, доктор экономических наук,

профессор института финансов, экономики и управления

Тольяттинский государственный университет

445020, Россия, Тольятти, aakurilova@yandex.ru

SPIN: 2332-0017

AUTHORID: 626213

RESEARCHERID: F-6007-2016

ORCID: 0000-0002-1943-5675

SCOPUSID: 56422298700

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с обеспечением открытости и прозрачности бюджетных данных государственных учреждений (здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, социальной политики, национальной экономики и других сферах) на уровне субъекта Самарской области, что является предпосылкой совершенствования закупочной деятельности на территории Российской Федерации и соблюдения требований антикоррупционной политики. В научном исследовании рассматриваются и изучаются сведения о рейтинге региона Самарской области по уровню открытости бюджетных данных, динамике расходов исполнения бюджета Самарской области. Приоритетное направление: максимальное достижение в обеспечении открытости бюджетных данных, в том числе в сфере здравоохранения, образования, закупочной деятельности и иных сфер профессиональной деятельности в субъектах Российской Федерации; реализация и освоение доведенных бюджетных средств для обеспечения нужд учреждений. Открытость и прозрачность бюджетных данных, в том числе сведений о процессах осуществления закупочной деятельности, во многом зависит от совершенствования функциональной возможности цифровых систем и технологий, в части публикации сведений в открытом доступе электронных систем, в которых работают заказчики и контрагенты (поставщики, продавцы, абоненты, исполнители, лицензиаты, региональные операторы, ресурсоснабжающие или теплоснабжающие организации, подрядчики и другие). В процессе исследования проведен анализ рейтинга открытости и прозрачности публикации сведений за период 2017 – 2022 год, в том числе динамики расходов исполнения бюджета Самарской области. Проведенный анализ показывает достижения рейтинга Самарской области по уровню открытости и прозрачности бюджетных данных и эффективности освоения бюджетных средств за период 2017 – 2022 год.

Ключевые слова: открытость и прозрачность бюджетных данных, бюджетные средства, цифровизация, эффективность, экономика, совершенствование, цифровые системы и информационные технологии, единая информационная система, организация и управление, электронные системы внешнего заказа, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, конкурентоспособность, закупочная деятельность.

OPENNESS AND TRANSPARENCY OF BUDGET DATA OF STATE INSTITUTIONS ON THE EXAMPLE OF THE SAMARA REGION IS A PREREQUISITE FOR IMPROVING PROCUREMENT ACTIVITIES AND COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS OF ANTI-CORRUPTION POLICY

© The Author(s) 2023

ARISTOV Anatoly Viktorovich, graduate student

Togliatti State University,

445020, Russia, Togliatti, aristov.anatoly163@yandex.ru

ARISTOV Yury Ivanovich, teacher

Municipal Budgetary Educational Institution of the Togliatti City District «School N73 named after Hero of the Soviet Union N.F.Karatsupy»

445011, Russia, Togliatti, aristov.yu.i@yandex.ru

KURILOVA Anastasia Aleksandrovna, doctor of economics, professor,

Institute of finance, economics and management

Togliatti State University

445020, Russia, Togliatti, Aakurilova@Yandex.Ru

Abstract. This scientific article discusses topical issues related to ensuring openness and transparency of budgetary data of state institutions (health, education, physical culture and sports, social policy, national economy and other spheres) at the level of the Samara region subject, which is a prerequisite for improving procurement activities in the Russian Federation and compliance with the requirements of anti-corruption policy. The scientific study examines and studies information about the rating of the Samara region by the level of openness of budget data, the dynamics of budget execution expenditures of the Samara region. Priority direction: maximum achievement in ensuring the openness of budget data, including in the field of healthcare, education, procurement and other areas of professional activity in the subjects of the Russian Federation; implementation and development of the brought budget funds to meet the needs of institutions. The openness and transparency of budget data, including information on procurement processes, largely depends on the improvement of the functionality of digital systems and technologies, in terms of the publication of information in the open

access of electronic systems in which customers and contractors work (suppliers, sellers, subscribers, performers, licensees, regional operators, resource-supplying or heat supply organizations, contractors and others). In the course of the study, an analysis of the rating of openness and transparency of the publication of information for the period 2017-2022, including the dynamics of budget execution expenditures of the Samara region, was carried out. The analysis shows the achievements of the rating of the Samara region in terms of the openness and transparency of budget data and the efficiency of the use of budget funds for the period 2017-2022.

Keywords: openness and transparency of budget data, budget funds, digitalization, efficiency, economy, improvement, digital systems and information technologies, unified information system, organization and management, electronic systems of external ordering, anti-corruption policy, anti-corruption, competitiveness, procurement activities.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

На сегодняшний день открытость и прозрачность бюджетных данных и экономических показателей учреждений в Российской Федерации играет огромную роль для эффективного развития экономики страны, способствует совершенствованию антикоррупционной политики. Это обеспечивает достижение целей, установленных в порядке и, соответственно, с соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов.

В целях обеспечения реализации открытости размещаемых бюджетных и экономических сведений, информации и показателей учреждений субъектов Российской Федерации предусмотрены ряд специальных цифровых электронных систем, в том числе справочные информационные системы, в которых работают заказчики:

- официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях [13];
- единая информационная система (далее – ЕИС) обеспечивает информационную открытость осуществления закупочной деятельности учреждений на территории Российской Федерации [10] в порядке, установленном законами о контрактной системе [1; 2];
- электронная торговая система ОТС-маркет обеспечивает информационную открытость осуществления закупок малого объема [9];
- в том числе:
 - программный комплекс «WEB-Торги-КС» [8; 11 и другие];
 - автоматизированная информационная система «портал поставщиков» [12];
 - единый агрегатор торговли «Березка» [13];
 - автоматизированная система контроля АЦК – Муниципальный заказ;
 - система Web Консолидация;
 - система МИАЦ mednet;
 - государственная информационная система промышленности (ГИСП) Минпромторг;
 - справочники ГРЛС и ЕСКЛП;
 - и другие специализированные цифровые электронные системы и справочники.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор(ы), выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

На сегодняшний день при использовании электронных цифровых систем заказчиками актуальны вопросы, связанные с достижением максимальной открытости и прозрачности сведений и информации о бюджетных, цифровых данных государственных учреждений на территории Российской Федерации, в том числе данных в разных сферах профессиональной деятельности заказчиков. Похожим научным исследованиям посвящены и другие научные работы, различные научные исследования, публикации, деятельность, например: Т. А. Бокова, Т. Г. Кадникова, Н. Д. Романова [3, с. 105-124], Н. М. Костливецва [4, С. 421-426], А. И. Сафронова [5, С. 730-734] и др. Особое внимание вопросам совершенствования открытости и прозрачности бюджетных данных, в том числе антикоррупционной политики в РФ, уделяется на высоком уровне страны: губернаторы

субъектов РФ, Президент В. В. Путин, М. В. Мишустин, Председатель Правления МОО «Национальный комитет общественного контроля» М. Р. Юсупов [6; 7].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель научной статьи – оценить эффективность процесса рейтинга открытости и прозрачности бюджетных данных и динамику расходов исполнения бюджета в Самарской области.

Для решения актуальной проблемы предлагаем следующее.

Электронные цифровые системы требуют совершенствования и доработки в части реализации и обеспечения функциональной возможности, обеспечивающей максимальную открытость и прозрачность сведений и информации, размещаемой заказчиками в данных системах – это позволит обеспечить:

- максимальная информационная открытость и прозрачность во всех сферах профессиональной деятельности заказчиков;
- совершенствование антикоррупционной политики;
- обеспечение и совершенствование открытости и прозрачности расходов исполнения бюджета субъектов РФ.

На основании вышеизложенного предлагаются решения актуальной проблемы, которые направлены на достижение обеспечения максимальной открытости и прозрачности сведений и информации в электронных цифровых системах РФ путем совершенствования информационных технологий и обеспечения данной функциональной возможности.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

При написании научной статьи был использован комплекс общенаучных методов исследования: применение и использование проверенных интернет источников, актуальная литература, наблюдение, синтез и анализ, дедукция и индукция, конкретизация и абстрагирование, систематизация и обобщение и другие.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

При проведении исследования и написания научной статьи проводился анализ рейтинга открытости и прозрачности бюджетных данных Самарской области за период 2017 – 2022 год. На официальном интернет сайте числились следующие цифры, указанные в представленных таблицах [14].

Создание электронных цифровых систем на территории РФ изначально обеспечивало предпосылку зарождения внедрения и развития обеспечения максимизации открытости и прозрачности бюджетных данных в РФ.

Рассмотрим выборочно максимальный уровень эффективности достижения показателей открытости бюджетных данных на примере Самарской области, а именно: «китоговые показатели рейтинга» за период с 2017 по 2022 год по состоянию на 08.08.2023 г. [14].

Группы рейтинга открытости бюджетных данных:

- группа А: очень высокий уровень (далее – Группа А);
 - группа В: высокий уровень (далее – Группа В);
 - группа С: средний уровень (далее – Группа С);
 - группа D: низкий уровень (далее – Группа D);
 - группа Е: очень низкий уровень (далее – Группа Е).
- Общий показатель группы рейтинга составляет

100 %.

Таблица 1 – Рейтинг Самарской области по уровню открытости бюджетных данных за период 2017 – 2022 год

№ п/п	Год	Место по РФ	Место по ФО	% от максимального количества баллов	Максимальное количество баллов	Набранные баллы
Группа D:						
1	2017	68	11	36,43	129	47
Группа D:						
2	2018	70	11	39,01	141	55
Группа C:						
3	2019	59	9	52,24	134	70
Группа B:						
4	2020	49	8	63,31	139	88
Группа B:						
5	2021	43	8	63,46	156	99
Группа A:						
6	2022	1-31	1-7	100	15	15



Рисунок 1 – Динамика рейтинга по уровню открытости бюджетных данных в Самарской области за период с 2017 по 2022 год

Согласно рисунку 1, где отображены показатели открытости бюджетных данных государственных учреждений на территории Самарской области, с 2017 по 2022 год отмечается тенденция на 63,57 % эффективности достижения показателей открытости бюджетных данных.

Таблица 2 – Показатели расходов исполнения бюджета Самарской области

№ п/п	Бюджет Самарской области, млн. руб.	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Изменение	
								2022 к 2017, %	2022 к 2021, %
1	Назначено	154618,63	154996,22	195941,88	223523,16	255035,46	333467,98	215,67	130,75
2	Исполнено	148023,37	148306,59	170869,59	210472,87	238648,45	316586,28	213,87	132,66
3	Удельный вес, (%)	95,73	95,68	87,20	94,16	93,57	94,94	99,16	98,56
в том числе в сфере здравоохранения:									
4	Назначено	10567,33	12599,34	15463,62	24166,45	32654,08	39898,60	377,56	122,18
5	Исполнено	10371,56	11950,64	15068,82	23680,93	30832,88	38368,01	369,93	124,44
6	Удельный вес, (%)	98,15	94,85	97,45	97,99	94,42	96,16	97,98	98,18
в том числе в сфере образования:									
7	Назначено	35326,64	37361,21	65494,31	44312,15	46350,94	53317,93	150,93	115,03
8	Исполнено	35062,22	36208,24	64383,95	42417,34	45212,64	52689,42	150,27	116,54
9	Удельный вес, (%)	99,25	96,91	98,30	95,72	97,54	98,82	99,56	98,70
в том числе в сфере осуществления закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд:									
10	Назначено	25605,33	28094,37	34890,49	41166,47	45760,56	50175,21	195,95	109,65
11	Исполнено	23907,12	25980,87	32313,91	37317,01	42188,24	46822,95	195,85	110,98
12	Удельный вес, (%)	93,37	92,48	92,62	90,65	92,19	93,32	99,95	98,80

Согласно данным таблицы 2 при анализе расходов исполнения бюджета Самарской области отмечается тенденция на 213,87 % эффективности освоения средств бюджета с 2017 по 2022 год.

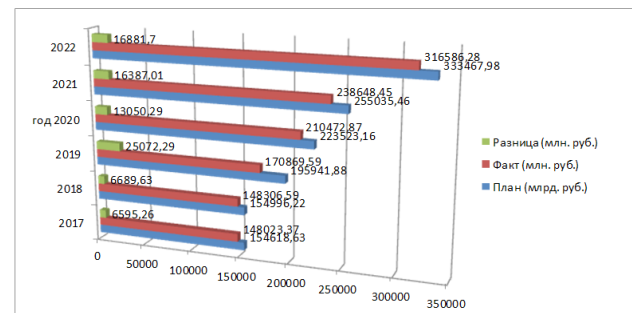


Рисунок 2 – Динамика расходов исполнения бюджета Самарской области за период с 2017 по 2022 год

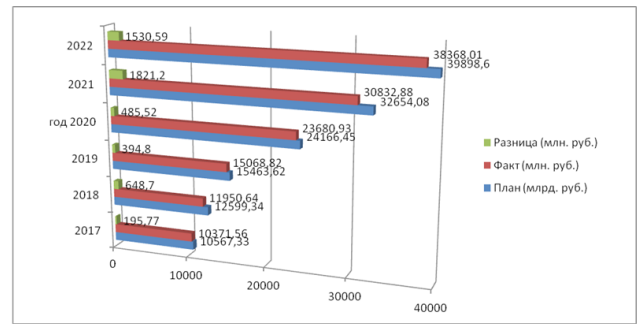


Рисунок 3 – Динамика расходов исполнения бюджета в сфере здравоохранения Самарской области за период с 2017 по 2022 год

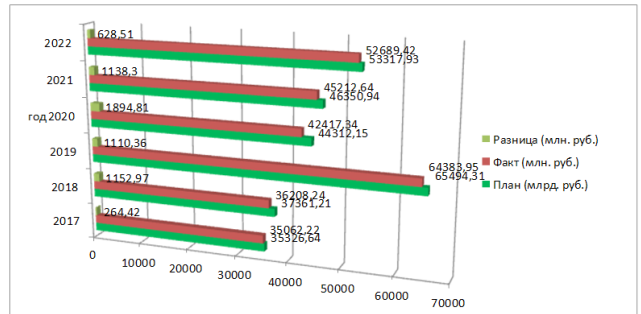


Рисунок 4 – Динамика расходов исполнения бюджета в сфере образования Самарской области за период с 2017 по 2022 год

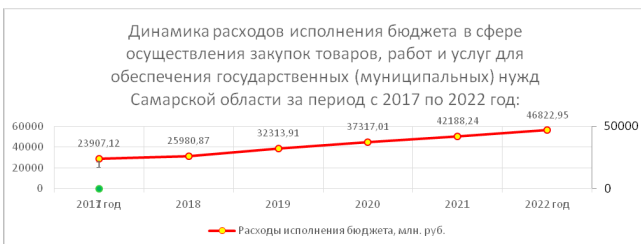
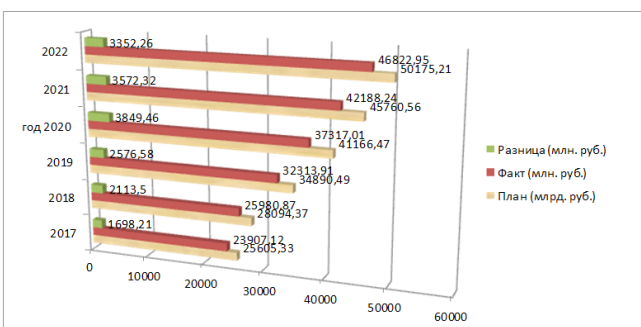


Рисунок 5 – Динамика расходов исполнения бюджета в сфере осуществления закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд Самарской области за период с 2017 по 2022 год

Источник представленных таблиц: Составлено

авторами на основе данных официального сайта «Бюджет для граждан Самарской области» [14].

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Работа по совершенствованию обеспечения открытости и прозрачности сведений и информации в электронных цифровых системах неоднократно проводится, данный функционал совершенствуется на государственном уровне.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Авторами в ходе проведенного исследования выявлены позитивные тенденции увеличения роста эффективности рейтинга открытости и прозрачности сведений и информации освоения бюджетных средств в Самарской области.

В научной статье представлены показатели эффективности освоения бюджетных средств за период с 2017 по 2022 год.

Отмечается ежегодно тенденция эффективности достижения показателей открытости бюджетных данных Самарской области.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

При проведении следующих научных исследований мы планируем рассмотреть актуальные вопросы и процессы совершенствования обеспечения функциональной возможности электронных цифровых систем в части открытости и прозрачности сведений и информации, размещаемой при работе заказчиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 05.04.2013 №44-ФЗ [ред. от 28.12.2022] [с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023] // URL: https://legalacts.ru/doc/44_FZ-o-kontraktojn-sisteme/.
2. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федер. закон от 18.07.2011 №223-ФЗ [ред. от 05.12.2022] // URL: https://legalacts.ru/doc/223_FZ-o-zakupkah-tovarov_rabot_uslug-otdelnymi-vidami-juridicheskikh-lit/.
3. Бокова Т.А., Кадникова Т.Г., Романова Н.Д. О некоторых вопросах реализации принципа прозрачности (открытости) бюджетных данных на муниципальном уровне (на примере Республики Карелия) // Журнал «Путеводитель предпринимателя» ПГУ, 2021, том 14, №1. С.105-124.
4. Костливецова Н.М. Регулирующие аспекты обеспечения открытости бюджетных данных // Журнал «НАУКОСФЕРА» СПбЭУ, 2023. №4-2. С. 421-426.
5. Сафронова А.И. Реализация принципа прозрачности (открытости) в Российской Федерации // Журнал «Самоуправление» ФУ при Правительстве РФ, 2022. №2 (130). С. 730-734.
6. Веб сайт: URL: <http://comitet-national.ru/tag/predsedatel-pravleniya-moo-natsionalnyj-komitet-obshestvennogo-kontrolya/>.
7. Веб сайт: URL: <https://www.mosmakk.ru/>.
8. Веб сайт: URL: <https://webtorgi.samregion.ru/site/>.
9. Веб сайт: URL: https://otc.ru/market?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.
10. Веб сайт: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>.
11. Веб сайт: URL: <https://zakupki.mos.ru/>.
12. Веб сайт: URL: <https://agregatoreat.ru/>.
13. Веб сайт: URL: <https://bus.gov.ru/>.
14. Веб сайт: URL: <https://budget.minfin-samara.ru/razdely/reiting-otkritosti-budzhethnih-dannih/informatsiya-o-positcii-samarskoy-oblasti-v-reitinge-otkritosti/>.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 20.09.2023

Approved date: 04.10.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 330.34

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_02



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

© Автор(ы) 2023

АСЛАЕВА Салима Шамилевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора
«Экономики и управления развитием территорий»

*Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН
450054, Россия, Уфа, Salima2006A@mail.ru*

AuthorID: 263455

SPIN: 7172-7349

ResearcherID: K-1632-2018

ORCID: 0000-0001-6958-5391

Аннотация. Во многих регионах Российской Федерации наблюдается значительная гетерогенность социально-экономического пространства, которая является сложным и многоаспектным явлением, оказывающим влияние на структуру и эффективность функционирования экономики. Целью работы определяем исследование гетерогенности социально-экономического пространства региона с учетом выявления ключевых факторов, тенденций и потенциальных последствий. Объектом исследования являются муниципальные образования Республики Башкортостан. Применяемые методы: анализ теоретических источников по проблеме, статистические методы, обобщение данных и сравнительный анализ. В работе предлагается методика расчета уровня дифференциации муниципальных образований на основе показателей, которые определены для оценки уровня социально-экономического развития муниципальных районов на основе экспертной оценки, кластерного и регрессионного анализа. Показатели сгруппированы по основным блокам: экономический, инфраструктуры, социальный и управленческий. Анализ полярности уровня развития муниципальных образований проводится на основе интегральных показателей. Для наглядного представления построена карта, иллюстрирующая различия в развитии муниципальных районов Республики Башкортостан. Результаты показывают, что наибольшая полярность наблюдается в экономическом блоке как для муниципальных районов, так и для городских округов, что указывает на существенные различия в экономическом развитии муниципальных образований Республики Башкортостан. Муниципальные образования, расположенные в центральной части Республики Башкортостан и вдоль промышленной оси Уфа – Кумертау, демонстрируют более высокие итоговые и экономические показатели. Также вдоль географической оси Уфа – Кумертау расположены муниципальные образования с более развитой инфраструктурой. Результаты данного исследования могут быть использованы в сфере планирования и управления.

Ключевые слова: гетерогенность, дифференцированность, интегральные показатели, карта региона, муниципальные образования, полярность, социально-экономическое пространство, Республика Башкортостан, уровень развития, экономический блок.

Финансирование. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов.

HETEROGENEITY OF SOCIO-ECONOMIC SPACE ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

© The Author(s) 2023

ASLAEVA Salima Shamilevna, candidat of economic sciences, Senior Researcher of the Sector of «Economics and
Territorial Development Management»

*Institute of social and economic researches of Ufa scientific centre of Russian academy of sciences
450054, Russia, Ufa, Salima2006A@mail.ru*

Abstract. In many regions of the Russian Federation, there is significant heterogeneity in the socio-economic space, which affects the structure and efficiency of the economy. The purpose of the work is to study the heterogeneity of the socio-economic space of the region. Object - municipalities of the Republic of Bashkortostan. Methods: analysis of theoretical sources on the problem, statistical methods, data synthesis and comparative analysis. A methodology for calculating the level of differentiation based on integral indicators is proposed. Which are defined to assess the level of socio-economic development of municipal districts based on expert assessment, cluster and regression analysis. Indicators are grouped into groups: economic, infrastructural, social and management. A map has been constructed illustrating the differences in the development of municipal districts of Bashkortostan. The greatest polarity exists in the economic bloc of municipal districts and urban districts. This indicates significant differences in the economic development of the territories of Bashkortostan. Municipalities located in the central part of the Republic of Bashkortostan and along the Ufa-Kumertau industrial axis demonstrate higher final and economic indicators. The results of this study can be used in the field of planning and management.

Keywords: heterogeneity, differentiation, integral indicators, map of the region, municipalities, polarity, socio-economic space, Republic of Bashkortostan, level of development, economic block/

Funding. This research was carried out within the framework of the state task of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 075-01134-23-00 for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В современных условиях одним из основных приоритетов экономической политики является обеспечение эффективного развития экономического пространства за счет улучшения его качества. Многие субъекты Российской Федерации характеризуются значительной гетерогенностью социально-экономического пространства, которая обусловлена географическим положением, наличием природных ресурсов, переходом к рыночным условиям хозяйствования и реализуемой политикой

[1]. Гетерогенность социально-экономического пространства региона представляет собой сложное многоплановое явление, оказывающее влияние на структуру и эффективность функционирования экономики [2], при этом нет единого метода его оценки. В работе представлено исследование гетерогенности социально-экономического пространства региона.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор, выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Вопросам размещения производства были посвя-

щены работы зарубежных ученых Г. фон Тюнен [3], В. Лаунхард, А. Вебер и Т. Палландер [4; 5]. Г. фон Тюнен утверждал, что для страны необходима различная специализация его территориальных образований, что было подтверждено его последователями на примере Франции [6; 7]. Вопросами регулирования территориального развития активно занимались В. Кристаллером и А. Лешем [8].

Многие современные ученые отмечают важность исследования вопросов гетерогенности экономического пространства. Так, Д. А. Гайнанов и Р. Ф. Гатаулл считают, что преодоление гетерогенности является фактором повышения качества управления [9]. С. Г. Пьянкова считает, что усиление фискальной децентрализации может ослабить гетерогенность экономического пространства [10]. М. Б. Петров, Е. В. Курушина, И. В. Дружинина разработали методы оценки влияния инвестиций в человеческий капитал на гетерогенность социально-экономического пространства [11]. В контексте анализа дифференциации социально-экономического развития существуют разнообразные подходы, в отличие от измерения неравенства по доходам с использованием коэффициента Джинни [12]. Для оценки данного явления применяются различные методы, такие как статистические методы, интегральные показатели, индексы Херфиндаля-Хиршмана, индекс Тейла, пространственной автокорреляции. Коэффициент Тейла часто используется для анализа дифференцированного социально-экономического развития регионов [13], а также для декомпозиции межрегиональных неравенств [14]. Для изучения дифференцированного развития применяются показатели специализации и локализации [15; 16].

Обновляется актуальность исследования.

Важно отметить, что во всех регионах необходимо ускорить темпы развития путем внедрения инноваций, научно-технического прогресса, модернизации технологий и использования нового оборудования [17]. При высокой гетерогенности прогресс всей системы затруднен [18]. Дефрагментация экономического пространства увеличивается в соответствии с его экономическим потенциалом и уровнем развития. Проблемы регионов усугубляются различиями в темпах развития, что приводит к неравным возможностям в обеспечении потребностей населения [19]. Однако различия между территориями не ограничиваются только экономическим уровнем развития, они также охватывают социальные и инфраструктурные аспекты. По мнению Р. Нижегородцева дифференциация между регионами непрерывно нарастает, прежде всего за счет быстрого ухудшения социально-экономической обстановки в наиболее экономически уязвимых субъектах Российской Федерации [20]. Усиление этого дисбаланса, согласно анализу Е. Решетниковой, может привести к сверхнормативной концентрации производственных ресурсов в ограниченном числе субъектов РФ, что, в свою очередь, может обернуться депрессивным развитием многих регионов [21]. Необходимость повышения уровня и качества жизни во всех регионах обуславливает актуальность выбранной темы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Гетерогенность социально-экономического пространства РБ анализируется на основе учета ряда показателей, которые были определены ранее для оценки уровня социально-экономического развития (СЭР) муниципальных районов данной территории в работе [22]. Из перечня показателей, определенных для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в муниципальных образованиях (МО) на основе экспертной оценки, кластерного и регрессионного анализа, была разработана система показателей, сгруппированная по четырем основным блокам:

экономический:

– отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на 1 чело-

века,

– доля прибыльных сельскохозяйственных организаций,
– инвестиции в основной капитал на 1 человека,
– доля прибыльных сельскохозяйственных организаций,
– средняя заработная плата работников;
социальный:

– темп роста численности населения,
– численность врачей,
– заболеваемость населения,
– доля детей 1–6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу и (или) услугу по их содержанию,
– доля муниципальных дошкольных образовательных учреждений, удовлетворяющие современным требованиям,

– расходы бюджета МО на общее образование на 1 обучающегося,

– уровень фактической обеспеченности от нормативной учреждениями культуры,

– доля населения, занимающегося физической культурой;

инфраструктуры:

– площадь жилых помещений на 1 человека,
– доля протяженности общих автодорог местного значения, соответствующих нормативам,

– доля населения, улучшившего жилищные условия, состоящего на учете в качестве нуждающегося в жилье,
– площадь земли, предоставленная для строительства на 10 тыс. человек,

– площадь жилья, введенная в действие за год, на 1 человека;

управления:

– удовлетворенность населения деятельностью руководителей органов местного самоуправления,

– доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объеме собственных доходов бюджета муниципального образования,

– доля основных фондов организаций муниципальной формы собственности, находящихся в стадии банкротства,

– расходы бюджета муниципального образования на содержание работников органов местного самоуправления в расчете на одного жителя.

Представленные блоки показателей характеризуют социально-экономическое пространство Республики Башкортостан. Взяв их за основу, сформулируем цель работы – изучение гетерогенности социально-экономического пространства региона с акцентом на выявление ключевых факторов, тенденций и потенциальных последствий на структурном уровне. Объектом выступают муниципальные образования Республики Башкортостан (РБ), которые представляют собой подходящую единицу анализа для раскрытия гетерогенности социально-экономического пространства.

Используемые методы, методики и технологии.

Применяемые методы в работе: анализ теоретических источников по проблеме, статистические методы, обобщение данных и сравнительный анализ. В работе предлагается методика расчета уровня дифференциации муниципальных образований на основе системы показателей, представленной выше. Для оценки уровня СЭР муниципальных образований (МО), расчет интегральных показателей выполняется по выделенным блокам. Важно отметить, что МО с городским и сельским населением имеют существенные различия в своем развитии, и поэтому предлагаем анализировать их отдельно. Для начала проводится нормирование данных с использованием методики линейного масштабирования. Этот метод предполагает вычисление расстояний между наибольшими и наименьшими значениями для каждого из показателей, а также между фактическими и минимальными значениями. После этого, максимальному значению будет присвоено значение 1, а минимальному – 0. Интегральная оценка для каждой группы показателей рассчитывается как среднеарифметическое значение. Итоговая интегральная

оценка находится для каждого МО, как среднеарифметическая интегральных оценок представленных блоков. Разделением ранжированного ряда МО по интегральным оценкам средним значением получают две группы. Для каждой из этих групп определяется полярность, как отношение максимального значения к минимальному. Для оценки гетерогенности социально-экономического пространства РБ рассматривается уровень развития по МО на основе интегральных оценок.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для оценки гетерогенности социально-экономического пространства РБ проводится анализ уровня развития МО на основе интегральных оценок. После нормирования показателей, вычисляем интегральные оценки для каждого выделенного блока показателей. Эти оценки были проведены для каждого МО с 2017 г. по 2022 г. Представим коэффициенты полярности в таблице 1.

Таблица 1 – Полярность социально-экономического пространства муниципальных районов Республики Башкортостан

Блоки показателей	Полярность общая		Полярность 1 группа		Полярность 2 группа	
	баз.	отч.	баз.	отч.	баз.	отч.
Экономический блок	30,53	9,48	12,49	3,58	2,44	2,65
Социальный блок	2,26	2,70	1,78	2,21	1,27	1,22
Блок инфраструктуры	8,75	9,21	3,07	3,05	2,85	3,01
Блок управления	1,36	3,26	1,36	3,26	1,30	1,42
Интегральная оценка	2,23	2,39	1,37	1,34	1,63	1,78

Источник: составлено авторами по материалам источника [23]

Наибольшая полярность наблюдается в 1 группе муниципальных районов, которые имеют показатели ниже среднего значения в базовом периоде (2017 г.). При этом наибольшая полярность отмечается в экономическом блоке, в то время как наименьшая полярность наблюдается в блоке управления и социальном. Это объясняет нивелирование полярности в итоговой интегральной оценке. В базовом периоде 44 % муниципальных районов попадают во 2 группу по итоговому интегральному показателю (показатели выше среднего значения), 57 % районов – по экономическому и 43 % – по социальному блоку.

Показатели полярности по городским округам представлены в таблице 2. Наибольшая полярность наблюдается в экономическом блоке как для муниципальных районов, так и для городских округов. Наименьшая полярность отмечается в блоке инфраструктуры для городов. Из проведенного анализа также стало известно, что лидерами, по интегральной оценке, являются города Салават и Уфа. Они демонстрируют высокий уровень развития не только в экономическом, но и в социальном блоке. В экономическом блоке лидерами также являются города Салават и Уфа, что подтверждает их ключевую роль в развитии региона. В социальном блоке лидируют города Уфа и Нефтекамск, что свидетельствует о высоком уровне социального благополучия в данных населенных пунктах. Однако общая полярность интегральной оценки ниже, т.к. для некоторых МО, несмотря на различия в экономическом блоке, итоговая интегральная оценка снижается из-за других блоков. Это указывает на то, что необходима комплексная оценка развития МО, учитывающая все аспекты и показатели, чтобы получить наиболее объективную картину.

Таблица 2 – Полярность социально-экономического пространства городских округов Республики Башкортостан

Блоки показателей	Полярность общая		Полярность 1 группа		Полярность 2 группа	
	баз.	отч.	баз.	отч.	баз.	отч.
Экономический блок	7,89	8,61	3,25	3,48	2,43	2,47
Социальный блок	2,50	2,36	1,85	1,89	1,35	1,25
Блок инфраструктуры	1,93	1,47	1,35	1,58	2,60	2,33
Блок управления	2,86	3,01	2,36	2,48	1,21	1,21
Интегральная оценка	1,29	1,26	1,13	1,15	1,14	1,10

Источник: составлено авторами по материалам источника [23]

Для наглядного представления построим карту ГРНТИ: 060000, 820000; ВАК: 5.2.1.; 5.2.4.; 5.2.5.

региона, отображающую общий интегральный показатель, а также социальный и экономический блоки. Это позволит лучше понять и визуализировать различия в развитии муниципалитетов и определить потенциал для улучшения развития отдельных территорий (рисунок 2).



Рисунок 1 – Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан в 2022 г.

В центральной части региона и вдоль промышленной оси Уфа – Кумертау расположены МО, демонстрирующие более высокие итоговые и экономические показатели. Также стоит отметить, что вдоль географической оси Уфа – Кумертау расположены МО с более развитой инфраструктурой. На севере РБ располагаются МО с показателями ниже среднего значения, за исключением Татышлинского района. В то же время, в северо-западном секторе отмечается высокий уровень социальной сферы. МО с более высоким уровнем развития по блоку управления разбросаны по всей республике.

ОБСУЖДЕНИЕ

В методе количественной оценки уровня гетерогенности, предложенной С. Г. Пьянковой и М. А. Комбаровым, учитываются одновременно два основных показателя – объём ВРП и объём ВРП на душу населения [10]. В исследовании гетерогенности М. Б. Петровым человеческий капитал рассматривается в качестве главного источника экономического роста [11]. И именно воздействие на человеческий капитал сократит гетерогенность. В нашей же работе представлено 22 показателя, характеризующие экономический, социальный, инфраструктурный и управленческие сферы.

Высокая гетерогенность в республике наблюдается в экономическом блоке, что указывает на существенные различия в экономическом развитии различных территорий РБ. При этом развитие инфраструктуры в городах Республики Башкортостан сравнительно однородно и находится на сопоставимом уровне в отличие от сельских районов. Наименьшая полярность отмечается в социальном блоке, что свидетельствует о сопоставимом

уровне развития социальной сферы.

В городских округах развитие инфраструктуры относительно однородно и находится на сопоставимом уровне. Для муниципальных районов наименьшая полярность – в блоке управления, удовлетворенность работой органами местного самоуправления в районах выше, чем в городах республики. Местные органы управления стремятся уменьшить разрыв в СЭР, подтянуть депрессивные территории и улучшить качество жизни.

В центральной части региона и вдоль промышленной оси Уфа – Кумертау расположены муниципальные образования с высокими итоговыми и экономическими показателями с относительно развитой инфраструктурой.

Д. А. Гайнановым и Р.Ф. Гатауллином предложен комплекс инструментов дальнейшего развития полученных точек роста и саморазвития депрессивных районов с целью снижения гетерогенности экономического пространства [9].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Для мониторинга развития региона, поиска управленческих решений и определения результатов воздействия требуется анализ формирования дифференцированного СЭР пространства. Гетерогенность является объективным свойством социально-экономического пространства. При этом высокая полярность может способствовать нарастанию деструктивных социальных и экономических явлений.

В работе предложена методика расчета уровня дифференциации МО на основе показателей СЭР, ранее выведенных с использованием экспертной оценки, регрессионного и кластерного анализа [22]. Выявлено, что наибольшая полярность наблюдается в экономическом блоке как для муниципальных районов, так и для городских округов. Это указывает на существенные различия в экономическом развитии различных территорий республики. Наименьшая полярность отмечается в социальном блоке, что свидетельствует о сопоставимом уровне развития социальной сферы. В городских округах развитие инфраструктуры относительно однородно и находится на сопоставимом уровне. Удовлетворенность работой органами местного самоуправления в районах выше, чем в городах республики.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Результаты данного исследования имеют практическое применение в сфере планирования и управления, включая стратегическое планирование, а также могут служить основой для принятия решений органами власти. В процессе исследования были выявлены депрессивные территории, которые могут стать объектами выравнивающей политики, и выявлены региональные центры роста, которые могут стать объектами стимулирующей региональной политики. Стимулирующая и выравнивающая политики должны дополнять друг друга. Региональные центры роста должны являться источниками внутреннего потенциала для развития регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Допчут А. А. Анализ уровней социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Вестник Тульского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки, no. 1 (89). 2022. С. 13-21. doi:10.24412/2077-5326-10.24411/2221-0458-2022-89-13-21
2. Афанасьева Е.Е., Корева О.В., Тихий В.И. Политика внутрирегионального выравнивания как составная часть региональной политики и инструмент снижения социально-экономической асимметрии внутри субъектов Федерации // Вестник Евразийской науки. 2019. №5. <https://esj.today/PDF/07ECV519.pdf> (доступ свободный).
3. Thünen I. von. *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*, Rostock, 1842.
4. Launhardt W. *Theorie der Kommerziellen Trassierung der Verkehrswege*//*Zeitschrift des Hannoverschen Architekten-und Ingenieur-Vereins zu Hannover*. 1872. v.18. pp. 515–534.
5. Brozović D., Ladan T. *Alfred Weber* // *Hrvatska enciklopedija* (хорв.) — LZMK, 1999. 9272 c.
6. Talandier M., Donsimoni, M. *Industrial metabolism and territorial development of the Maurienne Valley (France)* // *Regional Environmental Change*. 2022. Vol. 22 (1).

7. Hassink R., Kiese M. Solving the restructuring problems of (former) old industrial regions with smart specialization? Conceptual thoughts and evidence from the Ruhr // *Review of Regional Research*. 2021. Vol. 41 (2). Pp. 131–155.

8. Lisch A. *The Economics of Location*. New Haven. Yale University Press. 1954. 200 p.

9. Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 2. С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5

10. Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. (2023). Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 2. С. 52–68. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.3

11. Петров М.Б., Курушина Е.В., Дружинина И.В. Институциональный отклик региональных социально-экономических систем на инвестирование в приращение человеческого капитала: методика оценки // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 3. С. 195–214. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.13

12. Giles, David Calculating the standard error for the Gini coefficient: some additional results. *Oxford Journal of Economics and Statistics*. 2004. V66(3). pp.425–433. doi:10.1111/j.1468-0084.2004.00086

13. Бровкова А.В. Совершенствование подходов к статистическому анализу социально-экономического неравенства и конвергенции регионов России // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2014. № 2. С. 113–117.

14. Зимин А.Ф., Тимирязева В.М. Пространственная организация рынка потребительских товаров // *Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия экономика*. 2016. № 1 (15). С. 44–49.

15. Наумов И.В., Седелников В.М. Прогноз влияния инвестиций на пространственную неоднородность развития отрасли животноводства // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023. Т. 16. № 2. С. 88–111. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.5

16. Гатауллин Р.Ф., Галикеев Р.Н., Аслаева С.Ш. Актуальные проблемы развития сельского хозяйства: монография / Под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р. Ф. Гатауллиной. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. 164 с.

17. Blokhin, A. A. *The Impact of Institutional Factors on Economic Dynamics in the Regions* / A. A. Blokhin, A. A. Likhachev // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. Vol.15. №4. P. 60-73. DOI 10.15838/esc.2022.4.82.4

18. Баяндин М.А. Пространственно-структурная неоднородность экономики: сущность и содержание // *Реформа*. 2011. № 4(52). С.69-73.

19. Ибрагимова И.И. Неоднородность социально-экономического развития регионов, как необходимая предпосылка к их финансовому выравниванию // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2022. №12(146). С. 19-25. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-12-19-25>

20. Нижегородцев Р.М. Поляризация экономического пространства России и парадигма устойчивого неравенства макросистем // *Инновационное развитие экономики*. 2019. №5-2(53). С. 7-13.

21. Решетникова Е.Е. Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов // *Проблемы развития территории*. 2021. Т.25. №1. С. 108-122. DOI: 10.15838/prd.2019.6.104.2

22. Атаева А.Г., Аслаева С.Ш. Методические аспекты оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т.9., № 4(33). С. 45-50. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0008

23. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 20.09.2023

Approved date: 04.10.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 336

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_03



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО БИЗНЕСА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

© Автор(ы) 2023

БАЕТОВА Динар Рахметуловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Экономика, бухгалтерский учет и финансовый контроль»
Омский государственный аграрный университет
644008, Россия, Омск, dr.baetova@omgau.org

SPIN:9753-6951

AuthorID:539301

ResearcherID:AEW-2927-2022

ORCID: 0000-0003-3091-2169

ScopusID: 57201670655

ГОЛОВА Елена Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Экономика, бухгалтерский учёт и финансовый контроль»
Омский государственный аграрный университет
644008, Россия, Омск, ee.golova@omgau.org

SPIN: 9053-9080

AuthorID: 765847

ResearcherID: AAW-5034-2021

ORCID: 0000-0001-7276-6804

Аннотация. Малый бизнес, являясь значимым элементом в национальной экономике, испытывает различные проблемы в своем развитии, которые во многом определяются возможностью привлечения финансирования. Одним из возможных источников финансовых ресурсов для субъектов малого бизнеса является государственная финансовая поддержка. Целью исследования является изучение состояния и эффективности государственной финансовой поддержки развития малого бизнеса на региональном уровне на примере Омской области. На территории Омской области на основе нормативно-правовой базы, регулирующей предоставление государственной финансовой поддержки субъектам малого бизнеса, создана инфраструктура, обеспечивающая работающий механизм данного вида поддержки. Государственная финансовая поддержка предоставляется региональным фондом микрофинансирования по программам микрофинансирования, инвестиционных займов и займов промышленности, а также Министерством экономики Омской области в форме предоставления субсидий и грантов в части компенсации произведенных или планируемых затрат по социально значимым видам деятельности. Ежегодно увеличивается как объем предоставляемой государственной финансовой поддержки, так и количество получателей данного вида поддержки. Об эффективности государственной финансовой поддержки свидетельствует, что на фоне сокращения в Омской области численности зарегистрированных субъектов малого бизнеса, показатели их экономической активности увеличиваются. Излагаемый материал может быть полезен при разработке мер государственной финансовой поддержки малого бизнеса на региональном уровне, а также для дальнейшего изучения эффектов финансовой поддержки малого бизнеса.

Ключевые слова: финансовая поддержка, малый бизнес, грант, субсидия, займ.

STATE FINANCIAL SUPPORT FOR SMALL BUSINESSES AT THE REGIONAL LEVEL

© The Author(s) 2023

БАЕТОВА Динар Рахметуловна, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of
“Economics, accounting and financial control”
Omsk state agrarian University
644008, Russia, Omsk, dr.baetova@omgau.org

ГОЛОВА Елена Евгеньевна, candidate of economic sciences, associate professor of the department of “Economics,
accounting and financial control”
Omsk state agrarian University
644008, Russia, Omsk, ee.golova@omgau.org

Abstract. Small business, being an important element in the national economy, is experiencing various problems in its development, which are largely determined by the possibility of attracting financing. One of the possible sources of financial resources for small businesses is state financial support. The purpose of the study is to study the state and effectiveness of state financial support for small business development at the regional level on the example of the Omsk region. On the territory of the Omsk region, on the basis of the regulatory framework governing the provision of state financial support to small businesses, an infrastructure has been created that provides a working mechanism for this type of support. State financial support is provided by the regional microfinance Fund for microfinance programs, investment loans and industrial loans, as well as by the Ministry of Economy of the Omsk Region in the form of subsidies and grants in terms of compensation for the costs incurred or planned for socially significant activities. Both the volume of state financial support provided and the number of recipients of this type of support increases annually. The effectiveness of state financial support is evidenced by the fact that against the background of a reduction in the number of registered small businesses in the Omsk region, the indicators of their economic activity are increasing. The presented material can be useful in developing measures of state financial support for small businesses at the regional level, as well as for further studying the effects of financial support for small businesses.

Keywords: financial support, small business, grant, subsidy, loan.

ВВЕДЕНИЕ

Малое предпринимательство является одним из ключевых разделов рыночной экономики страны, которое оказывает большое влияние на развитие экономики страны, рост конкурентоспособности отраслей, усиление мер по внедрению инновационных процессов, создание новых рабочих мест и обеспечение большого ко-

личества людей страны доходами, предоставление социальной защиты и улучшения благосостояния населения страны. Данный тезис подтверждается статистическими данными:

1) доля малого и среднего предпринимательства в структуре валового внутреннего продукта Российской Федерации составила 20,1 %, а доля работоспособного

населения Российской Федерации задействованного на предприятиях малого и среднего предпринимательства составила 27 %. При этом, если сравнивать с развитыми мировыми странами, то доля малого и среднего предпринимательства в структуре ВВП их стран существенно превышает долю в РФ, к примеру Великобритания – 51 %, Германия – 53 %, Финляндия – 60 %, Нидерланды – 63 %;

2) в России насчитывается 5,6 млн микропредприятий и 213 тыс. малых предприятий;

3) около 39 % общего оборота бизнеса по стране приходится на долю субъектов малого и среднего предпринимательства.

В настоящее время достаточно много исследований посвящено организации различных форм поддержки коммерческих организаций, в том числе малого бизнеса [1; 2], особенно актуальными исследования государственной финансовой поддержки малого бизнеса стали в условиях пандемии [3]. Однако большая часть средств федерального бюджета, направленного на поддержку производителей, приходится на крупный бизнес [4]. Значимость финансовой поддержки малого бизнеса подтверждается многими исследованиями. Так, в исследовании [5] установлено, что увеличение региональной финансовой поддержки на 1 % обеспечивает увеличение количества занятых на 0,06 %. Большинство из проблем малого бизнеса сводятся к коренной проблеме малого и среднего предпринимательства – нестабильность и ненадежность источников финансирования [6; 7]. Исследование [8; 9] констатирует, что субъекты малого бизнеса отмечают проблемы привлечения заемного финансирования: недоступность кредитов в связи с ложными процессами оформления и высокими ставками. Поэтому финансовая поддержка малого бизнеса является одним из наиболее актуальных направлений государственных поддерживающих программ, направленных на сферу малого предпринимательства, особенно в условиях кризиса, что обеспечивает их финансовую устойчивость [10]. Эффективность мер во многом зависит от инфраструктуры государственной финансовой поддержки [11; 12]. По отраслям и странам функционирования малого бизнеса государственная финансовая поддержка имеет разное значение, и её предоставление определяется не только потребностями бизнеса, но и иными факторами [13; 14]. В противном случае при отсутствии финансовой поддержки малый бизнес может перейти в сектор теневой экономики [15].

Система государственной поддержки предпринимательства строится на основании стратегической программы «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р, главным концептуальным направлением которой является создание комфортных условий для развития предпринимательства в России [16].

Целью исследования является изучение состояния и эффективности государственной финансовой поддержки развития малого бизнеса на региональном уровне на примере Омской области. Излагаемый материал может быть полезен при разработке мер государственной финансовой поддержки малого бизнеса, а также для дальнейшего изучения эффектов финансовой поддержки малого бизнеса.

МЕТОДОЛОГИЯ

Данное исследование опирается на системный подход, согласно которому государственная финансовая поддержка понимается как фактор (элемент системы) развития малого бизнеса, оказывающий влияние на численность субъектов малого бизнеса, объем производимой продукции, устойчивость малого бизнеса и другие показатели деятельности. Субъекты оказания государственной финансовой поддержки рассматриваются в контексте институциональный подход: как организации (органы власти, учреждения) и сложившиеся

правила (процедуры). В работе использованы практические методы исследования (описание, сравнение). Информационной базой являются – нормативные документы, публикации исследователей, данные отчетности Федеральной службы государственной статистики, Министерство экономики Омской области и сведения, размещенные на интернет-портале «Мой бизнес. Омская область» за 2019 – 2022 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Развитие малого бизнеса в Омской области имеет большое значение для инвестиционной привлекательности экономики. Кроме того, на территории Омской области малый бизнес выполняет все те же функции по обеспечению конкурентной среды, мобилизации бизнеса, удовлетворения потребительских нужд населения, производство розничных товаров и услуг. Доля субъектов МСП в формировании ВРП Омской области составляет 25,6 %. Однако за период 2019 – 2022 года наблюдается сокращение количества малых предприятий на 6,3 % (таблица 1).

Таблица 1 – Количество малых предприятий на территории Омской области

Показатель	2019		2020		2021		2022		Темп роста, 2022/2019, %
	кол-во, шт	%	кол-во, шт	%	кол-во, шт	%	кол-во, шт	%	
Всего малых предприятий	2 667	100	2 573	100	2 442	100	2 499	100	93,7
Юридические лица	2 098	79	2 025	79	1 883	77	1 867	75	89,0
Индивидуальные предприниматели	569	21	548	21	559	23	632	25	111,1

Источник: Составлено автором по [17].

При этом изменяется удельный вес в части организационно-правовых форм деятельности: сокращается количество юридических лиц малых предприятий (на 11 %) и увеличивается количество индивидуальных предпринимателей (на 11,1 %), удовлетворяющих критериям малых предприятий.

Согласно данным Омскстата на малых предприятиях (с учетом микропредприятий) трудоустроено 116 тыс. человек, что на 17,77 % ниже показателя 2017 г. (таблица 2). Данное снижение обусловлено сокращением количества малых предприятий, особенно в статусе юридических лиц. Однако, несмотря на сокращение, наблюдается увеличение на 40 % продаж товаров собственного производства и на 59 % товаров собственного производства. Тем не менее, необходимо отметить, что данные приведены в текущих ценах, т.е. без учета инфляции. Также в 1,5 раза увеличился оборот малого бизнеса.

Таблица 2 – Показатели активности малых предприятий Омской области

Показатель	2017	2018	2019	2021	Темп роста 2021/2017, %
Средняя численность работников малых предприятий, чел	140617	129146	111598	116467	82,83
Продаю товаров несобственного производства, тыс. руб.	188316104	243286433	217399621	264576757	140,50
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, тыс. руб.	161789767	202316558	201619324	257074608	158,89
Оборот малых предприятий, тыс. руб.	350105871	445602991	419018945	521651365	149,00

Источник: Составлено автором по [17].

Правительство Омской области сформировало некоммерческую организацию «Омский региональный фонд поддержки и развития малого предпринимательства», с участием которого осуществляется государственная финансовая поддержка малого бизнеса. Данный фонд призван оказывать содействие развитию малого и среднего предпринимательства на территории Омской области, посредством:

оказания содействия субъектам МСП Омской области в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынки Российской Федерации и иностранных государств;

координации мер поддержки субъектов МСП Омской области и мер поддержки экспорта;

обеспечения доступа субъектов МСП Омской об-

ласти, организаций, образующих инфраструктуру поддержки МСП Омской области, а также физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в Омской области, к кредитным и иным финансовым ресурсам, развитию системы гарантий и поручительств по обязательствам МСП Омской области [18].

Исходя из цели деятельности фонда, функции были определены следующим образом:

1. Оказание информационно-аналитической, консультационной и организационной поддержки МСП;
2. Организация обучения, переподготовки, повышения квалификации специалистов;
3. Предоставление поручительств МСП Омской области организациям, образующим инфраструктуру поддержки МСП, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в Омской области, для обеспечения их обязательств;

4. Поддержка экспортно-ориентированных малых и средних предприятий, содействие развитию внешнеэкономических и межрегиональных связей [18].

На территории Омской области предоставляются следующие меры государственной финансовой поддержки:

– микрофинансирование – шесть региональных микрофинансовых программ, направленных на помощь бизнесу в привлечении недорогих заемных средств, в сумме до 5 миллионов рублей, на срок до 3 лет.

– инвестиционные займы – от 5 до 20 млн рублей под 5 % на срок до 7 лет для юридических лиц для реализации инвестиционных проектов – субъекты малого и среднего предпринимательства.

– займы промышленности на разработку новой высокотехнологичной продукции, импортозамещение, лизинг производственного оборудования, реализацию станкостроительных проектов, цифровизацию действующих производств, производство предприятиями ОПК высокотехнологичной продукции гражданского или двойного назначения, производство комплектующих, маркировку товаров и повышение производительности труда.

Микрофинансирование для малого бизнеса предоставляется по программам:

- Общий;
- Надежный клиент;
- Антивирус 2022;
- Старт;
- Экспортер 2022.

Шестая программа микрофинансирования направлена на удовлетворение интересов самозанятых, которые относятся к микропредприятиям.

Микрозайм может быть предоставлен малому бизнесу на следующие цели:

- приобретение товарно-материальных ценностей;
- приобретение основных средств;
- ремонт, достройка, дооборудование, модернизация, реконструкция, техническое перевооружение, частичная ликвидация объектов и иные аналогичные основания изменения основных средств;
- внедрение новых технологий;
- расширение имеющихся направлений деятельности и/или создание нового направления деятельности;
- пополнение оборотных средств, в том числе в целях:
 - уплаты налогов, сборов, пеней, штрафов, процентов;
 - уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды;
 - выплаты заработной платы и иных видов вознаграждений сотрудникам и/или привлеченным лицам;
 - уплаты арендных платежей;
 - уплаты коммунальных платежей.

Процентная ставка по микрозаймам колеблется от 1,0 % до 8 % (таблица 4). При этом по программе «Экспортер 2022» микрозайм предоставляется по ставке 5,0 % до момента поступления выручки по экспортной

операции. В этом случае процентная ставка снижается до 1,0 %. Если же заемщику не удалось выйти на экспорт, то ставка становится равной ключевой ставке ЦБ РФ. По программе «Старт» процентная ставка зависит от наличия гарантии от регионального гарантийного агентства. В целом максимальный срок по микрофинансированию составляет 36 месяцев.

Таблица 4 – Сравнительная характеристика программ микрофинансирования, действующих на территории Омской области для малого бизнеса в рамках государственной поддержки

Параметр	Программы микрофинансирования				
	Общий	Надежный клиент	Антивирус 2022	Старт	Экспортер 2022
Категория получателей	зарегистрированные на территории Омской области более 12 месяцев		зарегистрированные на территории Омской области не менее 1 месяца		
Сумма, руб.	до 5 000 000		до 1 500 000	до 5 000 000	
Срок, мес.	не более 36		не более 24	не более 36	
Процентная ставка	8,0	6,5	6,0	6,5/5,5	5,0/1,0/ключевая ставка

Источник: Составлено автором по [18].

Инвестиционные займы на территории Омской области предоставляются по двум программам: «Первоочередная поддержка» и «Региональная экономика» (таблица 5). Получить займы по обеим программам могут только юридические лица – субъекты МСП. Целью данных займов является обновление, модернизация основных фондов. Вне зависимости от программ процентная ставка едина – 6,0 %, а отличаются они сроками и максимальными суммами займа.

Таблица 5 – Сравнительная характеристика программ инвестиционных займов, действующих на территории Омской области для малого бизнеса в рамках государственной поддержки

Параметр	Программы инвестиционных займов	
	Первоочередная поддержка	Региональная экономика
Сумма, млн руб.	5 - 20	5 - 10
Срок, мес.	до 84	36-60
Процентная ставка	6,0	

Источник: Составлено автором по [18].

Займы промышленности предоставляются по соглашению с федеральным Фондом развития промышленности и позволяют региональному фонду осуществлять совместное финансирование проектов на сумму от 20 до 100 млн рублей, по ставке 1 % и 3 % в соотношении 70 % (федеральные средства) на 30 % (средства регионов).

Государственную финансовую поддержку малого бизнеса также проводит Министерство экономики Омской области посредством предоставления субсидий и грантов (таблица 6).

Таблица 6 – Характеристика мер государственной финансовой поддержки, оказываемой Министерством экономики Омской области, действующих на территории Омской области для малого бизнеса

Форма поддержки	Объемы предоставления	Краткая характеристика формы государственной (муниципальной) поддержки
Субсидия	в размере 50 % от суммы произведенных затрат одним СМСП, но не более 1 млн. рублей	Возмещение части затрат, связанных с приобретением оборудования, IT, станков, приборов, аппаратов, агрегатов, установок, машин, в целях создания и (или) развития и (или) модернизации производства товаров (работ, услуг)
Субсидия	85 % от фактически произведенных (планируемых) расходов на реализацию проекта по созданию Центра времяпрепровождения детей, но не более 600 тыс. рублей	На организацию (создание и (или) развитие) групп дневного времяпрепровождения детей дошкольного возраста и иных подобных им видов деятельности по уходу и присмотру за детьми.
Субсидия в виде гранта	50 % от планируемых расходов, в сфере социального предпринимательства в текущем финансовом году, но не более 500 тыс. рублей. Минимальный размер гранта - 100 тыс. рублей	Для финансового обеспечения затрат на аренду и ремонт нежилого помещения, аренду или приобретения ортехники, оборудования, паушальный платеж и т.д.
Субсидия	85 % от фактически произведенных расходов, но не более 400 тыс. рублей по одному субъекту малого, среднего предпринимательства	Возмещение затрат на аренду и (или) выкуп помещения, ремонт (реконструкцию) помещения, покупку оборудования, мебели, материалов, инвентаря, необходимых для осуществления социально ответственной деятельности; обучением и подготовкой персонала
Субсидия	90 % от фактически произведенных и (или) планируемых инициатором совместного проекта затрат, но не более 1,5 млн. руб.	Финансовое обеспечение (возмещение) части затрат инициаторов совместных проектов, связанных с оплатой аренды и (или) выкупа помещения, ремонта (реконструкцию) помещения, покупки оборудования, мебели, материалов, инвентаря, необходимых для реализации совместных проектов
Субсидия	90 % от фактически произведенных затрат, но не более 500 тыс. рублей одному субъекту малого и среднего предпринимательства	Возмещение затрат, связанных с организационной и проведением дополнительных санитарно-противоэпидемиологических (профилактических) мероприятий по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции.

Источник: Составлено автором по [20].

Эта государственная финансовая поддержка представляется за счет регионального бюджета в соответствии с Государственной программой Омской области «Развитие экономического потенциала Омской области» (Постановление № 266-п) [19]. Данная мера государственной финансовой поддержки предоставляется как компенсацией или финансовое обеспечение затрат, связанных с осуществлением социально-значимой деятельности (центры времяпрепровождения детей, социальное предпринимательство) или обновлением, модернизацией оборудования. Размер субсидий определяется как доля (от 50 % до 90 %) от фактических или планируемых затрат.

Кроме того, существуют ограничения по максимальной сумме поддержки в форме субсидии (от 400 тыс до 1,5 млн рублей на одного субъекта МСП в зависимости от характеристики предоставления субсидии).

Достижение результатов стало возможным благодаря применению в Омском регионе целого комплекса мер поддержки малого и среднего бизнеса:

- принятие Закона Омской области от 17 октября 2008 года N1076-03 «Об отдельных вопросах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на территории Омской области» [21];

- создание Межведомственной Комиссии по развитию малого и среднего предпринимательства при Правительстве Омской области, служащим для устранения споров, которые связаны с развитием и усовершенствованием малого и среднего бизнеса.

По программе «Развитие малого и среднего предпринимательства» всеобщая величина финансирования составляет 3 млрд руб., а по программе «Развитие малого и среднего предпринимательства в Омской области» величина финансирования составляет 1,5 млрд руб. [22]

Среди получателей государственной финансовой поддержки на малые предприятия в Омской области приходится 6,05 % (таблица 7), что на 0,64 п.п. превышает значение по Российской Федерации и на 0,66 п.п. превышает значение по Сибирскому ФО. При этом доля юридических лиц среди малых предприятий – получателей государственной финансовой поддержки по стране в целом составляет 84,01 %, по Сибирскому ФО – 81,6 %, а по Омской области – 72,19 %.

Таблица 7 – Количество малых предприятий-получателей государственной финансовой поддержки

Наименование субъекта Российской Федерации	Всего	Удельный вес малых предприятий, %	малые предприятия, ед.		малые предприятия, %	
			ЮЛ	ИП	ЮЛ	ИП
Российская Федерация	2390191	5.41	108 688	20 692	84.01	15.99
Сибирский ФО	232880	5.39	10 251	2 312	81.60	18.40
Омская область	26151	6.05	1 142	440	72.19	27.81

Источник: Составлено автором по [23].

За 2019 – 2021 года Региональным фондом микрофинансирования суммарно было выдано 706,45 млн руб. займов. За указанный период выдача займов в рамках государственной финансовой поддержки увеличилась в 3,6 раз (таблица 8). Однако в большей степени (в 5,7 раз) увеличилась выдача иных займов (кроме микрозаймов), что привело к изменению структуры оказываемой поддержки. Тем не менее на выдачу микрозаймов приходится 78 % государственной финансовой поддержки, предоставляемой через Региональный фонд микрофинансирования.

Таблица 8 – Предоставленная государственная финансовая поддержка малому бизнесу Омской области

Вид государственной финансовой поддержки	2019		2020		2021		Темп роста, 2021/2019, %
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	
на выдачу микрозаймов	79483	85.92	243504	87.97	263018	78.01	330.91
на выдачу иных займов	13030	14.08	33300	12.03	74120	21.99	568.84
Всего	92513	100	276804	100	337138	100	364.42

Источник: Составлено автором по [18].

В целом по категории малого и среднего предпринимательства объемы предоставляемой государственной финансовой поддержки в Омской области значительно

разнятся в течение года (рисунок 1).

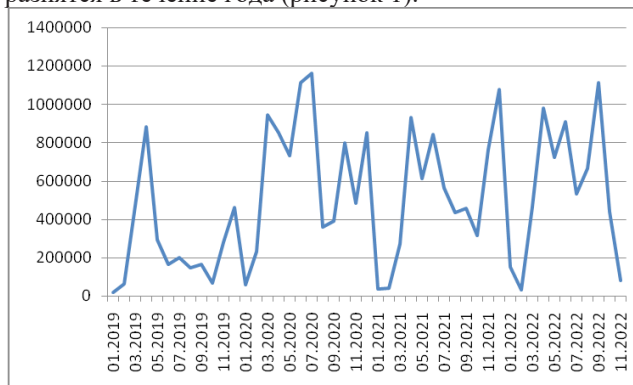


Рисунок 1 – Объем государственной финансовой поддержки МСП по Омской области, тыс. руб
Источник: Составлено автором по [23].

Наибольший объем финансовой поддержки субъектам МСП приходится на 2020 год, но при этом 2021 и 2022 года превосходят значения 2019 года.

Наибольшее количество субъектов МСП, получивших финансовую поддержку приходится на 2020 год, а именно на июнь 2020 года (рисунок 2). Также значительно количество получателей государственной финансовой поддержки пришлось на ноябрь 2021 года. Небольшие пики количества получателей государственной финансовой поддержки МСП по Омской области ежегодно отмечаются в апреле.

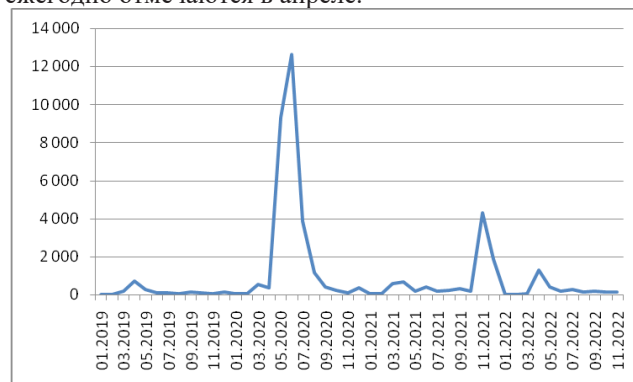


Рисунок 2 – Количество получателей государственной финансовой поддержки МСП по Омской области, единиц

Источник: Составлено автором по [23].

Среди субъектов МСП, являющихся получателями государственной финансовой поддержки, преобладают индивидуальные предприниматели, большая часть из которых относится к микро предприятиям (таблица 9).

Таблица 9 – Категория субъектов МСП – получателей государственной финансовой поддержки по Омской области

Вид получателя поддержки	Количество	Удельный вес, %
Юридические лица	3 849	20.95
Самозанятые	33	0.18
Индивидуальные предприниматели	14 493	78.89

Источник: Составлено автором по [23].

Среди мероприятий по оказанию государственной финансовой поддержки в Омской области преобладают меры на невозвратной основе – предоставление субсидий и грантов (89,8 %). Только 15,1 % случаев оказания финансовой поддержки приходится на предоставление займов (т.е. финансирования на возвратной основе) (таблица 10). На гарантии и поручительства, предоставляемые различными инфраструктурными объектами, приходится 5,58 %.

Таблица 10 – Формы и виды оказанной поддержки по Омской области по получателям, ед.

Форма оказания поддержки	Количество	Удельный вес, %
Предоставление гарантий и поручительств	1 026	5,58
Предоставление финансирования на возвратной основе	2 774	15,1
Предоставление субсидий и грантов	16 498	89,8

Источник: Составлено автором по [23].

За 2021 – 2019 гг. оборот малых предприятий увеличился на 36,42 % (таблица 11). Наименьший прирост наблюдается в оптовой и розничной торговле, что объясняется увеличением присутствия федеральных сетей розничной торговли, использования маркетплейсов и онлайн-заказов с доставкой «до дверей». Незначительный прирост оборота в строительстве, здравоохранении и электроэнергетике объясняется преобладанием в этих видах деятельности среднего бизнеса.

Таблица 11 – Оборот малых предприятий Омской области по видам экономической деятельности

Отрасль	2019		2020		2021		Темп роста: 2021/2019, %
	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	
Всего по области в том числе:	208026,9	100	220590,1	100	283795	100	136,42
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	6570,6	3,2	8829	4	11807,3	4,2	179,70
обрабатывающие производства	32919	15,8	39954,9	18,1	53717	18,9	163,18
строительство	30761,7	14,8	32349,7	14,7	36258,1	12,8	117,87
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	99135,6	47,7	93700,7	42,5	121757,9	42,9	122,82
транспортная и складская деятельность по операциям с недвижимым имуществом	12226,4	5,9	13968,9	6,3	17404,5	6,1	142,35
прочие	8747,8	4,2	8879,6	4	10853,6	3,8	124,07

Источник: Составлено автором по [17].

ВЫВОДЫ

Таким образом, на территории Омской области малый бизнес представлен юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. В структуре малых предприятий преобладают юридические лица (75 %), наблюдается их сокращение и увеличение количества индивидуальных предпринимателей. Малый бизнес присутствует практически во всех сферах деятельности: от строительства, электроэнергетики до традиционной сферы для малого бизнеса оптовой и розничной торговли. Несмотря на сокращение численности субъектов малого бизнеса в Омской области, показатели их экономической активности увеличиваются.

На территории Омской области разработана соответствующая нормативно-правовая база, регулирующая предоставление государственной финансовой поддержки субъектам малого бизнеса, создана инфраструктура, обеспечивающая рабочий механизм данного вида поддержки. Несмотря на сокращение количества субъектов малого бизнеса наблюдается рост оборота практически по всем сферам деятельности малого бизнеса. Государственная финансовая поддержка предоставляется региональным фондом микрофинансирования по программам микрофинансирования, инвестиционных займов и займов промышленности, а также Министерством экономики Омской области в форме предоставления субсидий и грантов в части компенсации произведенных или планируемых затрат в большинстве по социально значимым видам деятельности. Ежегодно увеличивается как объем предоставляемой государственной финансовой поддержки, так и количество получателей данного вида поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Завьялова Н.Б., Сагинов Ю.Л. Методологические аспекты управления развитием технопарков // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – № 2. – с. 225–240.
2. Понкратов В. В., Кузнецов Н. В. Налоговое стимулирование инвестиционной активности в России // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2017. – № 11. – с. 134–140.
3. Топчи, Ю. А. Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях борьбы с пандемией COVID-19 / Ю. А. Топчи, Д. А. Мешкова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 3, № 11(119). – С. 180–185. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2021.11.03.028. – EDN DCLLVB.
4. Балынин, И. В. Финансовая поддержка отечественных производителей в контексте достижения национальных целей развития Российской Федерации: ключевые проблемы и предложения по их решению / И. В. Балынин // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 317–340. – DOI 10.18334/vinec.12.1.114300. – EDN

KEVOLK.

5. Заблоцкая, В. В. Оценка эффективности региональной финансовой поддержки и прогнозирование занятости в секторе малого и среднего бизнеса Краснодарского края / В. В. Заблоцкая, Г. И. Фоцан, Т. С. Шакирова // Экономика: теория и практика. – 2021. – № 2(62). – С. 48–60. – DOI 10.31429/2224042X_2021_62_48. – EDN NJROEP.
6. Козырев, А. В. Меры по поддержке малого бизнеса в кризисных условиях: международный опыт и российская практика / А. В. Козырев // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 267–284. – DOI 10.18334/epp.11.2.111633. – EDN FFSWVI.
7. Li Y. Analysis of Financing Difficulties for Small and Medium-sized Businesses and Solutions. Advances in Economics Management and Political Sciences. 2023. Vol. 24(1).P. 294-299. DOI: 10.54254/2754-1169/24/20230453
8. Морозко, Н. И. Финансовые и нефинансовые меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на 2021 год и среднесрочную перспективу / Н. И. Морозко, Н. И. Морозко, В. Ю. Диденко // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 31–40. – DOI 10.26794/1999-849X-2021-14-1-31-40. – EDN JDWWET.
9. Changwasha M., Mutezo A. T. The relationship between financial literacy and financial access among SMES in the Ekurhuleni municipality. Acta Commercii. 2023. Vol. 23(1). DOI: 10.4102/ac.v23i1.1142
10. Hamid N., Sanusi S., Norizan S. Determinants of Business Resilience Framework for Small Businesses: Moderating Effects of Financial Literacy. Review of Economics and Finance. 2023. Vol. 21. p. 55-65. DOI: 10.55365/1923.x2023.21.6
11. Kapranova, L. D. Financial And Economic Mechanisms Of State Support For Smes In Russia. In S. I. Ashmarina, V. V. Mantulenko, M. I. Inozemtsev, & E. L. Sidorenko (Eds.), Global Challenges and Prospects of The Modern Economic Development, vol 106. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. pp. 854-866. European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.02.102>
12. Subashini G., Sofia R., Gade S. A Study on the Association of Entrepreneurship Ecosystem with Financial Inclusion. International Journal of Professional Business Review. 2023. Vol. 8(4). DOI: 10.26668/businessreview/2023.v8i4.1241
13. Musagaliev A. J., Dustova M. Fertile grounds: econometric analysis of financial support for agricultural enterprises. BIO Web of Conferences. 2023 Vol.66(2) DOI: 10.1051/bioconf/20236614012
14. Mago S., Modiba F. S. Does informal finance matter for micro and small businesses in Africa? Small Business International Review. 2022. Vol. 6(1). DOI: 10.26784/sbir.v6i1.415
15. Abdildinova N. Current state and directions of state support for small and medium-sized businesses. Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade. 2022. Vol. 4 (49) DOI: 10.52260/2304-7216.2022.4(49).1
16. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-п (ред. от 30.03.2018) // Гарант : офиц. сайт. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/> (Дата обращения 09.09.2023)
17. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: офиц. сайт. – URL: <https://omsk.gks.ru/about> (Дата обращения 09.09.2023)
18. Мой бизнес. Омская область: офиц. сайт. – URL: <http://мой-бизнес-55.rf/> (Дата обращения 09.09.2023)
19. Развитие экономического потенциала Омской области: Государственная программа Омской области (утверждена постановлением Правительства Омской области от 16.10.2013 № 266-п) // Гарант : офиц. сайт. – URL: <https://base.garant.ru/15599214/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (Дата обращения 09.01.2023)
20. Развитие предпринимательства // Министерство экономики Омской области: офиц. сайт. – URL: <https://omskportal.ru/oiv/mec/etc/Business> (Дата обращения 09.09.2023)
21. Об отдельных вопросах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на территории Омской области: Закон Омской области от 17.10.2008 № 1076-ОЗ (ред. от 11.02.2009) : [принят Законодательным Собранием Омской области 30.09.2008] // Гарант : офиц. сайт. – URL: <https://base.garant.ru/15555254/> (Дата обращения 09.09.2023)
22. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 04.11.2022) : [принят Государственным Думой 6 июля 2007 г. : одобрен Советом Федерации 11 июля 2007 г.] // Гарант : офиц. сайт. – URL: <https://base.garant.ru/12154854/> (Дата обращения 09.09.2023)
23. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки: офиц. сайт. – URL: <https://rmspp.nalog.ru/> (Дата обращения 09.09.2023)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 29.09.2023

Approved date: 13.10.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 330.8

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_04



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ: ТРЕБОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© Автор(ы) 2023

БРИЖАК Ольга Валентиновна, доктор экономических наук, доцент,
профессор Департамента экономической теории
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, Россия, Москва, brizhak71@mail.ru

SPIN: 6765-1210

AuthorID: 280260

ORCID: 0000-0003-3744-0950

ScopusID: 57202497278

Аннотация. Современный этап развития любой экономической системы характеризуется продолжающимися трансформационными изменениями, обусловленными противоречивыми и разнонаправленными процессами хозяйственного развития, в результате которых формируются ключевые проблемные зоны. Одной из таких проблемных зон является процесс формирования новой экономической реальности, которая увеличивает потребность в креативном потенциале, необходимом для реализации крупных проектов компаний и решения задач новой технологической революции. Стремительные изменения в экономике определяют ведущие позиции созидательному и креативному началу человека, что обеспечивает значительные успехи в происходящих трансформациях и расширении границ взаимодействия предприятий и системы экономики между собой, так как в границах таких взаимодействий повышается самооценка национальной экономической культуры, приобретает форма ее выражения и реализуются определенные цели и задачи развития, которые были поставлены. В статье рассматриваются процессы генерации и использования креативного потенциала современных корпоративных структур с учетом требований новой экономической реальности. Раскрыта диалектическая связь между креативным потенциалом компании и ее конкурентоспособностью; выделен интеллектуальный компонент креативного потенциала человека, обоснованы инструменты активизации воспроизводства креативного потенциала в условиях новой экономической реальности

Ключевые слова: креативный потенциал, интеллектуальный капитал, корпорация, новая экономическая реальность, трансформации, бизнес, партнерство, контракт.

CREATIVE POTENTIAL OF MODERN CORPORATIONS: REQUIREMENTS OF A NEW ECONOMIC REALITY

© The Author(s) 2023

BRIZHAK Olga Valentinovna, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory
Financial University under the Government of the Russian Federation
125993, Russia, Moscow, brizhak71@mail.ru

Abstract. The current stage of development of any economic system is characterized by ongoing transformational changes due to contradictory and multidirectional processes of economic development, as a result of which key problem areas are formed. One of these problem areas is the process of formation of a new economic reality, which increases the need for creative potential necessary for the implementation of large projects of companies and solving the problems of a new technological revolution. Rapid changes in the economy determine the leading positions of the creative and creative beginning of a person, which ensures significant success in the ongoing transformations and expansion of the boundaries of interaction between enterprises and the economic system, since within the boundaries of such interactions the self-esteem of the national economic culture increases, a form of its expression is acquired, and certain development goals and objectives that have been set. The article deals with the processes of generation and use of the creative potential of modern corporate structures, taking into account the requirements of the new economic reality. The dialectical connection between the creative potential of the company and its competitiveness is revealed; the intellectual component of a person's creative potential is singled out, the tools for enhancing the reproduction of creative potential in the new economic reality are substantiated

Keywords: creative potential, intellectual capital, corporation, new economic reality, transformations, business, partnership, contract.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформационные процессы, происходящие в системе экономики, меняют логику и направление развития традиционных форм повышения конкурентоспособности компании и наращивания ее конкурентных преимуществ. Претерпевает изменения структура мировой экономики, где развиваются процессы четвертой промышленной революции, опирающиеся на генерацию новых идей и результаты интеллектуальной деятельности человека [1]. Идеи, творческие люди, технологии, информация становятся новыми доминантами современной эпохи, а цифровая реальность приобретает качественный рывок в развитии. Вместе с указанными процессами основные акторы экономики перестраиваются на более прогрессивную модель развития. Налицо формирование новой экономической реальности, которая увеличивает потребность в креативном потенциале, необходимом для реализации крупных проектов компаний и решения задач новой технологической революции [2]. Все качественные изменения в мире, описываемые данным феноменом, представляют собой и различные аспекты движения капитала: характер конкурентного взаимодействия; ресурсное обеспечение потребностей

инвестиционного процесса; упорядочивание движения капитала; обеспечение условий для монопольного доминирования; выдвигание целей и задач в ходе публичного регулирования развития капитала. Фаза новой реальности, изобилующая сложными и острыми проблемами, дополнительно усиливает указанную потребность. Вместе с тем, цель расширенного воспроизводства креативного потенциала предполагает применение особых механизмов образования, общекультурного развития, инвестирования указанного воспроизводства и интеграции сформированного интеллектуального капитала в преобразуемую структуру общественного производства. Для формирования таких механизмов необходим вклад уже существующего креативного потенциала [3].

Вышесказанное дает основание полагать о необходимости более глубокой разработки понятийного аппарата в решении выбранной научной проблемы и конструировании соответствующего концепта с учетом требований новой экономической реальности.

За последние годы в мире, как уже было сказано выше, произошли значительные качественные изменения, которые стали результатами глубочайших и очень быстро протекающих преобразований, которые не-

сколько десятилетий сотрясали и продолжают сотрясать жизнь общества. В основе таких преобразований – технологические сдвиги, результаты которых вынуждают общество осваивать новые знания, навыки и способы деятельности, переходить к применению гибких способов организации и упорядочивания хозяйственных процессов [4]. Практика показала, что установилась новая экономическая реальность, которая безжалостно разрушает все то, что не вписывается в ее контекст. Огромную роль в таких трансформационных процессах призвана играть национальная интеллектуальная элита, наделенная огромными возможностями в формировании экономики знаний. Новая реальность требует обеспечить ей расширенный доступ к разработке новых идей и решений в области политики развития на основе конкурентного взаимодействия [5].

Ключевая идея выдвижения современных целей развития в условиях новой реальности – это осуществление прорыва, позволяющего выйти на глобальный уровень конкурентоспособности и возвысить голос страны в мире [6]. Сегодня Россия пытается сохранить глобальное лидерство, опираясь на уникальные размеры своей территории, военную мощь и огромные объемы добычи полезных ископаемых. Однако могущество современного мира заключается не только в этом, но и в знаниях, технологиях, продвинутых компетенциях людей, гибких организационных механизмах и институтах, извлеченных и созданных творческими силами свободных высокообразованных людей [7].

Россия, столкнувшись с оттоком интеллектуального и финансового капитала, капитала внешних инвесторов и с существенными ограничениями доступа к ресурсам мировых финансовых и технологических рынков, тем не менее, смогла к ним адаптироваться и даже извлекла из них некоторые выгоды, в том числе, обеспечила значительный рост производства продовольственной продукции. Пример России показывает, что в новой реальности рассчитывать на национальные силы развития значительно вернее, чем уповать на идеи Вашингтонского консенсуса. Приток свежих интеллектуальных сил даст эффективные идеи и решения, позволяющие преодолеть затяжную стагнацию [8; 9].

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование направлений развития креативного потенциала в современных условиях новой реальности предполагает опору на методологическую платформу, раскрывающую понятие, уровни, функциональное содержание, и специфику образования креативного потенциала в корпорации, интегрируя потенциал теории человеческого капитала, теории социальной экономики, теории воспроизводства, теории социально-экономических трансформаций. Новая реальность требует от современных корпоративных структур, прежде всего, готовности к жесткой глобальной конкуренции и предполагает, помимо усиления публичного контроля деятельности крупнейших интегрированных субъектов, проведение изменений, назревших в их внутренней среде:

- создание интеллектуального ядра развития на основе привлечения обладателей творческого потенциала для выдвижения новых идей и разработки нестандартных решений в соответствии с ключевыми направлениями деятельности интегрированного субъекта [10];

- широкое использование возможностей бюджетирования для обеспечения целевого расходования имеющихся средств;

- поддержка конкуренции во внутренней среде, обеспечивающей возможности оптимизации затрат, а также позволяющей оценить эффективность работы отдельных структурных подразделений интегрированного субъекта и его должностных лиц;

- поддержка инициатив управляющих, специалистов и других работников, направленных на создание новых конкурентных преимуществ, создание для этого целевых фондов стимулирования из прибыли [11; 12].

Новая реальность предъявляет к современным корпорациям российской экономики требование переходить на гибкие способы организации. Жесткие организационные механизмы уходят в прошлое, поскольку они не приспособлены к глубоким и динамичным изменениям и тормозят принятие решений. На смену им идут гибкие организационные механизмы, позволяющие быстро адаптироваться к изменениям. Крупные интегрированные субъекты, наделенные большой инерцией и обилием функций, многие из которых бывают редко востребованы, распадаются на ряд самостоятельных субъектов, обладающих большей подвижностью и связанных между собой через рынок.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Корпоративные структуры, создающие продукцию с высокой долей добавленной стоимостью, действуют в технологическом секторе промышленности, производстве современных товаров личного потребления, занимающих довольно скромную долю в российской экономике. Они играют определяющую роль в становлении новой экономики знаний, соответственно, по их доле можно судить о потенциале развития российского общества [13].

Конкурентоспособность и адаптивность современных корпораций в условиях современных трансформаций объясняется формированием в ней особого интеллектуального ядра, представляющего собой особую организационную форму ее совокупного творческого потенциала. Существование такого интеллектуального ядра дает возможность корпорации решать важные задачи по адаптации к внешней среде, разработке и реализации качественных управленческих решений, что обеспечивает воспроизводство корпоративного капитала и конкурентоспособность корпорации. Такие корпорации на каждой ступени эволюции своего развития органично встраиваются в развитие системы экономики, адаптируются к условиям системных социально-экономических преобразований [14; 15].

Современные преобразования высвечивают два ключевых вопроса в этой сфере:

1. Генерация интеллектуального капитала, представляющего собой форму капитализации креативных возможностей человеческого фактора экономики. Для обладателей данного капитала, в отличие от владельцев рабочей силы, характерно партнерское взаимодействие с владельцами иных форм капитала и, соответственно, участие в прибыли, извлекаемой от реализации предложенных ими идей высокоэффективных капитальных комбинаций. Этот сектор обеспечивает субъектный потенциал корпорации, ее адаптивность в контексте глубоких и динамичных преобразований [16].

2. Репродукция технологий, обеспечивающей потребности корпорации в объектных средствах реагирования на вызовы из внешней среды. Ядро такого сектора представлено совокупностью регулярно обновляемых нематериальных активов, позволяющих создавать актуальные технологии, востребованные для них виды оборудования, организационные механизмы, схемы управления и другое [17].

Обоснование механизма генерации креативного потенциала корпорации в российской экономике базируется на факторах, влияющих на результаты генерации креативного потенциала корпорации и наличие у общества специальных механизмов селекции и развития людей, обладающих необходимыми предпосылками генерации креативного потенциала и его дальнейшей успешной капитализации.

Представляется, что в контексте современных преобразований российской экономики основными способами генерации креативного потенциала корпорации будут следующие:

- создание научно-индустриальных кластеров, ядрами которых призваны стать классические и технологические университеты;

- предоставление таким кластерам благоприятных

институциональных условий, в том числе, налоговых, инвестиционных и иных предпочтений;

- создание современной инфраструктуры рынка нематериальных активов, связанной с инфраструктурой финансового рынка;

- государственная поддержка спроса на интеллектуальный капитал, необходимого для развития репродукции технологий.

Современные корпорации, поскольку они стремятся встроиться в новую экономическую реальность, должны развивать условия реализации и механизмы генерации креативного потенциала; продвигать имидж корпорации, которая сможет стать привлекательной для талантов; создавать инновационную инфраструктуру соответствующую интеллектуальному уровню креативных работников и использовать ее для создания экосистемы корпорации и стартап-проектов; повышать долю занятых в сфере научных разработок на уровне мировых продвинутых компаний, повышать расходы на НИОКР и их эффективность [18].

Процесс создания и воспроизводства креативного потенциала корпорации в условиях рыночной экономики должен быть в центре внимания современных преобразований и выстраивать отношения с владельцами капитализированной стоимости креативного потенциала корпорации необходимо на основе партнерства, на основе участия в прибыли, получаемой от реализации предложенных капитальных комбинаций, а не на основе трудового договора [19].

На основе выборки данных финансовой отчетности крупнейших российских корпораций оценим рейтинг крупнейших корпораций, опирающихся на используемые факторы конкурентоспособности (таблица 1).

Таблица 1 – Рейтинг крупнейших российских корпораций на конец 2019 года

Корпорация	Рейтинг по рыночной капитализации компании		Рейтинг по выручке компании		Рейтинг по штату сотрудников	
	Ранг	Млрд руб.	Ранг	Млрд руб.	Ранг	Млрд руб.
Газпром	1	98,1	1	8224	2	466100
Сбербанк	2	88,5	4	3160	6	293752
Роснефть	3	77,1	3	6850	4	308000
Лукойл	4	71,7	2	7479	12	102500
Новатэк	5	61,9	16	832	*	15445
Норильский никель	6	49,2	21	729	16	75900
Газпром нефть	7	32,2	-	-	-	-
Сургутнефтегаз	8	29,3	7	1537	11	115000
Татнефть	9	29,9	15	911	*	60000
Полюс	10	15,2	83	185	*	19674

* не входит в 20-ку лидеров

Источник: Составлено автором по данным источника [20]

Как показывают данные рейтингов, в десятку крупнейших корпоративных структур российской экономики входят в основном сырьевые корпорации, что говорит об экстенсивном пути развития системы экономики, делающей ставку на использование природных ресурсов. Такой подход свидетельствует о необходимости перестройки структуры экономики и ориентации на развитие других капитальных и человеческих (интеллектуальных) ресурсов, увеличение количества инновационных компаний, нацеленных на генерацию креативного потенциала.

Таблица 2 – Расходы на обучение персонала четырех наиболее крупных корпораций РФ, 2019 г.*

Название компании	Выручка 2019 г., млрд руб.	Расходы на обучение, млрд руб.	Наличие корпоративного университета
Газпром	8224	5,8	Да
Лукойл	7479	0,8	Нет*
Роснефть	6850	2,5	Нет*
Сбербанк	3160	4,6	Да

*означает наличие в корпорации внутренней системы обучения, которая не выделена в структуру корпоративного университета

Источник: Составлено автором по данным компаний

Данные таблицы 2 демонстрируют результаты функционирования ведущих отечественных корпораций, развивающих интеллектуальные способности персонала, о чем свидетельствуют высокие расходы на обучение сотрудников и наличие корпоративных университетов. К таким компаниям относятся «Газпром» и «Сбербанк» («Сбер»).

В корпорациях, имеющих собственные корпоративные университеты, существует возможность воспроизводства креативного потенциала корпорации. Нацеленность на систему внутреннего обучения позволяет компаниям достигать более высоких показателей конкурентоспособности.

В процессе управления современной корпорацией необходимо учитывать цели, которые топ-менеджмент корпоративной структуры определяет в качестве вектора ее функционирования и дальнейшего развития. Здесь необходимо учитывать способность корпорации предугадывать изменения внешней среды и реализовывать корпоративную политику в соответствии с меняющимися условиями хозяйствования [21]. К перечню целей, которые могут быть выдвинуты корпоративной структурой в процессе ее адаптации к происходящим трансформациям внешней среды, относятся:

- необходимость своевременного обновления креативных компетенций персонала в соответствии с происходящими технологическими сдвигами и переходом к цифровой экономике;

- генерация собственных институтов, иницирующих и поддерживающих формирование и развитие креативного потенциала корпорации;

- обеспечение постоянного притока новых знаний и регулирование информационных потоков в корпорации, направленных на приращение креативного потенциала;

- обеспечение условий эффективности иницируемых в корпорации организационных преобразований;

- концентрация внимания на миссии формирования креативного потенциала корпорации;

- институционализация корпоративной среды креативного потенциала, включающей нормы, контракты, статусы поведения, процедуры.

При выдвигании целей развития креативного потенциала важно соблюсти баланс между сложившимся состоянием эффективного функционирования корпорации и ее стремлением к определенным изменениям креативного характера, чтобы не дестабилизировать существующий процесс управления.

ОБСУЖДЕНИЕ

В современных условиях происходящих социально-экономических преобразований, в эпоху экономики знаний и лаунжа креативных идей назрела острая необходимость наращивания инновационного потенциала во многих отраслях и сферах российской экономики. В российской экономике реализуются инвестиционные проекты в стратегически важных отраслях, активно создаются специальные плацдармы инновационного развития, основной задачей которых является поиск новых идей и технологий и передача их корпоративному сектору, что позволит восполнить дефицит креативного потенциала в корпорациях. Такое фокусирование носителей креативного потенциала позволило создать такие структуры, как РОСНАНО, Фонд «Сколково» и другие структуры [22]. Однако, если оценить деятельность вышеназванных структур в поле развития и воспроизводства креативного потенциала в российских корпорациях, то можно сделать следующие выводы:

- генерация креативного потенциала происходит только в рамках данных плацдармов инновационного развития, а не в самих корпорациях, что не позволяет учитывать специфику деятельности последних и спец-

ифику внутренней среды, которые способствует отторжению создаваемых инноваций или их внедрению;

- носители креативного потенциала приглашаются из-за рубежа, что может привести к тому, что они по истечению срока трудового контракта, или иных обстоятельств, вернуться на родину, что приведет к нехватке высококлассных специалистов;

- в рамках корпоративных структур не происходит инициация спроса на креативный потенциал, т.к. данный потенциал «вносится» в корпорации из вне;

- отсутствуют детализированные партнерские контракты с обладателями креативного потенциала корпорации.

В целях выявления адекватности используемых в современных российских корпорациях партнерских контрактов был проведен анонимный опрос 63 работников 3 крупных корпораций («Газпром», «РЖД», «Лукойл»), занимающих управленческие должности (рисунок 1) [23].



Рисунок 1 – Типы контрактов, которые заключаются в современных российских корпорациях с обладателями креативного капитала по экспертным оценкам (по данным источника [23])

Анализируя данные, представленные на рисунке 1, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, эксперты из числа сотрудников корпораций согласны с тем, что наиболее приемлемым видом контракта между корпоративными структурами и обладателями креативного потенциала является партнерский контракт, который крайне редко встречается в отечественной практике;

- во-вторых, опрос показал слабо выраженные условия, направленные на капитализацию креативного потенциала работников корпоративных структур, что может приводить к «вымыванию» обладателей креативного потенциала во внешнюю по отношению к корпорациям среду;

- в-третьих, затрудняется генерация эффективных капитальных комбинаций в корпорациях за счет недооценки креативного капитала его обладателями.

В процессе генерации креативного потенциала в корпоративных структурах необходимо помнить, что невозможно создавать вмененные руководством креативные результаты. К сожалению, специфика корпоративных структур заключается в наличии жесткой вертикали администрирования, которая зачастую довлечет над всеми креативными инициативами, выдвигаемыми во внутренней среде корпорации.

Следует учитывать изменчивость профилей компетенций работников, которые модифицируются вслед за технологическими и организационными изменениями, что позволяет им превращаться в «динамические портфели». Следовательно, корпорации должны ориентироваться не на штат сотрудников, а на организационный skills stock, т.е. на совокупный «портфель компетенций» сотрудников разных профессий, который позволяет формировать под конкретные задачи и проекты разные наборы компетенций, необходимые в каждом случае [24].

Служба исследований компании HeadHunter провела опрос, в ходе которого выяснилось, что многие работники считают свою работу креативной (рисунок 2).

На ваш взгляд, без чего креативный работник не может обойтись ни в коем случае?



Рисунок 2 – Ключевые компетенции креативного работника по опросам экспертов компании HeadHunter (по данным источника [24])

По результатам проведенного опроса респонденты выделили три ключевых компетенции креативного работника: по мнению большинства – это гибкость мышления – 63 %, изобретательность отметили 50 % и талант – 42 %.

Большинство опрошенных отметили, что в их работе присутствует элемент творчества. 8 %, однако, затруднились ответить креативная их работа или нет [25].

Решая вопрос дефицита новых компетенций, востребованных в условиях технологических и организационных трансформаций, корпоративные структуры более ориентированы на привлечение новых специалистов, чем на обучение собственного персонала [26].

Такой подход негативно влияет и на стратегическое развитие российских корпоративных структур, вынуждая их «копировать» уже имеющиеся технологии или «покупать» заведомо устаревшие. Становится очевидно, что от того, как будут реализованы процессы встраивания креативного потенциала в систему современных корпораций будет зависеть будущее инновационного развития этих компаний и стратегическая траектория развития страны.

ВЫВОДЫ

Анализ развития современных корпораций в решении проблем, которые концентрируются в их пространстве, показал значимость необходимости встраивания креативного потенциала в систему корпорации, которое практически невозможно без создания условий для капитализации указанного потенциала. В настоящее время категория креативного потенциала в научном и правовом поле до сих пор остается неопределенной и размытой. Однако эта неопределенность исчезает, как только мы представим четкую грань между обычной способностью человека к какой-либо деятельности и креативным потенциалом, со свойственной ему способностью создавать уникальные технологии, уникальные организационные формы и механизмы, уникальные институты и способы дизайна, уникальные продукты и услуги. Именно уникальность обеспечивает ту грань, которая отделяет способность работника к труду от креативной деятельности. Если такой креативный потенциал в пространстве корпорации находить возможности капитализации, если он является инициатором создания уникальных капитальных комбинаций, тогда корпорации имеют все возможности для решения острых и нерешенных проблем новой экономической реальности и улучшения своих конкурентных позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Florida R. *Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. Basic Books, 2008.
2. Brizhak O.V., Chikanova E.S. *From previous economic order to new economic reality. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. Т. 372. С. 347-353.
3. Брижак О.В. *Институциональные ловушки развития креативного потенциала корпорации // Экономическая наука современной России*. 2021. № 3 (94). С. 87-96.
4. Бодрунов С. Д. *Стратегия прорыва: ресурсы и возможности // Экономическое возрождение России*. 2018. № 6. С. 52-70.

5. Хвещкович, Н. А. [Концепции креативной энергии в теории интеллектуального капитала](#) // [Креативная экономика](#). 2019. № 7. С. 1293-1312.
6. Левашов В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества // Социологические исследования. 2012. № 12 (344). С. 12-22.
7. Головчин, М. А. [Востребованность работника «нового типа» и его компетенций в российской экономике](#) // [Вестник Гуманитарного университета](#). 2019. № 4. С. 100-111.
8. Клейнер Г.Б. Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // [Экономическое возрождение России](#). 2020. № 2 (64). С. 59-69.
9. Клейнер Г.Б. Системная экономика: шаги развития: монография. М.: Научная библиотека, 2021. 746 с.
10. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // [Экономическое возрождение России](#). 2020. № 1(63). С. 35-42.
11. Щепакин М.Б., Брижак О.В. [Внутрикорпоративные экономические отношения: специфика России](#): монография / (2-е издание, переработанное и дополненное) Краснодар, 2015. 207 с.
12. Шинкевич А.И., Киселев С.В., Галимулина Ф.Ф. [Диагностика эффективности управления когнитивными технологиями в сфере услуг](#) // [Экономический вестник Республики Татарстан](#). 2022. № 4. С. 25-29.
13. Клейнер Г.Б. Системная модернизация отечественных предприятий: теоретическое обоснование, мотивы, принципы // [Экономика региона](#). 2017. Т. 13, вып. 1. С. 13-24.
14. Brizhak O.V., Romanets I.I. [Creative potential in the development of national ecosystems](#) // [IOP Conference Series: Earth and Environmental Science](#). 2021. V. 689. - S. 012004.
15. Новикова С.К. Креативная экономика как драйвер роста: мировой и российский опыт // [Новые технологии](#). 2019. №2. С. 175-184.
16. Брижак О.В. [Креативный потенциал в системном измерении](#) В сборнике: Системный анализ в экономике - 2020. Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции-биеннале. Под общей редакцией Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. Москва, 2021. С. 152-155.
17. Arieti S. [Creativity: The Magic Synthesis](#) / S. Arieti - New York: Basic Books, 1976. P. 429
18. Брижак О.В. [Роль интеллектуального капитала в развитии национальных экосистем](#) // [Теоретическая экономика](#). 2021. № 5 (77). С. 81-88.
19. Nordström Kjell A.; Ridderstråle Jonas. [Funky business: Talent makes capital dance](#). Stockholm: Handelshögskolan i Stockholm, 2003. 280 p.
20. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др.; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020.
21. Плетнёв Д.А. [Корпорация как институциональная система](#). Сер. Классический университет. Часть 1. Челябинск, 2019. 196 с.
22. Муравьева М.А. «Сколково» vs наукограды. 2020. URL: <http://www.strf.ru/material.aspx?> (дата обращения. 18.05.2023).
23. Агентство стратегических инициатив 2021. URL: <https://asi.ru/> (дата обращения 07.09.2022)
24. Брижак О.В., Чиканова Е.С. [Феномен задолженности перед будущими поколениями в контексте новой экономической реальности](#) // [Российский экономический журнал](#). 2023. № 1. С. 97-109.
25. Служба исследований компании HeadHunter 2021. URL: <https://krasnodar.hh.ru/> (дата обращения 21.09.2022).
26. Бузгалин А.В. [Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности](#) // [Экономическое возрождение России](#). 2021. № 1 (67). С. 109-115.

Received date: 20.07.2023

Approved date: 03.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.23

DOI: 10.57145/27128482.2023.12.03.05



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

© Автор(ы) 2023

ВАСИЛАТИЙ Олег Валерьевич, аспирант кафедры «Информационная экономика»

Южный федеральный университет

344007, Россия, Ростов-на-Дону, vasilatii@sfedu.ru

SPIN: 8273-2571

AuthorID: 1159408

ORCID: 0000-0001-8158-6899

Аннотация. Одним из основных факторов устойчивого развития промышленности выступают инвестиционные ресурсы. Присущая финансовым ресурсам мобильность позволяет оперативно перераспределять их на направления деятельности, которые обеспечивают адаптацию к меняющимся условиям функционирования. Наибольшее значение для устойчивости развития промышленности Приднестровья имеют инвестиции в основные фонды. Это связано с тем, что основной капитал является ограничивающим фактором промышленного развития региона и требует значительных инвестиций в его обновление и расширение. В данной статье исследуются существующие инвестиционные инструменты промышленной политики Приднестровья с точки зрения того, в какой мере они обеспечивают решение задач наиболее полного использования имеющихся производственных возможностей. Методология исследования базируется на основных положениях теории инвестиций. Используемые методы исследования – контент-анализ. Проведенная оценка реализуемых в промышленной политике Приднестровья инвестиционных инструментов показала, что они в большей степени являются ответом на возникающие вызовы и не обеспечивают устранение имеющегося дисбаланса экономических ресурсов. Обосновано, что в условиях неполного задействования факторов производства инвестиционные инструменты должны обеспечивать задействование латентных технологических возможностей промышленной системы. Для этого предлагается реализация адаптивных инвестиционных инструментов, позволяющих, с одной стороны, приспособить имеющиеся ресурсы к новым условиям развития, с другой стороны, выполнять функцию защиты национальной экономики от негативных внешних воздействий рынка. Научная новизна исследования выражается в исследовании инвестиционных инструментов применительно к условиям значительного объема незанятых производственных ресурсов. Практическая значимость исследования выражается в возможности использования основных положений и выводов для совершенствования государственной политики промышленного развития Приднестровья.

Ключевые слова: промышленность, устойчивое развитие, инвестиции, инвестиционные инструменты, Приднестровье, финансовые ресурсы, капитализация, государственная политика.

Благодарности: автор выражает благодарность доктору экономических наук Черновой Ольге Анатольевне за научное консультирование при написании статьи.

INVESTMENT INSTRUMENTS FOR MANAGING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TRANSNISTRIA INDUSTRY

© The Author(s) 2023

VASILATII Oleg Valeryevich, postgraduate student of the Department of Information Economics,
Southern Federal University

344007, Russia, Rostov-on-Don, vasilatii@sfedu.ru

Abstract. Investment resources are one of the main factors of sustainable industrial development. The inherent mobility of financial resources makes it possible to quickly redistribute them to those areas of activity that ensure adaptation to changing operating conditions. Investments in fixed assets are of the greatest importance for the sustainability of the development of industry in Transnistria. This is due to the fact that fixed capital is a limiting factor in the industrial development of the region and requires significant investments in its renewal and expansion. This article examines the existing investment instruments of the industrial policy of Transnistria from the point of view of the extent to which they provide solutions to the problems of the fullest use of available production opportunities. The methodology of the research is based on the main provisions of the theory of investments. The research methods used are content analysis. The assessment of investment instruments implemented in the industrial policy of Transnistria has shown that they are more of a response to emerging challenges and do not eliminate the existing imbalance of economic resources. It is proved that in conditions of incomplete use of production factors, investment instruments should ensure the use of latent technological capabilities of the industrial system. For this purpose, the implementation of adaptive investment instruments is proposed, allowing, on the one hand, to adapt existing resources to new development conditions, on the other hand, to perform the function of protecting the national economy from negative external market influences. The scientific novelty of the research is expressed in the study of investment instruments in relation to the conditions of a significant amount of unoccupied production resources. The practical significance of the study is expressed in the possibility of using the main provisions and conclusions to improve the state policy of industrial development of Transnistria.

Keywords: industry, sustainable development, investments, investment instruments, Transnistria, financial resources, capitalization, state policy.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to Olga A. Chernova, Doctor of Economics, for scientific advice when writing the article.

ВВЕДЕНИЕ

Возможности повышения устойчивости развития промышленности Приднестровья во многом определяются способностью региональных властей обеспечить инвестиции в основной капитал. Текущее состояние промышленного комплекса региона не позволяет ему генерировать прибыли, достаточные для реализации модернизационных проектов. Однако реализуемые в настоящее время в рамках государственной промышленной политики инструменты стимулирования инвестиций

оказываются недостаточными для обновления основных средств. Так, по статистическим данным Министерства экономического развития Приднестровья, остаточная стоимость фондов промышленности на протяжении последних десяти лет неуклонно снижается: в сопоставимых ценах ее величина составляла в 2011 году 8 815,2, а в 2021 году снизилась до 6 935,6 млн руб. в 2021 [1]. Это предполагает необходимость разработки новых более эффективных инвестиционных инструментов, способствующих привлечению капитала в промышленный

сектор экономики.

Инвестиционные ресурсы являются одними из базовых в формировании устойчивости развития промышленных систем. Еще Дж. М. Кейнс, определяя условия устойчивости экономики, включал в них соотношение ожидаемых доходов на капитал и прироста инвестиций [2]. Роль инвестиционных факторов формирования устойчивости отмечает и другие исследователи, считая, что присущая финансовым ресурсам мобильность обеспечивает социально-экономической системе любого уровня управления способность противостоять внешним потрясениям посредством перераспределения финансовых активов на те направления, которые способствуют повышению ее адаптивных возможностей [3–6]. Взаимосвязь между инвестициями и параметрами устойчивого развития промышленности отмечают многие исследователи. Так, по словам Sh. Wang et al., инвестиции позволяют оптимизировать структуру промышленности региона, что имеет особое значение для развивающихся экономик [7]. Технологические инновации, как правило, снижают экологический след, оставляемый промышленными предприятиями [8; 9], расширяют горизонты возможностей достижения энергоэффективности [10; 11], повышают устойчивость производственных процессов [12; 13]. Для многих промышленных отраслей дефицит инвестиций является стрессовым фактором устойчивого развития [14]. При этом, как подчеркивает А. Е. Мельников, наиболее проблемным является то, что многие наукоемкие отрасли промышленности, которые должны обеспечивать технологический суверенитет страны, испытывают наибольший дефицит инвестиций [15]. Тогда как именно инвестиции в инновации определяют потенциал их капитализации [16]. Все это обуславливает повышенный интерес со стороны исследователей к разработке инструментов, способствующих росту инвестиционного потенциала промышленности [17–19].

Традиционно важнейшая роль в стимулировании инвестиционных процессов отводится государству, создающему благоприятные условия для осуществления инвестиционной деятельности. В соответствии с базовой теорией инвестиций, они осуществляются при условии превышения предельной производительности капитала его стоимости. Для обеспечения данного условия государство формирует особые режимы для инвесторов. Например, в Дальневосточном федеральном округе создаются территории опережающего социально-экономического развития, на которых реализуется набор разнообразных преференций для инвесторов в виде пониженных налогов и тарифных сборов [20]. В Южном федеральном округе создаются особые экономические зоны, на которых действуют инвестиционные стандарты, дающие право предпринимателям претендовать на получение инвестиционного налогового вычета и дотации из федерального бюджета [21]. Значительная роль в стимулировании инвестиций также отводится исследователями промышленным инвестиционным фондам. Как отмечают X. Tong и X. Wan, такие фонды позволяют уменьшить ограничения корпоративного финансирования, продвигая технологические инновации [22]. Данный инструмент позволяет сочетать преимущества финансового капитала и государственных инвестиций, удовлетворяя долгосрочные финансовые потребности промышленности [23].

Признавая вклад данных исследователей в изучение проблематики стимулирования инвестиционных процессов в промышленности, можно отметить, что они предполагают наличие определенного уровня спроса на промышленную продукцию и условий, приближенных к полной занятости населения. При этом данные инструменты могут быть недостаточны эффективны при значительных объемах незанятых производственных ресурсов, как это характерно для промышленности Приднестровья. Для таких условий проблематика разработки инвестиционных инструментов, способствующих

устойчивому развитию промышленности региона, является недостаточно разработанной и требует проведение дополнительных исследований. Это определяет актуальность данной статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ

В условиях наличия значительных резервов производственных возможностей для повышения устойчивости развития промышленных комплексов региона возможны два основных направления функционирования инвестиционных инструментов промышленной политики: 1) обеспечение полной занятости системных ресурсов экономики; 2) приближение величины производственного потенциала к величине имеющегося ресурсного потенциала. Соответственно цель данной статьи состоит в исследовании существующих инвестиционных инструментов промышленной политики Приднестровья с точки зрения того, в какой мере они соответствуют реализации обозначенных направлений.

Для проведения исследования содержания нормативно-правовых документов, принимаемых властями в отношении реализации промышленной и инвестиционной политики, использовался метод контекст-анализа, предложенный М. Вебером и уже более 100 лет применяемый для выявления различных аспектов текста, репрезентирующих его содержание. В алгоритмизированном виде реализация данного метода включала:

выявление инвестиционных инструментов государственной промышленной политики;

осмысление преемственности решений в отношении развития инвестиционных инструментов в промышленности Приднестровья;

оценка эффективности инвестиционного инструментария для решения задач устойчивого развития промышленности региона.

При оценке эффективности существующих инвестиционных инструментов мы базировались на основных положениях теории инвестиций, в соответствии с которыми в качестве показателя эффективности рассматривался индекс инвестиций в машины и оборудования промышленного производства. Разработка рекомендаций по повышению эффективности инвестиционных инструментов управления устойчивым развитием промышленности мы базировались на принципах системного подхода, в соответствии с которыми промышленная и инвестиционная политика рассматривались как неотъемлемая компонента политики обеспечения национальной безопасности страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Инвестиционные инструменты управления устойчивым развитием промышленности региона в условиях неполного задействования факторов производства, прежде всего, должны способствовать устранению имеющегося дисбаланса экономических ресурсов. Это возможно либо посредством задействования латентных технологических возможностей промышленной системы и предполагает направление инвестиций на решение тактических задач развития, либо реализацию мер, направленных на повышение уровня сбалансированности экономических ресурсов, что предполагает инвестиции в формирование недостающих факторов производства. Для промышленности Приднестровья таким недостающим фактором выступают основные фонды. Соответственно государственная политика в отношении обеспечения устойчивости развития промышленности может использовать инвестиционные инструменты, которые либо стимулируют использование имеющихся производственных мощностей, либо направлены на их расширение.

Для обеспечения более полного задействования имеющихся производственных мощностей, как правило, используются инструменты фискальной и денежно-кредитной политики. Инструменты фискальной политики воздействуют на объемы инвестиционных расходов посредством манипулирования налоговыми ставками и структуры государственных расходов. Инструменты

денежно-кредитной политики – воздействуя на величину процентных ставок в экономике. Для расширения производственных возможностей промышленной системы регулирующие государственные меры чаще всего базируются на использовании стабилизационных инструментов денежно-кредитной политики, способствуя увеличению сбережений и инвестиций. Наряду с финансовыми инструментами, государство также использует контрольные и регуляторные функции.

Однако для решения задач расширения технологических возможностей промышленности данных инструментов недостаточно. Возможности государства как регулятора в этом отношении могут быть реализованы посредством дополнения данных инструментов инструментами экономического и административного характера.

Экономические инструменты включают осуществление государственных закупок промышленной продукции; регулирование внешнеэкономической деятельности (налоги, квоты, пошлины); прямые государственные инвестиции. Инструменты административного регулирования выражаются в установлении промышленных, экологических, санитарно-эпидемиологических и других стандартов, реализации инструментов государственно-частного партнерства и др.

Анализ реализуемых в Приднестровье мер стимулирования развития промышленного производства показал значительную эволюцию используемых инвестиционных инструментов от единичных до целого комплекса воздействий (таблица 1).

Очевидно, что на первых этапах политика промышленного развития Приднестровья была ориентирована на решение задач восстановления финансовой устойчивости предприятий путем введения единого налога на доходы и приватизации. Также была предпринята попытка создать привлекательные условия для иностранных инвестиций. По завершении приватизационных процессов фокус государственной промышленной политики сместился к инструментам денежно-кредитной и административной политики. В целом реализуемые с 2010 года меры стали ответом на запросы, инициируемые общественными объединениями промышленников Приднестровья.

Таблица 1 – Преемственность инвестиционных инструментов управления устойчивым развитием промышленности Приднестровья

Политика	Инвестиционные инструменты	Годы реализации
Налоговая политика	упрощение налогообложения (единый налог на доходы) вычет из базы налогообложения суммы капитальных вложений	с 2001 по настоящее время
	льготное налогообложение иностранных инвестиций	2001-2008
	инвестиционные преференции новым прямым инвесторам	с 2018 по настоящее время
	понижение в 3 раза ставки подоходного налога на дивиденды	с 2012 по настоящее время
	уменьшение в 3 раза ставки подоходного налога в микропредприятиях	с 2013 по настоящее время
Денежно-кредитная политика	девальвация рубля	2001-2012; 2017-2018
	субсидирование процентной ставки промышленности малого бизнеса	с 2014 по настоящее время
Тарифная политика	субсидирование процентной ставки для крупных предприятий	с 2018 по настоящее время
	конкурентоспособные в регионе тарифы на энергоресурсы	с 2001 по настоящее время
	индивидуальные цены энергоресурсов для крупных предприятий	
Административная политика	субсидирование деятельности энергетических предприятий	с 2018 по настоящее время
	приватизация промышленных предприятий	2002-2009, с 2022
	упрощение регламента сертификации товаров	с 2009 по настоящее время
	освобождение от таможенных платежей импортных материалов	с 2011 по настоящее время
	сокращение времени таможенного оформления	с 2013 по настоящее время
	упрощение таможенных режимов	с 2017 по настоящее время
	упрощение регламента сертификации рабочих мест	с 2019 по настоящее время
внедрение электронного таможенного декларирования		
	внедрение электронного налогового декларирования	с 2021 по настоящее время

Источник: Составлено автором

Однако анализ динамики индекса инвестиций в машины и оборудования промышленного производства (рисунок 1) позволяет заключить, что предпринимаемых мер является недостаточным для стимулирования роста физических объемов промышленного производства.

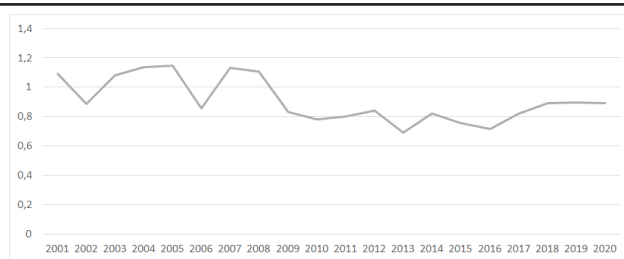


Рисунок 1 – Динамика индекса инвестиций в машины и оборудование промышленного производства в Приднестровье, коэф.

(составлено автором по данным Министерства экономического развития Приднестровской Молдавской Республики)

Очевидно, что политика приватизации дала положительный результат, выражающийся в росте объема инвестиций. Однако после экономического кризиса 2008 года инвестиции в промышленное производство стали сокращаться и только реализация ряда административных мер несколько замедлили данный процесс.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ демонстрирует необходимость развития инвестиционного инструментария управления устойчивым развитием промышленности Приднестровья. Как показывает практика последних лет, своеобразный «симбиоз» государственного администрирования и рыночных механизмов позволяет получить определенные положительные эффекты, позволяющие поддерживать позитивные инвестиционные процессы в регионе.

Дальнейшие меры промышленной политики должны быть направлены на реализацию адаптивных инвестиционных инструментов, позволяющих, с одной стороны, приспособить имеющиеся ресурсы к новым условиям развития, с другой стороны, выполнять функцию защиты национальной экономики от негативных внешних воздействий рынка.

В этой связи представляется, что универсальные инструменты реактивного поддерживающего характера должны быть заменены на инструменты проактивного (формирующего) характера, целенаправленно формирующие условия устойчивого развития промышленности. В частности, инвестиционные инструменты должны быть направлены на увеличение предельной производительности капитала, снижение стоимости его привлечения, снижение рисков хозяйственной деятельности, а также стимулирование спроса на промышленную продукцию.

Следует заметить, что данные выводы в целом согласуются с исследованиями стратегий экономического развития стран, прошедших в относительно короткое время путь от отсталой аграрной страны до индустриального гиганта. Так, например, С. И. Агабеков и Е. А. Левина, анализируя особенности южнокорейской экономической модели, заключают, что важнейшим фактором успеха стала увязанность инструментов государственной поддержки с рыночными механизмами регулирования [24]. Причины экономического роста Китая Q. Ni et al. связывают с государственным стимулированием инвестиций в повышение стоимости промышленного капитала.

ВЫВОДЫ

Существующие инвестиционные инструменты управления промышленным развитием Приднестровья, базирующиеся на принципах максимизации выгод участников предпринимательской деятельности, не обеспечивают устойчивое развитие промышленного комплекса региона, что выражается в недоиспользовании имеющихся производственных возможностей. В этой связи необходимо существенное расширение используемого набора инструментов поддерживающего харак-

тера инструментами, направленными на обеспечение расширенного воспроизводства, базирующегося на инвестиционных мотивах участников хозяйственных отношений. Текущая политика промышленного развития Приднестровья базируется на допущении, что инструментов стимулирующего характера достаточно для повышения устойчивости развития отрасли. Это привело к тому, что инструменты формирующего характера до настоящего времени не получили распространения.

Во многом этого связано с диспропорциями в реализации управленческого потенциала народного хозяйства, выражающегося в смещении целеполагания на микроуровень, и минимизации государственного управления экономическими процессами. Тогда как для вывода промышленного комплекса региона на траекторию устойчивого развития меры государственной политики должны ориентировать не только на стимулирование реализации предпринимательского потенциала, но и развивать управленческий потенциал, отражающий субъектную сторону процесса управления. Исследование управленческой способности как особого экономического ресурса, эффективное использование которого способствует повышению устойчивости развития промышленности, является вектором дальнейших научных исследований автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Статистические данные // Официальный сайт Министерства экономического развития Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://mer.gospmr.org/deyatelnost/gosudarstvennaya-služba-statistiki-gosstat/informacziya.html> (дата обращения: 30.06.2023 г.)
2. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Изд-во АСТ, 2022. 544 с.
3. García-Gómez F., Prieto V., Sanchez-Lite A., Fuentes-Bargues J., González-Gaya C. An Approach to Sustainability Risk Assessment in Industrial Assets // *Sustainability*. 2021. № 13. 6538.
4. Du Y., Wang Q., Zhou J. How does digital inclusive finance affect economic resilience: Evidence from 285 cities in China // *International Review of Financial Analysis*. 2023. Vol. 88. 102709.
5. Pan S.-Ch., Hu T.-Sh., You J.-X., Chang S.-L. Characteristics and influencing factors of economic resilience in industrial parks // *Heliyon*. 2023. Vol. 9. Issue 4. e14812.
6. Yu Z., Li Y., Dai L. Digital finance and regional economic resilience: Theoretical framework and empirical test // *Finance Research Letters*. 2023. Vol. 55. Part A. 103920.
7. Wang Sh., Tian W., Lu B. Impact of capital investment and industrial structure optimization from the perspective of "resource curse": Evidence from developing countries // *Resources Policy*. 2023. Vol. 80. 103276.
8. Wang R., Usman M., Radulescu M., Cifuentes-Faura J., Balsalobre-Lorente D. Achieving ecological sustainability through technological innovations, financial development, foreign direct investment, and energy consumption in developing European countries // *Gondwana Research*. 2023. Vol. 119. Pp. 138-152.
9. Guo Y., Deng J., Liu X. None-linear nexus between natural resources dependency, foreign direct investment, and environmental sustainability in newly industrialized countries // *Resources Polic*. 2023. Vol. 83. 103656.
10. Chen H., Shi Y., Zhao X. Investment in renewable energy resources, sustainable financial inclusion and energy efficiency: A case of US economy // *Resources Policy*. 2022. Vol. 77. 102680.
11. Urbano E., Martinez-Viol V., Kampouropoulos K., Romeral L. Quantitative and qualitative risk-informed energy investment for industrial companies // *Energy Reports*. 2023. Vol. 9. Pp. 3290-3304.
12. Peng D., Ji Y., Kong Q. OFDI and firms' sustainable productive capacity: Evidence from Chinese industrial firms // *International Review of Economics & Finance*. 2023. Vol. 83. Pp. 641-652.
13. Каплан А.В., Терешина М.А. Оценка устойчивости социально-экономического развития горнодобывающих предприятий // *Уголь*. 2018. № 8 (1109). С 86-90.
14. Чернова О.А. Стрессовые факторы устойчивого развития угольной промышленности России // *Journal of Applied Economic Research*. 2022. Т. 21. № 1. С. 49-78.
15. Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 2. С. 91-102.
16. Чернова О.А., Митрофанова И.В. Импортзамещение, ориентированное на экспорт, как модель стратегического развития регионов ЮФО // *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 9. С. 159-176.
17. Лукьянова В.В., Зимин В.А. Специальный инвестиционный контракт как инструмент привлечения инвестиций в промышленность России // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*, 2018. Т. 9. № 3. С. 52-58.
18. Малов Д.Н., Летягина Е.Н. Методы и инструменты формирования инвестиционной политики предприятий (на примере автомобильной промышленности) // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Т. 12. № 1. С. 373-386.

19. Митрофанова И.В., Чернова О.А. Реиндустриализация старопромышленных регионов Юга России: тенденции, потенциал, риски // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2019. Т. 21. № 1. С. 13-27.

20. Левин Ю.А., Лебедев Н.А. Инвестиционная деятельность в контексте структурной модернизации промышленности Дальнего Востока // *Инновации и инвестиции*. 2018. № 7. С. 25-27.

21. Чернова О.А. Развитие промышленности Юга России в условиях коронакризиса // *Региональная экономика. Юг России*. 2021. Т. 9. № 4. С. 135-144. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.4.13

22. Tong X., Wan X. National industrial investment fund and China's integrated circuit industry technology innovation // *Journal of Innovation & Knowledge*. 2023. Vol. 8. Issue 1. 100319.

23. Zhang G., Zheng S. National Industrial Investment Fund and Enterprise Innovation // *Financial Research*. 2021. № 6. Pp. 76-91.

24. Агабеков С.И., Левина Е.А. Корпорации и экономический рост. Опыт Южной Кореи // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2017. № 3 (513). С. 134-146.

25. Ni Q., Zhang H., Lu Y. Way to measure Intangible capital for innovation-driven economic growth: Evidence from China // *Economic Analysis and Policy*. 2023. Vol. 78. Pp. 156-172.

Received date: 03.06.2023

Approved date: 19.06.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 330.3

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_06



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

© Автор(ы) 2023

ВОЛЫНЧУК Андрей Борисович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
690001, Россия, Владивосток, i-abv@yandex.ru

SPIN: 1660-3832

AuthorID: 147831

ResearcherID: I-221800-2014

ORCID: 0000-0002-5313-2897

ВОЛЫНЧУК Яна Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и управления
Института международного бизнеса экономики и управления
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
690014, Россия, Владивосток, FrolovaJana@yandex.ru

SPIN: 4500-8390

AUTHORID: 178167

ORCID: 0000-0002-6675-7757

Аннотация. Цель: проанализировать вопросы, связанные с управлением рисками на основе планирования и прогнозирования. Риск сопровождает предпринимателей на всем пути их продвижения и работы компании. Рискую, предприниматель способен продвигать бизнес к новым высотам, либо довести свою компанию до банкротства. Экономика никогда не стоит на месте, и умение предугадывать дальнейшее ее развитие позволяет эффективно выходить на первые строчки рынка. Появление рисков может быть обусловлено разнообразными факторами. Внутренние и внешние условия по-разному влияют на ситуацию в экономике. К примеру, риск может усилиться из-за ошибки расчетов внутри организации, либо на это повлияет внешний конфликт с конкурирующей компанией. Методы: в ходе исследования был реализован комплексный междисциплинарный подход, использующий теоретико-методологические инструменты теории управления рисками и региональной интеграции, экономики. Результаты: управление рисками предприятия на основе планирования и прогнозирования является эффективным инструментом при принятии решений. Это позволяет руководству предприятия избежать возможных ошибок на ранней стадии планирования своей деятельности, что в итоге снизит риски производственно-хозяйственной деятельности и повысит ее прибыль. Научная новизна: в рамках проведенного исследования авторы пришли к выводу о том, что при прогнозировании уровня риска предприятий должен быть использован комплексный подход. Практическая значимость: в статье представлены авторские практические рекомендации по управлению рисками предприятия на основе планирования и прогнозирования.

Ключевые слова: управление, риски, предприятие, планирование, прогнозирование, производственно-хозяйственная деятельность, экономическая безопасность, риск менеджмент, экономическая политика.

RISK MANAGEMENT OF THE ENTERPRISE ON THE BASIS OF PLANNING AND FORECASTING

©The Author(s) 2023

VOLYNCHUK Andrey Borisovich, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS
690001, Russia, Vladivostok, i-abv@yandex.ru

VOLYNCHUK Yana Aleksandrovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of
Economics and Management of the Institute of International Business of Economics and Management
FSBEI HE "Vladivostok State University"
690014, Russia, Vladivostok, FrolovaJana@yandex.ru

Abstract. Purpose: to analyze issues related to risk management based on planning and forecasting. Risk accompanies entrepreneurs along the entire path of their promotion and operation of the company. Taking risks, an entrepreneur is able to promote a business to new heights, or bring his company to bankruptcy. The economy never stands still, and the ability to predict its further development allows you to effectively enter the first lines of the market. The emergence of risks can be due to various factors. Internal and external conditions affect the situation in the economy in different ways. For example, the risk may increase due to a calculation error within the organization, or it may be affected by an external conflict with a competing company. Methods: in the course of the study, a comprehensive interdisciplinary approach was implemented using theoretical and methodological tools of the theory of risk management and regional integration, economics. Results: enterprise risk management based on planning and forecasting is an effective tool in decision making. This allows the management of the enterprise to avoid possible mistakes at an early stage of planning its activities, which will ultimately reduce the risks of production and economic activities and increase its profit. Scientific novelty: in the framework of the study, the authors came to the conclusion that when predicting the level of risk of enterprises, an integrated approach should be used. Practical significance: the article presents the author's practical recommendations for enterprise risk management based on planning and forecasting.

Keywords: management, risks, enterprise, planning, forecasting, production and economic activity, economic security, risk management, economic policy.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования заключается в том, что управление рисками предприятия представляет собой важную часть производственно-хозяйственной деятельности, определяющую ее успешность на рынке, превосходство над конкурентами, а также залог процветания в будущем. Следует отметить, что процесс планирования и прогнозирования рисков предприятия качественно повышает вероятность получения благоприятных результатов в производственно-хозяйствен-

ной деятельности предприятия посредством снижения опасностей и угроз как с внутренней, так и с внешней стороны [1–3]. Следовательно, руководству предприятия необходимо уделять пристальное внимание работе по организации планирования и прогнозирования рисками в рамках обеспечения комплексной программы экономической безопасности.

Вопросами изучения управления рисками на основе планирования и прогнозирования занимались многие отечественные и зарубежные ученые. Среди работ, которых

можно отметить, труды К. В. Лосева, С. М. Молчановой; А. В. Минаева, А. Ш. Бахрамовой; И. А. Киселевой, Н. В. Ефановой и другие [4–9]. Считаем необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель данной статьи – изучить вопросы, связанные с управлением рисками на основе планирования и прогнозирования. На основе поставленной цели можно выделить следующие основные задачи:

- 1) рассмотреть понятия «планирование» и «прогнозирование»;
- 2) изучить основные этапы планирования рисков предприятия;
- 3) разработать практические рекомендации по управлению рисками предприятия на основе использования планирования и прогнозирования.

Научная новизна заключается в разработке практических рекомендаций по управлению рисками предприятия на основе использования планирования и прогнозирования. Основными методами для проведения исследования явились метод анализа, сравнения и логического рассуждения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В условиях неопределенности и риска многие современные предприятия занимаются вопросами планирования и прогнозирования рисков, которые входят в общую часть риск менеджмента. Следует отметить, что перед осуществлением процедуры планирования и прогнозирования рисков необходимо провести тщательный анализ факторов внутренней и внешней среды, влияющих на деятельность предприятия и ее развитие. К таким факторам относятся: уровень развития производства, технические мощности предприятия, наличие внутренних резервов для осуществления деятельности, уровень инфляции, экономическая политика, политические условия и т.д. [10].

Под планированием рисков предприятия понимается поэтапный процесс осуществления мероприятий и процедур, позволяющих эффективно управлять рисками производственно-хозяйственной деятельности предприятия [11]. На рисунке 1 наглядным образом представлена схема планирования рисков предприятия.



Рисунок 1 – Планирование рисков предприятия

Прогнозирование рисков представляет собой вероятность возникновения рисков, возможных причин их возникновения, а также опасностей и угроз, которые они могут принести в будущем [12].

Основной задачей планирования и прогнозирования рисков предприятия является минимизация потерь от возникновения рисков в деятельности предприятия на основе рациональных решений и эффективных механизмов. Следует отметить, что планирование и прогнозирование очень тесно связаны между собой, так как информация на основе прогнозов создает основу для дальнейшего планирования.

ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим наиболее популярные методы прогнозирования рисков предприятия. Одним из таких методов

является метод экстраполяции, который заключается в изучении прошлого опыта предприятия с целью перенесения его на будущее. Данный метод позволяет проанализировать основные ситуации неопределенности, риски, которые были в деятельности предприятия для того, чтобы избежать их в будущем [13;14].

Следующим методом прогнозирования рисков является метод экспертных оценок, который имеет место, когда нет возможности провести точную оценку результатов. Данный метод позволяет на основе интуитивного подхода спрогнозировать вероятность наступления неблагоприятных событий в будущем, связанных с риском. Существенным минусом экспертного метода является то, что нет возможности проверить достоверность прогноза. Кроме того, если при составлении прогноза участвует только один эксперт, то применяются методы анкетирования, интервьюирования, построения сценария и т.д. В случае, если экспертная оценка осуществляется группой экспертов, то может использоваться мозговой штурм, совещания, метод Дельфи, ситуационный анализ [15; 16].

Другим методом, позволяющим спрогнозировать риск предприятия, является метод экономико-математического моделирования, который заключается в установлении зависимости между результативным признаком и факторными переменными. Данный метод позволяет с помощью моделей спрогнозировать риск в реальной действительности и принять эффективное решение по управлению им.

Определенный интерес представляет собой использование отдельных программных продуктов при управлении рисками предприятия. Например, в экономике существует такое понятие, как BPM, обозначающее категорию программных продуктов, которые облегчают управление деятельностью предприятия в условиях риска и неопределенности. Главной функцией данной части программного обеспечения является быстрое и своевременное выявление недостатков, слабо развитых частей процессов, организационных структур, которые значительно снижают уровень производительности предприятия в условиях риска, угроз и опасностей. BPM имеет свою, особую систему принципов построения обозначений организационной схемы и управления [17; 18].

Группы символов и правил, используемые для графического писания или моделирования, носят название «нотации». Данные нотации принято делить на два вида. Первый вид – исполняемые, главная задача которых – автоматизация и запуск; второй вид – неисполняемые. Их главная задача состоит в изучении, тестировании и выявлении различного рода ошибок и противоречий [19].

Первый шаг в моделировании и прогнозировании рисков предприятия – это, в первую очередь, построение диаграмм. Построенные диаграммы должны содержать следующие элементы:

- 1) участники процесса;
- 2) описание действий участников процесса;
- 3) цепочка, состоящую из действий участников процесса.

После этого в модель вносится информация о данных, с которыми предстоит работать программе, и сведения о том, как эти данные получить. В конечном итоге получаются идеальные схемы с логически выстроенными бизнес-процессами, которые можно загружать в BPM-программу, которая, в свою очередь, будет выстраивать реальные процессы с учетом степени рисков, возможных потерь и угроз.

У аналитика не возникает необходимость обращаться к помощи сертифицированных программистов, поскольку этот вид работы он может выполнять сам, непосредственно из веб-браузера. Известно, что реализация производственных процессов происходит по определенному циклу. Данный цикл включает в себя такие части, как:

- 1) описание;
- 2) функционирование в своем изначальном виде;

- 3) выявление и анализ недостатков;
- 4) модернизация;
- 5) повторное внедрение в работу.

Так как предприятие существует и функционирует в постоянно меняющейся рыночной среде, то данный цикл может повторяться бесконечное количество раз [20].

Матричный метод также широко используется при прогнозировании рисков предприятия. Матрица представляет собой специальную таблицу, в которой целевая функция разбивается на несколько функций следующего уровня. Размер матрицы определяется, исходя из перечня подделей. Исследуемое явление или объект зависят от множества факторов, которые разбиваются на группы по однородному признаку. Эти группы ранжируются по определенному критерию и далее оценивается влияние друг на друга, а также на конечную цель/результат. При оценке применяется балльная система (например, от 1 до 10).

В последнее время при прогнозировании рисков предприятия широко используются статистические методы, которые включают в себя комплекс других методов (индексный метод, метод группировки, графический метод, корреляционный анализ). Достоинством данных методов использования при прогнозировании рисков предприятия – высокая точность полученных результатов [21].

Метод сценариев определяет возможную вероятность наступления событий в будущем и прогнозируемый уровень риска для предприятий. Данный метод включает в себя анализ и математические расчеты.

Существуют определенные проблемы при прогнозировании уровня риска на предприятии. К числу таких проблем можно отнести: использование устаревших и неактуальных данных, недостаточность информации при прогнозировании рисков предприятия, невозможность учета всех факторов, оказывающих влияние на возникновение риска в будущем и т.д. Эти и другие причины снижают точность оценки, ее эффективность и результативность [22; 23]. Считаем, что при прогнозировании уровня риска предприятий должен быть использован комплексный подход, основанный на применении различных методов оценки.

ВЫВОДЫ

В данной статье разработаны практические рекомендации по управлению рисками на основе планирования и прогнозирования, которые включают в себя следующее:

- 1) разработка стратегии планирования и прогнозирования рисков на предприятии;
- 2) использование современных методов при осуществлении планирования и прогнозирования рисков, в том числе цифровых;
- 3) использование зарубежной практики при осуществлении планирования и прогнозирования рисков предприятия;
- 4) контроль и оценка полученных результатов.

По нашему мнению, предложенные рекомендации позволят не только управлять рисками на основе планирования и прогнозирования, но и определить стратегические пути развития предприятия на перспективу.

Можно сделать вывод, что управление рисками предприятия на основе планирования и прогнозирования является эффективным инструментом при принятии решений. Это позволяет руководству предприятия избежать возможных ошибок на ранней стадии планирования своей деятельности, что в итоге снизит риски производственной-хозяйственной деятельности и повысит ее прибыль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Gasparian M.S., Kiseleva I.A., Titov V.A., Olenov L.A. Simulation and risk management of financial activities in the digital economy era // *Nexo Revista Científica*. 2021. Т. 34. № 4. С. 1388-1395.
2. Миргородская Е.О., Сухинин С.А. Неоднородность регионального экономического пространства: концептуальные подходы и методика идентификации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2018. Т. 19. № 3 (40). С. 143-154.
3. Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и рос-
ГРНТИ: 060000, 820000; ВАК: 5.2.1.; 5.2.4.; 5.2.5.

сийская реальность // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 13–35.

4. Лосев К.В., Молчанова С.М. Инновации как новые производственные процессы и новые способы ведения бизнеса // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 1. № 1 (109). С. 106-112.
5. Efanova N.V., Slesarenko I.V. Network organization risk management based on sustainability indicators // *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2022. № 11 (155). С.131-142.
6. Cherkasova Ye.V., Koryagina I.A., Volodkevich S.I., Burlankov P.S., Zubitsova Yu.I. Financial risk management of SME in the digital economy: analysis of theoretical and methodological approaches // *Krasnoyarsk Science*. 2022. Т. 11. № 2-3. С. 7-14.
7. Минаев А.В., Бахрамова А.Ш. Экономическая безопасность на предприятии (на примере строительной организации): внутренние риски и угрозы // *Молодой ученый*. 2022. № 48 (443). С. 134-136.
8. Kiseleva I.A., Tratova A.M., Temtoeva S.A., Mambetova F.A., Magomayev T.R. Strategic management of country risks // *Journal of Management & Technology*. 2022. Т. 22. № 5. С. 189-199.
9. Куприн А.А. Анализ и пути повышения финансовой устойчивости предприятия // *Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра*. 2018. № 4. С. 142-149.
10. Shanyi Ch., Murzin A. Environmental risk management on the enterprise to realize green development / *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2021. Т. 12. № 2. С. 178-183.
11. Проскурнова К.Ю. Пространственное планирование vs территориальное планирование - проблематика содержания видов регионального планирования // *Региональная экономика: теория и практика*. 2021. Т. 19. № 10 (493). С. 1897-1913.
12. Кузичева Н.Ю., Прошин Д.Ю. Программно-целевое планирование развития муниципального образования // *Наука и Образование*. 2020. Т. 3. № 2. С. 140.
13. Кондаков М.В. Стратегическое планирование в концепции бережливого производства // *Белгородский экономический вестник*. 2022. № 1 (105). С. 42-47.
14. Al S.A. Planning the investment management process in a high-tech company // *Horizons of Economics*. 2022. № 6 (72). С. 95-98.
15. Архипов П.В., Банищикова Н.С., Грохотова А.А., Коновалов Ю.И. Анализ экономической эффективности внедрения прогрессивных технологических процессов в производственные процессы // *Труды Братского государственного университета*. 2020. Т. 1. С. 208-213.
16. Ляпина И.Р., Зайцев А.Г. Современная региональная экономика: подходы и критерии исследования // *Управленческий учет*. 2019. № 6. С. 37-47.
17. Zhazykbekov B.B. Sustainability strategy and risk-management // *Молодой ученый*. 2020. № 26 (316). С. 103-107.
18. Кузыев А.Н., Талипова А.Р. Стратегическое планирование и тайм-менеджмент // *Эпоха науки*. 2020. № 22. С. 130-133.
19. Sapir Ja. Planning in capitalist economies: the example of wartime economies / *Вопросы политической экономии*. 2021. № 3. С. 120-136.
20. Аралбаева Г.Г., Аралбаев А.Т. О необходимости уточнения основных целевых индикаторов стратегии социально-экономического развития региона // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2020. № 4 (64). С. 13.
21. Voronkova O.V. The impact of inflation on planning and forecasting // *Reports Scientific Society*. 2021. № 1 (25). С. 14-18.
22. Зубаревич Н.В. Пространственные исследования: опыт междисциплинарного проекта // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 7–12.
23. Volynchuk Ya.A., Lykova T.D., Popil V.A. Possibilities of territorial branding as development management tool for the Far East of Russia // *International Journal of Ecosystems and Ecology Science*. 2022. Т. 12. № 1. С. 159-164.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 20.07.2023

Approved date: 03.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 332.05
DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_07



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ ЖИЗНИ

© Автор(ы) 2023

ДУДНИК Анна Игоревна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт региональной экономики и межбюджетных отношений

*Финансовый университет
125167, Россия, Москва, aidudnik@fa.ru*

SPIN: 6311-8609
AuthorID: 911236

ORCID: 0000-0003-0217-2693

КОНИЩЕВ Евгений Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт региональной экономики и межбюджетных отношений

*Финансовый университет
125167, Россия, Москва, eskonishchev@fa.ru*

SPIN: 9026-7198
AuthorID: 1137185

ORCID: 0000-0001-9733-4821

Аннотация. Повышение уровня жизни населения является важнейшей задачей, стоящей перед органами государственного управления в Российской Федерации. Вместе с тем, имеющая место дифференциация регионов по данному критерию, является дополнительным фактором, оказывающим влияние на их экономическое, социальное и демографическое развитие. Несмотря на достаточно большой опыт исследований в данной сфере, большинство авторов ограничивается рассмотрением лишь нескольких ключевых показателей. Вместе с тем, как показывает анализ, регионы могут быть лидерами по одним параметрам уровня жизни и одновременно с этим существенно уступать по другим. В связи с этим, цель статьи заключается в оценке дифференциации регионов России по уровню жизни населения с использованием комплекса показателей и изучение динамики значений данных показателей. В рамках исследования рассматривается соотношение минимального максимального значений показателей по регионам, а также коэффициент вариации. Проводится анализ изменения данных величин в период с 2017 по 2021 гг. по 15 показателям. В большинстве случаев за рассматриваемый период наблюдался рост уровня дифференциации. В связи с этим требуется разработка комплексной оценки уровня жизни, включающей характеристики доходов, расходов, развитости социальной инфраструктуры, наличия у населения благ долгосрочного использования.

Ключевые слова: регионы России, уровень жизни населения, дифференциация регионов, доходы населения, расходы населения, социальная инфраструктура, экономическое развитие, социальное развитие, коэффициент вариации, динамика

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

DIFFERENTIATION OF THE REGIONS OF RUSSIA BY LIVING STANDARDS

© The Author(s) 2023

DUDNIK Anna Igorevna, candidate of Economic Sciences, senior researcher, Institute of Regional Economics and International budget relations

*Financial University
125167, Russia, Moscow, aidudnik@fa.ru*

KONISHCHEV Evgeniy Sergeevich, junior researcher, Institute of Regional Economics and intergovernmental relations

*Financial University
125167, Russia, Moscow, eskonishchev@fa.ru*

Abstract. Improving the standard of living of the population is the most important task facing government bodies in the Russian Federation. At the same time, the existing differentiation of regions according to this criterion is an additional factor influencing their economic, social and demographic development. Despite the rather extensive research experience in this area, most authors limit themselves to considering only a few key indicators. At the same time, as the analysis shows, regions can be leaders in some parameters of the standard of living and at the same time be significantly inferior in others. In this regard, the purpose of the article is to assess the differentiation of Russian regions in terms of the standard of living of the population using a set of indicators and to study the dynamics of the values of these indicators. The study considers the ratio of the minimum maximum values of indicators by region, as well as the coefficient of variation. The analysis of changes in these values in the period from 2017 to 2021 is carried out on 15 indicators. In most cases, an increase in the level of differentiation was observed during the period under review. In this regard, it is necessary to develop a comprehensive assessment of the standard of living, including the characteristics of income, expenses, the development of social infrastructure, and whether the population has long-term benefits.

Keywords: regions of Russia, standard of living of the population, differentiation of regions, incomes of the population, expenditures of the population, social infrastructure, economic development, social development, coefficient of variation, dynamics.

Funding: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из ключевых задач, стоящих перед органами управления в России, является повышение уровня и качества жизни населения. Соглашаясь с важностью решения данной задачи, эксперты отмечают наличие огромных различий между субъектами Российской Федерации практически по всем значимым социально-экономическим параметрам. Имеющиеся исследования в данной области показывают, что «несмотря на неко-

торые положительные сдвиги, уровень различий в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации все еще остается высоким» [1]. Вместе с тем, само понятие уровня жизни многоаспектно и включает в себя различные составляющие, что приводит к определенным противоречиям. Так, исследователи, используя различные методы исследования и наборы показателей, могут приходиться к не вполне совпадающим, а порой и противоречащим друг другу результатам. К задачам

данной работы не относится исследование терминологических особенностей таких понятий, как «уровень жизни населения» или «территориальная дифференциация». Отметим лишь, что именно методологические противоречия приводят, в конечном счете, к тому, что для анализа уровня дифференциации могут применяться различные показатели. Например, коэффициенты вариации [2], соотношение минимального и максимального значений показателей, децильный коэффициент, показатели на основе использования некоторых интегральных значений и рейтингов [3], а также другие.

Кроме того, в части анализа состояния, динамики и последствий территориальной дифференциации в России можно отметить работы Е. А. Коломак [4], Н. В. Зубаревич [5] и других исследователей. Данная проблематика является актуальной и зарубежом. Так, интерес представляет анализ тенденций к усилению поляризации регионального развития Финляндии [6], углубление межрегиональных диспропорций, которые все чаще проявляются в форме социальной и политической напряженности в Индии [7], асимметричное развитие территорий Китая, вызванное, в том числе, особенностями городского развития [8; 9], оценка уровня межрегионального неравенства в Великобритании [10]. В статье [11] показано, что в ряде случаев дифференциация может быть полезна регионам с точки зрения привлечения инвесторов, однако при определенных условиях она будет неэффективна. Во многих работах внимание акцентируется на показателях здоровья, используемых в качестве параметров уровня жизни населения [12; 13], а также на уровне оплаты труда как основного источника денежных доходов [14].

Актуальность исследования связана с тем, что сохранение высокого уровня дифференциации регионов России по уровню жизни отражается на социально-экономическом развитии страны в целом. В условиях снижения численности и доли трудоспособного населения его миграционный отток приводит к еще большему обострению экономических противоречий [15], усилению демографической нагрузки, снижению производительности труда, сокращению доходов на душу населения и в конечном итоге повторению цикла из-за снижающегося уровня жизни. Однако для решения задачи снижения пространственной дифференциации требуется, прежде всего, провести ее оценку и определить динамику данных явлений.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель статьи заключается в оценке дифференциации регионов России по уровню жизни населения с использованием комплекса показателей и изучение динамики значений данных показателей.

В рамках исследования был проведен анализ таких характеристик уровня жизни населения в регионах Российской Федерации как среднедушевые денежные доходы населения, величина заработной платы, размер средней пенсии, уровень бедности, величина расходов населения, доля потребительских расходов и расходов на оплату услуг ЖКХ. Кроме того, рассматривались такие косвенные показатели уровня жизни, как численность профессорско-преподавательского состава, врачей, оборот розничной торговли, общественного питания. Также отдельно следует учесть наличие имущества долгосрочного пользования, включая легковые автомобили, компьютеры, телевизоры, обеспеченность жильем и качество данного жилья.

При этом, учитывая различие масштабов экономик регионов и численности проживающего в них населения, указанные параметры рассматривались не в абсолютном, а в удельном выражении, путем соотношения с некоторой базой. Наиболее распространенным методом является расчет показателей на душу населения (или на число домохозяйств). Финансовые показатели также целесообразно соотнести с величиной прожиточного минимума с целью снижения влияния ценового фактора.

Последний фактор особенно важен в том случае, если интерес представляет не только текущее значение показателей, но и их динамика.

Нами рассматривались значения показателей в период с 2017 по 2021 гг. Источником данных послужили публикации Федеральной службы государственной статистики. Так, статистический сборник «Регионы России. Социально-экономическое положение» имеет раздел, посвященный уровню жизни населения, включающий группы показателей «Денежные доходы населения», «Потребление продуктов питания» и «Жилищные условия». При этом из 40 рассматриваемых показателей 27 относятся к первой группе.

Для оценки уровня дифференциации были рассмотрены соотношения между максимальными и минимальными величинами, а также коэффициент вариации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В таблице ниже приведены результаты проведенных расчетов по данным, характеризующим уровень жизни в регионах Российской Федерации за последние годы.

Таблица 1 – Дифференциация регионов Российской Федерации по уровню жизни

Показатель	Год	Мин	Мак	Мак / Мин	Коэф. вариации	Доля расходов населения на покупку товаров и оплату услуг	2017	2018	2019	2020	2021
Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму	2017	1,61	4,77	2,97	0,21	39,5	99,3	0	2,51	0,13	
	2018	1,37	5,11	3,26	0,22	37,4	102	0	2,73	0,13	
	2019	1,60	5,36	3,35	0,23	38,2	101	0	2,67	0,13	
	2020	1,83	5,42	3,32	0,23	34,5	97,2	0	2,82	0,14	
	2021	1,85	5,69	3,44	0,24	32,9	104	0	3,18	0,15	
Отношение заработной платы к прожиточному минимуму	2017	2,25	5,64	2,51	0,19	5,60	15,6	0	2,79	0,19	
	2018	2,46	6,26	2,55	0,20	4,60	15,0	0	3,26	0,19	
	2019	2,32	6,42	2,55	0,20	5,40	15,0	0	2,41	0,15	
	2020	2,64	6,68	2,33	0,20	4,40	13,5	0	3,07	0,18	
	2021	2,52	6,83	2,71	0,20	5,60	13,9	0	2,48	0,17	
Отношение средней пенсии к прожиточному минимуму	2017	0,87	1,45	1,66	0,10	0,06	4,24	70,08	0,51		
	2018	0,90	1,33	1,71	0,10	0,09	4,06	47,65	0,53		
	2019	0,90	1,54	1,70	0,10	0,03	3,98	120,04	0,52		
	2020	0,94	1,60	1,71	0,11	0,02	3,93	178,49	0,53		
	2021	0,94	1,60	1,71	0,11	0,01	3,91	268,47	0,54		
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	2017	6,10	35,8	5,87	0,33	2,81	8,13	2,90	0,19		
	2018	5,80	34,4	5,93	0,36	2,95	8,15	2,76	0,19		
	2019	5,30	34,1	6,20	0,36	2,89	8,30	2,94	0,19		
	2020	4,80	31,7	6,60	0,36	2,92	8,92	3,06	0,20		
	2021	4,60	29,3	6,37	0,36	2,83	9,16	3,23	0,20		
Отношение потребительских расходов к прожиточному минимуму	2017	0,97	3,32	3,43	0,24	3,9	30,3	7,82	0,28		
	2018	0,94	3,43	3,66	0,24	4,3	31,8	7,49	0,28		
	2019	0,98	3,50	3,58	0,24	4,3	33,6	7,80	0,28		
	2020	0,91	3,03	3,33	0,23	4,2	34,1	8,06	0,28		
	2021	0,95	3,81	3,99	0,24	4,8	39,8	8,29	0,28		

Показатель	Год	Мин	Мак	Мак / Мин	Коэф. вариации	Объем розничной торговли на душу населения, тыс. руб./г.	2017	2018	2019	2020	2021	Удельный вес площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом	2017	2018	2019	2020	2021
Оборот общественного питания на душу населения, руб.	2017	62,0	242	39,04	0,38	108	247	2,29	0,14								
	2018	77,9	255	32,76	0,38	106	227	2,24	0,14								
	2019	74,5	251	33,67	0,36	132,9	31,8	2,29	0,14								
	2020	75,3	259	34,47	0,62	14,0	32,6	2,32	0,14								
	2021	83,8	333	39,80	0,63	14,2	33,5	2,36	0,15								
Число собственных легковых автомобилей	2017	110	495	4,47	0,21	14,6	35,2	2,41	0,15								
	2018	109	50	4,55	0,22	14,7	35,2	2,41	0,15								
	2019	108	509	4,71	0,22	14,7	35,2	2,41	0,15								
	2020	111	519	4,67	0,22	14,7	35,2	2,41	0,15								
	2021	111	528	4,75	0,22	14,7	35,2	2,41	0,15								
Число телевизоров на 100 домохозяйств	2017	99,0	231	2,33	0,13	40,8	99,8	2,44	0,15								
	2018	100	229	2,29	0,13	41,2	99,8	2,42	0,15								
	2019	105	259	2,28	0,13	41,2	99,8	2,42	0,15								

Источник: Составлено авторами по данным Росстата

Как видно из представленных данных по многим показателям имеет место многократный разрыв, что не способствует формированию в субъектах Российской Федерации равных условий для жизни. Вместе с тем, в каждом конкретном случае требуется рассматривать причины возникающих явлений. Так, различие в численности профессорско-преподавательского состава на 1 000 человек населения вполне объяснимо тем, что в ряде регионов система высшего образования практически отсутствует. При этом концентрация вузов в других регионах (в первую очередь в Москве) приводит к формированию миграционного потока абитуриентов (а

в ряде случаев и их родителей). С другой стороны, низкий уровень дифференциации регионов по отношению средней пенсии к прожиточному минимуму объясняется влиянием государства, построением пенсионной системы, направленной на поддержку малоимущих слоев населения (включая гарантированный минимальный уровень) и ограничение максимальной величины пенсионных выплат.

Более неожиданным является различие между уровнем дифференциации по, казалось бы, взаимосвязанным параметрам. Так, если соотношение максимального и минимального значений по показателю «Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму» колеблется от 2,97 до 3,35 раз в зависимости от периода, то по показателю «Отношение потребительских расходов к прожиточному минимуму» аналогичный показатель уже находится в пределах от 3,33 до 3,99 раз. Более того, по обороту общественного питания разрыв составляет от 32,76 до 39,80 раза (в то время как по обороту розничной торговли только 7,49 до 8,29 раза). Схожие выводы можно сделать, анализируя значения коэффициентов вариации, что говорит о том, что подобные интервалы вызваны не только наличием единичных случаев, но и характеризуют в целом разброс между показателями внутри рассматриваемой группы.

Анализируя изменение уровня дифференциации регионов России во времени, следует подчеркнуть, что в большинстве случаев за рассматриваемый период наблюдался рост уровня дифференциации (исключение составляют удельный вес расходов населения на оплату ЖКХ и ряд других показателей, оставшихся фактически на прежнем уровне).

ОБСУЖДЕНИЕ

В целом полученные результаты соответствуют выводам, сделанным другими исследователями в данной области. Вместе с тем, следует отметить, что сама по себе оценка уровня жизни населения и степени дифференциации регионов по данному критерию хоть и является важной задачей, но в большей степени она необходима с точки зрения прогнозирования последствий формирования или усиления различий. В частности, исследователями была выявлена высокая зависимость между дифференциацией доходов населения и социально-экономическими факторами (на примере регионов УрФО [16]). Ряд работ показывает, что подобные различия становятся причиной формирования миграционных потоков. Таким образом, взаимоопределяя друг друга социальные, экономические, демографические и другие показатели образуют своего рода спираль. Конечно, проблема дифференциации территорий имеет место не только на региональном уровне. Отдельную задачу составляет необходимость сохранения и развития сельских муниципальных образований. Дифференциация уровня доходов жителей городской и сельской местности приводит к формированию миграционного оттока трудоспособного населения, что в свою очередь негативно сказывается на экономическом потенциале территории и еще больше снижает уровень доходов. В совокупности это отражается на связанности территорий [17].

В ряде случаев обосновывается целесообразность объединения территорий с целью повышения их совокупного уровня развития и тем самым снижения дифференциации. Вместе с тем, если на муниципальном уровне подобные проекты могут быть реализованы в обозримом будущем [18], то относительно преобразований субъектов Российской Федерации перспективы подобных решений значительно ниже.

Важность необходимости снижения социально-экономической дифференциации регионов России и выработки соответствующих мер макроэкономического регулирования подчеркивается многими авторами [19]. Вместе с тем, имеет место и обратное мнение – необходимость формирования так называемых точек роста и регионов-локомотивов, ускоренное развитие которых

стало бы отправной точкой и условием для соответствующих изменений в других регионах страны [20]. На наш взгляд, требуется разумный баланс между интересами как развитых регионов, так и регионов аутсайдеров, позволяющий достичь максимального эффекта.

Определение параметров данного баланса не только на текущий момент, но и на будущую перспективу невозможно без применения современных методов анализа. Исследования в данной сфере указывают на целесообразность разработки и применения экономико-математических моделей региональных систем [21].

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что дифференциация между субъектами Российской Федерации по основным показателям, характеризующим уровень жизни населения, не только сохраняется, но и усиливается. При этом по различным направлениям данная дифференциация может существенно различаться. Таким образом, оценка уровня жизни по одному частному показателю или даже по группе показателей, характеризующих только одну из его сфер, представляется некорректным. Требуется разработка комплексной оценки уровня жизни, включающей характеристики доходов, расходов, развитости социальной инфраструктуры [22], наличия у населения благ долгосрочного использования. Кроме того, анализ публикаций по исследуемой проблематике показал важность оценки уровня дифференциации населения региона по данным показателям. В связи с этим, еще одной компонентой оценки уровня жизни должна стать должен стать данный показатель. Комплексный подход к оценке уровня жизни населения позволит сформировать более адекватное понимание сложившейся ситуации и в дальнейшем принимать более обоснованные решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Макенов М.М. Совершенствование государственного регулирования социально-экономической дифференциации регионов России // ЭКО. 2019. № 4 (538). С. 173–191.
2. Тогузова И.З. Анализ природы дифференциации социально-экономического пространства регионов России // Финансовая жизнь. 2021. № 3. С. 36–41.
3. Кочкин Т.Н. Дифференциация регионов Северо-западного федерального округа по социально-экономическим показателям // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 4 (38). С. 279–281.
4. Коломак Е. А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99
5. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
6. Antikainen J., Vartiainen P. Finnish districts and regional differentiation // *Fennia – International Journal of Geography*. 2002. №180(1–2). Pp. 183–190.
7. Bharadwaj K. Regional Differentiation in India: A Note // *Economic and Political Weekly*. 1982. №17(14/16). Pp. 605–614.
8. Barry Naughton Provincial economic growth in China: causes and consequences of regional differentiation // *China and its regions: economic growth and reform in Chinese provinces*. 2002. Pp. 57–60
9. Zhang P, Pan J, Xie L, Zhou T, Bai H, Zhu Y. Spatial–Temporal Evolution and Regional Differentiation Features of Urbanization in China from 2003 to 2013 // *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2019. №8(1). P. 31. <https://doi.org/10.3390/ijgi8010031>.
10. McCann Ph. Perceptions of regional inequality and the geography of discontent: insights from the UK // *Regional Studies*. 2020. Vol. 54. № 2. Pp. 256–267. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1619928>
11. Moshe Justman, Jacques-François Thisse, Tanguy van Ypersele, Fiscal competition and regional differentiation // *Regional Science and Urban Economics*, 2005. Vol. 35. Iss. 6. Pp. 848–861. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2005.04.001>.
12. Antony G.M., Visweswara Rao K., A composite index to explain variations in poverty, health, nutritional status and standard of living: Use of multivariate statistical methods // *Public Health*. 2007. Vol. 121. Iss. 8. Pp. 578–587
13. Schoch T., Staub K., Pfister Ch. Social inequality and the biological standard of living: An anthropometric analysis of Swiss conscription data, 1875–1950 // *Economics & Human Biology*. 2012. Vol. 10, Iss. 2. Pp. 154–173. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2011.05.001>.
14. Bossler, M., & Germer, H.-D. Employment Effects of the New German Minimum Wage: Evidence from Establishment-Level Microdata // *ILR Review*. 2020. № 73(5). Pp. 1070–1094. <https://doi.org/10.1177/0019793919889635>.
15. Киселева Е. Н., Шатохин М. В., Жахов Н. В., Сурай Н. М. Влияние развития строительного рынка на функционирование со-

циально-экономической системы региона // Экономика. Профессия. Бизнес. 2023. № 1. С. 42–51. <https://doi.org/10.14258/epb202305>.

16. Шеломенцев А.Г., Козлова О.А., Гончарова К.С. Оценка влияния социально-демографических факторов на дифференциацию доходов населения // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 4. С. 126–134.

17. Стров П.В., Дудник А.И. Особенности управления связностью территорий: восточный вектор // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10. С. 2677–2686.

18. Орешников В.В. Оценка и обоснование целесообразности укрупнения муниципальных районов в субъектах российской федерации (на примере Республики Башкортостан) // Вестник НГИЭИ. 2019. № 11 (102). С. 121–133.

19. Поянова О.С. сокращение социально-экономической дифференциации регионов России как задача макроэкономического регулирования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 6–1. С. 66–77.

20. Berge, P., Frings, H. High-impact minimum wages and heterogeneous regions // Empir Econ. 2020. № 59. Pp. 701–729. <https://doi.org/10.1007/s00181-019-01661-0>

21. Низамутдинов М.М. Методические аспекты разработки инструментария моделирования и информационной поддержки формирования прогнозов демографического развития регионов // Известия Уфимского научного центра РАН. 2021. № 4. С. 102–109.

22. Литова Ю.С., Орешников В.В. Взаимосвязь уровня развития и финансирования социальной инфраструктуры в Российской Федерации // Вестник НГИЭИ. 2020. № 11 (114). С. 160–174.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

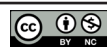
Received date: 01.09.2023

Approved date: 14.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 336.647/.648

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_08



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

РОССИЙСКИЙ ОФСЕТНЫЙ КОНТРАКТ, КАК ИНСТРУМЕНТ МЕХАНИЗМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ В ЭКОНОМИКУ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ, ЕГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

© Автор(ы) 2023

ИЛЬИН Сергей Александрович, аспирант
*Российский университет дружбы народов (РУДН),
117198, Россия, Москва, Murz1lk@mail.ru*

SPIN: 0000-0000

AuthorID: 000000

ORCID: 0009-0008-6204-1090

Аннотация. Обзор теоретических основ по теме исследования позволяет определить, что инструментом механизма привлечения в экономику дополнительных инвестиций достаточно много, однако применительно к реальному сектору экономике их два: специальные инвестиционные и офсетные контракты. Причиной ввода данных инструментов в механизм государственно-частного партнерства являются экономические последствия санкционной политики в отношении РФ. В статье автором делается акцент на содержание и особенности одного из них – на офсетный контракт, а его содержание и нормативно-правовое обеспечение рассматривается с позиции сравнительного анализа. Автором отмечается, что формирование инструмента, как категории продолжается по настоящее время и выступает предметом исследовательского интереса, требуя последующего его развития по направлениям: диверсификации источниками ресурсного обеспечения и ограничения их размера, объективности и субъективности применения, возможности пролонгации результата. В ходе исследования автор приходит к выводу, что офсетный контракт является инструментом реализации инвестиционной политики государства, альтернативой, но не формой государственно-частного партнерства, как это утверждается рядом экспертов; а кроме того – под данным видом контракта можно понимать «сделку под ключ», по мнению автора, в отличие от традиционного соглашения о государственно-частном партнерстве.

Ключевые слова: офсетный контракт, дополнительные инвестиции, реальный сектор экономики, возможности для финансирования, ограничения.

RUSSIAN OFFSET CONTRACT AS A TOOL FOR ATTRACTION OF ADDITIONAL INVESTMENTS IN THE ECONOMY, ITS REGULATORY AND LEGAL SUPPORT

© The Author(s) 2023

ILYIN Sergey Alexandrovich, graduate student
*Peoples' Friendship University of Russia,
117198, Russia, Moscow, Murz1lk@mail.ru*

Abstract. A review of the theoretical foundations on the research topic allows us to determine that there are quite a lot of tools for the mechanism of attracting additional investments to the economy, however, in relation to the real sector of the economy, there are two of them: special investment and offset contracts. The reason for introducing these instruments into the mechanism of public-private partnership is the economic consequences of the sanctions policy towards the Russian Federation. In the article, the author focuses on the content and features of one of them - the offset contract, and its content and legal support is considered from the perspective of a comparative analysis. The author notes that the formation of a tool as a category continues to the present and is a subject of research interest, requiring its subsequent development in the following areas: diversification by sources of resource support and limiting their size, objectivity and subjectivity of application, the possibility of prolonging the result. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the offset contract is an instrument of the mechanism for implementing the investment policy of the state, an alternative, but not a form of public-private partnership, as a number of experts claim; and besides, this type of contract can be understood as a "turnkey deal", according to the author, in contrast to the traditional agreement on public-private partnership.

Keywords: offset contract, additional investment, real sector of the economy, funding opportunities, limitations.

ВВЕДЕНИЕ

В законодательстве РФ механизмами привлечения в экономику дополнительных инвестиций и обеспечения платежеспособного спроса заявлены государственно-частное партнерство (возможно муниципально-частное партнерство) – далее ГЧП [1], инструментами реализации которого в РФ с 2015 года одновременно выступают энергосервисные контракты с признаками ГЧП, концессионные соглашения (далее – КС), Соглашение о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве (СГЧП), Контракты жизненного цикла (КЖЦ) [2] и т.д. По мнению З. У. Меджидова [3], многообразие форм государственно-частного партнерства предопределяется спецификой задач, решаемых государством. Так, КС, СГЧП, КЖЦ традиционно отводятся решению задач обеспечения инвестициями социально-значимых, инфраструктурных проектов. А уже, начиная с июля 2016 г., инструментами привлечения инвестиций в экономику (а именно – в реальный её сектор), по мнению А. Г. Зельднера выступают офсетные контракты [4] и специальные инвестиционные контракты (далее – СПИК) [5]. Причиной ввода новых инструментов в механизм государственно-частного партнерства являются экономические последствия санкционной политики в отношении РФ, реализуемой с 2014 года: необходимость создания и

развития собственного производства в условиях импортозамещения, локализации производства наукоемкого, технически сложного продукта, создание дополнительных рабочих мест, финансирование инфраструктуры. А. А. Паршина отмечает, что на уровне производства в ряде отраслей её следствием выступил разрыв технологических цепочек и уход ряда иностранных производителей из отечественных отраслей критической значимости, как то: энергетика, машиностроение, медицинская отрасль, пищевая промышленность и др. [6]. Заявленные в 2016 году инструменты современной инвестиционной политики РФ – офсетные и специальные инвестиционные контракты, получают все большее распространение, что определяет необходимость остановиться на категориях более подробно. А учитывая значительный объем затронутой темы исследования, в рамках статьи целесообразно это сделать на одном из инструментов механизма привлечения в экономику дополнительных инвестиций – на примере офсетного контракта.

Анализ публикаций А. С. Беднякова [1], З. У. Меджидова [2], А. Г. Зельднера [3] и др. показал, что в историческом контексте, первым аналогом «внутренних» офсетных контрактов является практика Японии, которая в послевоенное время стимулировала развитие отечественной промышленности посредством предо-

ставления гарантий на гос. закупки продукции определенных отраслей (пр., электроники). Продолжение идеи с добавлением требований по локализации производства до 20–50 %, реализовано в практике привлечения в экономику дополнительных инвестиций (помимо отечественных, также допускались иностранные) в Индии (программа Make in India). По этому же пути пошло Правительство Казахстана в 2010-х гг., разработав нормативно-правовое обеспечение вопроса, однако не доведя вопрос до практико-применения [7].

Необходимость заключения офсетных контрактов непосредственно на международном уровне возникла в конце 1980-х гг. XX в. во Франции, которая в рамках конкурентной борьбы за контракт впервые реализовала на практике идею строительства заводов по производству продукта – предмета контракта на территории страны-импортера в сделке с Саудовской Аравией 1989 года, приобретающей фрегаты, гарантировав реинвестиции в 35 % от суммы договора. Впоследствии именно данный вид (международный офсет) получил широкое распространение в практике международной торговли вооружения, а в последствии – в фармацевтической промышленности, в машиностроении, в пищевой и легкой промышленности. Накопленный опыт был закреплён в нормативах Всемирной торговой организации (ВТО).

В частности, ВТО под офсетом предлагает понимать обязательство со стороны продавца (экспортера) по развитию территории покупателя (импортера) – месте поставки продукции. Идея реализуется в рамках капиталовложений в локализацию производства, в разработку или трансфер технологий, часто – при заключении соглашений с поставщиками других стран. При этом зачастую используются близкородственные категории: помимо «офсетного контракта», это «гос. контракты со встречными обязательствами», «контракты по промышленному сотрудничеству и взаимозачетам», «контракты по промышленному участию и встречной торговле», «торговые соглашения об инвестициях с гарантированным гос. заказом». В связи с чем, М. Сторпер выделяется две категории офсетов [8]: 1) военные (прямые) офкеты, когда реализация контракта предполагает создание на территории покупателя-импортера производств отдельных компонентов или финальной сборки предмета контракта; 2) гражданские (косвенные) офкеты, часто на практике реализация которых приобретает формы совместного производства встречной торговли (бартера). А. К. Бекером отмечается, что дополнительными обязательствами данных контрактов может стать небольшая локализация производства [9].

В российской практике необходимость привлечения дополнительных инвестиций посредством заключения отечественных офсетных контрактов впервые была реализована в 2016 г. в пилотных проектах г. Москвы, Санкт-Петербурга. А. С.Бедняков [1], Е. О. Трофимова [10], А. Г. Зельднер [4], М. Сторпер [8] признают целесообразным расширение деятельности и повсеместное использование данного инструмента, что обуславливает необходимость оценки практики реализации проектов с позиции нормативно-правового сопровождения вопроса. Вышесказанное, а также утверждение перечисленных авторов, что российская версия офсетных контрактов, как инструмент механизма привлечения инвестиций в реальный сектор экономики, имеет некоторые аналоги в мировом опыте, при этом выступая относительно оригинальной конструкцией, требует осмысления и оценки, определяя актуальность темы данного исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Цель исследования – изучить содержание российского офсетного контракта, как инструмента механизма привлечения в экономику дополнительных инвестиций, его нормативно-правовое сопровождение; оценить состояние и варианты практико-применения офсетного контракта в отечественной практике, а также спрогнозировать перспективы развития данного инструмента.

Методологией исследования являются системный подход, который позволяет рассмотреть вопрос комплексно, в сравнении с равноценным инструментом привлечения в экономику дополнительных инвестиций, получившим одномоментное развитие в отечественной практике – специальные инвестиционные контракты (СПИК), а также выявить особенности реализации на практике именно офсетного контракта.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Теоретические основы содержания российского офсетного контракта, по замыслу автора, целесообразно рассматривать с позиции нормативно-правового обеспечения вопроса. Так, как показывают исследования, понятие «офсетный контракт» раскрыто в следующих нормативах:

– в определении Минфина РФ, предлагающего понимать под данной категорией разновидность государственного контракта, реализуемого на территории РФ и предполагающего в обязательном порядке использование встречных инвестиционных обязательств продавца по созданию производственных мощностей на территории покупателя – субъекта РФ, за свой счет в обмен на обязательства покупателя в течение длительного срока (до 10 лет) осуществлять закупку товара [11]. Данная формулировка закреплена в ст. 111.4 Закона №44-ФЗ, где в уточнении категории «государственный контракт» внесены две взаимосвязанные идеи: 1) «offset – возмещение, компенсация» классической офсетной сделки. По мнению А. Панова [12] дополнительные инвестиционные обязательства в производство (часто – в высокотехнологичное) со стороны продавца на территории покупателя, ранее реализуемые во взаимоотношениях «продавец-покупатель» на уровне международной торговли, законодателями РФ пролонгированы в практику повышения инвестиционной активности отечественного реального сектора (в отличие от России за рубежом офсетные контракты почти исключительно нацелены на заключение соглашений с иностранными поставщиками). Однако в них не отображается информация о необходимости обеспечения эффективности получаемого результата [13]; 2) off pay agreement. Как отмечает А. Ю. Петраков [14], термин предполагает обязательства со стороны потенциального покупателя – в данном случае государства на закупку продукта, планируемого к производству в будущем. Таким образом, считая Закон №44-ФЗ ключевым нормативно-правовым актом, регламентирующего деятельность по заключению и реализации офсетных контрактов, определяем, что предметом контракта, выступают: 1) инвестиционные обязательства продавца – поставщика-инвестора по организации и производству определенного продукта; 2) эксплуатационные обязательства поставщика-инвестора на определенной территории, 3) обязательства заказчика о включении инвесторов в реестр единых поставщиков, но, что было бы логично, не выступают обязательства заказчика по закупке произведенного продукта, как на новом, вновь организованном производстве, так с иных принадлежащих ему производственных мощностей, которые не связаны с реализацией офсетного контракта [Офсетные контракты: You and Partners].

– в Законе № 360-ФЗ, который дополняет идею офсетных контрактов Закона №44-ФЗ в производстве помимо создания новых производств, модернизацией и реконструкцией уже существующих мощностей, заменяя термин «поставщик-инвестор» на «инвестор». Также, помимо производства, в законе рассмотрена возможность инвестиций в сферу услуг, согласно выработанного списка.

– в Постановлении № 1441, где регламентируются требования к содержанию планов-графиков офсетных контрактов, право субъекта РФ разрабатывать формулу цены, устанавливая ее максимальное значение, что очевидно заранее снижает конкурентоспособность продукта сделки [15];

– в соответствии с Постановлением №1440 от 18.08.2022 «О внесении изменений в отдельные акты Правительства РФ в части закупок со встречными инвестиционными обязательствами» с 27.08.2022 информацию о самой закупке допустимо заявлять в форме отдельной закупки при составлении план-графика выполнения контракта [16].

В качестве вывода определяем, что перечисленные нормативно-правовые акты допускают определенные полномочия для субъектов РФ по заключению офсетных контрактов, проведения конкурсных процедур.

Далее, учитывая, что в законодательстве РФ с июля 2016 г. инструментами реализации механизма привлечения в экономику дополнительных инвестиций и обеспечения платежеспособного спроса одновременно заявлены офсетные контракты и специальные инвестиционные контракты (СПИК), определяем необходимость изучения содержания офсетного контракта в сравнении (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика офсетных контрактов и специальных инвестиционных контрактов в сравнении

Критерий сравнения	Специальный инвестиционный контракт	Офсетная сделка
Нормативное сопровождение	- п.1 ст.16 Закона № 488-ФЗ «О промышленной политике в РФ» от 31.12.2014; - Закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров» от 05.04.2013 г. с изменениями; - постановление Правительства РФ № 708 «О спец инвест контрактах для отдельных отраслей пром.» от 16.07.2015 (ред. от 22.02.2022 г.); - ФЗ от 02.09.2019 N 290-ФЗ (глава 21; ст.18.1 – 18.6 Закона); - глава 3.5, ст. 25.16 НК РФ (ФЗ от 02.08.2019 N 269-ФЗ); - Закон № 224-ФЗ «О государственном партнерстве» (ФЗ от 13.07.2015) с изменениями [17].	- ст. 111.4 Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров...» от 05.04.2013 г. с изменениями; - постановление Правительства РФ № 1087 от 22.11.2013 г.; - Закон № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 02.07.2021; - ст. 328 ГК РФ; - постановление Правительства РФ № 1441 от 22.12.2016 [16]; - постановление Правительства РФ № 1166 от 12.11.2016 «Об особенностях проведения тендеров для офсетных контрактов» (отменено)
Объекты соглашения и условия капиталовложения	Инвестиции в производство (создание, либо модернизация, R&D, освоение производства продукта, разработка и внедрение технологии для серийного производства продукта) – право заказчика признавать производителя единственным поставщиком	Инвестиции в новые производственные мощности, модернизацию (реконструкцию) существующих, в разработку или трансфер технологий – условие для заключения контракта на поставку с обязательством по локализации
Субъекты соглашения	РФ (Дипромторг / Минэнерго (Минсельхоз) + Субъект РФ + МО + Инвестор (без ограничений)	Субъект РФ + Инвестор (только российские юридические лица: опят работы, оборот >10% от цены закупки, завершённые капиталовложения >10% от заключенных инвестиций по контракту)
Размер капиталовложений	>3 млрд рублей	> 100 млн руб. (до 9 июля 2022 г. размер капиталовложений – не менее 1 млрд руб.) > 400 млн руб. при совместной закупке (211-ФЗ от 28.06.2022) ≤ 1 млрд руб. с деп. требованиями по контракту (обязательные условия: указание требований к объемам поставок другим заказчикам и максимальному объему готовой продукции)
Срок действия	Срок действия контракта – <10 лет + 1 год (инвестиции > 3 млрд руб.) ≤ 15 лет (инвестиции ≤ 30 млрд руб.) ≤ 20 лет (инвестиции > 30 млрд руб.)	≤ 10 лет, начиная с момента запуска (окончания строительства) мощности
Уровень заключения контракта	на уровне РФ, субъекта или муниципалитета + акт Правительства	только на уровне субъекта РФ
Механизм заключения	Конкурсный отбор	Замысловатый порядок, на основе включения в единый реестр поставщиков
Условия поставки продукта	поставка продукта заказчику до 30% годового объема без проведения торгов, – сбыт ограничен территории РФ	- рынок сбыта ограничен территорией субъекта РФ (с 2024 г. возможно проведение совместного тендера на заключение офсетного контракта для ряда субъектов РФ); - есть требования по определению предельной цены продукта, объемам поставок [15].
Гарантии со стороны государства с позиции бюджетного планирования	Право, но не обязанность заключить контракт. При заключении контракта государство обязуется не изменять условия контракта, условия инвестирования	Право, но не обязанность заключить или выполнить уже заключенный контракт. В условиях краткосрочного горизонта бюджетного планирования «недозакуп» продукта допускается
Льготы при реализации контракта	упрощенный доступ к субсидиям, госзаказу, получение статуса «Сделано в России» ускоренная амортизация	статус единственного поставщика в случае успешной реализации инвестиционного этапа офсетного контракта

Источник: Составлено автором по данным открытых источников

Сравнение контрактов и изучение их характеристик позволило определить, что заключение, как офсетного контракта, так и СПИК не является процедурным моментом, автоматически гарантирующего производителю-инвестору сбыт с позиции единственного поставщика, но повышает шансы данных компаний на их заключение, что важно, включить поставщика-инвестора в специальный реестр поставщиков государство обязуется в соответствии со ст. 111.4 44-ФЗ. При этом, государство не является участником (стороной), берущей на себя какие-либо обязательства по исполнению непосредственно самого контракта, не является соучредителем компаний. Более того, его цель «на выходе» – получение необходимого продукта в заявленные сроки по «оптимальной» цене, что однозначно определяет необходимость для производителя самостоятельного выстраивания бюджетной политики компании. Вышесказанное позволяет определиться с выводом

– оба контракта (и СПИК и офсетный) являются инструментами механизма реализации инвестиционной политики государства, альтернативой, но не формами (моделями) государственно-частного партнерства, как это утверждается рядом экспертов [18; 19; 20].

Кроме того, учитывая законченность жизненного цикла, предусмотренного офсетным контрактом, когда идея предмета контракта, например, продукта производства прописывается, начиная с концепции продукта и создания мощностей и заканчивая поставкой товара в выполнение условий сделки, как объекта воздействия офсетного контракта, под данным видом контракта можно понимать контракт жизненного цикла (КЖЦ) или «сделку под ключ», в отличие от традиционного соглашения о ГЧП.

ВЫВОДЫ.

Офсетный контракт применим по большому спектру видов деятельности, включая производство и сферу услуг. И если в 2016 году замысел был применен относительно ввода в оборот однозначно нового производства, то редакция нормативно-правовых актов в настоящее время позволяет сформировать инвестиционные обязательства и по модернизации и реконструкции уже существующего производства, а также ряда направлений сферы услуг. А при том, что в тексте Закона №44-ФЗ точных формулировок «создание», «модернизация», «освоение», «реконструкция» не предусмотрено, это дает инвестору и заказчику пространство для действий, в т.ч. и при производстве продукта на иных принадлежащих ему производственных мощностях, которые не связаны с реализацией офсетного контракта.

Увеличенный срок действия контракта (в сравнении с традиционным гос. контрактом, концессионным соглашением) позволяет инвестору выстраивать экономически обоснованную стратегию производства высокотехнологического, технически сложного, наукоемкого производства, обеспечивая не только рост, но и развитие компании, при том, что в тексте Закона №44-ФЗ точных указаний по созданию продукта именно таких характеристик нет.

Уменьшенный размер капиталовложений со стороны инвестора, необходимых для включения в единый реестр поставщиков, позволяет не только холдингам и иным крупным формам бизнес-объединений использовать данный инструмент, но и открывает поле деятельности для отечественного малого и среднего бизнеса.

Заключение офсетного контракта не является процедурным шагом, гарантирующим отдельному инвестору сбыт с позиции единственного поставщика, но предусматривает возможность включения инвестора в специальный реестр поставщиков.

Государство не является стороной контракта, несущей обязательства; не является соучредителем. Это позволяет считать офсетный контракт альтернативой, но не моделью ГЧП. Отдельным моментом в этих отношениях выступает невозможность сохранения хозяйственной самостоятельности для производителя при отсутствии вероятности самостоятельного выстраивания ценовой политики компании (п.6,7 ч.1 ст. 111.4 44-ФЗ и ч. 2, 3, 4 постановления Правительства РФ №1441 от 22.12.2016), производственной программы (ч. 16 ст. 34 44-ФЗ), пролонгированной стратегии производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бедняков А.С. Государственно-частное партнерство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО-Университета. 2022. №1. С. 143–176
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1087 «Об определении случаев заключения контракта жизненного цикла»
3. Меджидов З.У. Формы государственно-частного партнерства в России: сравнительный анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. №3. С.73-95. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_3_73_95
4. Зельднер А.Г. Офсетные контракты в управлении привлечением инвестиций в проекты с гарантированным спросом //

Финансовая экономика. 2020. № 2. С. 41–44

5. Зельднер А. Г. Специальный инвестиционный контракт в управлении привлечением частных инвестиций в модернизацию промышленности // *Экономические науки*. 2019. № 9. С. 82–86

6. Parshina, A.A., Levchuk, V.V., Shpilevskaya, E.V., et al. *The study of modern approaches to development of economic systems through managing their complexity. The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony*. "Lecture Notes in Networks and Systems" Cham, Switzerland. 2019. P. 726-733

7. *Офсетные контракты как механизм привлечения инвестиций: аналитическое исследование*. М: You and Partners. 2021 г. 70 с. URL: <https://youandpartners.ru/analytics/> (дата обращения 18.03.2023)

8. Storper M., Scott A. *Pathways to industrialization and regional development*. Routledge. 2017. 420 pp. URL: www.tmdfebooks.com (дата обращения 18.12.2022)

9. Becker K. *A consideration of cyclic developments with the theory the long waves*. Dissertation to obtain the dignity of dr re. pole. University of Flensburg. 2004. 404 pp. URL: <https://www.zhb-flensburg.de/fileadmin/content/spezial-einrichtungen/zhb/dokumente/dissertationen/becker/becker.pdf> (дата обращения 13.02.2023)

10. Трофимова Е.О. Оценка потенциального влияния заключенных офсетных контрактов на конкурентную ситуацию в сегменте госзакупок // В сборнике: *Инновации в здоровье нации*. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 401–406

11. Письмо Минфина России от 21.12.2021 № 24-03-08/104169

12. Панов А. Контракты с встречными инвестиционными обязательствами // *Новости GMP*. 2020. С.44-46

13. Tolstykh, T.O., Alpeeva, E.A., Shkarupeta, E.V., et al. *Algorithm for assessing the efficiency of innovational technologies of industrial enterprises. Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives*. Lecture Notes in Networks and Systems. Luxembourg. –2020. – P. 463-471

14. Петраков А.Ю. Привлечение инвестиций с помощью офсетного контракта // *Вектор юридической науки*. 2020. С.98-104 DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.098-104

15. *Постановление Правительства РФ от 22.12.2016 № 1441 «Об установлении требований к устанавливаемому органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации для целей осуществления закупок в соответствии с пунктом 48 части 1 статьи 93 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» порядку определения предельной цены единицы товара, производство которого создается или модернизируется и (или) осваивается на территории субъекта Российской Федерации в соответствии с государственным контрактом, заключаемым с единственным поставщиком товара – юридическим лицом в соответствии со статьей 111.4 указанного Федерального закона, а также к порядку определения цены такого контракта»*

16. *Постановление №1440 «О внесении изменений в отдельные акты Правительства РФ в части закупок со встречными инвестиционными обязательствами» от 18.08.2022*. <https://kgz.ru/vneseny-izmeneniya-v-ryad-npa-v-chasti-zakupok-po-rezultatam-kotoryh-zaklyuchayutsya-kontrakty-so-vstrechnymi-investitsionnymi-obyazatelstvami/> (дата обращения 18.04.2023)

17. *Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ*

18. Дупан А. *Государство стимулирует инвестиции с помощью закупок* // *Институт проблем правового регулирования НИУ «Высшая школа экономики»*. URL: <https://rg.ru/2016/09/19/zakon-o-kontraktnoj-sisteme-sozdal-dve-modeli-stimulirovaniia-sprosa.html> (дата обращения 23.04.2023)

19. Сергеева В.А. *Основания заключения инвестиционных контрактов. Способы их финансового обеспечения* // Департамент бюджетной методологии Минфина РФ. URL: <https://www.fko.msk.ru/> (дата обращения 12.04.2023)

20. McKinsey & Company Inc. et al. *Valuation: Measuring and Managing the Value of Companies*, 7th edition. -Hoboken: John Wiley and Sons, 2020.

Received date: 07.07.2023

Approved date: 21.07.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 332.02

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_09



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРЕНДОВ В ТЕМАТИЧЕСКОМ КЛАСТЕРЕ

«ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ»

© Автор(ы) 2023

КНЯЗЕВ Владислав Ринатович, аспирант кафедры информационной экономики,
экономический факультет

Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростов-на-Дону, vlad.knyazev.97@mail.ru

SPIN: 4878-1069

ORCID: 0000-0001-7949-5998

Аннотация. Вопросы финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия приобретают особую актуальность на современном этапе развития экономической системы. Помимо практической значимости, данное направление является популярной областью научных исследований. Цель статьи – анализ существующей литературы по обозначенной тематике с выявлением основных тенденций развития данного тематического направления. В результате анализа выявлено, что перспективы исследований в области финансово-экономической устойчивости связаны с разработкой адаптационных механизмов развития в условиях существующих вызовов, а также с формированием инструментария оценки влияния агентских отношений на формирование таких механизмов. Сделан вывод о том, что полученные результаты позволят предоставить академическому сообществу знания, отражающие основные исследовательские перспективы данной научной области исследования и ее интеллектуальную структуру.

Ключевые слова: промышленное предприятие, устойчивое развитие, системный подход, адаптационных механизмов, библиометрический анализ.

BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF RESEARCH TRENDS IN THE THEMATIC CLUSTER “FINANCIAL AND ECONOMIC STABILITY OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE”

© The Author(s) 2023

KNYAZEV Vladislav Rinatovich, postgraduate Student of the Department of Information Economics,
Faculty of Economics
Southern Federal University

344006, Russia, Rostov-on-Don, vlad.knyazev.97@mail.ru

Abstract. The issues of financial and economic stability of an industrial enterprise are especially relevant at the present stage of the development of the economic system. In addition to its practical significance, this direction is a popular field of scientific research. The purpose of the article is to analyze the existing literature on the designated topic with the identification of the main trends in the development of this thematic area. The analysis revealed that the prospects for research in the field of financial and economic sustainability are associated with the development of adaptive development mechanisms in the face of existing challenges, as well as with the formation of tools for assessing the impact of agency relations on the formation of such mechanisms. The results obtained in the study will provide the academic community with knowledge of main research prospects of this field of science and its intellectual structure.

Keywords: industrial enterprise, sustainable development, system approach, adaptation mechanism, bibliometric analysis.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы финансово-экономической устойчивости в контексте деятельности промышленных предприятий становятся всё более актуальными на современном этапе развития экономической системы. Усиление нестабильности экономических систем, разрушение прежних идеалов о саморегуляции рыночного механизма, конфликт между процессом глобализации мировой экономики и национальными интересами стран, нарушение международной логистики, значимость ESG-повестки, возрастающая скорость принятия решений – вот только некоторые характеристики конъюнктуры, в которой компаниям приходится вести свою деятельность. Следовательно, грамотное управление денежными потоками, рачительное отношение к ресурсам и корректный прогноз будущего финансового положения становятся вопросами выживаемости промышленных компаний в современных условиях.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исходя из этого, цель данной статьи состоит в анализе общей картины научной области исследования «финансово-экономическая устойчивость промышленных предприятий» с помощью библиометрического анализа литературы. Основное внимание в статье уделяется следующим исследовательским вопросам:

Обзор изменения взглядов в различных научных дисциплинах на понятие «устойчивость», определение понятия «финансово-экономическая устойчивость»;

Анализ зарождения тренда на исследование финансово-экономической устойчивости в зарубежной литературе, выделение специфики отечественных исследований данной темы;

Анализ изменения исследовательского интереса по исследуемой теме с 2000 по 2022 годы, выделение факторов возрастания внимания научного сообщества к данной теме.

Полученные ответы на указанные вопросы позволяют предоставить академическому сообществу знания, отражающие основные исследовательские перспективы данной научной области исследования и ее интеллектуальную структуру.

Метод исследования – библиометрический анализ. В данном исследовании мы использовали базу данных Scopus, поскольку данная система обеспечивает больший охват журналов в области высококачественных фундаментальных научных исследований по сравнению с WoS. Для получения и визуализации данных была использована аналитическая система SciVal.

РЕЗУЛЬТАТЫ

«Устойчивость» как объект мультидисциплинарного интереса

Прежде чем анализировать устойчивость в контексте деятельности промышленного предприятия, то есть в экономическом смысле, следует отметить, что данная категория является общенаучной. Помимо экономики, проблематика устойчивости актуальна для философии, физики, математике, кибернетики, биологии, медицине и других сфер научного познания [1]. Помимо науки, категория устойчивости применяется в прикладных сферах человеческой деятельности, таких как строительство, авиация, профессиональный спорт и многих других. В словаре русского языка слово «устойчивый» определяется как «не поддающийся, не подверженный колебаниям, стойкий, твердый» или «способный сохранить состояние

равновесия при внешних воздействиях» [2].

Как уже отмечалось ранее, устойчивость исследуется многими научными дисциплинами с присущими им методологическими особенностями. Так, в математике теория устойчивости рассматривает устойчивость решений дифференциальных уравнений. В физике и механике одной из центральных является теория устойчивости движения. Существенный вклад в развитие данной теории внёс русский математик А. М. Ляпунов. В работе «Общая задача об устойчивости движения» сформулировано строгое математическое определение устойчивости [3]. Основной идеей является свойство механической системы, способной совершать так называемое невозмущённое движение, мало отклоняться от этого движения при малых возмущениях. При этом невозмущённым называется движение, соответствующее заданным силам и начальным условиям. Данная теория является одним из важнейших понятий механики и используется для множества технических приложений. Например, рабочий режим некоторого технического устройства, устойчивость которого исследуется, можно считать невозмущённым движением.

В прикладном смысле понятие «устойчивость», как правило, используется при характеристике технических систем. Так, в строительной механике устойчивостью называют способность сооружения и его частей сохранять свое первоначальное положение при действующих нагрузках [4]. Анализ подходов к трактовке устойчивости в науке и в прикладных сферах позволяет выделить сущность данной категории. Устойчивой может считаться неизменно функционирующая система, способная к возвращению в первоначальное состояние после внешнего воздействия.

Прежде чем оценивать исследовательские тренды, необходимо определить, что мы будем понимать под финансово-экономической устойчивостью промышленного предприятия. Так, финансово-экономическая устойчивость промышленного предприятия – это такое социально-экономическое состояние предприятия, когда материально-ресурсная база и система агентских отношений способствуют как непрерывности текущей деятельности, так и созданию экономического потенциала для расширения бизнеса с учетом влияния возмущений внешней среды.

В данном определении объединены два неотъемлемых, по нашему мнению, компонента финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия: во-первых, возможность стабильно и в полном объёме выполнять текущие и будущие обязательства, а во-вторых, создавать экономическую базу для расширения масштабов деятельности.

Эволюция исследовательского интереса к финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия

Базис современных подходов к оценке финансово-экономической устойчивости промышленных предприятий был заложен в 1960-е годы У. Бивером в его модели экспертной оценки нестабильности компании в зависимости от финансовых потоков. Недостаток подхода того периода состоял в сложности интерпретации результатов [5]. Наибольшее признание получила модель Z-score Э. Алтмана, которому множественным дискриминантным анализом (MDA) удалось преодолеть недостатки модели У. Бивера [6]. При этом стоит отметить, что модель Алтмана, несмотря на популярность как среди академического сообщества, так и в бизнес-среде, не даёт точного результата оценки вероятности банкротства предприятия. Впоследствии на базе метода MDA было построено столь значительное количество моделей, что Э. Дикин выдвинул требование о нормальности распределения значений модельных факторов, что довольно труднодостижимо на практике [7].

В начале 1970-х годов Р. Эдмистер предложил использовать динамическую модель MDA с включением лаговых переменных [8]. В данном случае использование

стандартных отклонений позволило повысить прогнозную точность модели. В развитие этого подхода к оценке уровня финансово-экономической устойчивости предприятия М. Блюм применил метод MDA для оценки вероятности банкротства. Сущность его подхода заключалась в построении регрессионных уравнений для двух категорий предприятий (предприятия-банкроты и финансово-здоровые предприятия), сводя к минимуму различия внутри каждой группы. Далее оценивались коэффициенты финансовой устойчивости для каждой из групп [9].

К середине 1970-х годов сформировался самый популярный из применяемых сегодня методов анализа платежеспособности и банкротства предприятия – модель logit-регрессии Д. Чессера [10]. Автор, опираясь на статистическую выборку по 37 успешно обслуживаемым ссудам и 37 ссудам, обслуживание которых было несвоевременным, вывел модель, используя балансовые показатели компаний-заемщиков. Данная модель позволяет оценить не только вероятность невозврата кредита, но также и вероятность отклонения от графика платежей. В развитие данного подхода значительный вклад был внесён Дж. Олсоном, который внедрил инструменты, позволяющие извлекать дополнительную информацию. Так, был существенно облегчён процесс принятия решений после анализа предельных эффектов, которые показывают изменение вероятности банкротства компании при изменении каждого фактора модели на 1 [11].

Развитие теорий и моделей финансово-экономической устойчивости компаний 1960 – 1970-х годов сформировало общее представление о том, что именно рентабельность компании положительно влияет на ее устойчивость. Ключевой вывод заключается в том, что компании, стабильно генерирующие прибыль, менее подвержены финансовой нестабильности, так как имеют возможность смягчить или избежать влияния факторов экономической нестабильности. Сегодня данная идея является общепринятой, в том числе и для развивающихся рынков (Р. Д. Форман, 2003) [12]. В центр внимания здесь находятся операционная маржа (Operating margin), рентабельность собственного капитала (ROE) или продаж (ROS) (Я. Р. Уильямс, С. Ф. Хака, М. С. Бетнер, Дж. В. Карчелло [13]). Этот подход прочно закрепился в учебной литературе (А. А. Гроппелли, Э. Никбакт, 2000 [14]; Дж. Ф. Хьюстон; Е. Ф. Бригхэм, 2009 [15] и др.).

В контексте настоящего исследования важно упомянуть, что вопросы финансовой устойчивости субъектов экономики активно рассматриваются на примере отдельных развивающихся рынков, например, Туниса (М. Хамди, С. Метсири, 2014) [16], Бразилии (Дж. Юм, Г. Митчелл, 2005) [17]; Китая (Р. Ченг, И. Бозе К. Чен, 2015) [18]; Румынии (Л. Тюдор, М. Е. Попеску, М. Андриекя, 2015) [19] и др.

На рубеже 1990–2000-х годов с началом становления рыночных отношений в России и странах СНГ наблюдался всплеск интереса к проблемам и способам достижения финансово-экономической устойчивости промышленных предприятий. В 2000-е годы доминировали представления о приоритете анализа исключительно финансовых показателей. Так, разрабатывая технологию интегральной оценки устойчивости финансово-экономического состояния предприятия, А. А. Блошенко сопоставила для этой цели применимость финансово-аналитических коэффициентов и концептуальных схем интеграции прогнозных оценок. Как указывает автор, и то, и другое требует «объективного анализа бухгалтерской отчетности» и на базе этого определения не только «уровней его финансовой стабильности и независимости», но также и «степени соответствия финансово-хозяйственной деятельности целям уставной деятельности» [20].

Совершенно новым направлением в экономических исследованиях можно считать использование нейронных сетей вместо построения традиционных регрессионных моделей. Так, А. В. Полбин и М. А. Кропачева использовали нейросеть для моделирования зависимости

обменного курса рубля от цен на нефть [21]; в работе А. Азаде, С. Ф. Гадери и С. Сохраб-хани прогнозировался объём потребления электроэнергии в Иране [22]. Также А. Д. Петайкина с помощью нейросети прогнозировала изменение во времени потребления домашних хозяйств [23]. Во всех трех работах сделан вывод о превосходстве предиктивных способностей нейронных сетей по сравнению с традиционными регрессионными моделями. К аналогичным выводам пришел и Д. Муди, сравнивая эффективность нейросетей с моделями временных рядов [24]. Нам не удалось найти исследований, в которых возможности нейросети использовались бы для анализа финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия, что может являться новым направлением в данной предметной области.

Новый виток исследований проблематики финансово-экономической устойчивости промышленных предприятий можно зафиксировать в 2014–2022 годах. В условиях эскалации геополитической напряженности и введения обширного санкционного давления устойчивость приобрела жизненно важное значение и стала изучаться не как проблема очередного кризиса и его преодоления, то есть циклично, а на постоянной основе, как неотъемлемое требование к функционированию национальной экономики.

Качественная оценка исследовательского интереса к финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия

Действительно, тенденция возрастания интереса учёных-экономистов к проблематике финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия именно в периоды экономических кризисов имеет ярко выраженный характер. Для подтверждения данного тезиса проанализируем количество публикаций в <https://www.sciencedirect.com> с использованием строки поиска “financial and economic stability”. Результаты представлены на Рисунке 1.

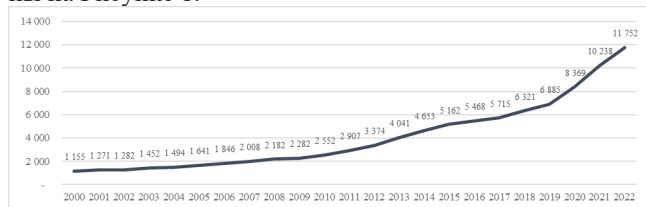


Рисунок 1 – Количество публикаций по проблематике финансово-экономической устойчивости

Источник: составлено автором на основе данных [25]

Очевидно, что интерес научного сообщества к теме финансово-экономической устойчивости постоянно возрастает. При этом для оценки событий в мировой экономике, подтолкнувших к росту исследовательского интереса к рассматриваемой тематике, оценим темп прироста количества научных публикаций год к году. Данные представлены на рисунке 2.

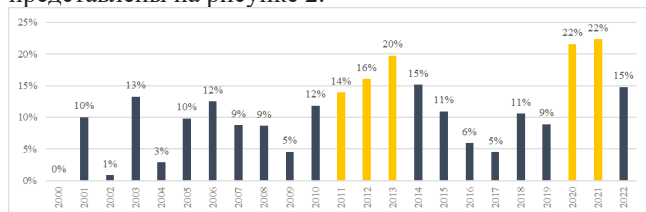


Рисунок 2 – Прирост количества публикаций по тематике финансово-экономической устойчивости

Источник: составлено автором

Анализ данных показывает, что рост научного интереса к финансово-экономической устойчивости связан с кризисными явлениями в мировой экономике (с учетом временного лага). Так, наибольший прирост числа публикаций наблюдается в период с 2011 по 2013 годы (после мирового финансового кризиса 2008 – 2009 годов) и

с 2020 по 2021 годы (после кризиса, вызванного пандемией COVID-19). При этом только за первую половину 2023 года в информационной системе Scenedirect зарегистрировано 10 757 исследований, что превышает количество публикаций за весь 2022 год (10 752). За этим усматривается зарождение новой волны интереса научного сообщества к финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия.

Для полноты картины рассмотрим иные информационные системы. Используя поисковые слова “financial stability” и “industrial enterprise” в базе Scopus было обнаружено 20 416 результатов, включая 14 723 научных статьи. Можно отметить растущую динамику публикаций (рисунок 3). При этом имеется значительный рост числа публикаций, начиная с 2020 года, что во многом связано с вызовами коронакризиса и растущим интересом к вопросам поддержания финансовой устойчивости предприятия в условиях шоков.

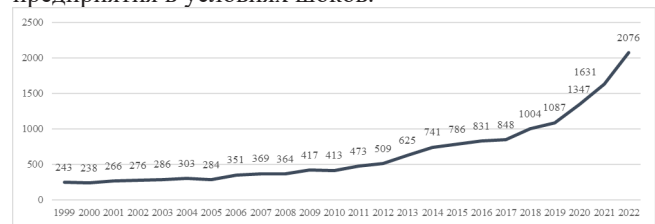


Рисунок 3 – Количество публикаций в базе Scopus с ключевыми словами financial stability и industrial enterprise

Источник: составлено автором

Первые публикации с данными ключевыми словами появились в 1999 году (243 статьи). В 2021 году таких публикаций насчитывается 1 631, а в 2022 году – уже 2 076. Все это позволяет сделать вывод о растущем интересе к определенной нами научной сфере исследований.

В аналитической системе SciVal поиск по ключевым словам “financial stability” и “industrial enterprise” не дал результатов, так как не были выявлены уже сформированные топики. Поэтому нами была сформирована собственная область исследований, включающая данные ключевые слова. Предметная область исследований была ограничена следующими: Экономика, эконометрика и финансы; Бизнес, управление и бухгалтер; наука о принятии решений. В результате мы получили выборку из 37 публикаций. Безусловно, их количество в данной проблематике намного выше, но заданные нами ограничения сузили данную область, возможно из-за того, что не все авторы указывали оба ключевых слова в своих статьях. Более того, в статьях авторы в основном указывают конкретную отрасль, а не промышленность в целом.

Тем не менее, сформированная выборка позволяет нам говорить о том, что проблематика финансовой устойчивости промышленных предприятий имеет высокую степень научной значимости. Влияние цитирования, взвешенного по полю, определяется как 3,54.

Наиболее цитируемые публикации в данной предметной области отражены на Рисунке 4.

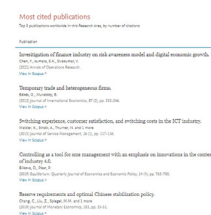


Рисунок 4 – Наиболее цитируемые публикации с ключевыми словами financial stability и industrial enterprise

Источник: составлено автором

Среди имеющихся топики, связанных с научной областью исследований «финансовая устойчивость»,

можно выделить как наиболее близкий к проблематике нашего исследования T.67833 Monetary Policy; Financial Stability; Dynamic Factor Model.

В данной предметной области имеется 125 исследований за последние 10 лет. Несмотря на некоторую нестабильность в научных результатах, можно все же отметить устойчивый интерес к данной теме. Основные публикации в данной предметной области связаны с поиском инструментов оценки уровня финансовой устойчивости компании.

Стоит отметить, что при определении топика с ключевым словом финансовая резилиентность, полученные несколько иные результаты. Количество публикаций за последние 10 лет приближается к 500. При этом большая часть публикаций представлена исследователями из США. Наиболее цитируемые авторы в данной тематике представлены на рисунке 5.

Name	Scholarly Output	Citations	h-Index
1. Mostafavi, Ali	14	155	22
2. Abraham, Dulcy M.	9	116	24
3. Zhu, Jin	7	68	9
4. Mostafavi, Ali	6	66	28
5. DeLaurentis, Daniel A.	4	66	25
6. Sinfield, Joseph Victor	3	49	12
7. Valentin, Vanessa	2	9	11
8. Paget-Seekins, Laurel	2	2	7
9. Gómez, Camilo	2	4	7
10. Afonso, Whitney B.	2	9	7
11. Weinreich, David P.	2	9	4
12. Sánchez-Silva, Mauricio	2	4	24
13. Vives, Antonio	2	24	6
14. Queiroz, Cesar A.V.	2	37	8
15. Mannering, Fred	2	9	57
16. Dueñas-Osorio, Leonardo	2	4	35
17. Du, Yuanhu	1	0	3
18. Arnold, Jennifer S.	1	30	3
19. Śladowski, Grzegorz	1	2	7
20. Shao, Qiang	1	0	5

Рисунок 5 – Наиболее цитируемы авторы по проблемам финансовой резилиентности

Источник: составлено автором

Тематика наиболее цитируемых публикаций связана с построением различных моделей оценки сценариев финансового развития.

В целом, проведенный анализ, позволяет сделать вывод о том, что выбранная проблематика является актуальной и имеет высокий уровень научной значимости.

ВЫВОДЫ

Увеличение научного интереса к проблематике финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия приводит к необходимости систематизации научных работ с целью идентификации формирующихся трендов и изыскания сфер, в которые ещё возможно внести свой вклад. Результаты данного исследования демонстрируют, что использование библиометрических методов при анализе текущего состояния исследований в определенной тематической области, а также при исследовании динамики изменения научного интереса, способствуют получению таких знаний. Так, очевидно, необходимость адаптации инструментального подхода, популярного среди западных исследователей, на специфику развивающихся экономик, в том числе на Россию. Также возможно исследование влияния вопросов агентских отношений на формирование адаптивной системы поддержания финансово-экономической устойчивости промышленного предприятия. Не стоит также забывать о возможности использования современных методов исследования, таких как нейронные сети, при анализе финансово-экономической устойчивости.

Мы ожидаем формирование в 2023 году новой волны исследовательского интереса к заявленной проблематике. Исследование подтверждает необходимость адаптации существующих подходов к измерению и поддержа-

нию финансово-экономической устойчивости с учётом новых экономических и геополитических шоков. Исходя из этого, дальнейший научный интерес автора связан с разработкой комплексной системы факторов, управление которыми позволят менеджменту компании создать и поддерживать стабильное финансово-экономическое состояние, позволяющее как обеспечить бесперебойное выполнение текущих обязательств, так и формирующее крепкий фундамент для развития бизнеса в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чупров, С.В. Управление устойчивостью производственных систем в условиях инновационной модернизации: автореф. дис. д-ра экон. наук: 08.00.05 / Чупров Сергей Витальевич. – Иркутск, 2008. – 39 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. 1953. 848 с.
3. Ляпунов, А. М. Общая задача об устойчивости движения / А. М. Ляпунов. М.–Л.: ГИТТЛ, 1950. – 472 с.
4. Шутенко Л.Н., Засядько Н.А. Строительная механика: Краткий курс/ Разделы 3, 4. Устойчивость и динамика стержневых систем (для студентов строительных специальностей). – Харьков: ХНАГХ, 2005. – 116 с.
5. Beaver W.H. Financial ratios as predictors of failure. Empirical research in accounting selected studies// Supplement to Journal of Accounting Research. 1966. №40. Pp. 71–111.
6. Altman E.I. Financial ratios. Discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy// The Journal of Finance. 1968. №20. Pp. 589–609.
7. Deakin E.I. A discriminant analysis of predictors of business failure// Journal of Accounting Research. 1972. №12. Pp. 167–179.
8. Edmister R.O. An empirical test of financial ratio analysis for small business failure prediction// The Journal of Financial and Quantitative Analysis. 1972. №16. Pp. 1477–1493.
9. Blum M. Failing company discriminant analysis// Journal of Accounting Research. 1974. Vol.24. № 1. С. 1–25.
10. Chesser D. Predicting loan noncompliance// Journal of Commercial Bank Lending. 1974. №13. Pp. 2–15.
11. Ohlson J. Financial ratios and the probabilistic prediction of bankruptcy// Journal of Accounting Research. 1980. №22. Pp. 109–131.
12. Foreman R. D. A logistic analysis of bankruptcy within the US local telecommunications industry// Journal of Economics and Business. 2003. №55 (2). Pp.135-166.
13. Williams, Jan R.; Susan F. Haka; Mark S. Bettner; Joseph V. Carcello Financial & Managerial Accounting. McGraw-Hill Irwin. 2008. Pp. 264-287.
14. Groppelli, Angelico A.; Ehsan Nikbakht Finance, 2000. 4-th ed. Barron's Educational Series, Inc.
15. Houston, Joel F.; Brigham, Eugene F. Fundamentals of Financial Management. [Cincinnati, Ohio]: South-Western College Pub., 2009.
16. Hamdi M., Mestiri S. Bankruptcy prediction for Tunisian firms: An application of semi-parametric logistic regression and neural networks approach. Economics Bulletin. 2014. №34 (1): 133-143.
17. Yim J., Mitchell H. A comparison of corporate distress prediction models in Brazil: Hybrid neural networks, logit models and discriminant analysis. Nova Economia. 2005. №15 (1): 73-93.
18. Geng R., Bose I., Chen X. Prediction of financial distress: An empirical study of listed Chinese companies using data mining. European Journal of Operational Research. 2015. №241 (1): 236-247.
19. Tudor L., Popescu M.E., Andreica M. A decision support system to predict financial distress. The case of Romania. Romanian Journal of Economic Forecasting. 2015. №18 (4): 170-179. URL: http://www.ipe.ro/rjef/rjef4_15/rjef4_2015p170-179.pdf
20. Блошенко А.А. Технология интегрального оценивания устойчивости финансово-экономического состояния предприятия российской промышленности: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2009. 193 с.
21. Полбин А.В., Кропачева М.А. Моделирование зависимости обменного курса рубля от цен на нефть с использованием нейронных сетей // Прикладная информатика. 2022. Т. 17. № 4. С. 127–142.
22. Azadeh A., Ghaderi S.F., Sohrabkhani S. Annual electricity consumption forecasting by neural network in high energy consuming industrial sectors // Energy Conversion and Management. 2008. Vol. 49. No. 8. Pp. 2272–2278.
23. Петайкина А.Д. (2023) Петайкина А.Д. Прогнозирование изменений потребления домашних хозяйств с использованием нейронных сетей. Russian Economic Developments, 7, 42-53.
24. Moody J., Utans J. Architecture selection strategies for neural networks: Application to corporate bond rating prediction // In: Neural networks in the capital markets. New York: John Wiley & Sons. 1994. Pp. 277–300.
25. Поиск в информационной системе <https://www.sciencedirect.com> с использованием запроса «financial and economic stability». URL: <https://www.sciencedirect.com/search?q=financial%20and%20economic%20stability> (дата обращения: 13.05.2023)

Received date: 06.09.2023

Approved date: 20.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 336.71

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_10



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ КАК МНОГОСТОРОННИХ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ

© Автор(ы) 2023

КРИВОШАПОВА Светлана Валерьевна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономики и управления»
Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, svetlana.krivoshapova@vvsu.ru

SPRIN: 3812-9760

AuthorID: 768866;

ORCID: 0000-0002-1457-4369.

ScopusID: 57200409029

ЧИПИЗУБОВ Денис Андреевич, выпускник 4-го курса бакалавриата кафедры «Экономика и управление», направление специальности «Финансы и кредит»
Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, ak-i@list.ru

ORCID: 0009-0006-6340-5779.

Аннотация. Определить особенности работы коммерческих банков на рынке ценных бумаг в современных условиях. В нынешних условиях частичной изоляции рынка ценных бумаг РФ, мирового экономического кризиса роль коммерческих банков приобретает большую значимость. Актуальность исследования обуславливается тем, что после значительного усложнения процесса зарубежного инвестирования в РФ сформировалась большая группа инвесторов, обладающая капиталом, и конкурентоспособность рынка ценных бумаг для них значительно выросла за неимением прочего. В последнее время банки являются не только основными посредниками в сфере финансовых отношений, но и активными источниками популяризации инвестиций в стране. За счёт развитой технической инфраструктуры перед коммерческими банками открываются значительные возможности по предоставлению всевозможных услуг, как уже имеющимся клиентам, так и вновь привлеченным. Вместе с тем за банки осуществляют такие услуги как комплексное консультирование и прогнозирование. В статье описаны главные тенденции развития коммерческих банков на рынке ценных бумаг. Цель исследования – провести анализ данных тенденций и разработать предложения по улучшению организации работы финансовых посредников на рынке ценных бумаг.

Ключевые слова: ценные бумаги, коммерческие банки, инвестиции, финансовые посредники, рынок ценных бумаг, инвесторы, фондовый рынок, брокерская деятельность, финансовые инструменты, профессиональные участники рынка ценных бумаг.

DEVELOPMENT TRENDS OF COMMERCIAL BANKS AS MULTILATERAL SECURITIES MARKET PARTICIPANTS

© The Author(s) 2023

KRIVOSHAPOVA Svetlana Valerievna, candidate of Economic Sciences, associate professor of
the department of Economics and Management
Vladivostok State University

690014, Russia, Vladivostok, svetlana.krivoshapova@vvsu.ru

CHIPIZUBOV Denis Andreevich, graduate of the 4th year of bachelor's degree of the department of «Economics and management», specialty «Finance and credit»
Vladivostok State University
690014, Russia, Vladivostok, ak-i@list.ru

Abstract. This article discusses the features of the work of commercial banks in the securities market in modern conditions. In the current conditions of partial isolation of the securities market of the Russian Federation, the global economic crisis, the role of commercial banks is becoming increasingly important. The relevance of the study is due to the fact that after a significant complication of the process of foreign investment in the Russian Federation, a large group of investors with capital has formed, and the competitiveness of the securities market for them has grown significantly for lack of other things. Recently, banks are not only the main intermediaries in the field of financial relations, but also active sources of promoting investment in the country. Due to the developed technical infrastructure, commercial banks have significant opportunities to provide all kinds of services, both to existing customers and to newly attracted ones. At the same time, banks provide such services as comprehensive consulting and forecasting. The article describes the main trends in the development of commercial banks in the securities market. The purpose of the study is to analyze these trends and develop proposals for improving the organization of the work of financial intermediaries in the securities market.

Keywords: stocks, commercial banks, investments, financial intermediaries, securities market, investors, stock market, brokerage, financial instruments, professional participants in the securities market.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В последние годы все больше и больше физических и юридических лиц начинают пользоваться услугами брокеров, увеличиваются объемы совершаемых операций. В первую очередь это связано со снижением препятствий инвестированию. Текущий уровень развития технологий позволяет инвестору получить доступ к огромному количеству финансовых инструментов в любой точке мира. Коммерческие посредники, являясь финансовыми посредниками, постоянно ищут возможности совершенствования своих сервисов для поддержания конкурентоспособности.

Банки улучшают свои продукты и услуги, чтобы при-

влечь больше инвесторов на рынок ценных бумаг. Они предлагают широкую линейку инструментов для инвестирования, такие как ETF (Exchange Traded Funds) и CFD (Contract for Difference), которые позволяют инвесторам торговать акциями и другими финансовыми инструментами без необходимости покупать и продавать реальные акции. Вместе с тем, коммерческие банки улучшают свою маркетинговую стратегию для дополнительного привлечения внимания потенциальных инвесторов, организуют различные мероприятия, вебинары и конференции, где эксперты рассказывают о рынке ценных бумаг и дают советы по инвестированию. Кроме того, банки заботятся о своей репутации, следят за своим рейтингом на различных площадках по оценке, основной из них на данный момент является площадка Банки.ру.

Банк России также заинтересован в развитии рынка ценных бумаг и поэтому реализует различные меры по уменьшению препятствий для инвесторов, включая технические. Отчасти из-за этого практически все ценные бумаги перенесены в цифровой вид и доступны определенным категориям пользователей, подписание заявок на куплю/продажу ценных бумаг упрощается и становится более безопасным благодаря внедрению биометрических подтверждений.

Очевидно, что коммерческие банки оказывают ключевое влияние на развитие рынка ценных бумаг, начиная с развития инфраструктуры и привлечения клиентской базы и заканчивая законодательными инициативами для развития рынка ценных бумаг и экономики в целом.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Роль коммерческих банков и функции коммерческих банков на рынке ценных бумаг рассматривали такие авторы, как: Ю. С. Шпинева [1], Р. А. Курбаниязов [2], И. В. Горелова, М. Р. Арпентьева [3], В. Д. Баков [4], А. Е. Мельникова [5], К. Р. Кудияров, С. С. Ерняязова [6], Д. М. Гусева [7], Е. С. Абдулманова [8], И. А. Осипова [9], А. А. Клопова [10], И. В. Сурина, Ю. О. Сизова [11], Е. А. Ященко [12] и другие.

Обращаясь к работам российских авторов, следует отметить недостаточную степень освещенности в сфере инвестиций отечественными авторами и, в частности, коммерческих банков, как одних из ключевых участников рынка ценных бумаг.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель исследования заключается в анализе сложившихся тенденций деятельности коммерческих банков на рынке ценных бумаг и разработке предложений по улучшению организации работы финансовых посредников на рынке ценных бумаг.

Задачи для осуществления цели исследования:

1. Дать определение и оценить степень значимости коммерческих банков на рынке ценных бумаг;
2. Изучить текущие темпы развития рынка ценных бумаг;
3. Рассмотреть особенности инвестиционной деятельности коммерческих банков в РФ как финансовых посредников;
4. Сформировать прогноз перспективных направлений развития коммерческих банков, как финансовых посредников на рынке ценных бумаг.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В данной статье используются информационно-аналитические и статистические материалы официальных сайтов Банка России и Московской биржи, результаты исследований ученых и экспертов в рассматриваемой области. Анализируется динамика основных показателей, отражающих развитие рынка ценных бумаг РФ, а также темпы развития коммерческих банков на данном рынке. Рассматриваемый период 2020 – 2022 годы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Коммерческие банки являются основными финансовыми посредниками всей экономической деятельности государства. Развитие банковской системы напрямую взаимосвязано с экономическим развитием страны. Сильная экономика не может существовать без развитой банковской системы.

На сегодняшний день коммерческие банки являются основными финансовыми посредниками на рынке ценных бумаг. Большая клиентская база и созданная для кредитной деятельности техническая инфраструктура позволяют банкам успешно оказывать подобные услуги.

Коммерческие банки на рынке ценных бумаг предоставляют следующие услуги своим клиентам:

- предоставление клиентам доступа к биржевой торговле;
- агитация инвестирование, обучение, консультирование клиентов;
- управление активами клиентов.

Помимо предоставляемых услуг, коммерческие банки также проводят активную эмиссию ценных бумаг для привлечения дополнительных средств. Большая аналитическая база и высококвалифицированные сотрудники позволяют банкам осуществлять инвестиции на рынке ценных бумаг за счет собственных средств с целью извлечения прибыли.

Таким образом, коммерческие банки играют важную роль на рынке ценных бумаг, не только предоставляя широкий спектр услуг для клиентов, но и активно инвестируя и производя эмиссию ценных бумаг.

В последние годы все больше и больше физических и юридических лиц начинают пользоваться услугами финансового посредничества, что является перспективным направлением развития для коммерческих банков. Стоит учитывать, что коммерческие банки конкурируют не только между собой, но и между другими профессиональными участниками рынка ценных бумаг (ПУРЦБ). На конец 2022 года на 187 коммерческих банков приходилось 413 ПУРЦБ. [13] По данным Банка России количество клиентов на брокерском обслуживании в РФ растет из года в год, что говорит о заинтересованности как физических, так и юридических лиц. [14] На рисунке 1 представлена динамика данного показателя с разбивкой клиентов на обслуживании у коммерческих банков (КО) и некредитных финансовых организаций (НФО).

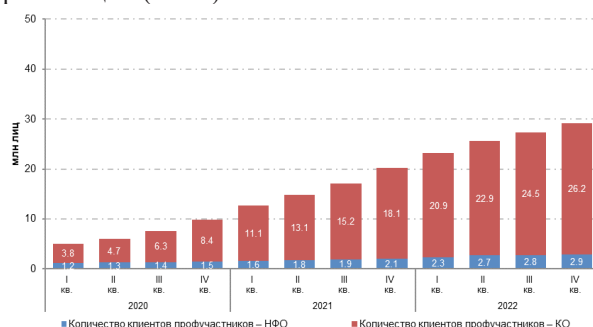


Рисунок 1 – Динамика количества клиентов на брокерском обслуживании в РФ за 2020 – 2022 гг., тыс. лиц [15]

На рисунке 1 отчетливо выражена ситуация с преобладанием основной массы клиентов на обслуживании у коммерческих банков. Рост интереса к инвестированию обусловлен рядом факторов. Учитывая, что люди со стремлением к инвестициям являются наиболее платежеспособным населением, лидеры мнений и прочие медийные личности освещают тему инвестиций для привлечения аудитории с дорогостоящей целевой рекламой. Такая ситуация приводит к повышению качества предоставляемых слушателям материалов, что неизбежно ведет к росту финансовой грамотности и осведомленности населения. Также молодое поколение, не заставшее крупные падения на финансовых рынках в сознательном возрасте, стремится обеспечить стабильный доход в будущем, особенно с учетом повышения пенсионного возраста. Все это приводит к увеличению числа физических лиц, инвестирующих на рынке ценных бумаг с каждым годом.

В 2022 году ежемесячно более 2,2 млн человек заключали сделки на фондовом рынке Московской биржи (2,0 млн ежемесячно в 2021 году).

Частные инвесторы инвестируют в долговые, долевыми ценные бумаги, а также биржевые фонды. Структура инвестиций частных инвесторов за 2022 год представлена на рисунке 2.

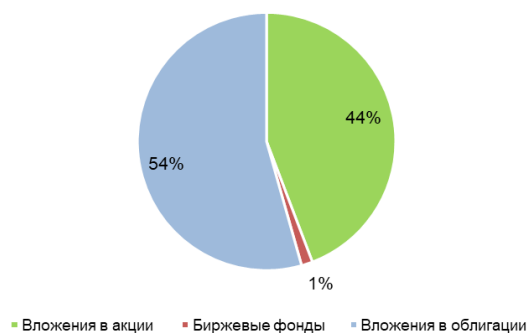


Рисунок 2 – Структура инвестиций частных инвесторов 2022 г., % [16]

На рисунке 2 выражается незначительная доля инвестиций в биржевые фонды, что отражает их малую популярность среди инвесторов. Вложения в облигации составили 54 %, что отражает потребность инвесторов в консервативных и более безопасных инструментах за данный период, который отмечен высокой степенью неопределенности на рынке ценных бумаг в РФ.

Исходя из данной статистики, можно сделать вывод о достаточно внушительных темпах роста данного финансового направления в России, что вызывает интерес у коммерческих банков в развитии данного направления.

Для полноценного анализа обратимся к долям активов финансовых организаций в активах финансовой системы РФ, представленным на рисунке 3.

Выявление динамики данных долей позволит оценить тенденции наращивания инвестиций по представленным группам держателей активов.

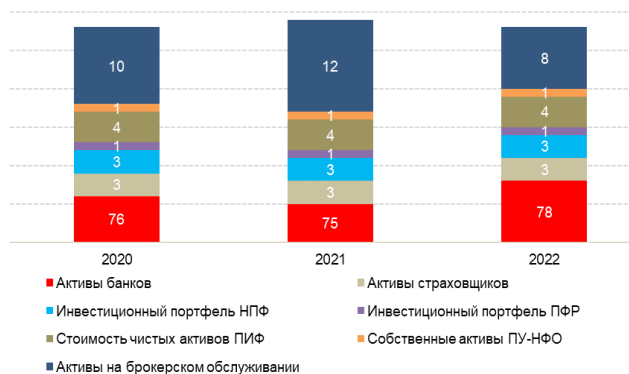


Рисунок 3 – Доли активов финансовых организаций в активах финансовой системы РФ 2020 – 2022 гг., % [17]

Рисунок 3 демонстрирует волнообразную динамику показателей. К концу отчетного периода величина активов банков увеличилась за счёт банков, вытесняя активы на брокерском обслуживании. Остальные показатели не имели динамики. Такая тенденция отражает высокую степень инвестиционной активности банков, что сопровождалось снижением активов на брокерском обслуживании.

Все вышесказанное говорит не только о повышающейся активности частных инвесторов, но и наращивании активов в форме инвестиций банками, что вполне логично, учитывая возможности инвестиционного анализа банков.

Благодаря современным техническим возможностям и достаточно развитой финансовой инфраструктуре взаимодействия брокеры способны осуществлять всевозможные взаимодействия с огромным числом пользователей одновременно. Подобная экономия от масштаба позволяет снижать различные комиссионные платежи, что в свою очередь делает инвестирование более доступным и привлекательным для населения и одновременно

с тем положительно влияет на прибыль брокеров.

Также из-за сокращения дистанции между инвесторами и эмитентами увеличивается скорость оборота денежных средств на рынке ценных бумаг, что с учетом текущей бизнес-модели финансовых посредников положительно влияет на финансовый результат. Эта тенденция является системной. Конкуренция за клиентов приводит к улучшению услуг каждого брокера, в какой-то мере в ущерб возможности клиента оценивать рыночную ситуацию в моменте. Всё это формирует потенциал для кратковременных неблагоприятных изменений цены в случае кризисных событий, особенно в инструментах с низкой степенью ликвидности.

Учитывая схожесть технической инфраструктуры между коммерческими банками, для привлечения новых клиентов, а также повышения их уровня финансовой грамотности коммерческие банки используют определенный ряд маркетинговых инструментов, в качестве основных из них можно выделить следующее [18]:

- ВТЛ-мероприятия: тренинги, вебинары, где начинающие инвесторы могут получить нужную информацию и, возможно, преференции от брокера;
- модульное обучение с возможностью тренировки на демосчетах;
- активное ведение блога для инвесторов в социальных сетях;
- таргетированная и контекстная реклама, почтовые рассылки, реклама в СМИ;
- кросс-маркетинг с лидерами мнений и профессиональными инвесторами на коммерческой основе, заказ рекламы у блогеров.

Однако стоит отметить кардинальную разницу между тем, чтобы привлечь физическое лицо к инвестированию на рынке ценных бумаг, и тем, чтобы инвесторы имели при этом достаточный уровень финансовой грамотности.

Несмотря на низкий уровень осведомленности об инвестициях население все больше участвует в купле/продаже ценных бумаг. Основной причиной этого является то, что рынок ценных бумаг является более эффективным финансовым инструментом, в сравнении с другими способами инвестирования, такими как покупка недвижимости, драгоценных металлов или депозиты, за счёт удобства использования внушительного перечня финансовых инструментов, высокой степени диверсификации инвестиций, а также высокого уровня дохода.

Исходные показатели указывают на то, что банки включают в себя инвестора, эмитента и посредника с внушительным перечнем услуг. Учитывая невысокую степень вовлеченности населения РФ в инвестиции, данное направление деятельности имеет значительные темпы роста, что делает его комплексно перспективным для дальнейшего развития коммерческих банков.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Некоторые научные работы, сравнивая зарубежные банки с отечественными коммерческими банками, говорят об отсутствии ярко выраженной приоритетности в деятельности кредитно-финансовых институтов, а также нахождении рынка ценных бумаг РФ в «зачаточном» состоянии [19, с. 174]. Несмотря на право осуществления операций на фондовом рынке (в отличие от стран англосаксонской систем), деятельность банков недостаточна [6, с. 5]. Однако исследователи также отмечают положительное воздействие на развитие рынка ценных бумаг путём расширения перечня услуг коммерческих банков инвестиционным сопровождением [11, с. 3].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Анализ последних лет показывает, что в РФ активно формируется объемная прослойка населения, вовлеченная в процесс инвестирования. Банки в свою очередь находятся в процессе постоянного развития для привлечения искушенного клиента, что приводит к снижению

тарифов обслуживания, активной маркетинговой кампании, развитию мобильных приложений. В итоге данный процесс приводит к развитию экономики страны и приобретению капитала страны отечественными гражданами.

Стоит отметить низкую степень участия юридических лиц как в процессе инвестирования, так и в привлечении денежных средств путем эмиссии долговых и долевого ценных бумаг. На данный момент основным бенефициаром развития этого направления является Банк России, однако коммерческие банки также видят в данной деятельности большие перспективы развития.

Подводя итог, можно сказать, что будущее российского рынка ценных бумаг выглядит очень перспективным как для развития экономики страны, так и для увеличения прибыли коммерческих банков. Усилия Банка России, профессиональных участников рынка ценных бумаг в итоге позволят решить задачу масштабного воздействия механизма финансирования экономики страны, хозяйствующих субъектов через инструменты рынка ценных бумаг с привлечением финансово грамотного населения, как потенциально крупного частного инвестора.

Перспективы дальнейших изысканий данного направления.

В настоящее время банки активно инвестируют в создание инфраструктуры для рынка ценных бумаг, и этот процесс продолжает развиваться. Исходя из представленных материалов, можно сделать следующие выводы о будущих тенденциях развития коммерческих банков на рынке ценных бумаг:

1. Развитие технологий. Использование новых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и машинное обучение, может помочь банкам улучшить процессы инвестирования и снизить риски.

2. Сотрудничество с другими финансовыми институтами. Сотрудничество с финансовыми организациями, позволят отработать нормативную базу и легче продвигать новые инициативы.

3. Расширение географии. Банки вынуждены расширять географию инвестиций для сохранения достаточной степени диверсификации инвестиций своих клиентов с учетом значительного санкционного давления.

Резюмируя итог, следует сказать о том, что коммерческие банки РФ обладают весьма развитой технической инфраструктурой на мировом рынке, что является главным преимуществом в развитии рынка ценных бумаг, однако высокое санкционное давление и сохраняющийся скептицизм населения к инвестициям в целом могут стать серьезными препятствиями на пути развития инвестиций в РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шпинев Юрий Сергеевич Классификация инвестиций – Текст: электронный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-investitsiy> (дата обращения: 06.05.2023).
2. Курбаниязов Руслан Александрович Правовое понятие инвестиций – Текст: электронный // Евразийская адвокатура. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-ponyatie-investitsiy> (дата обращения: 06.05.2023).
3. Горелова И.В., Арпентьева М.Р. Индивидуальный инвестиционный счет: проблемы финансово-правового регулирования – Текст: электронный // Вестник СурГУ. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnyy-investitsionnyy-schet-problemy-finansovopravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 19.05.2023).
4. Баков Владимир Дмитриевич Проблемы и перспективы привлечения инвестиций на рынке акций – Текст: электронный // Журнал прикладных исследований. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-privlecheniya-investitsiy-na-rynke-aktsiy> (дата обращения: 19.05.2023).
5. Мельникова А.Е. Состояние и перспективы рынка брокерских услуг – Текст: электронный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-rynka-brokerskih-uslug> (дата обращения: 20.05.2023).
6. Кудияров К.Р., Ерняязова С.С. Роль коммерческих банков в развитии рынка ценных бумаг // Мировая наука. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kommercheskih-bankov-i-razvitiya-rynka-tsennykh-bumag> (дата обращения: 18.06.2023).
7. Гусева Дарья Михайловна Современная деятельность коммерческих банков на фондовом рынке в России // Вестник науки и обра-

зования. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-deyatelnost-kommercheskih-bankov-na-fondovom-rynke-v-rossii> (дата обращения: 18.06.2023).

8. Абдульманова Е.С. Роль и деятельность коммерческих банков на фондовом рынке // Форум молодых ученых. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-deyatelnost-kommercheskih-bankov-na-fondovom-rynke> (дата обращения: 17.06.2023).

9. Осипова Ирина Алексеевна Коммерческие банки как эмитенты на рынке ценных бумаг // Вестник науки и образования. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskie-banki-kak-emitenty-na-rynke-tsennykh-bumag> (дата обращения: 12.06.2023).

10. Клопова А.А. Роль коммерческих банков в системе финансового рынка // Экономика и социум. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kommercheskih-bankov-v-sisteme-finanovogo-rynka-1> (дата обращения: 10.06.2023).

11. Сурина И.В., Сизова Ю.О. Роль банков на рынке ценных бумаг // Экономика и социум. – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bankov-na-rynke-tsennykh-bumag-1> (дата обращения: 20.06.2023).

12. Яценко Евгений Алексеевич Стратегия банков России на рынке ценных бумаг // Стратегии бизнеса. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-bankov-rossii-na-rynke-tsennykh-bumag> (дата обращения: 20.06.2023).

13. Тренды брокерского обслуживания // сайт пресс-службы «Открытые Инвестиции» [сайт] // – 2023. – URL: <https://open-broker.ru/invest/news/> (дата обращения 20.05.2023)

14. Статистика по ПУРЦБ // ЦБ РФ [сайт] // – 2023. – URL: https://cbr.ru/securities_market/ (дата обращения: 20.05.2023).

15. Обзор банковского сектора Российской Федерации // ЦБ РФ [сайт] // – 2023. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43826/review_secured_22-Q4.pdf

16. Статистика инвестиций частных инвесторов // Официальный сайт Московской биржи [сайт] // – 2023. – URL: <https://www.moex.com/> (дата обращения 19.05.2023).

17. Обзор российского финансового сектора и финансовых инструментов // ЦБ РФ [сайт] // – 2023. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43892/overview_2022.pdf (дата обращения 19.05.2023).

18. Хакимова М.Д., Ерохина Т.Б. Тенденции рынка инвестиций в период пандемии covid-19: основные инструменты и риски // Вестник РГЭУ РИHX. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-rynka-investitsiy-v-period-pandemii-covid-19-osnovnye-instrumenty-i-riski> (дата обращения: 20.05.2023).

19. С.Ф. Фецулова Рынок ценных бумаг: учебник / Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2020. – 212 с.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 04.07.2023

Approved date: 18.07.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_11



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Автор(ы) 2023

КУРИЛОВА Анастасия Александровна, доктор экономических наук, профессор института финансов, экономики и управления

*Тольяттинский Государственный университет
445020, Россия, Тольятти, aakurilova@yandex.ru*

SPIN: 2332-0017

AUTHORID:626213

RESEARCHERID: F-6007-2016

ORCID: 0000-0003-1540-5388

SCOPUSID: 56422298700

СУХОВ Александр Сергеевич, аспирант

*Поволжский государственный университет сервиса
445020, Россия, Тольятти, sasha.sucre@gmail.ru*

Аннотация. В данной работе проводится составление рейтингов за 2010-й и 2020-й года по сформированным индексам качества жизни в области экономической сферы. Анализ проводился на основе данных, полученных из Госкомстата 79 регионов России. Данные были стандартизированы и логарифмированы для целей формирования индексов, а также взвешены. Проведённый анализ показал, что основные факторы, влияющие на качество жизни как в 2010-м, так 2020-м годах были: «Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя», «Уровень занятости населения», «Уровень безработицы». Основная цель данной статьи – провести рейтинговую сравнительную оценку индексов качества жизни населения по экономическому аспекту путем использования максимально доступных официальных статистических данных. Проведенный сравнительный анализ показал, что часть регионов сменили свои позиции и вышли из лидеров. Самарская область Республика Татарстан, Кемеровская область и Пермский край уже не входят в десятку в соответствии с нашим рассчитанным индексом качества жизни по экономической сфере в 2020 году в отличие от рейтинга 2010 года. Второе место в 2020-м году заняла Московская область, сменив Тюменскую область. Города Москва и Санкт-Петербург остались на своих лидерских позициях.

Ключевые слова: качество жизни, индекс, региона России, валовый региональный продукт, уровень безработицы, уровень занятости.

RATING ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE OF RUSSIAN REGIONS: ECONOMIC ASPECT

© The Author(s) 2023

KURILOVA Anastasia Alexandrovna, Ph.D., Professor at the Institute of Economics, Finance and Management
Togliatti State University

445667, Russia, Togliatti, aakurilova@yandex.ru

SUKHOV Alexander Sergeevich, post-graduate student

Volga State University of Service

445020, Russia, Togliatti, sasha.sucre@gmail.ru

Abstract. In this paper, ratings are compiled for 2010 and 2020 according to the index of quality of life in the economic sphere. The analysis was carried out on the basis of data obtained from the State Statistics Committee of 79 regions of Russia. The data were standardized and logarithmic for index purposes and also weighted. The analysis showed that the main factors influencing the quality of life both in 2010 and 2020 were: “Total area of residential premises per inhabitant”, “Employment rate”, “Unemployment rate”. The main purpose of this article is to conduct a rating comparative assessment of the quality of life indices of the population in terms of the economic aspect by using the maximum available official statistical data. The conducted comparative analysis showed that some regions changed their positions and left the leaders. Samara Region The Republic of Tatarstan, the Kemerovo Region and the Perm Territory are no longer in the top ten according to our calculated index of quality of life in the economic sphere in 2020, in contrast to the 2010 rating. The second place in 2020 was taken by the Moscow region, replacing the Tyumen region. The cities of Moscow and St. Petersburg remained in their leading positions.

Keywords: quality of life, index, regions of Russia, gross regional product, unemployment rate, employment rate.

ВВЕДЕНИЕ

Теоретические и методические аспекты качества жизни рассматривались рядом исследователей как в России, так и зарубежом. Одними из самых известных ученых в области качества жизни являются работы Nussbaum and Sen [1], Felce and Perry [2], Veenhoven[3], Diener [4].

Идеологические основы, раскрытые в работах Амартии Сена, сформулированные в его подходе к возможностям [5], являются одними из самых влиятельных в исследованиях качества жизни, поскольку они превратились в широкую междисциплинарную область.

Многие годы развитие общества и качество жизни были связаны только с экономическим развитием. Валовой внутренний продукт (ВВП) использовался в качестве основного показателя для сравнения благосостояния между странами. Однако осознание того, что экономическое богатство является лишь частью общего уровня развития и качества жизни, постепенно привело к формированию новых многоаспектных подходов, включающих в себя и нематериальные ресурсы. Подход Сена, основанный на товарах и возможностях, предла-

гает альтернативный взгляд на стандартные экономические показатели, принимая во внимание неоднородность потребностей у людей [6].

Два основных подхода – субъективный и объективный – возникли в ходе исследования развитие качества жизни. Субъективная оценка, тесно связанная с концепцией Сена, основана на личном опыте.

Индивидуальное восприятие удовлетворенности каждого человека под влиянием окружающих условий и его/ее статуса в жизни, часто искажается краткосрочными личными событиями [4; 7; 8].

Сравнение качества жизни на уровне стран – обычная практика [9]. Учитывая пространственный аспект качества жизни, такой оценки недостаточно, поскольку он не улавливает пространственную неоднородность внутри одной страны. Согласно Pasione (2003) [10] выше административного уровня достоверность передаваемой информации снижается. Поэтому качество жизни должно быть рассмотрены в более детальном административном разрешении (субнациональном), где как слаборазвитые, так и прогрессивные регионы можно

определить. Можно перечислить лишь несколько экспериментальных исследований на этом уровне: субнациональная оценка качества жизни, предложенное Annoni et al. (2012 г.) [11]; Хардеман и Дейкстра (2014) [12] представляют вариант ИЧР, который сосредоточен на региональном уровне и модифицирован, чтобы лучше соответствовать европейским условиям; Лагас и др. (2015) [13] составил субнациональную оценку качества жизни европейских регионов с использованием многомерного подхода. Активный анализ регионов Европы был проведен Петруччи и Д'Андреа (2002) [14].

С 1990-х годов больше внимания уделялось построению многомерных композитных индексов качества жизни. Вероятно, наиболее известным и наиболее широко используемым составным индексом является Индекс человеческого развития (ИРЧП) Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), который основан на теории Сена о «способностях и функциях» человеческого развития [5]. Он объединяет показатели ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования и дохода в составной индекс. Основные критические замечания по поводу этой меры заключаются в том, что она включает только три параметра качества жизни, параметры измеряются исключительно объективно и имеют одинаковый вес [15].

Другие составные индексы, которые часто используются или упоминаются в международной литературе или в политике, включают Индекс качества жизни [16], Комплексное обследование качества жизни [17], индекс экономического благополучия [18] и индекс качества жизни Economist Intelligence Unit (2005). Аналогичные параметры качества жизни, как правило, используются в большинстве этих индексов: жильё, доход, занятость, участие в жизни общества, образование, гражданская активность, надлежащее управление, здоровье, удовлетворенность жизнью, безопасность, культура, баланс между работой и личной жизнью, экологический аспект и определенные демографические показатели [19].

Интерес к измерению качества жизни еще больше возрос после публикации Доклада об измерении экономических показателей и социального прогресса [20]. В отчете вновь подчеркивается, что ВВП не является адекватным показателем экономического прогресса, и обращается внимание на важность разработки многомерного показателя качества жизни, включающего как объективные, так и субъективные показатели.

Поскольку качество жизни представляет собой сложное явление, состоящее из разных показателей, целесообразно построить синтетический индекс для общей оценки.

Факторный анализ является наиболее часто используемым из многомерных статистических методов для взвешивания составных индексов [21]. Для получения весов с использованием факторного анализа используются факторные нагрузки переменных на первый компонент, поскольку вариация, объясняемая первым компонентом, обычно достаточна для адекватного представления исходных переменных [22].

В настоящее время проблеме подготовки специалистов посвящены многочисленные научные исследования, в том числе Н. Г. Букаевой, Г. Г. Букаева, Г. Б. Никоновой, Т. Б. Булычевой и других [23].

МЕТОДОЛОГИЯ

В работе использован факторный анализ как основной статистический метод для составления взвешенных составных индексов. Факторный анализ позволяет объединять отдельные коллинеарные индикаторы в составной индикатор, который отражает как можно больше информации, общей для отдельных индикаторов. Каждый фактор или компонент раскрывает набор показателей, с которыми он наиболее тесно связан, с ограниченной корреляцией между извлеченными компонентами, поэтому каждый извлеченный компонент предоставляет дополнительную соответствующую информацию (ОЭСР, 2008).

В данной работе были взяты десять основных индек-

сов экономической сферы качества жизни населения.

Основная цель данной статьи – провести рейтинговую сравнительную оценку индексов качества жизни населения по экономическому аспекту путем использования максимально доступных официальных статистических данных.

Использованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) (www.gosstat.gov.ru) по 79 регионам за период с 2010 по 2020 год. Автор опирается на данные Росстата, поскольку официальные статистические источники могут обеспечить ценную эмпирическую основу и дать убедительные результаты. Росстат осуществляет ведение официального статистического учета в установленном российском законодательством порядке. Международные эксперты признали статистические данные Росстата достоверными.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для исследования были отобраны десять факторов, отражающих экономическую сферу качества жизни населения. Данные были стандартизированы и логарифмированы для целей формирования индексов, а также взвешены. Обращаем внимание, что кроме основных экономических факторов, таких как валовый региональный продукт, доходы на душу населения и так далее, в данную сферу были включены факторы финансового характера, отражающие непосредственно отражающие финансовую деятельность индивидуума, касательно средств на депозитах и величины кредитов.

Таблица 1 – Показатели качества жизни экономической сферы

Показатель	Единица измерения
1 Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	на конец года; квадратных метров
2 Средства (вклады) физических лиц в иностранной валюте, привлеченные кредитными организациями	исходя из места привлечения средств, на начало года; миллионов рублей
3 Расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан	рублей
4 Средства (вклады) физических лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями	исходя из места привлечения средств, на начало года; миллионов рублей
5 ВВП на душу населения	рублей
6 Доходы на душу населения	Рублей в месяц
7 Задолженность по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам	исходя из местонахождения заемщиков, на начало года; миллионов рублей
8 Уровень занятости населения	по данным выборочных обследований рабочей силы, в процентах
9 Уровень безработицы	по данным выборочных обследований рабочей силы, в процентах
10 Оборот розничной торговли на душу населения	рублей

Источник: Составлено авторами

Проведённый факторный анализ выявил следующие результаты:

На рисунке 1 показаны факторные нагрузки за 2010-й год.

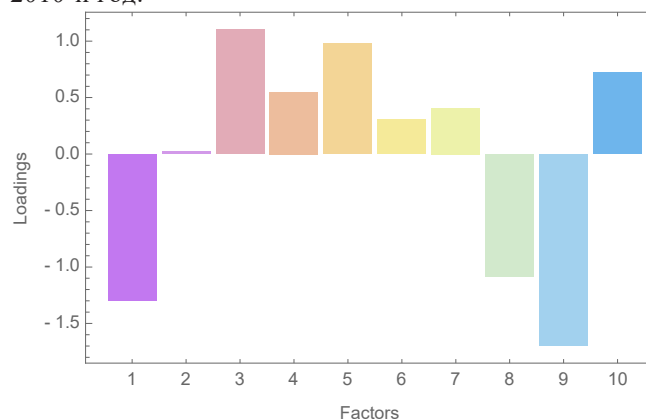


Рисунок 1 – Факторная нагрузка показателей за 2010 год (составлено автором)

Как видно из рисунка, наибольшее значение имеет фактор под номер 9 – -1,70. На втором месте – влияние первого фактора – «Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя», на третьем месте влияние восьмого фактора -1,09.

Таблица весов данных факторов представлена ниже.

Таблица 2 – Вес показателей 2010 года качества жизни экономической сферы

Показатель	Вес
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	0,15
Средства (вклады) физических лиц в иностранной валюте, привлеченные кредитными организациями	0,002
Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан	0,13
Средства (вклады) физических лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями	0,07
ВРП на душу населения	0,12
Доходы на душу населения	0,04
Задолженность по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам	0,05
Уровень занятости населения	0,13
Уровень безработицы	0,21
Оборот розничной торговли на душу населения	0,09

В таблице 2 представлена рейтинговая оценка 10 регионов, имеющих наиболее высокий рейтинг индекс качества жизни по экономической сфере. Как видно из данной таблицы, наибольший вес имеет фактор номер девять, фактор номер один и фактор номер пять.

Таблица 3 – Рейтинговая оценка регионов за 2010 год

Регион	Индекс качества жизни	Рейтинг
Москва	8.44341	1
Тюменская область	8.16929	2
Московская область	8.05448	3
Свердловская область	8.01058	4
Санкт-Петербург	7.93318	5
Самарская область	7.85015	6
Красноярский край	7.8485	7
Республика Татарстан	7.8303	8
Кемеровская область	7.80431	9
Пермский край	7.79355	10

На рисунке 2 показаны факторные нагрузки за 2020-й год.

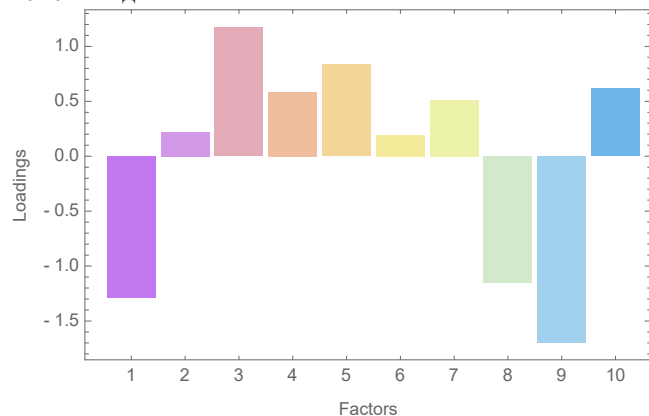


Рисунок 2 – Факторная нагрузка показателей за 2020 год (составлено автором)

Наибольшее влияние, хотя и отрицательно имеет фактор под номером девять – «уровень безработицы» – его значение составляет -1,69. Второй по значимости фактор является фактор под номером один – «общая площадь жилых помещений в среднем, приходящейся в среднем на одного жителя». Значение данного фактора составляет -1,29. Третьим по значимости фактором является фактор под номером 8 – это уровень занятости населения. Таким образом, по сути страх безработицы является ведущим коренным фактором, определяющим качество жизни людей. Среди положительных факторов необходимо выделить фактор под номером три – это расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан.

Таким образом, политика государства имеет поддерживающее значение в социально-экономическом положении людей и является верным политическим вектором для роста качества жизни населения регионов России.

В таблице 4 представлены весовые значения каждого из факторов. Как видно из данной таблицы наибольший вес имеет фактор под номером 1 («общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя») и фактор под номером 8 («уровень занятости населения»).

Таблица 4 – Вес показателей 2020 года качества жизни экономической сферы

Показатель	Вес
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	0,16
Средства (вклады) физических лиц в иностранной валюте, привлеченные кредитными организациями	0,03
Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан	0,14
Средства (вклады) физических лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями	0,07
ВРП на душу населения	0,10
Доходы на душу населения	0,02
Задолженность по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам	0,06
Уровень занятости населения	0,14
Уровень безработицы	0,21
Оборот розничной торговли на душу населения	0,08

Рассчитанные индексы и полученная первая десятка самых высоко экономически эффективных с точки зрения качества жизни регионов представлена ниже.

Таблица 5 – Рейтинговая оценка регионов за 2020 год

Регион	Индекс качества жизни	Рейтинг
Москва	9.1498	1
Московская область	8.71446	2
Санкт-Петербург	8.71258	3
Тюменская область	8.64795	4
Свердловская область	8.49206	5
Краснодарский край	8.44645	6
Челябинская область	8.32828	7
Красноярский край	8.32375	8
Нижегородская область	8.31434	9
Иркутская область	8.30008	10

Источник: все таблицы и рисунки были составлены авторами

ВЫВОДЫ

Как видно из таблицы 5 и таблицы 3, можно провести сравнительный анализ, увидев, что часть регионов сменили свои позиции и вышли из лидеров. Самарская область, Республика Татарстан, Кемеровская область и Пермский край уже не входят в десятку в соответствии с нашим рассчитанным индексом качества жизни по экономической сфере. Второе место в 2020-м году заняла Московская область, сменив Тюменскую область. Города Москва и Санкт-Петербург остались на своих лидерских позициях.

Также необходимо обратить внимание, что проводимая на государством уровне политика касательно экономики привела к росту индексов качества жизни по экономической сфере. Подтверждением этого является величина рассчитанного индекса качества в жизни (если в 2020-м году большинство значений индексов, входящих в десятку начиналось с 7,79, то в 2020-м году регионы, входящие в десятку имели значения индексов более 8,3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Martha Nussbaum and Amartya Sen. *The quality of life*. Clarendon Press, 1993.
2. David Felce and Jonathan Perry. *Quality of life: Its definition and measurement. Research in developmental disabilities*, 16(1):51–74, 1995.
3. Ruut Veenhoven. *The study of life-satisfaction*. 1996.
4. Ed Diener and Eunkook Suh. *Measuring quality of life: Economic, social and subjective indicators. Social indicators research*, 40:189–216, 1997.
5. Amartya Sen. *Capability and well-being*. *The quality of life*, 30:270–293, 1993.
6. Dermot Coates, Paul Anand, and Michelle Norris. *Housing, happiness and capabilities: A summary of the international evidence and models. Technical report, Open Discussion Papers in Economics*, 2015.
7. David Felce. *Defining and applying the concept of quality of life. Journal of Intellectual Disability Research*, 41(2):126–135, 1997.
8. Robert W Marans. *Quality of urban life studies: An overview and implications for environment-behaviour research. Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 35:9–22, 2012.
9. Nicky Rogge and Ilse Van Nijverseel. *Quality of life in the european union: A multidimensional analysis. Social Indicators Research*, 141(2):765–789, 2019.
10. Michael Pacione. *Urban environmental quality and human well-being—a social geographical perspective. Landscape and urban planning*, 65(1-2):19–30, 2003.
11. Paola Annoni, Dorota Weziak-Bialowolska, Lewis Dijkstra, et al. *Quality of life at the sub-national level: an operational example for the eu. JRC Scientific and Policy Reports, EUR*, 25630, 2012.
12. Sjoerd Hardeman, Lewis Dijkstra, et al. *The eu regional human development index. JRC science and policy reports*, 2014.
13. Piet Lagas, Frank van Dongen, Frank van Rijn, and Hans Visser. *Regional quality of living in europe. Region*, 2(2):1–26, 2015.
14. Alessandra Petrucci and Silvana Schifini D'Andrea. *Quality of life in eu- rope: objective and subjective indicators: a spatial analysis using classification techniques. In Advances in Quality of Life Research 2001*, pages 55–88. Springer, 2002.

15. Steve Dowrick, Yvonne Dunlop, and John Quiggin. *Social indicators and comparisons of living standards. Journal of development economics*, 70(2):501–529, 2003.
16. Partha Dasgupta and Martin Weale. *On measuring the quality of life. World development*, 20(1):119–131, 1992.
17. Robert A Cummins. *The domains of life satisfaction: An attempt to order chaos. Social indicators research*, 38:303–328, 1996.
18. Lars Osberg and Andrew Sharpe. *Labor market trends in north america- has economic well-being improved? 2000.*
19. Talita Greyling. *A composite index of quality of life for the gauteng city- region: a principal component analysis approach. 2013.*
20. Joseph E Stiglitz, Amartya Sen, Jean-Paul Fitoussi, et al. *Report by the commission on the measurement of economic performance and social progress, 2009.*
21. Frederik Booyesen. *An overview and evaluation of composite indices of development. Social indicators research*, 59:115–151, 2002.
22. Rati Ram. *Composite indices of physical quality of life, basic needs ful-filment, and income: A 'principal component' representation. Journal of Development Economics*, 11(2):227–247, 1982.
23. Зубец А.Н. *Российские и международные подходы к измерению качества жизни. Москва, 2020.*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 26.08.2023

Approved date: 09.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.22.021.4
DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_12



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РИСКОВ АУТСОРСИНГА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

© Автор(ы) 2023

ЛЮ Ли, аспирант кафедры «Информационная экономика»
Южный федеральный университет
344007, Россия, Ростов-на-Дону, 1604095011@qq.com

SPIN: 4437-6928
AuthorID: 1210713
ORCID: 0000-0001-8214-5382

Аннотация. Реализация стратегии аутсорсинга приводит к возникновению разнообразных рисков устойчивому развитию автомобильной промышленности, что требует их оценки для эффективного управления. Существующие подходы к оценке рисков не ориентированы на исследование их влияния на показатели устойчивости. Поэтому цель данной статьи состоит в демонстрации возможностей использования матричного подхода к оценке рисков аутсорсинга для устойчивого развития автомобильной промышленности. При выявлении рисков аутсорсинга был использован процессный подход. Методы исследования также включают метод экспертной оценки. Исследование проводилось на примере кейса реализации проекта аутсорсинга в российской автомобильной промышленности в области экологичного производства – производство электромобилей. В результате были определены риски, возникающие на каждом этапе разработки и реализации стратегии аутсорсинга. Проведенная экспертная оценка данных рисков показала, что наиболее значимыми, по мнению экспертов, являются риски изменения деловой среды и неверного выбора аутсорсера. При этом наиболее подверженными влиянию рисков аутсорсинга являются экономическая и экологическая составляющая устойчивого развития. Обосновано, что приоритетное внимание должны иметь риски с наиболее высокой вероятностью проявления и наибольшей силой влияния. Сделан вывод о целесообразности использования матричного подхода к оценке рисков аутсорсинга для устойчивого развития автомобильной промышленности. Научная новизна исследования состоит в развитии теоретических представлений о рисках аутсорсинга для устойчивости промышленного развития. Практическая значимость исследования выражается в возможности его использования для обоснования стратегических решений развития автомобильной промышленности на основе реализации бизнес-моделей аутсорсинга.

Ключевые слова: автомобильная промышленность, устойчивое развитие, аутсорсинг, риски, матричный подход, факторы риска.

Благодарности: автор выражает благодарность доктору экономических наук Черновой Ольге Анатольевне за научное консультирование при написании статьи.

MATRIX APPROACH TO THE ASSESSMENT OF OUTSOURCING RISKS FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY

© The Author(s) 2023

LIU Li, postgraduate student of the Department of Information Economics
Southern Federal University
344007, Russia, Rostov-on-Don, 1604095011@qq.com

Abstract. The implementation of the outsourcing strategy leads to a variety of risks for the sustainable development of the automotive industry, which requires their assessment for effective management. The existing approaches to risk assessment are not focused on the study of their impact on sustainability indicators, which requires their development. Therefore, the purpose of this article is to demonstrate the possibilities of using a matrix approach to assessing outsourcing risks for the sustainable development of the automotive industry. When identifying outsourcing risks, a process approach was used. The research methods also include the expert evaluation method. The study was conducted on the example of a case study of the implementation of an outsourcing project in the Russian automotive industry in the field of eco-friendly production - the production of electric vehicles. As a result of the study, the risks arising at each stage of the development and implementation of the outsourcing strategy were identified. The expert assessment of these risks has shown that the most significant, according to experts, are the risks of changing the business environment and the wrong choice of outsourcer. At the same time, the most affected by outsourcing risks are the economic and environmental components of sustainable development. It is proved that priority attention should be given to risks with the highest probability of manifestation and the greatest power of influence. The conclusion is made about the expediency of using a matrix approach to the assessment of outsourcing risks for the sustainable development of the automotive industry. The scientific novelty of the research consists in the development of theoretical ideas about the risks of outsourcing for the sustainability of industrial development. The practical significance of the study is expressed in the possibility of its use to substantiate strategic decisions for the development of the automotive industry based on the implementation of outsourcing business models.

Keywords: automotive industry, sustainable development, outsourcing, risks, matrix approach, risk factors.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to Olga A. Chernova, Doctor of Economics, for scientific advice when writing the article.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы под влиянием усиления экономической глобализации и в результате непрерывного роста рыночной конкуренции многие автомобильные компании рассматривают аутсорсинг как неотъемлемый компонент своей стратегии развития. Как отмечают J. Lamprón и P. Muñoz-Dueñas, если изначально причиной передачи автомобильными компаниями в аутсорсинг определенных бизнес-процессов было, главным образом, отсутствие специализации в определенных видах деятельности и стремление оптимально распределить имеющиеся ресурсы, то в настоящее время многие компании подняли аутсорсинг до стратегического уровня

[1]. Аутсорсинг все чаще рассматривается исследователями как новая технология, позволяющая решать задачи инноватизации производства [2; 3]. В частности, для китайского автомобилестроения наибольшее значение имеет оффшорный аутсорсинг, являясь его основной силой модернизации [4]. Несмотря на то, что до настоящего времени основной моделью аутсорсинга в автомобильной промышленности является аутсорсинг логистики, все большее количество автомобильных компаний распространяет аутсорсинг и на другие сферы деятельности, включая производственные процессы и проведение научных исследований и разработок. Как отмечают M. García-Vega и E. Huergo, несмотря на то, что передача

своих высокотехнологичных услуг и проведение научно-исследовательских работ несет определенные риски зависимости от технологических компетенций аутсорсера, в целом возможности инновационного развития компании возрастают [5].

Ряд ученых особо подчеркивают роль аутсорсинга в решении задач повышения устойчивости развития автомобильной промышленности. Чаще всего внимание уделяется экономической и экологической компонентам устойчивости. Так, S. Lahiri и др. исследуют проблематику влияния аутсорсинга на показатели экономической устойчивости производства, рассматривая, какие бизнес-процессы (профильные или непрофильные) более эффективно передавать на аутсорсинг с точки зрения повышения производительности [6]. S. Moosavirad и др. рассматривают влияние аутсорсинга на устойчивость развития компании с точки зрения возможности снижения операционных издержек [7]. Акцент на возможности экологической ценности производства в результате передачи определенных процессов на аутсорсинг делают R. Sivakumar и др., W. Cai и др., рассматривая возможности выбора таких «поставщиков аутсорсинга», которые обеспечивают более энергосберегающее и менее ресурсоемкое производство [8; 9].

В то же время, следует отметить отсутствие исследований, в которых бы рассматривалось комплексное влияние аутсорсинга на все компоненты устойчивого развития автомобильных компаний. При этом, наряду с традиционными компонентами устойчивости (экономическая, социальная и экологическая) мы считаем целесообразным также выделение технологической компоненты, характеризующей способы и технологии использования преобразования ресурсов [10]. Отметим, что целесообразность выделения технологической компоненты согласуется с идеями ряда ученых, рассматривающих проблематику устойчивого развития промышленности. Например, по мнению M. Javaid и др., в управлении устойчивостью руководству компании должно осуществлять выбор наиболее подходящей из имеющихся технологий [11]. M. Zimek и др. отмечают, что именно определенные управленческие технологии и технологии производственных процессов обеспечивают решение задач устойчивого развития [12]. S. Adomako и M. Tran также подчеркивают роль используемых для преобразования ресурсов технологий для достижения определенных параметров устойчивости [13]. Выделение технологической компоненты устойчивости развития промышленности также может иметь значение для понимания того, носят ли осуществляемые на производственную систему воздействия краткосрочный характер, выступая тем самым фактором риска, либо выражаются в системном воздействии, представляя собой стрессовый фактор [14].

Кроме того, важным ограничением имеющихся исследований является то, что они, как правило, рассматривают эффекты и риски аутсорсинга применительно к отдельной компании, а не для промышленности в целом. В результате, не решается задача выбора того звена цепочки создания ценности, передача на аутсорсинг которого позволит обеспечить возможности роста устойчивости развития не только отдельной компании, но и отрасли в целом. Наше исследование призвано частично заполнить данный пробел, предполагая, что стратегия аутсорсинга должна ориентироваться на замену неэффективных и ресурсоемких звеньев автомобильного бизнеса на более эффективные и «чистые». Тем самым, каждый бизнес-процесс в цепочке создания добавленной ценности будет выполняться компанией, обеспечивающей его максимальную эффективность и экологичность, способствуя повышению устойчивости развития автомобильной промышленности в целом.

Однако передача бизнес-процессов на аутсорсинг влечет за собой не только определенные выгоды, но и риски, которые могут проявляться с различной силой в различных компонентах устойчивости. Это обуслов-

ливает необходимость количественной оценки рисков аутсорсинга для устойчивого развития автомобильной промышленности. Чаще всего в исследовании рисков аутсорсинга ученые рассматривают их с точки зрения возможного влияния на качество бизнес-процессов и на величину издержек [15]. В то же время следует отметить, что исследователями уделяется недостаточно внимания информационному фактору риска. Тогда как именно уровень владения информацией предопределяет возможности контроля автомобильными компаниями переданных на аутсорсинг бизнес-процессов, а также скорость принятия управленческих решений, связанных с необходимостью оперативного реагирования на изменение внешней среды.

Таким образом, ограниченность имеющихся исследований определяет актуальность данного исследования, цель которого выражается в демонстрации возможностей использования матричного подхода для оценки рисков аутсорсинга с точки зрения его влияния на составляющие устойчивости развития автомобильной промышленности.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данном исследовании мы демонстрируем возможности матричного подхода для оценки величины рисков аутсорсинга на примере кейса реализации проекта аутсорсинга в российской автомобильной промышленности в области экологичного производства – производство электромобилей с передачей в аутсорсинг бизнес-процесса «разработка модульной автомобильной платформы E-Platform 3.0». Необходимость передачи в аутсорсинг данного бизнес-процесса обусловлена тем, что для производства электромобилей с батарейным питанием отечественным автомобильным компаниям недостаточно собственных мощностей и необходимо привлечение ресурсов крупных автомобильных корпораций, например, китайской компании FAW Group Corp., Ltd. (First Automobile Works).

В определении видов рисков аутсорсинга с точки зрения их влияния на устойчивость развития автомобильной промышленности мы базируемся на процессном подходе, отражающем основные этапы процесса поиска, выбора и взаимодействия автомобильной компании с аутсорсером. Целесообразность использования данного подхода обусловлена нашим пониманием роли аутсорсинга в обеспечении устойчивости развития автомобильной промышленности как способности аутсорсера обеспечивать «замену» неэффективных и ресурсоемких звеньев автомобильного бизнеса на более эффективные. Соответственно риски выделяются для каждого этапа разработки и реализации стратегии аутсорсинга.

Для оценки рисков аутсорсинга предлагается использование матричного подхода, который позволяет на основе построения матрицы рисков провести сопоставление основных характеризующих его аспектов [16]. В рамках данного исследования матричная диагностика проводится по двум основным аспектам риска: вероятность его возникновения и уровень воздействия рисков. Вероятность наступления риска и уровень влияния риска по каждой компоненте устойчивого развития оценивалась экспертами. Для этого была предложена 5-ти балльная шкала, где 1 балл соответствует характеристике «незначительное влияние / незначительная вероятность», 5 баллов – «очень высокое влияние / очень высокая вероятность». Компоненты риска определялись в соответствии с авторской трактовкой составляющих устойчивого развития автомобильной промышленности [10].

Экспертная группа была представлена российскими учеными, занимающимися вопросами устойчивого развития промышленности в количестве 5 человек. Мнение экспертов было согласованным. Количественное значение каждого вида риска для каждой компоненты устойчивости определится как среднее геометрическое значение произведения показателя воздействия риска на вероятность его возникновения. При этом оценка 1–5

определяется как низкий риск, оценка 6–15 – как средний риск и оценка 16–25 – как высокий риск.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Устойчивость развития автомобильной промышленности в условиях реализации стратегии аутсорсинга во многом определяется эффективностью разработки и реализации стратегии аутсорсинга. Основные этапы данного процесса представлены на рисунке 1.

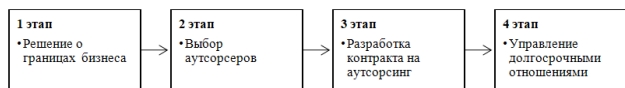


Рисунок 1 – Этапы разработки и реализации стратегии аутсорсинга (составлено автором)

Проведенный анализ содержания каждого этапа позволил выявить присутствующие ему риски.

Для первого этапа, выражающегося в выявлении бизнес-процессов, которые могут быть переданы на аутсорсинг, основными рисками являются:

- риски, связанные с неверной идентификацией границ бизнеса, разделяющих бизнес-процессы на те, которые целесообразно передать на аутсорсинг, и те, которые должны остаться как профильные у компании;
- риски, связанные с изменением факторов деловой среды, ведущие к тому, что изначально определенные границы эффективного и неэффективного бизнеса будут изменены.

Риски второго этапа, на котором осуществляется выбор аутсорсинговой компании, являются следующими:

- неверный выбор подрядчика, вызванный асимметрией информации;
- риски изменения величины издержек, что во многом определяется риском изменения деловой среды.

Риски третьего этапа, связанные с разработкой контракта на аутсорсинг, могут быть следующими:

- риски несовершенного контракта, обусловленные недостаточно четко прописанными условиями взаимодействия, формой контроля результатов деятельности и пр.;
- риски различия корпоративных культур, что может привести к возникновению коммуникационных барьеров и найти отражение в качестве выполняемых работ;
- риски неэффективных коммуникаций, которые могут быть обусловлены различиями корпоративных культур, а также быть связанными с несовершенством организации информационных потоков между партнерами;
- риски утечки коммерческой тайны, которые могут быть следствием неэффективных коммуникаций, а также неверным выбором партнера;
- риски, связанные с национальной (региональной) политикой, которые могут выражаться в изменении факторов деловой среды и, как следствие, влиять на условия контракта, величину издержек и пр.

Риски четвертого этапа, когда осуществляется непосредственное управление долгосрочными взаимодействиями партнерами, могут быть следующими:

- риск усиления зависимости от аутсорсинговой компании, что может выражаться в информационной, научно-технологической, временной или производственной зависимости;
- риск недобросовестного аутсорсера, выражающийся в его неспособности выполнять заявленные условия контракта;
- риск снижения качества бизнес-процессов, что может быть следствием предыдущего вида риска;
- риск изменения деловой среды, который также, как и на других этапах, может повлиять на условия и возможности эффективного выполнения контракта.

Результаты экспертной оценки данных видов риска с точки зрения вероятности их возникновения и уровня влияния на компоненты устойчивого развития автомобильной промышленности представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Экспертная оценка рисков аутсорсинга для устойчивого развития автомобильной промышленности

ности

Виды риска	Вероятность наступления рискового события	Компоненты устойчивого развития											
		экономическая		социальная		экологическая		Технологическая					
		Объем продаж	Общая стоимость компании	Приваля	Размер оплаты труда	Соотношение занятых мужч./женщин	Объем инвестиций в развитие	Объем производства электромобилей	Объем выброса вредных веществ	Энергоёмкость производства	Патенты на изобретения	Расходы на научные исследования	Доля переработанных / утилизированных автомобилей
Изменение факторов деловой среды	5	5	5	5	4	1	2	5	4	3	2	2	1
Изменение стоимости ресурсов	4	3	1	2	1	1	4	5	3	2	1	2	1
Неверная идентификация бизнес-процессов	2	3	4	4	3	2	1	3	3	3	2	3	3
Неверный выбор аутсорсера	3	3	3	3	2	1	1	4	2	2	1	2	2
Несовершенный контракт	2	2	2	2	2	1	1	3	2	2	3	3	2
Различия в корпоративной культуре	3	1	1	1	1	2	1	1	1	1	2	2	1
Неэффективные коммуникации	3	2	2	2	2	1	1	2	1	1	3	2	1
Утечка коммерческой тайны	3	2	3	3	1	1	1	3	1	1	4	3	1
Зависимость от аутсорсера	4	3	3	3	2	1	1	4	3	3	2	2	1
Недобросовестность аутсорсера	1	5	4	4	2	1	1	4	2	2	1	1	3
Снижение качества бизнес-процесса	1	4	5	4	2	1	1	2	3	3	2	2	2

Источник: Составлено автором по результатам исследования

Результаты оценки рисков для каждой компоненты устойчивого развития автомобильной промышленности для наглядности представлены в виде лепестковой диаграммы (рисунок 2)



Рисунок 2 – Риски аутсорсинга устойчивому развитию автомобильной промышленности (составлено автором)

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод, что наибольшие аутсорсинговые риски связаны с возможностью их влияния на экономическую и экологическую компоненты устойчивого развития автомобильной промышленности. При этом наибольшую значимость для всех компонент устойчивости имеют риски, связанные с возможностью изменения факторов деловой среды. Также имеют значение риски зависимости от аутсорсера и риски, связанные с его неверным выбором.

С точки зрения управляемости рисками представляется целесообразным сопоставить вероятность наступления рисков с силой их влияния. Матрица такого сопоставления представлена на рисунке 3.

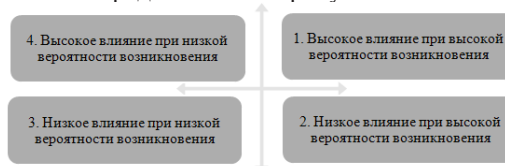


Рисунок 3 – Матрица сопоставления вероятности рисков аутсорсинга с силой их влияния (составлено автором)

Так, для рассматриваемого проекта в соответствии с данной матрицей к первой группе рисков можно отнести

изменение деловой среды, изменение стоимости ресурсов и зависимость от аутсорсера. Данные риски требуют особого внимания и принятия мер по их минимизации. Наименее значимыми являются риски неверной идентификации бизнес-процессов и риски неэффективного контракта. Что касается рисков недобросовестности аутсорсера и связанных с ним рисков ухудшения качества бизнес-процессов, несмотря на то, что их влияние оценивается как сильное, проявление для данного проекта считается экспертами маловероятным. Тем не менее, следует постоянно мониторить ситуацию, чтобы не допустить их возникновения.

Следует заметить, что сделанные выводы полностью согласуются с результатами анализа, полученными при использовании диаграммы Парето – признанным инструментом оценки наиболее значимых факторов воздействия, что дает возможность определения приоритетности принимаемых управленческих решений [17; 18].

ВЫВОДЫ

Аутсорсинг, наряду с потенциальными выгодами, включает значительное число потенциальных факторов риска, которые могут найти отражение на параметрах устойчивого развития автомобильной промышленности. При этом, по мнению ряда исследователей, именно аутсорсинговые риски являются наиболее значимыми для автомобильных компаний [19]. Это предполагает необходимость формирования инструментария оценки рисков аутсорсинга с точки зрения их влияния на параметры устойчивости промышленности.

Недостаточная изученность данной проблематики стала основанием для написания этой статьи, демонстрирующей возможности матричного подхода для оценки рисков.

Проведенная апробация предложенной методики продемонстрировала, что она может быть использована в решении практических задач, связанных с обоснованием целесообразности реализации проекта аутсорсинга. С точки зрения теоретической значимости данное исследование обращает внимание на то, что риски аутсорсинга различаются на отдельных этапах формирования аутсорсинговой стратегии.

Основное ограничение данного исследования связано с тем, что экспертами выступали ученые-теоретики. Возможно, что при проведении экспертной оценки практиками, ее результаты были бы несколько иными. Тем не менее, наша задача состояла в демонстрации работоспособности предложенного матричного подхода к оценке рисков аутсорсинга для устойчивого развития автомобильной промышленности, а не в оценке конкретного проекта. Однако дальнейшие исследования автора предполагают ее апробацию с привлечением менеджмента различного уровня управления в автомобильных компаниях. Также исследовательский интерес автора направлен на разработку методики оценки целесообразности реализации аутсорсинговой стратегии в автомобильном производстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Lampón J., Muñoz-Dueñas P. Are sustainable mobility firms reshaping the traditional relationships in the automotive industry value Chain? // *Journal of Cleaner Production*. 2023. Vol. 413. 137522.
2. Петрулёв, Д. С. Аутсорсинг как форма организации социально-трудовых отношений // *Московский экономический журнал*. 2019. №4. С. 94-108.
3. Ермоленко М. Д. Проблема импортозамещения в современных реалиях российской экономики и возможный путь ее решения / В сборнике: Труды Уральского государственного экономического университета. Сборник научных статей: в 2 т. Ответственный за выпуск Е. Б. Дворякина. Редакционная коллегия: Е. Г. Анимиац; В. Ж. Дубровский; М. С. Марамыгин; А. Ю. Коковихин; В. П. Соловьева. Екатеринбург. 2016. С. 143-14.
4. Chen Q., Shen Y. The impacts of offshore and onshore outsourcing on China's upgrading in global value chains: Evidence from its manufacturing and service sectors // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2021. Vol. 59. Pp. 263-280.
5. García-Vega M., Huergo E. The role of international and domestic R&D outsourcing for firm innovation // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2019. Vol. 157. Pp. 775-792.
6. Lahiri S., Karna A., Kalubandi S., Edacherian S. Performance im-

plications of outsourcing: A meta-analysis // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 139. Pp. 1303-1316.

7. Moosavirad S., Kara S., Hauschild M. Long term impacts of international outsourcing of manufacturing on sustainability // *CIRP Annals*. 2014. Vol. 63. Issue 1. Pp. 41-44.

8. Sivakumar R., Kannan D., Murugesan P. Green vendor evaluation and selection using AHP and Taguchi loss functions in production outsourcing in mining industry // *Resources Policy*. 2015. Vol. 46. Part 1. Pp. 64-75.

9. Cai W., Liu C., Jia S., Chan F., Ma M., Ma X. An emergy-based sustainability evaluation method for outsourcing machining resources // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 245. 118849.

10. Chernova O. A., Liu L., Wang X. Role of digitalization of logistics outsourcing in sustainable development of automotive industry in China // *R-Economy*. 2023. Vol. 9(2). Pp. 123-139.

11. Javaid, M., Haleem, A., Singh, R., Suman, R., Gonzalez, E. Understanding the adoption of Industry 4.0 technologies in improving environmental sustainability // *Sustainable Operations and Computers*. 2022. Vol. 3. Pp. 203-217.

12. Zimek M., Asada R., Baumgartner R., Brenner-Fliesser M., Kaltenegger I., Hadler M. Sustainability trade-offs in the steel industry – A MRIO-based social impact assessment of bio-economy innovations in a Belgian steel mill // *Cleaner Production Letters*. 2022. Vol. 3. 100011.

13. Adomako, S., Tran, M. Sustainable environmental strategy, firm competitiveness, and financial performance: Evidence from the mining industry // *Resources Policy*. 2022. Vol. 75. 102515.

14. Zhu X. Managing the risks of outsourcing: Time, quality and correlated costs // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2016. Vol. 90. Pp. 121-133.

15. Чернова О.А. Стрессовые факторы устойчивого развития угольной промышленности России // *Journal of Applied Economic Research*. 2022. Т. 21. № 1. С. 49-78.

16. Медведева А.М. Методологические основы матричной диагностики рисков предприятия // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2010. № 1. С. 79-86.

17. Бочков А.В., Сафонов В.С. Специфика анализа и оценок показателей риска редких событий на опасных производственных объектах // *Вестник газовой науки*. 2020. № 1 (42). С. 84-95.

18. Яшин С.Н., Кошелев Е.В. Оценка перспективности инновационного проекта с использованием реального пут-опциона // *Инновации*. 2019. № 12 (254). С. 90-98.

19. Yazdani M., Mohammed A., Bai Ch., Labib A. A novel hesitant-fuzzy-based group decision approach for outsourcing risk // *Expert Systems with Applications*. 2021. Vol. 184. 115517.

Received date: 29.08.2023

Approved date: 12.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 331.44

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_13



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ НА ИХ ОЦЕНКУ ВАЖНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПРОГРАММЫ WELL-BEING

© Автор(ы) 2023

МАЗЕЛИС Лев Соломонович, доктор экономических наук, профессор,
директор института цифровой экономики и бизнес-аналитики
Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, lev.mazelis@vvsu.ru

SPIN: 8074-2993

AuthorID: 373571

ResearcherID: W-2799-2017

ORCID: 0000-0001-7346-3960

ScopusID: 55967322400

ЛАВРЕНЮК Кирилл Игоревич, Руководитель группы, Группа развития инструментов
в управлении персоналом

ООО «Умное пространство» (Samokat.tech)
192019, Россия, Санкт-Петербург, klavrenyuk@samokat.ru

SPIN: 8178-0086

AuthorID: 764802

ResearcherID: E-9177-2017

ORCID: 0000-0002-9092-3196

ScopusID: 57195524078

КРАСЬКО Андрей Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры
математики и моделирования

Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, Andrey.Krasko@vvsu.ru

SPIN: 7699-3957

AuthorID: 1137743

ResearcherID: ABA-4946-2022

ORCID 0000-0002-6136-5893

ScopusID: 57221202702

Аннотация. Данное исследование проведено в рамках актуальной задачи моделирования процесса развития компетенций сотрудников и оценке их влияния на результаты деятельности организации. Одним из активно развивающихся инструментов по управлению развитием человеческого капитала является программа well-being, результативность мероприятий которой зависит от изначальных потребностей и заинтересованности сотрудника в них. В свою очередь, одним из немаловажных факторов, оказывающих влияние на формирование у сотрудника его приоритетов, потребностей и запросов к организации, является его личная иерархия общечеловеческих ценностей. Целью работы является разработка инструмента, моделирующего взаимосвязь между ценностями сотрудника и его потребностями в мероприятиях программы well-being. Разработаны эконометрические модели, представляющие собой мультиномиальные логистические регрессии, которые позволяют классифицировать ранги важности для сотрудника мероприятий well-being на основе его ценностей. Для обучения моделей использовалась кросс-валидация, качество моделей оценивалось по нескольким критериям на валидационной выборке. Построенные модели позволяют топ-менеджменту организации более точно планировать и реализовывать мероприятия программы well-being, адаптируя их под ценностные предпочтения сотрудников. Это может служить основой для разработки стратегий улучшения культуры well-being в организации, позволяя более эффективно использовать ресурсы и повышать удовлетворенность сотрудников от работы, снижая при этом влияние факторов выгорания.

Ключевые слова: программа well-being, ценностная модель сотрудника, приоритеты и запросы сотрудника, мультиномиальная логистическая регрессия, многоклассовая классификация.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01333, <https://rscf.ru/project/23-28-01333/>, во Владивостокском государственном университете.

MODELING THE INFLUENCE OF THE VALUES HIERARCHY OF EMPLOYEES OF THE ORGANIZATION ON THEIR ASSESSMENT OF THE IMPORTANCE OF WELL-BEING PROGRAM EVENTS

© The Author(s) 2023

MAZELIS Lev Solomonovich, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of
Digital Economics and Business Analytics
Vladivostok State University

690014, Vladivostok, Russia, lev.mazelis@vvsu.ru

LAVRENYUK Kirill Igorevich, Head of the Group, Group for the Development of Tools in Personnel Management
Smart Space LLC (Samokat.tech)

192019, Russia, Saint Petersburg, klavrenyuk@samokat.ru

KRASKO Andrey Aleksandrovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of
Mathematics and Modeling of Vladivostok State University
Vladivostok State University

690014, Russia, Vladivostok, Andrey.Krasko@vvsu.ru

Abstract. This study was carried out as part of the actual task of modeling the process of developing the competencies of employees and assessing their impact on the performance of the organization. One of the actively developing tools for managing the development of human capital is the well-being program, the effectiveness of which depends on the initial needs and interest of the employee in them. In turn, one of the important factors influencing the formation of an employee's priorities, needs and requests to the organization is his personal hierarchy of universal values. The aim of the work is to develop a tool that models the relationship between the employee's values and his needs in the activities of the well-being

program. Econometric models have been developed, which are multinomial logistic regressions, which allow classifying the ranks of importance for an employee of well-being events based on their values. Cross-validation was used to train the models, the quality of the models was assessed by several criteria on the validation set. The constructed models allow the top management of the organization to more accurately plan and implement well-being program activities, adapting them to the value preferences of employees. This can serve as a basis for developing strategies to improve the culture of well-being in an organization, allowing for more efficient use of resources and increasing employee job satisfaction, while reducing the impact of burnout factors.

Keywords: well-being program, employee value model, employee priorities and requests, multinomial logistic regression, multiclass classification.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01333, <https://rscf.ru/project/23-28-01333/>, at Vladivostok State University.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях непрерывная трансформация социально-экономических процессов генерирует изменения, затрагивающие различные сферы жизни общества и бизнеса. Многие организации в условиях ужесточения конкуренции и активно меняющихся трендов для повышения эффективности своей деятельности и достижения целевых ориентиров корректируют стратегии своего функционирования. При этом в качестве одного из основных драйверов изменений, влияющих на результаты организации, выступают сотрудники, т.е. ее человеческий капитал.

Одним из активно развивающихся инструментов по управлению развитием человеческого капитала является программа well-being, которая на основе систематической реализации различных мероприятий и инициатив приводит к следующим, весьма востребованным, результатам:

- повышение производительности, т.к. не выгоревшие сотрудники обычно более продуктивны;
- привлечение и удержание талантливых специалистов за счёт активной заботы об их благополучии;
- создание дружелюбной корпоративной культуры, что приводит к улучшению взаимодействия внутри команд и повышению уровня доверия.

Анализ работ в области человеческого капитала показал наличие исследований, затрагивающих развитие и применение программы well-being.

В работе [1] анализируется опыт российских и зарубежных компаний по внедрению программы well-being и рассматривается проблема заботы о персонале и уменьшения текучести кадров на основе её развития. Делается вывод о непосредственном влиянии программы на удержание персонала и повышение производительности труда. В [2; 3] оценивается влияние корпоративной культуры на отток сотрудников из организаций. Было выявлено, что токсичные рабочие места, которым свойственны грубость, издевательства и оскорбительное поведение, существенно повышают отток сотрудников, при этом благоприятная рабочая среда повышает удовлетворенность работой и мотивацию, что положительно сказывается на удержании сотрудников и эффективности их работы. В [4] авторами утверждается, что в условиях борьбы за лучшие кадры наличие программ well-being в компании часто становится серьезным аргументом в пользу прихода высококвалифицированных сотрудников. В работах [5; 6; 7] показано, что культура труда влияет на поведение сотрудников и, следовательно, сказывается на результатах деятельности организации. В работах [8; 9] рассматривается, как поддерживающая рабочая культура может повысить самочувствие, душевное здоровье, мотивацию сотрудников и удовлетворение от работы. Подчеркивается важность согласования организационной культуры с ценностями и убеждениями сотрудников, что будет способствовать мотивации и удовлетворенности работой. Согласно исследованию, компании могут увеличить мотивацию создав дружелюбное рабочее пространство, которое дает ощущение работы в команде и понимание цели. В исследовании [10] рассматривается формирование лидерами культуры рабочих процессов через своё поведение и действия.

Авторы подчеркивают важность лидеров в создании и поддержании позитивной культуры труда, и обосновывают, что эффективное лидерство может содействовать развитию корпоративной среды, способствующей благополучию, удовлетворенностью работой и повышению производительности.

В [11] рассматривается вопрос о том, как позитивная рабочая культура может повысить благосостояние сотрудников и снизить выгорание. Культура, которая продвигает автономию сотрудников, поддержку и сотрудничество, улучшает самочувствие сотрудников. В отличие от этого, негативная культура труда, характеризующаяся низким уровнем социальной поддержки, автономии и доверия приводит к негативным последствиям для сотрудника, в том числе эмоциональному выгоранию и прогулам. Утверждается, что для улучшения самочувствия сотрудников и, в конечном счете, успеху организации, необходимо создание приятной культуры рабочего места.

В [12] изучается использование концепции well-being в современных условиях развития индустрии гостеприимства. Авторы рассматривают сущность философии well-being и выделяют основные её составляющие, а также наиболее часто используемые модели концепции well-being с фокусом на здоровье, финансовое благополучие, индивидуальное ценностное предложение. В [13] рассматривается влияние организации на сотрудников-миллениалов (людей, родившихся в 1981 – 2000 годах), в связи с тем, что они становятся основной рабочей силой в индустрии гостеприимства. В [14] отмечается рост интереса к исследованиям в сфере well-being и quality-of-life в области туризма и обзореваются семь основных теорий в этих сферах.

В [15] исследуется взаимосвязь элементов системы благополучия и уровня финансовой грамотности сотрудников. Показывается, что мероприятия по её повышению среди сотрудников снизили их стресс, связанный с недостаточностью знаний в этой области, что способствовало их большей вовлеченности в работу в дальнейшем.

В [16; 17] оценивается влияние программы well-being на успешность учёбы студентов Advanced Pharmacy Practice Experience (APPE) Калифорнийского университета в Сан-Франциско и их выгорание. Также предлагается её использование для повышения эффективности действий руководителей в выявлении и оказании помощи учащимся, находящимся в бедственном положении. Сама же предложенная программа может служить моделью для аналогичных программ оздоровительного обучения, которые директора могут внедрить в своих образовательных учреждениях.

В статье [18] рассмотрена реализация программы well-being представленная в виде веб-портала для молодежи (16–24 года) с учетом условий, появившихся в связи с пандемией COVID-19. Исследование показало востребованность у молодежи данной программы и её положительное влияние. В [19] рассматривается влияние удаленной работы на культуру труда и способы продвижения благоприятной рабочей среды для удаленных сотрудников, так как удаленная работа создает проблемы в поддержании сплоченности коллектива, построении доверия и управлении конфликтами. В [20]

рассматриваются российские практики применения программы Well-being в разрезе каждого из составляющих компонентов программы.

Как видно из приведенных выше работ, в них достаточно часто рассматриваются различные вопросы применения программы well-being в организациях, связанные с применением тех или иных мероприятий программы в разрезе различных отраслей, социальных групп и т.д. Стоит отметить, что главными темами данных работ являются вопросы разработки и внедрения программы well-being с учетом различных специфик и попытки оценить полезный эффект от внедрения данной программы. При этом недостаточно учитывается личная мотивация сотрудника и его потребность в различных мероприятиях программы.

Несмотря на то, что мероприятия well-being направлены на повышение благополучия сотрудника, нельзя не отметить, что важное влияние на эффект от применения мероприятий влияют изначальные потребности и заинтересованность сотрудника в самих мероприятиях. В свою очередь, одним из немаловажных факторов, оказывающих влияние на формирование у сотрудника его приоритетов, потребностей и запросов к организации является его личная иерархия общечеловеческих ценностей, которая в последствии и проявляется в заинтересованности.

Учитывая изложенное выше, можно сделать вывод о необходимости разработки инструмента, который позволит менеджменту организации лучше понимать взаимосвязь между ценностями сотрудников и их потребностями в мероприятиях программы well-being, и более точно планировать и реализовывать мероприятия, адаптируя их под ценностные предпочтения сотрудников. Это может служить основой для разработки стратегий улучшения культуры well-being в организации, позволяя более эффективно использовать ресурсы и повышать удовлетворенность сотрудников от работы, снижая при этом влияние факторов выгорания.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данной работе изучается задача количественной оценки зависимости ожиданий сотрудника по наличию в корпоративной программе well-being конкретных мероприятий от ранжирования им ценностей, систематизированный перечень которых предложен в [21].

Рассматривается набор 29 возможных мероприятий программы well-being, разбитых на шесть блоков: финансовое благополучие, социальное благополучие, карьерное благополучие, душевное благополучие, непрерывное развитие, дружелюбная корпоративная среда.

Под ценностями сотрудника понимаются его высшие цели жизни. Заметим, что все ценности по своей природе являются нематериальными, а любая материальная составляющая является лишь инструментом достижения ценностей. В работе рассматривается унифицированный список десяти ценностей сотрудника:

- 1) свобода ($r = 1$) – самоопределение, стремление к независимым действиям и мышлению;
- 2) семья ($r = 2$) – сохранение и улучшение благосостояния близких людей;
- 3) удовольствие ($r = 3$) – получение личного морального и физического удовлетворения;
- 4) безопасность ($r = 4$) – укрепление защищенности личных интересов от внешних и внутренних угроз;
- 5) сила ($r = 5$) – контроль и доминирование над людьми и ресурсами;
- 6) традиция ($r = 6$) – сохранение и трансляция норм, правил и обычаев, исторически сложившихся в окружении;
- 7) достижение ($r = 7$) – стремление к личному успеху за счет своих компетенций;
- 8) будущее ($r = 8$) – участие в создании современного мира, построенного на принципах равенства, экологичности и пр.;
- 9) социализация ($r = 9$) – интеграция в социальную среду за счет соответствия ее социальным ожиданиям и

нормам;

10) асоциализация ($r = 10$) – усвоение антиобщественных, антисоциальных норм, установок и стереотипов поведения.

В работе использовалась выборка ответов на вопросы электронной анкеты сотрудниками различных организаций. Респонденты в том числе давали оценку важности ценностей и мероприятий well-being.

Каждая ценность оценивалась индивидуумом по шкале от 0 до 5, где 0 – совершенно неважно, а 5 – максимальная важность, при этом ограничения на строгое упорядочивание не было и ранги каждой из ценностей определялись независимо друг от друга.

Оценки респондентами важности мероприятий, формируемых и реализуемых в программе well-being, также давались в шкале 0 до 5.

Предварительный анализ оценок важности мероприятий показал существование дисбаланса классов важности мероприятий: доля ответов с рангом 0 или 1 суммарно по всем мероприятиям составила менее 11 %, хотя по некоторым из них имеется превышение. Для подавляющего большинства мероприятий (резко выделяющимся исключением является Z_{13} «медитативная практика») важность является средней или высокой, что возможно объяснимо тем, что опрашиваемые, в большинстве своем, даже, если не видят прямой ценности для себя мероприятия, склонны полагать, что наличие такого мероприятия будет как минимум небесполезно.

В таблице 1 приведен фрагмент таблицы долей рангов важности мероприятий.

Таблица 1 – Фрагмент таблицы долей рангов важности мероприятий well-being

Мероприятие	Ранг важности					
	0	1	2	3	4	5
Z1	5%	6%	11%	28%	26%	23%
Z2	4%	5%	9%	20%	26%	36%
Z3	6%	7%	13%	23%	26%	24%
Z4	5%	6%	8%	22%	23%	36%
Z5	7%	5%	14%	30%	24%	20%
Z6	3%	5%	12%	32%	27%	21%
Z7	9%	10%	16%	24%	21%	20%
Z8	2%	3%	5%	15%	30%	45%

Источник: Составлено авторами

Для снижения влияния на дальнейший анализ дисбаланса классов обучающей выборки имеет смысл сократить число рангов важности с шести до трёх путем объединения ответов в более крупные группы.

Рассмотрим новую шкалу рангов:

- 1) 1 – низкая важность (вошли ранги «0 – не важно» и «1 – минимальная важность»);
- 2) 2 – средняя важность (вошли ранги «2 – важность ниже средней» и «3 – средняя важность»);
- 3) 3 – высокая важность (вошли ранги «4 – важность выше средней» и «5 – максимальная важность»).

В таблице 2 приведены фрагменты таблицы с долями рангов важности мероприятий в новой шкале.

Таблица 2 – Фрагмент таблицы с долями рангов важности мероприятий well-being в новой шкале

Мероприятие	Ранг важности		
	1	2	3
Z1	11%	40%	50%
Z2	9%	29%	62%
Z3	14%	36%	51%
Z4	11%	30%	59%
Z5	12%	44%	44%
Z6	8%	44%	48%
Z7	19%	40%	40%
Z8	5%	21%	75%

Источник: Составлено авторами

Как видно из таблицы 2 данное решение не сняло полностью проблему дисбаланса классов, но снизило проблему малой представленности рангов 0 и 1 в обучающей выборке.

Для моделирования количественной оценки зависимости ожиданий сотрудника по наличию в корпоративной программе well-being конкретных мероприятий от

ранжирования им жизненных ценностей использовалась мультиномиальная логистическая регрессия, в которой экзогенные переменные – важности ценностей в ранговой шкале от 0 до 5, а эндогенные – важности мероприятий в ранговой шкале от 1 до 3.

Для построения мультиномиальных регрессионных моделей использовался алгоритм сведения к множеству задач бинарной классификации по методу один-против-всех и язык программирования Python с библиотекой sklearn (Scikit-learn). Сравнение между собой различных моделей и выбор наилучшей проводилось на основе метода кросс-валидации, а оценка качества построенных моделей осуществлялась на отдельной валидационной выборке.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В работе использовалась выборка из результатов анкетирования 740 сотрудников различных организаций, опросник включал, в том числе, и вопросы об их жизненных ценностях и важности для них мероприятий программы well-being. Выборка была разделена на две группы размером в 640 и 100 записей. Первая выборка объёма 640 участвовала в обучении моделей с использованием алгоритма кросс-валидации Stratified K Fold, вторая (100 записей – валидационная выборка) выступала в качестве проверочной выборки, по которой оценивалось итоговое качество построенных моделей. Разделение данных на две описанных группы делалось случайным образом.

Обучение моделей и получение прогнозных значений проводилось путем реализации двух алгоритмов.

Первый алгоритм:

обучающая выборка разделяется на k фолдов;

формируется k итераций для построения модели: один из фолдов берётся в качестве тестирующего множества, объединение остальных ($k-1$) фолда является обучающим множеством;

для каждой построенной модели на валидационном множестве делается оптимизация качества модели подбором гиперпараметров;

итоговые оценки вероятностей принадлежности важности мероприятия каждому из рангов находятся как средние значения по всем построенным моделям.

Второй алгоритм:

обучающая выборка разделяется на k фолдов;

формируется k итераций для построения модели: один из фолдов берётся в качестве тестирующего множества, объединение остальных ($k-1$) фолда является обучающим множеством;

из k построенных на каждой итерации моделей по сумме метрик «Точность» и «Площадь под ROC-кривой» выбирается лучшая модель;

лучшая модель дообучается на всей тренировочной выборке;

дообученная модель используется для получения оценок вероятностей попадания важности мероприятия в каждый из рангов.

Принадлежность к определенному рангу в валидационной выборке определялась по принципу выбора ранга с наибольшей вероятностью в полученном прогнозе.

Метрики качества модели рассчитывались по стратегии один-против-всех, где оценивалась способность модели предсказывать один определенный ранг по отношению ко всем остальным. Значение каждой метрики для всей модели вычислялось макро-усреднением метрики по прогнозу получения каждого из рангов.

Построенные по алгоритму 1 модели зависимости степени важности мероприятий программы well-being от личностных ценностей сотрудника прогнозируют вероятность каждого из рангов отдельно.

В таблице 3 приведен фрагмент коэффициентов моделей каждого из рангов для первых трех мероприятий: реализация корпоративных льгот (Z_1), оптимизация финансового поведения (Z_2) и реализация финансового потенциала (Z_3).

Таблица 3 – Фрагмент коэффициентов моделей

Мероприятие	Ранг	Св. член	Алгоритм 1									
			r=1	r=2	r=3	r=4	r=5	r=6	r=7	r=8	r=9	r=10
Z_1	1	1.20	0.09	0.14	-0.34	-0.16	-0.10	-0.16	0.08	-0.03	-0.11	-0.13
	2	1.19	-0.15	0.01	0.01	-0.04	0.07	-0.08	-0.02	0.01	-0.01	0.09
	3	-2.39	0.07	-0.15	0.33	0.20	0.04	0.24	-0.05	0.03	0.12	0.04
Z_2	1	1.72	-0.12	0.06	0.00	0.03	-0.26	-0.14	-0.04	-0.18	-0.14	-0.33
	2	0.88	-0.09	-0.05	-0.04	0.01	0.00	0.02	-0.05	0.08	-0.05	0.16
	3	-2.60	0.21	-0.01	0.05	-0.04	0.27	0.12	0.10	0.10	0.19	0.17
Z_3	1	2.19	-0.12	-0.03	-0.03	0.09	-0.28	-0.13	0.02	-0.24	-0.12	-0.21
	2	1.87	-0.12	-0.02	-0.12	0.04	0.02	0.01	-0.16	0.00	-0.01	0.08
	3	-4.06	0.24	0.05	0.15	-0.12	0.26	0.12	0.14	0.25	0.13	0.13

Источник: Составлено авторами

Анализируя данные таблицы 3, заметим, что в данных моделях наибольшими свободными членами обладают зависимости для 1-го ранга («не важно» и «минимальная важность») и 2-го («низкая важность» и «средняя важность»), а для 3-го («важно» и «очень важно») имеет наименьшее значение свободного члена. Это может говорить о том, что если в построенных моделях важности ценностей человека равны 0 или 1, то конкретное мероприятие для него не важно или обладает средней степенью важности.

Для примера рассмотрим модель, прогнозирующую ранги важности реализации корпоративных льгот для сотрудника (Z_1). Стоит отметить, что чем выше для индивидуума важности таких ценностей, как «удовольствие» ($r = 3$), «безопасность» ($r = 4$), «традиция» ($r = 6$), «будущее» ($r = 8$) и «социализация» ($r = 9$), тем прогнозируемая вероятность 3-го ранга будет выше, а 1-го наоборот ниже. Обратным эффектом обладают такие ценности как «семья» ($r = 2$) и «достижение» ($r = 7$), т.е. чем выше важности этих ценностей, тем для сотрудника меньше прогнозируемая вероятность 3-го ранга. Остальные ценности («свобода», «сила», «социализация») не имеют монотонного влияния.

Также можно сказать, что мероприятие Z_1 обладает высокой важностью (3-й ранг) для сотрудников, у которых преобладают ценности «удовольствие» ($r = 3$), «безопасность» ($r = 4$), «традиция» ($r = 6$). Это можно объяснить тем, что для индивидов, стремящихся к минимизации рисков и получению гарантированных бенефитов, мероприятие, связанное с наличием корпоративных льгот, будет обладать высокой важностью, т.к. оно позволит получать гарантированные выплаты на поддержание здоровья, компенсацию транспортных затрат и пр. важные элементы их жизни.

При этом, к примеру, мероприятие Z_2 обладает высокой важностью у сотрудников, для которых важны ценности «свобода» ($r = 1$), «сила» ($r = 5$) и «социализация» ($r = 9$), т.е. люди, придерживающиеся оптимальной модели поведения для сохранения своей потребительской свободы.

Стоит заметить, что различие качества моделей, построенных по алгоритмам 1 и 2, для подавляющего большинства мероприятий (кроме Z_1 и Z_2) оказалось в пределах 2-х процентных пунктов. Для Z_{1U} (физическая активность) качество модели, построенной по алгоритму 2, по показателям точность, чувствительность и F1-score выше на 3–6 пунктов. Для Z_{28} на 4–6 пунктов лучше модель, построенная по алгоритму 1.

Для части построенных по алгоритму 1 моделей метрики качества, рассчитанные по валидационной выборке, приведены в таблице 4.

Таблица 4 – Фрагмент таблицы метрик качества построенных моделей

Мероприятие	Алгоритм 1				
	Точность	Чувствительность	Специфичность	F1-score	Площадь под ROC-кривой
Z_1	0.69	0.42	0.72	0.43	0.6
Z_2	0.73	0.36	0.72	0.34	0.74
Z_3	0.69	0.44	0.73	0.44	0.71
Z_4	0.74	0.51	0.76	0.53	0.71
Z_5	0.71	0.44	0.73	0.44	0.67
Z_6	0.69	0.38	0.7	0.36	0.55
Z_7	0.73	0.54	0.78	0.54	0.67
Z_8	0.87	0.43	0.77	0.44	0.79

Источник: Составлено авторами

Все метрики, по которым оценивались модели изменяются от 0 до 1 (чем ближе значение к 1, тем лучше).

При этом только метрика «Площадь под ROC-кривой» имеет градиент качества: 0,5–0,6 – неудовлетворительное; 0,6–0,7 – среднее; 0,7–0,8 – хорошее; 0,8–0,9 – очень хорошее; 0,9–1,0 – отличное. Остальные метрики не имеют четких границ значений, но по ним можно делать выводы о сильных и слабых сторонах построенных моделей.

Опираясь на значения метрики «Площадь под ROC-кривой» можно сделать вывод о том, что для всех мероприятий, кроме Z₆ (интеграция сотрудника в процессы его отрасли), построенные модели обладают средним и хорошим качеством.

Значения метрик «чувствительность» и «специфичность» показывают, что построенные модели имеют достаточно низкий процент ложно-положительных предсказаний и обеспечивают большой процент правильного распознавания отрицательных наблюдений. При этом показатель чувствительности построенных моделей не столь велик, однако это ожидаемое явление при высоком уровне специфичности, так как на практике, как правило, невозможно одновременно повысить и чувствительность, и специфичность моделей. Поэтому, говоря о балансе между этими двумя показателями, такие значения чувствительности можно считать приемлемыми при таком уровне специфичности.

Отметим, что, сравнивая данные модели с теми, которые построены без объединения рангов в более крупные группы, можно наблюдать повышение качества моделей для всех мероприятий. Сравнение метрик между 3 и 6 предсказываемыми рангами для первых пяти мероприятий представлено в таблице 5.

Таблица 5 – Сравнение метрик качества моделей, построенных по алгоритму 1

Мероприятие	6 классов			
	Точность	Чувствительность	Специфичность	Площадь под ROC-кривой
Z1	0,67	0,2	0,8	0,54
Z2	0,67	0,2	0,81	0,62
Z3	0,65	0,23	0,83	0,53
Z4	0,71	0,18	0,85	0,65
Z5	0,7	0,36	0,85	0,62
Мероприятие	3 класса			
	Точность	Чувствительность	Специфичность	Площадь под ROC-кривой
Z1	0,69	0,42	0,72	0,6
Z2	0,73	0,36	0,72	0,74
Z3	0,69	0,44	0,73	0,71
Z4	0,74	0,51	0,76	0,71
Z5	0,71	0,44	0,73	0,67

Источник: Составлено авторами

При сравнении метрик результатов моделирования с разным числом рангов можно выделить ряд особенностей построенных моделей.

Во-первых, показатели метрик «Точность» и «Площадь под ROC-кривой» в среднем ниже для 6 рангов, чем для 3-х, хотя и нельзя говорить, что эти две метрики являются однозначными показателями высокого качества построенных моделей, но нельзя не заметить более высокие значения метрик во втором случае.

Во-вторых, более высокая разница между показателями «Точность» и «Площадь под ROC-кривой» может говорить о наличии некоторых проблем или особенностей построенной модели, как например дисбаланс классов. Высокая точность может быть обусловлена дисбалансом классов в целевой переменной. Если один класс преобладает над другими, модель может с легкостью предсказывать его и достигать высокой точности без учета важности остальных классов. В то же время, показатель «Площадь под ROC-кривой» учитывает предсказания для всех классов и их относительную важность, поэтому его низкое значение может свидетельствовать о неправильном учете важности всех классов. Также это может говорить о некорректной обработке мультиклассовой проблемы. Например, модель может делать несбалансированные предсказания или пропускать некоторые категории, что может негативно сказываться на показателе «Площадь под ROC-кривой». В моделях, построенных без объединения оценок важности, данная особенность более явно прослеживается, что говорит о

возможно большем числе проблем при применении модели в дальнейшем.

В-третьих, анализ баланса между показателями чувствительности и специфичности показывает: при объединении классов показатель специфичности моделей снизился, однако, снижение не является значительным, и сам показатель остается на достаточно высоком уровне, но при этом чувствительность моделей выросла в среднем в 2 раза. Таким образом, можно сказать, что модели при сокращении числа классов путем их объединения стали сравнительно более сбалансированными, чем это было ранее.

Учитывая вышеизложенное, нельзя сказать, что снижение классов зависимой переменной в модели сделало модели значительно лучше, но построенные таким образом модели стали однозначно более сбалансированными и в среднем повысились значения точности и показателя AUC-ROC.

ВЫВОДЫ

Рассмотрен вопрос о влиянии проранжированной системы ценностей сотрудника на оценку важности для него мероприятий well-being. Разработаны и апробированы модели мультиномиальной логистической регрессии, позволяющие классифицировать ранги важности для сотрудника мероприятий well-being на основе его ценности. Разработанные модели строились и оценивались на основе выборки объема, полученной анкетированием 740 сотрудников различных организаций.

Качество моделей оценивалось метриками «Точность», «ROC-AUC», «Специфичность», «Чувствительность» и «F1-score». Проведен сравнительный анализ моделей по этим метрикам с и без объединения классов в выборке. В рамках построенных моделей сделаны выводы о их качестве и специфике имеющихся для обучения данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Щукина Д.В., Черникова В.Е. Well being программа как современное направление в области удержания персонала в компании // Деловой вестник предпринимателя. 2021. №2(4). С. 87-89. DOI: 10.24412/2687-0991-2021-11202.
2. Iqbal J., Asghar A., Asghar M. Z. Effect of despotic leadership on employee turnover intention: mediating toxic workplace environment and cognitive distraction in academic institutions // Behavioral Sciences. 2022. №12(5). P. 125-148. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs12050125>.
3. Zhilukhina O. G., Babak L. N., Rakutko S. Y., Selezneva E. Y., Denisevich E. I., Berezhnova E. L., Mikhalyova O. L. Specificity of the relationship between project management and organizational culture // Journal of Entrepreneurship Education. 2018. №21(3). P. 1-9.
4. Чуланова О.Л., Булгакова С.А. Исследование применения технологии «Well-being» в гуманизации трудовой деятельности персонала организаций в цифровой экономике // Вестник евразийской науки. 2019. Т.11. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-primeneniya-tehnologii-well-being-v-gumanizatsii-trudovoy-deyatelnosti-personala-organizatsiy-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 26.07.2023).
5. Ozelik H., Langton N., Aldrich H. Doing well and doing good: The relationship between leadership practices that facilitate a positive emotional climate and organizational performance // Journal of Managerial Psychology. 2008. №23(2). P. 186-203. DOI:10.1108/02683940810850817.
6. Anitha K., Shanthy V. Employee well-being - a path to redefine workplace // Sumedha Journal of Management. 2020. № 9(1). P. 79-90. DOI:10.46454/SUMEDHA/9.1.2020.6.
7. Haddon J. The impact of employees' well-being on performance in the workplace // Strategic HR Review. 2018. №17(2). P. 72-75. DOI:10.1108/SHR-01-2018-0009.
8. Zakaria J. An examination of the work culture, motivation, quality of work life on the relations between job performance and job satisfaction // International Journal of Humanities and Social Science Invention (IJHSSI). 2015. №4(9). P. 41-49.
9. Mathibe M. S., Chinyamurindi W. T. (2021). Determinants of employee mental health in the South African public service: The role of organizational citizenship behaviors and workplace social support // Advances in Mental Health. 2021. №19(3). P. 306-316. DOI:10.1080/18387357.2021.1938153.
10. Ciulla J.B. The importance of leadership in shaping business values // The search for ethics in leadership, business, and beyond. 2020. № 50(1). P. 153-163. DOI:10.1007/978-3-030-38463-0_10.
11. Kolomitro K., Kenny N., Sheffield S.L.M. A call to action: Exploring and responding to educational developers' workplace burnout and well-being in higher education // International Journal for Academic Development. 2020. № 25(1). P. 5-18. DOI:10.1080/1360144X.2019.1705303.
12. Яковлева М.А., Шостак М.А. Применение концепции well-being предприятиями индустрии гостеприимства // Human Progress. 2020.

Т.6, Вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-well-being-predpriyatiyami-industrii-gostepriimstva> (дата обращения: 26.07.2023).

13. He, J., Morrison, A.M., Zhang, H., *Improving Millennial Employee Well-Being and Task Performance in the Hospitality Industry: The Interactive Effects of HRM and Responsible Leadership // Sustainability*. 2019. Vol.11(16). Номер статьи: 4410. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11164410>.

14. Sirgy M.J. *Promoting quality-of-life and well-being research in hospitality and tourism // Journal of Travel & Tourism Marketing*. 2019. Vol.36(1). P. 1-13. DOI: [10.1080/10548408.2018.1526757](https://doi.org/10.1080/10548408.2018.1526757).

15. Click E.R., Dobbins M.A. *Financial Well-Being Program Development // Building Healthy Academic Communities Journal*. 2020. № 4(1). DOI: <https://doi.org/10.18061/bhac.v4i1.7110>.

16. Cat T., El-Ibiary S., Lee K. *Evaluation of a Well-being Promotion (WelPro) Program on Advanced Pharmacy Practice Experience (APPE) Student Burnout // American Journal of Pharmaceutical Education*. 2023. Vol.87(6). 100071. DOI: [10.1016/j.ajpe.2023.100071](https://doi.org/10.1016/j.ajpe.2023.100071).

17. Cat, T., Du J., Chen C., El-Ibiary, Lee K. *Impact of a Well-being Promotion (WelPro) Training Program on APPE Conference Leaders // American Journal of Pharmaceutical Education*. 2021. 86.8757. DOI: [10.5688/ajpe8757](https://doi.org/10.5688/ajpe8757).

18. Brown M., Lord E., John A. *Adaptation of ACTivate Your Wellbeing, a Digital Health and Well-being Program for Young Persons: Co-design Approach // JMIR formative research*. 2023. №7(3). e39913. DOI: [10.2196/39913](https://doi.org/10.2196/39913).

19. Bulińska-Stangrecka H., Bagińska A. *The role of employee relations in shaping job satisfaction as an element promoting positive mental health at work in the era of COVID-19. International journal of environmental research and public health*. 2021. №18(4). P. 1-18. DOI: [10.3390/ijerph18041903](https://doi.org/10.3390/ijerph18041903).

20. Молодчик Н. А., Соснина П. О. *Программа well-being: Российские практики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2023. №1. С. 57-62. DOI: [10.12737/2305-7807-2023-12-1-57-62](https://doi.org/10.12737/2305-7807-2023-12-1-57-62)

21. Мазелис Л.С., Лавренюк К.И., Красько А.А. *Моделирование процесса развития компетенций сотрудников организации для достижения целевых значений КРП // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ) : сборник трудов Международной научно-практической конференции, 27–30 апреля 2023 г. / под ред. д-ра экон. наук, проф. Д. Г. Родионова, д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 579-582.*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 06.09.2023

Approved date: 20.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.1

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_14



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ВЛИЯНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© Автор(ы) 2023

МАЛАХОВА Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов
Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова
305070, Россия, Курск, mals46@mail.ru

AuthorID: 814302

SPIN: 4426-3294

ORCID: 0009-0009-7902-8682

ГРАНКИН Владимир Филиппович, доктор экономических наук, профессор кафедры экспертизы и управления недвижимостью горного дела
Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, Курск, grankin048@yandex.ru

AuthorID: 302567

SPIN: 7846-4701

СУКМАНОВ Эдуард Валентинович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и учета
Курский государственный университет
305000, Россия, Курск, edik-24@yandex.ru

SPIN: 9412-1852

AuthorID: 545821

ORCID: 0000-0002-8529-8584

СКУЛКОВ Игорь Сергеевич, аспирант экономического факультета
Курский государственный университет
305000, Россия, Курск, edik-24@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9935-2408

Аннотация. Неоднозначность экономической и политической ситуации, усугубляемая чередой кризисов, отодвигает на второй план вопросы социальной политики. В решении проблемы общего низкого уровня жизни населения за последнее десятилетие существенных сдвигов не произошло: сегодня по-прежнему около 10 % населения страны находится за чертой бедности, имея среднедушевой доход менее величины установленного прожиточного минимума. Существующие меры социальной поддержки незащищенных слоев населения носят больше формальный характер, в связи с чем вопросы повышения уровня жизни остаются значимыми, чем и обусловлена актуальность исследования. В ходе исследования проведен анализ изменения благосостояния населения Курской области под влиянием макроэкономических преобразований последних лет, выявлены сложившиеся тенденции и их социально-экономические последствия. Установлено, что экономическая ситуация в Курской области характеризуется усилением кризиса на фоне социально-экономических и политических изменений, в результате чего произошло усиление темпов роста цен производителей, а размер ВРП в постоянных ценах рос невысокими темпами. Несмотря на номинальный рост средней заработной платы, прожиточного минимума, пенсий и среднедушевых доходов, в действительности качественного роста уровня жизни не происходит. Темпы роста потребительских цен превышают темпы роста средней заработной платы и среднедушевых денежных доходов и свидетельствует о снижении покупательной способности располагаемых денежных средств.

Ключевые слова: Курская область, социальная политика, уровень жизни, среднедушевые доходы, уровень бедности, экономический кризис.

THE IMPACT OF MACROECONOMIC CHANGES ON THE WELFARE OF THE POPULATION OF THE KURSK REGION

© The Author(s) 2023

MALAKHOVA Svetlana Viktorovna, candidate of science of economy, associate professor of the department of accounting and finance
Kursk state agrarian university named after I.I. Ivanova
305070, Russia, Kursk, mals46@mail.ru

GRANKIN Vladimir Filippovich, doctor of economic sciences, professor of economic theory, regionalism and legal regulation of the economy
Southwestern state university
305040, Russia, Kursk, grankin048@yandex.ru

SUKMANOV Eduard Valentinovich, candidate of economic sciences, associate professor of economics and accounting
Kursk State University
305000, Russia, Kursk, edik-24@yandex.ru

SKULKOV Igor Sergeevich, postgraduate student of the faculty of economics
Kursk State University
305000, Russia, Kursk, edik-24@yandex.ru

Abstract. The ambiguity of the economic and political situation, aggravated by a series of crises, pushes social policy issues into the background. There have been no significant changes in solving the problem of the general low standard of living of the population over the past decade: today, about 10 % of the country's population is still below the poverty line, having an average per capita income less than the established subsistence minimum. The existing measures of social support for vulnerable segments of the population are more formal in nature, and therefore the issues of improving the standard of living remain significant, which is why the relevance of the study is determined. In the course of the study, the analysis of changes in the welfare of the population of the Kursk region under the influence of macroeconomic transformations in recent years was carried out, the prevailing trends and their socio-economic consequences were revealed. It is established that the economic situation in the Kursk region is characterized by an intensification of the crisis against the background of socio-

economic and political changes, as a result of which there was an increase in the growth rate of producer prices, and the GRP in constant prices grew at a low rate. Despite the nominal increase in average wages, the subsistence minimum, pensions and per capita incomes, in reality there is no qualitative increase in the standard of living. The growth rates of consumer prices exceed the growth rates of average wages and per capita monetary incomes and indicates a decrease in the purchasing power of disposable funds.

Keywords: Kursk region, social policy, standard of living, per capita income, poverty level, economic crisis.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Наиболее значимой социально-экономической задачей для России остается обеспечение достойного уровня и качества жизни для населения, а также снижение существующих социально-экономических диспропорций между регионами и даже отдельными территориями [1; 2]. Территориальная протяженность страны, определяющая природно-климатические особенности, способствует формированию неравного ресурсного и экономического потенциала, что во много осложняет реализацию социально-экономических задач на местах [3; 4].

Неоднозначность экономической и политической ситуации, усугубляемая чередой кризисов, отодвигает на второй план вопросы социальной политики, поскольку они также требуют и инвестиционной поддержки [5]. В результате, в решении проблемы общего низкого уровня жизни населения за последнее десятилетие существенных сдвигов не произошло: сегодня по-прежнему около 10 % населения страны находится за чертой бедности, имея среднедушевой доход менее величины установленного прожиточного минимума [6]. Существующие меры социальной поддержки незащищенных слоев населения носят больше формальный характер, в связи с чем вопросы повышения уровня жизни остаются значимыми, чем и обусловлена актуальность исследования.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Как отмечают исследователи [7–9], существующая в России социальная политика, направленная на повышение уровня жизни населения, не состоятельна. Это связано с тем, что критерием градации по уровню доходов населения выступает прожиточный минимум, ежегодно определяемый Правительством и на его основе – в регионах с учетом стоимости жизни. До 2021 года размер прожиточного минимума в России определялся на основе стоимости потребительской корзины, включающей фиксированный набор продуктов. Начиная с 2021 года подход к расчету прожиточного минимума был изменен, расчет производится в зависимости от размера среднедушевого дохода – 44,2 % от медианного дохода за предыдущий год [10; 11]. Несмотря на проведенные преобразования, качественного роста прожиточного минимума не произошло, что также является следствием социально-экономической дифференциации населения по размеру среднедушевого дохода, взятого за основу. Значимость формирования высокого уровня прожиточного минимума состоит в том, что данный индикатор является базовой величиной для деления населения по критерию бедности и основой для расчета размера значимых пособий и пенсий [12–14]

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Исследовать изменение благосостояния населения Курской области под влиянием макроэкономических преобразований последних лет, выявить сложившиеся тенденции и их социально-экономические последствия – цель исследования.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В работе использовались индикаторы экономического положения Курской области и основные показатели уровня жизни населения в регионе в 2018 – 2022 гг. [15]. На первом этапе исследования рассматривается динамика

ВРП региона в абсолютном выражении на душу населения и в относительном выражении в процентах к предыдущему году, а также дается оценка изменения индексов цен производителей промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции, что отражает экономическую обстановку в регионе в условиях усиления кризиса. На втором этапе исследования рассматривается средняя заработная плата и среднедушевые доходы населения в регионе, а также дается сравнение темпов роста потребительских цен с темпами роста располагаемых денежных доходов и реальной заработной платы в Курской области. Выбор 2018 года в качестве базисного обусловлен его положением, предшествующим усилению кризиса в экономике. Исследование проводилось с использованием целого ряда методов и подходов, в том числе: интеллектуальный анализ данных, общенаучные и экономико-статистические инструменты анализа [16; 17].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

ВРП Курской области в расчете на душу населения сохраняет устойчивую динамику к росту: в 2018 году объем созданной внутри региона ВДС составлял 405,9 тыс. руб. на душу населения, а к 2020 году вырос только на 17 % – до 475,3 тыс. руб. В последние 2 года на фоне усиления кризиса в экономике отмечено ускорение темпов роста стоимостного объема ВРП на душу населения до 627,3 тыс. руб., что выше уровня предыдущего года на 32 %. В 2022 году динамика к росту сохранилась, в результате чего ВРП на душу населения в Курской области составил 641,8 тыс. руб.

В результате, в последние 2 года на фоне ухудшения экономической ситуации отмечено ускорение темпов инфляции, что стало причиной более динамичного роста номинального объема ВРП в расчете на душу населения региона. Оценка данных в постоянных ценах показала, что в действительности темпы роста ВРП являются не высокими – в 2018 – 2020 гг. на уровне 2–3 %. В 2021 году отмечен рост индекса физического объема ВРП до 105,8 %, а в 2022 году на фоне усиления кризиса ВРП вырос всего лишь на 0,7 % (рисунок 1).

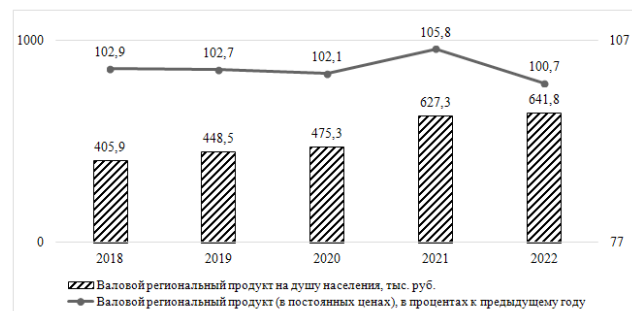


Рисунок 1 – Динамика ВРП в Курской области в 2018 – 2022 гг.

Снижение курса рубля и сопутствующее ускорение темпов инфляции привело к динамичному росту цен производителей промышленных товаров и производителей сельскохозяйственной продукции. В 2018 году темпы роста цен находились на высоком уровне: цены производителей промышленных товаров выросли более чем на 17 %, а производителей сельскохозяйственной продукции – более чем на 25 %. В 2019 году на фоне динамичного роста цен в предыдущем году индексы цен производителей в регионе снизились до 86 %, что сви-

детельствует о снижении на уровне 14 %. В 2020 году вновь произошло усиление темпов роста цен производителей: на промышленную продукцию цены выросли на 20,5 %, а на сельскохозяйственную – на 30,4 %. В 2021 году динамичный рост сохранился, но более низкими темпами – на уровне 13–14 %. В 2022 году сохранение динамики к дальнейшему росту цен производителей отмечено только для промышленной продукции, в то время как для сельскохозяйственной продукции цены снизились на 11,6 % (рисунок 2).

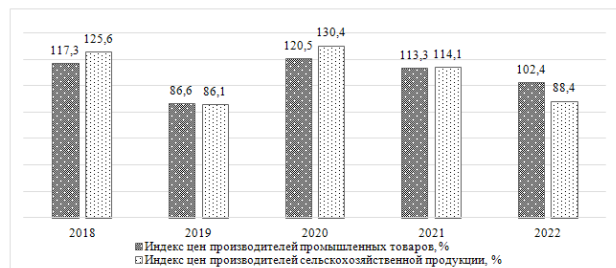


Рисунок 2 – Динамика индексов потребительских цен производителей промышленных товаров и производителей сельскохозяйственной продукции в Курской области в 2018 – 2022 гг.

Для поддержания существующего уровня жизни населения региона величина доходов должна расти в соответствии с ростом уровня цен, что позволит сохранить покупательскую способность. Оценка динамики среднедушевых денежных доходов и средней заработной платы в Курской области показала, что в абсолютном выражении показатели устойчиво растут, при этом среднедушевой доход заметно ниже среднего уровня оплаты труда. Так, среднедушевой доход в 2018 году составлял 27,3 тыс. руб. и превысил 30 тыс. руб. только в 2021 году, а период 2019 – 2020 гг. характеризуется сохранением практически неизменного уровня показателя. В 2022 году отмечено увеличение среднедушевого дохода на 15 % по сравнению с уровнем предыдущего года – до 37,6 тыс. руб., что является следствием усиления инфляции в экономике. В свою очередь, средняя заработная плата в 2018 году составила 29,9 тыс. руб., а уже в 2020 году превысила 35,8 тыс. руб. В последние 2 года отмечен динамичный рост размера средней заработной платы в регионе на уровне 13–14 % ежегодно, в результате чего в 2022 году показатель достиг 40,3 тыс. руб., а в 2022 году – 46,1 тыс. руб. (рисунок 3).



Рисунок 3 – Динамика средней заработной платы и среднедушевых доходов населения Курской области в 2018 – 2022 гг.

Величина прожиточного минимума в Курской области в 2018 – 2019 гг. не превышала и 10 тыс. руб., а в 2020 – 2021 гг. – составляла менее 11 тыс. руб. К 2022 году размер прожиточного минимума был увеличен до 12,1 тыс. руб., что выше уровня базисного периода на 33 %. Средний размер назначенных пенсий в Курской области в 2018 году составлял 12,9 тыс. руб., а к 2021 году вырос на 20 % – до 15,5 тыс. руб. В 2022 году отмечено повышение среднего размера назначенных пенсий на 14,2 % – до 17,7 тыс. руб. (рисунок 4).

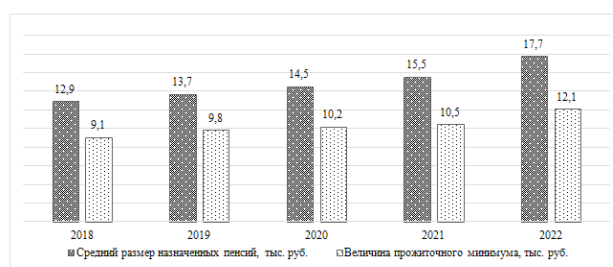


Рисунок 4 – Динамика среднего размера назначенных пенсий и величины прожиточного минимума в Курской области в 2018 – 2022 гг.

Оценка темпов роста основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения с индексами потребительских цен в регионе показала, что в 2018 году только темпы роста заработной платы несколько превышали темпы роста потребительских цен. В 2019 году цены в области выросли на уровне 3,2 %, в то время как темпы прироста средней заработной платы составили 3,8 %. Наиболее динамично в 2019 году вырос размер прожиточного минимума – на 8,4 %. В 2020 году потребительские цены в регионе выросли на 5,8 %, в то время как средняя заработная плата – только на 5,3 %. В 2021 – 2022 гг. отмечено ускорением темпов роста потребительских цен в регионе до 9,8 % и 13,3 % соответственно, в то время как средняя заработная плата в 2021 году выросла только на 4,4 %, а в 2022 году снизилась на 1,1 %. Это свидетельствует о том, что темпы инфляции в экономике региона превышают темпы роста средней заработной платы, следовательно уровень жизни населения продолжает снижаться (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнение темпов роста потребительских цен и темпов роста располагаемых денежных доходов и реальной заработной платы в Курской области в 2018 – 2022 гг.

Показатель	Значение				
	2018	2019	2020	2021	2022
Индекс потребительских цен, в % к предыдущему году	105,7	103,2	105,8	109,8	113,3
Реальная начисленная заработная плата, в % к предыдущему году	106	103,8	105,3	104,4	98,9
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	99,6	100,1	97,7	100,5	98,8
Реальный размер назначенных пенсий, в % к предыдущему году	99,9	103,1	99,6	97,4	101,1

Реальные располагаемые денежные доходы населения Курской области в последние 5 лет не показали заметную динамику роста: в 2019 году прирост составил всего лишь 0,1 %, в 2021 году – 0,5 %, а в оставшихся годах динамика была отрицательной. В 2022 году реальные располагаемые денежные доходы населения в регионе снизились на 1,2 %. Реальный размер назначенных пенсий рос только в 2019 году (на 3,1 %) и в 2022 году (на 1,1 %), в то время как в прочие годы, несмотря на номинальный рост, показатель также снижался. В целом, уровень жизни в Курской области в последние 5 лет устойчиво снижается, что связано с динамичным ростом потребительских цен в регионе при менее динамичном повышении среднедушевых доходов и средней заработной платы.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

О снижении уровня жизни населения в регионах страны пишут многие авторы [18; 19], указывая на то, что падение курса рубля в последние несколько лет привело к существенному ухудшению уровня и качества жизни. Ситуация последних лет характеризуется крайне высокими темпами инфляции, особенно в продовольственном сегменте, в результате чего покупательная способность располагаемых денежных доходов сократилась существенно. При этом рост средней заработной платы, пособий и пенсий осуществляется более низкими темпами, что не способствует даже сохранению уровня

предыдущих лет [20].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Экономическая ситуация в Курской области характеризуется усилением кризиса на фоне социально-экономических и политических изменений, в результате чего произошло усиление темпов роста цен производителей промышленной продукции и сельскохозяйственного сырья, а размер ВРП в постоянных ценах рос невысокими темпами. Оценка основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения показала, что несмотря на номинальный рост средней заработной платы, прожиточного минимума, пенсий и среднедушевых доходов, в действительности качественного роста не происходит. Это связано с тем, что темпы роста потребительских цен превышают темпы роста средней заработной платы и среднедушевых денежных доходов и свидетельствуют о снижении покупательной способности располагаемых денежных средств у населения. Несмотря на снижение в регионе доли и численности населения, находящегося за чертой бедности, уровень оплаты труда растет невысокими темпами, что не позволяет говорить о повышении качества жизни. В 2022 году прожиточный минимум в Курской области составил всего лишь 12 100 руб., именно данный уровень является критерием градации населения по уровню бедности. Вместе с тем, по нашему мнению, установленный размер прожиточного минимума является довольно низким, в связи с чем деление населения по данному уровню является условным, а в действительности численность и удельный вес населения региона с низким уровнем и качеством жизни несколько выше.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Повышение уровня жизни населения Курской области в условиях непростой макроэкономической обстановки остается важной задачей. Мы полагаем, что первоочередным мероприятием в данном направлении должен стать пересмотр существующей социальной политики в регионе, направленной на усиление мер социальной поддержки малообеспеченных граждан. Вместе с тем, проблема низкого уровня жизни является системной, поэтому ее решение требует кардинальных мер на федеральном уровне, поскольку именно это является отправной точкой для региональных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мищенко В.И., Гудков А.И., Красильщиков А.В. О некоторых актуальных проблемах совершенствования социальной политики РФ // *Евразийское Научное Объединение*. 2021. № 5-4 (75). С. 291-293.
2. Гавловская Г.В., Пушкарева Н.О. Проблемы и тенденции в социальной сфере России в условиях устойчивого развития // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 4-1. С. 19-28.
3. Афанасьев М.Ю., Айвазян С.А. Индикаторы социально-экономического развития субъектов РФ в базисе характеристик региональной дифференциации // *Вестник ЦЭМИ*. 2018. № 2. С. 2.
4. Кетова К.В., Русак И.Г. Анализ и моделирование доходов населения социально-экономической системы Российской Федерации // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 63-4. С. 30-39.
5. Репринцева Е.В., Власова О.В., Еськова Н.А., Жилинкова Л.А. Влияние политической обстановки на уровень жизни российского населения // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 10-3. С. 451-457.
6. Мазелис Л.С., Красова Е.В., Бойко А.А. Комплексная оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 8. С. 753-766.
7. Сергеева Н.М. Анализ проблемы сокращения реальных доходов населения: социальный и экономический аспекты // *Славянский форум*. 2019. № 4 (26). С. 261-267.
8. Зюкин Д.А., Головин Ал.А., Зюкин Д.В., Стародубцева А.С., Носова В.В. Тенденции развития региональных потребительских рынков в условиях снижения реальных доходов населения // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2021. № 3. С. 151-157.
9. Сергеева Н.М., Скрипкина Е.В., Пасечко В.В., Перькова Е.Ю. Сравнительная оценка изменения уровня жизни в стране и ЦФО в период пандемии // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 9-3. С. 421-426.
10. Мальчихина Е.А. Изменение прожиточного минимума в Российской Федерации // *Modern Science*. 2022. № 6-1. С. 101-103.
11. Колобова С.В. МРОТ и медианная заработная плата в механизме правового регулирования оплаты труда // *Современное ГРНТИ: 060000, 820000; ВАК: 5.2.1.; 5.2.4.; 5.2.5.*

право. 2021. № 2. С. 60-67.

12. Преснякова Л.В. Проблемы бедности и реализация социальной политики // *Инновации. Наука. Образование*. 2022. № 49. С. 41-45.

13. Мигранова Л.А., Корчагина И.И. Минимальный социальный стандарт уровня жизни в России: методы оценки // *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. Т. 17. № 2. С. 192-203.

14. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние системы социальной поддержки на уровень бедности в регионах // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 3. С. 368-377.

15. Курская область в цифрах. 2023: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2023 – 223 с.

16. Практические аспекты применения регрессионного метода в исследовании социально-экономических процессов: монография / С.А. Беляев, Н.С. Бушина, О.В. Власова, Ал.А. Головин и др. - Курск: «Деловая полиграфия», 2021. 166 с.

17. Методы статистики и возможности их применения в социально-экономических исследованиях: монография / С.А. Беляев, Н.С. Бушина, А.Ю. Быстрицкая, О.В. Власова и др. - Курск: «Деловая полиграфия», 2021. 168 с.

18. Сергеева Н.М., Соловьева Т.Н. Дифференциация уровня бедности и управление им в регионах России // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022. № 4. С. 119-124.

19. Власова О.В. Исследование доходов и уровня жизни населения Курской области // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 95-98.

20. Перькова Е.Ю. О социально-экономическом положении населения Курской области // *Наука и практика регионов*. 2021. № 4 (25). С. 110-113.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 26.09.2023

Approved date: 10.10.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 332
DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_15



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ПЕРЕХОД К КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

© Автор(ы) 2023

НЕЗАМОВА Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Логистики»

*Красноярский государственный аграрный университет
660049, Россия, Красноярск, 2127769@mail.ru*

SPIN: 6708-5470

Author ID: 891756

ORCID: 0000-0001-8072-1091

Scopus ID: 57216610320

ШАПОРОВА Зинаида Егоровна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Менеджмент в АПК»

*Красноярский государственный аграрный университет
660049, Россия, Красноярск, fub@kgau.ru*

SPIN: 3039-7172

Author ID: 708373

ORCID: 0009-0003-2137-0545

Scopus ID: 57209776330

ОЛЕНЦОВА Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры Менеджмент в АПК

*Красноярский государственный аграрный университет
660049, Россия, Красноярск, tutor.eng@yandex.ru*

SPIN: 2775-1664

Author ID: 829280

ORCID: 0000-0002-6640-9656

Scopus ID: 57211156075

Аннотация. Стремление к устойчивому развитию последние годы становится устойчивым мировым трендом. Сейчас мир меняется стремительно, многие страны переходят к концепции устойчивого развития. Концепция предполагает постоянное, стабильное развитие трех основных сфер жизни – экономической, экологической и социальной, которые дают возможность повышения уровня жизни и сохранения ресурсов для будущих жителей земли. Окружающая среда испытывает большую антропогенную нагрузку и обеспечивать благополучие людей, численность которых на планете постоянно возрастает, становится все труднее. Обеспечение устойчивого развития страны предполагает устойчивое развитие регионов, входящих в ее состав. Поэтому достижение региональной устойчивости развития становится все более актуальным. Чтобы достичь устойчивости необходимо рассмотреть факторы, оказывающие влияние на региональное развитие, провести анализ мер, используемых в Российской Федерации для достижения устойчивости развития регионов. Анализ отечественного и зарубежного опыта позволит сформировать первоочередные меры для эффективного управления устойчивым развитием регионов.

Ключевые слова: устойчивое развитие территорий, принципы устойчивого развития, экологическое давление, направления устойчивого развития, сельские территории, муниципальное образование.

TRANSITION TO THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

© The Author(s) 2023

NEZAMOVA Olga Alekseevna, candidate of economic sciences,
associate professor of the department “Logistics”

*Krasnoyarsk state agrarian university
660049, Russia, Krasnoyarsk, 2127769@mail.ru*

SHAPOROVA Zinaida Egorovna, candidate of economic sciences,
associate professor of the department “Management in agrobusiness”

*Krasnoyarsk state agrarian university
660049, Russia, Krasnoyarsk, h677hm@gmail.com*

OLENTSOVA Julia Anatolievna, senior lecturer of the department “Management in agrobusiness”

*Krasnoyarsk state agrarian university
660049, Russia, Krasnoyarsk, tutor.eng@yandex.ru*

Abstract. Sustainable development has become a stable global trend in recent years. Now the world is changing rapidly, many countries are moving to the concept of sustainable development. The concept assumes constant, stable development of three main spheres of life – economic, environmental and social, which make it possible to improve the standard of living and preserve resources for future inhabitants of the earth. The environment is experiencing a great anthropogenic load and it is becoming increasingly difficult to ensure the well-being of people, whose number on the planet is constantly increasing. Ensuring the sustainable development of the country implies the sustainable development of the regions that make up it. Therefore, achieving regional sustainability of development is becoming more and more urgent. In order to achieve sustainability, it is necessary to consider the factors influencing regional development, to analyze the measures used in the Russian Federation to achieve the sustainability of regional development. The analysis of domestic and foreign experience will make it possible to form primary measures for effective management of sustainable development of regions.

Keywords: sustainable development of territories, principles of sustainable development, environmental pressure, directions of sustainable development, rural territories, municipal formation.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Вопросам устойчивого развития и в России, и за рубежом последнее время уделяется возрастающее внимание. Обеспечить устойчивое развитие территории, в нашем случае Красноярского края, можно только обе-

спечением социально-экономической стабильности, созданием условий для материального благополучия, социального развития и рационального использования природных ресурсов, не нанося вреда экологии региона. В настоящее время существует много определений устойчивого развития регионов. Одна из трактовок концепции – это процесс динамичного наращивания потен-

циала региона, появляющаяся конкурентоспособность и постепенное повышение уровня жизни населения. Г. И. Шерстобитова [1] пишет, что устойчивое развитие – это прекращение нерационального использования ресурсов. А. А. Ломакин и М. Ю. Федотова [2] трактуют устойчивое развитие, как такое экономическое развитие, которое не подрывает природную базу для будущих поколений. Еще одно определение устойчивого развития – это экономическое развитие, обеспечивающее устойчивость окружающей среды и устойчивый, постоянный экономический рост. Но на наш взгляд, наиболее точным и емким является определение, данное Т. В. Алферовой [3], которая определяет устойчивое развитие регионов, как «совокупность процессов благоприятных изменений, воплощающих их технологий, направленных на гармонизацию отношений между экологической, экономической и социальной сферами, для удовлетворения потребностей социально-экономической системы в долгосрочной перспективе».

На региональную политику влияет множество факторов. Фактором, который, на наш взгляд, является первым, это недостаточное количество инвестиций в регион со стороны государства. Вторым фактором можно назвать то, что у каждого региона есть свои конкурентные преимущества, свои недостатки, каждый регион по-разному адаптируется к окружающей среде, к рынку, в частности. В-третьих, отношения центра и регионов не равнозначны. Некоторые регионы получают достаточно серьезные вливания, а у других районов Российской Федерации они крайне незначительны.

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации предусмотрено, что региональная политика государства призвана обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, снижение уровня межрегиональных различий в социально-экономическом положении регионов и качестве жизни.

Устойчивое развитие должно создать условия для обеспечения достойных условий жизни людей, комплексное развитие и повышение конкурентоспособности. Политика выравнивания развития регионов требует разработки системы критериев распределения финансовой помощи и создание мотивации для регионов. На наш взгляд, наиболее эффективно это можно реализовывать через федеральные целевые программы. Система распределения финансов между регионами на сегодняшний момент требует совершенствования и доработки т.к. имеет ряд недостатков. К ним можно отнести: отсутствие синхронизации стратегий развития регионов, недостаточно разработанная система территориального управления, слабость институтов местного самоуправления и системы государственного управления развитием регионов. Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе необходимо усиление государственного регулирования устойчивым развитием регионов. На сегодняшний день требуется такая система управления устойчивым развитием регионов, которая позволит синхронизировать региональные интересы с государственными [4–6].

Созданная для помощи в устойчивом развитии регионов и других муниципальных образований, Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления (ВАРМСУ) и Оргкомитет общественной премии «Регионы – устойчивое развитие» подписали соглашение о сотрудничестве, в рамках которого будут обеспечивать сопровождение и поддержку по экономическому, юридическому и информационному направлениям организации деятельности. ВАРМСУ и Оргкомитет Конкурса «Регионы – устойчивое развитие», начиная с 2022 года, создает систему по массовому созданию новых производств, реконструкции действующих, в которой будет принимать участие и Красноярский край. Эта программа нацелена на бизнес, в том числе и аграрный. Реализация проектов будет проводиться за счет кредит-

ных средств по льготной программе кредитования и с учетом средств господдержки, принятых правительством РФ в период санкционного давления.

Комплексное развитие территорий предполагает достижение таких целей, как: обеспечение устойчивого развития муниципалитетов; улучшение жилищных условий граждан; создание необходимых условий для развития транспорта, социальной и инженерной инфраструктур, благоустройства территорий; создание рабочих мест; создания условий для привлечения внебюджетных источников финансирования благоустройства территорий; повышение эффективности использования территорий поселений и повышение конкурентоспособности региона.

Многие территории ищут наилучшие варианты развития территорий, которые были бы поддержаны населением. Такой подход позволяет определиться с концептуальными решениями развития территорий. Интересный опыт по самостоятельному определению концепции развития территории был проведен в Нижегородской области в 2022 году. На основе постановления «Об особенностях комплексного развития территорий в Нижегородской области» был разработан мастер-план. Мастер-план – это документ, содержащий в себе проработку пространственных решений по развитию территории и социально-экономическое обоснование этих решений, которым определяется наиболее благоприятный вариант развития территории и формируется концепция развития. В разработку мастер-плана входят такие вопросы, как: анализ предпосылок развития территории и разработка Концепции развития территории. При анализе предпосылок исследуют инфраструктурное обеспечение территории, проводят анализ культурного наследия, анализ структуры собственности на землю и недвижимость, анализ истории и развития территории. Проводится анализ социально-экономического развития территории. Необходимо исследовать потребности и рынки данной территории, а также сделать прогнозы по ним, рассмотреть планы развития транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. Разработка Концепции предполагает сбор и анализ различных вариантов развития территорий, выбор из них оптимального варианта, разработку системы логистики. Следом необходимо рассчитать ожидаемый социально-экономический эффект от предполагаемого проекта, разработать подробный план реализации проекта и продумать, при помощи каких инструментов можно этого добиться [7; 8].

Красноярский край – один из самых крупных субъектов Российской Федерации, его площадь составляет 2 366 797 кв. км. На территории края находится 41 муниципальное образование, 26 городских поселений и 457 сельских поселений. Как мы видим, Красноярский край огромен по своим масштабам и весьма разнообразен по своим субъектам. У разных субъектов различный уровень развития, различная структура собственности, разная специализация хозяйственной деятельности, разный уровень самоуправления, разная организационная структура, разный культурный уровень, национальный состав, менталитет и т.д.

Все перечисленное свидетельствует о сложности и многогранности создания модели устойчивого развития территории, и эта работа не может осуществляться в короткие сроки, она должна проводиться поэтапно с проверкой эффективности каждого этапа. Но без этого разработать модель комплексного развития региона не представляется возможным. Если Россия в настоящее время не пересмотрит стратегию своего развития, последствия могут быть негативными. Необходимо определиться, какую стратегию выберет наша страна, уже известную и применяемую в других странах, или принципиально новую, самобытную. Если выбирать стратегию развитых стран, то мы будем в роли «догоняющих». России же достойно при своих ресурсах быть в «опережающей», лидерской роли. На наш взгляд, нам необхо-

димо следовать не только стратегии устойчивого развития, но и стратегии инновационного развития, которая должна привести к экономике, основанной на глубоких комплексных знаниях. Поэтому необходимо в первую очередь рассмотреть вопросы:

1. Создания условий для привлечения инвестиций в регион.
2. Повышения конкурентоспособности региона.
3. Регулирование отношения между «центром» и «периферией», т.е. управляющей системой государства и объектами управления – регионами.
4. Создание условий для обеспечения экологической устойчивости региона.

Однако необходимо понимать, что экология в устойчивом развитии является необходимым, но недостаточным условием. Просто эту проблему люди осознают более четко, но социальная или экономическая катастрофа может надвигаться с не меньшей скоростью, чем экологическая, и грозить гибелью человечеству.

Стоит также отметить, что для того, чтобы устойчивое развитие стало реальностью, необходимо развивать адаптацию экономической и политической системы страны к окружающему миру с целью выработки способов реагирования на любые изменения принципов мироустройства и сохранить при этом социокультурную и геополитическую целостность страны.

Внедряя концепцию устойчивого развития, необходимо, чтобы текущее экономическое состояние страны оценивалось при помощи независимых экспертов, а не самим Правительством РФ, как это делается на сегодняшний момент, иначе она не будет объективной и научной. Достижение устойчивого развития страны – это задача огромной сложности, практической и научной ценности и уникальная по своим масштабам.

Анализ последних исследований и публикаций.

В процессе работы над статьей была изучена отечественная и зарубежная научная литература по вопросу устойчивого развития территорий. Среди отечественных ученых по данной проблеме интересные наработки у П. М. Иванова [9]. Он предлагает рассматривать модель системы управления устойчивым развитием региона, как открытую систему, состоящую из трех взаимосвязанных частей: природную, включающую ресурсы и окружающую среду, экономическую, включающую производственную систему, и общественную, включающую социальную систему, политическую систему и систему развития людей. Эти три подсистемы должны образовать технологическую цепочку, призванную обеспечить достижение высокого качества жизни в регионе. Данная технологическая цепочка представляет собой процесс воспроизводства в регионе, т.е. циклический процесс перехода ресурсов региона из одной стадии в другую: ресурсы – продукты – социальные блага. Управление данной цепочкой представляет собой уровень регионального управления и характеризует процесс воспроизводства ресурсов региона.

Среди Российских ученых хочется отметить таких, как Т. Ю. Грибкова [10], которая утверждает, что переход страны к устойчивому развитию возможен в случае достижения устойчивого развития отдельных регионов и воплощение этих программ в государственную стратегию устойчивого развития. Основы концепции устойчивого развития были изложены в работах таких ученых, как А. Г. Гранберг и В. И. Данилов-Данильян; проблемы устойчивого развития нашли отражение в трудах Д. Медоуза, Н. Н. Моисеева, В. В. Новожилова, Дж. Форрестера и др.; устойчивость развития на микро-уровне изложены в работах В. И. Борисевич, П. С. Гейзлер, В. С. Фатеев, В. В. Ознамец, Л. В. Бадмаева, которые в своих работах и выступлениях исследуют корпоративную социальную ответственность в концепции устойчивого развития региона [11–13].

Исследованию региональных социально-экономических систем в плане устойчивого развития уделено вни-

мание в работах М. Г. Ганопольского, А. В. Цветцыха, О. В. Зинина, М. А. Гусакова, В. А. Ильина, С. В. Кузнецова, В. Н. Лексина, А. А. Румянцева, В. С. Селина, А. И. Татаркина, А. Н. Швецова, А. И. Шишкина и др. [14–17].

Среди зарубежных ученых вызывают интерес работы таких ученых, как Дж. Молина-Матурано, С. Спилман и Х. Стер. Интересные практические наработки продемонстрированы у М. Шут, Л. Клеркс [21–23]. Также, основой для исследования по устойчивому развитию территорий является законодательная база.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Целью проведения данного исследования является поиск оптимальных путей создания механизма повышения устойчивости регионов и анализ факторов, влияющих на устойчивое развитие региона и также рассмотренные последовательности действий в период перехода к Концепции устойчивого развития территорий. Для этого необходимо проанализировать труды отечественных и зарубежных ученых, работающих по данной проблеме.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В работе над статьей были использованы такие методы, как анализ, синтез, систематизация, сравнение. Для исследования были использованы статистический, экономический, логический анализы, контент-анализ.

Попытки создания методики оценки устойчивости развития, учитывающей влияние не только экономических, социальных и экологических факторов, предпринимаются как российскими, так и зарубежными учеными. Особенно значимыми и глубокими, на наш взгляд, являются работы таких авторов, как, А. Н. Истошина, О. С. Кушнаревой, Ю. Г. Мигунова, Т. В. Усковой и др., что свидетельствует об актуальности проблемы [19; 20].

Методологические основы регионального планирования отражены в работах Б. М. Гринчеля, Б. С. Жихаревича, Л. Э. Лимонова, А. Н. Петрова, А. И. Татаркина, О. И. Антамошкина и др. Однако ряд вопросов, касающихся методологических основ и методического инструментария стратегического планирования социально-экономического развития регионов, требует более детальной проработки [18; 24–26].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Возникновению Концепции устойчивого развития способствовали такие предпосылки, как социальные, экономические и экологические. К группе социально-экономических предпосылок, в первую очередь, следует отнести принцип чрезмерного потребления, что приводит к истощению имеющихся ресурсов общества и деградации окружающей среды. Второй предпосылкой этой группы является преобладание низкоэффективных, ресурсозатратных технологий. Третьей предпосылкой является диспропорция цен на природные ресурсы и отсутствие стимулирования за сохранение ресурсов. Также в качестве предпосылки можно назвать неравномерность развития регионов.

Основными экологическими предпосылками можно назвать увеличение скорости обезлесивания, заболачивания, опустынивание земель, загрязнение окружающей среды, уменьшение количества и разнообразия флоры и фауны, ухудшение качества воды и продуктов питания.

Основными принципами устойчивого развития должны стать:

- улучшение качества жизни;
- улучшение здоровья населения;
- удовлетворение жизненных потребностей населения и будущих поколений;
- оптимальная структура производства и потребления;
- защита климата;
- обеспечение экологической безопасности;
- устранение различных форм насилия над человеком

и природой;

- глобальное сотрудничество и партнерство.

Любые процессы осуществляются в окружающей среде и, поэтому, начинать любые исследования необходимо с анализа внешних и внутренних факторов развития территорий. К внешним факторам, т.е. факторам внешнего воздействия, мы можем отнести государственные и региональные приоритеты, государственную научно-техническую политику, инновационную политику в государстве, государственное и региональное законодательство. К факторам внутреннего воздействия необходимо отнести специфику региональной хозяйственной среды, ее ресурсный потенциал, научный потенциал региона, развитость производительных сил, инновационный потенциал региона, население, социальная сфера, инфраструктура, экономика, система управления.

В настоящее время Россия находится не в лучшем периоде своего развития – имеют место такие отрицательные тенденции, как снижение уровня жизни, повышение смертности над рождаемостью, снижение численности населения, ухудшение здоровья людей. В этой связи переход на Концепцию устойчивого развития необходимо осуществлять более быстрыми темпами.

К основным проблемам, которые мешают этому переходу, можно отнести следующие:

1. Недостаточно развито методическое обеспечение и нормативно-правовая база регионального планирования. В нормативах нет четкой трактовки документов для регионов, с учетом их особенностей.

2. Нет достаточной и достоверной информации о перспективах развития бизнеса и его намерениях в плане инвестиций на территории региона.

3. Предлагаемые программы и инвестиционные проекты часто носят не конкретный характер, часто в них отсутствует перечень конкретных мероприятий.

4. Стратегическое планирование социально-экономического развития территорий требует совершенствования и углубления.

Главной «ареной» внедрения устойчивого развития являются регионы. Это обусловлено тем, что уже сейчас они осуществляют комплексное социально-экономическое и экологическое развитие; характеризуются комплексностью промышленного развития; способны воспроизводить условия для гармоничного развития проживающего в регионе населения; способны производить такой объем товаров, который обеспечивал бы также возможность удовлетворения спроса.

Ученые института экономики УрО РАН в качестве факторов устойчивости предлагают рассматривать следующие:

- экономические: а) воспроизводство рабочей силы; б) воспроизводство производственного процесса; в) воспроизводство в сфере оборота;

- экологические: а) сохранение стандартов природной среды; б) восстановление параметров природной среды; в) технологические: а) сокращение технологического разрыва с цивилизованными странами; б) расширение масштабов использования технологий, совместимых с биосредой;

- социальные: а) соблюдение социальных пропорций б) улучшение мотивации через социальную сферу.

На наш взгляд такой подход приемлем для применения в Красноярском крае.

Тенденцией последнего времени стала разработка индикаторов устойчивого развития с государственного макроуровня на региональный, локальный (городской) уровни. Эти показатели группируются по сферам жизнедеятельности. Одним из показателей устойчивости развития являются показатели качества жизни, к которым относят продолжительность жизни, состояние здоровья, соответствие окружающей среды принятым нормативам, уровень образования, доход, занятость, соблюдение прав человека.

По определению критериев устойчивости регионов ГРНТИ: 060000, 820000; ВАК: 5.2.1.; 5.2.4.; 5.2.5.

существует много методик отечественных и зарубежных авторов, однако среди ученых также нет единой точки зрения.

На устойчивое развитие регионов существенное влияние оказывают взаимоотношения между центром и периферией, что особенно важно для нашей огромной страны. Эти отношения в экономической литературе так и называют «центр – регионы». Взаимоотношения «центр – регионы» могут развиваться различным образом: предоставление регионам большей возможности для самореализации, используя свои конкурентные преимущества; децентрализация управления и ресурсов; преодоление заблуждения, что центр лучше знает, что нужно регионам; исключение распределительных механизмов и неформальных отношений; учет интересов региона при разработке экономической политики. По определению В. Н. Лексина, с которым мы согласны, «региональная политика – это система намерений и действий, реализующая интересы государства в отношении регионов и внутренние интересы самих регионов».

Устойчивое развитие любого региона в современном мире базируется на инновационной политике, поскольку без инноваций не может быть развития. Основой инновационной экономики является разработка инноваций, восприимчивость населения к ним, воспроизводство инновационной деятельности. Задачи инновационного развития региона предполагают формирование необходимой инфраструктуры и финансового обеспечения. Реализуется инновационная политика через разработку и реализацию соответствующих программ и проектов. Инновационная политика представляет из себя новую модель расширенного воспроизводства, а также технологические и организационно-управленческие инновации, инновационную культуру и образование. Однако следует заметить, что инновационное развитие невозможно без привлечения инвестиций. Сейчас, в период кризиса, вопрос инвестиций стоит очень остро. Трудности устойчивого развития территорий в основном связаны с негативным влиянием внутренних факторов, поэтому, в первую очередь, требуется увеличение числа и разнообразия управленческих решений по воздействию на внутренние факторы.

Устойчивое развитие страны и ее территорий предполагает активные усилия со стороны органов власти и управления федерального, регионального и местного уровня. Бюджетное обеспечение практически на всех уровнях не высокое из-за недостаточно развитой экономической базы. Несмотря на то, что органы власти всех уровней предпринимают усилия по выводу территорий на путь устойчивого развития, пока эти усилия не увенчались успехом. Достижение устойчивого развития возможно только при достаточном финансировании, поэтому необходимо совершенствовать инструменты и способы государственной поддержки и активизировать работу по получению финансовой поддержки для социально-экономического развития регионов.

На современном этапе наиболее действенным инструментом развития являются государственные программы. В России уже нарабатан опыт применения таких программ, и они зарекомендовали себя положительно. Еще одним инструментом управления на региональном уровне является программно-целевой метод управления и совершенствование стратегического планирования.

До недавнего времени региональное развитие отождествлялось с хозяйственным развитием, ростом экономических показателей, а другим аспектам устойчивого развития, таким как сохранность окружающей среды, ресурсосбережение, человеческий ресурс, сохранение здоровья людей, их развитие и т.д., уделялось недостаточно внимания. Экологическая обстановка в Красноярском крае и, особенно в городе Красноярске, крайне неблагоприятна, а это негативно сказывается на здоровье людей, на животном и растительном мире. Ежегодно непоправимый вред природе наносят массо-

вые лесные пожары, атмосфера в городах сильно загрязнена. Экологическую ситуацию в регионе надо срочно менять. Концепция устойчивого развития призвана быть спасательным кругом в этой ситуации и ее необходимо рассматривать как первоочередную.

Важно понять, как и в какой последовательности двигаться к устойчивому развитию территории.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Проанализировав факторы, мешающие устойчивому развитию региона, попытаемся обозначить действия и их последовательность для ускорения перехода к Концепции устойчивого развития страны и ее территорий. Переход к устойчивому развитию подразумевает социально-экономическое развитие региона и сохранение окружающей среды и ресурсного потенциала. На наш взгляд, целесообразно начать с проблем с окружающей средой. В крае много промышленных предприятий, отрицательно воздействующих на окружающую среду, и это сказывается на населении территории. Безусловно, предприятия не могут быть остановлены, поэтому надо наводить порядок с очистными сооружениями, излишними выбросами вредных веществ, очисткой водных ресурсов, пожарными мероприятиями, внедрения мониторинга окружающей среды, вводить экологические ограничения на хозяйственную деятельность. Необходимо внедрять новые модели хозяйствования и ориентированные на экологию методы управления. На первом этапе целесообразно внедрять ресурсо- и энергосберегающие технологии, изменить структуру личного и общественного потребления.

На втором этапе необходимо создание правовой основы для перехода к устойчивому развитию. Необходимо совершенствовать действующее законодательство и предусмотреть в нем экономические механизмы, которые позволяют регулировать природопользование и охрану окружающей среды. Требуется разработка системы, стимулирующей хозяйственную деятельность и установление мер ответственности за экологические результаты их деятельности. На этом этапе должно сформироваться общее понимание, что природа – это не только поставщик ресурсов, но и основа жизни и является незыблемым условием социально-экономического развития. В создании условий обеспечивающих заинтересованность в устойчивом развитии всех граждан, социальных групп и юридических лиц ведущая роль должна принадлежать государству.

Третий этап предполагает гармонизацию взаимодействия природы и общества. Необходимо обращать внимание на рост показателей качества жизни региона, к которым можно отнести продолжительность жизни, состояние здоровья, уровень образования, степень реализации прав, доход и др. Контроль должны подлежать потребление энергии и других ресурсов, производство отходов, состояние окружающей среды. Проблемы состояние атмосферы, воды, изменения климата не решаются в рамках одной территории и должны решаться в общемировом масштабе. Концепция представляет собой систему взглядов на цель, принципы, содержание и пути реализации единой государственной политики Российской Федерации внутри страны и на международной арене по вопросам, связанным с изменением климата и его последствиями.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

В статье были рассмотрены понятие и суть концепции устойчивого развития. В Красноярском крае по распоряжению Губернатора Красноярского края от 13.02.2015 № 44-рг «О разработке Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года» был разработан проект Стратегии, который ориентирован на устойчивое развитие края. Проект Стратегии прошел процедуру общественного обсуждения, согласо-

ван федеральными органами власти и Законодательным Собранием края. Эти документы должны способствовать достижению устойчивого развития более быстрыми темпами.

В статье была предпринята попытка проанализировать текущее состояние региона в плане устойчивого развития, проанализированы факторы, негативно влияющие на устойчивое развитие территорий, проблемы ему препятствующие, юридические документы, способствующие этому развитию и ускорению перехода к концепции устойчивого развития территорий.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Для России эта тема достаточно новая, ее серьезной разработкой начали заниматься в последние 4 года.

В дальнейшем предполагается рассмотреть предлагаемые этапы и рассмотреть показатели устойчивости для городов, муниципальных образований, сельских территорий.

Для России реализация целей устойчивого развития – это в первую очередь вопрос долгосрочного государственного планирования, которое может позволить вывести экономику России на передовые мировые позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шерстобитова Г. И. Концептуальные основы устойчивого развития сельских территорий региона // Вестник СамГУ. 2012. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy-regiona-1> (дата обращения: 18.06.2023).
2. Федотова М. Ю. Устойчивое развитие сельских территорий как направление стратегии их функционирования: монография / М. Ю. Федотова, А. А. Ломакин. – Пенза: РИО ПГСХА, 2013. – 200 с.
3. Алферова Т. В. Концептуальное моделирование определения категории «устойчивое развитие» // Журнал экономической теории. – 2012. – № 4. – С. 46-52.
4. Рожкова А. В. Непроизводственные инновации как инструмент обеспечения устойчивого развития предприятий / А. В. Рожкова // Вестник КрасГАУ. – 2012. – № 2(65). – С. 20-25.
5. Незамова О. А. Устойчивое развитие и логистика / О. А. Незамова // Логистика - Евразийский мост: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Красноярск, 27-30 апреля 2023 года. Том Часть 1. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 190-194.
6. Цветных А. В. Система показателей финансовой устойчивости как инструмент оценки финансовой стратегии предприятия / А. В. Цветных, Н. А. Далисова, К. Ю. Лобков // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 1(27). – С. 3-13. – DOI 10.36718/2500-1825-2023-1-3-13.
7. Зинина О. В. Значение аналитического метода в обеспечении конкурентоспособности сельскохозяйственных организаций / О. В. Зинина, Н. А. Далисова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 3-2. – С. 67-71.
8. Цветных А. В. Проблемы устойчивого развития агропромышленного комплекса в условиях трансформации мирового экономического пространства / А. В. Цветных, З. Е. Шапорова // Парадигма устойчивого развития агропромышленного комплекса в условиях современных реалий: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию создания ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ, Красноярск, 24-26 мая 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 205-207.
9. Иванов П. М. И20 Устойчивое развитие региона: концепция, модель управления, стратегия: монография. – М.: ООО «ЭКЦ «Профессор», 2016. – 254 с.
10. Грибкова Т. Ю. Региональный аспект стратегии устойчивого развития // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. [Электронный ресурс]. 2009. №2 (29). С. 5-10.
11. Ознец В. В. Проблемы устойчивого развития территорий // Государственный советник. 2018. № 2.
12. Борисевич В. И., Гейзлер П. С., Фатеев В. С. Важнейшие принципы и компоненты устойчивого развития регионов, возможности их реализации [Электронный ресурс]. URL: <http://economich.com/regionalnaya-ekonomika-knigi/vajnejshie-printsipyi-komponentyi-ustoychivogo-go.html>.
13. Бадмаева Л. В. Корпоративная социальная ответственность в концепции устойчивого развития региона: дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург. гос. университет, Санкт-Петербург, 2012.
14. Совершенствование бытового деятельности предприятий переработки в современных условиях / О. В. Зинина, А. А. Ступина, Ю. А. Оленцова, Н. Н. Джигоева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 5-3. – С. 349-354. – DOI 10.17513/vaael.2217.
15. Устойчивое развитие сельских территорий региона как эколого-социально-экономических систем: теория и принципы / Н. И. Пыжикова, А. В. Цветных, З. Е. Шапорова, К. Ю. Лобков // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 1-1. – С. 159-165.

16. Ганопольский М.Г. Устойчивое развитие региона: вопросы методологии [Текст] / М.Г. Ганопольский // *Налоги. Инвестиции. Капитал*. – 2001. – № 1-2. – С. 4.
17. Цветцых А. В. Разработка финансовой стратегии предприятия агропромышленного комплекса: теоретические предпосылки и инструменты / А. В. Цветцых, В. И. Лячин // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. – 2022. – Т. 7, № 1(23). – С. 98-105. – DOI 10.21603/2500-3372-2022-7-1-98-105.
18. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Методы анализа и управления устойчивым развитием экономики регионов // *Экономика и управление*. 2020. №1 (171). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-analiza-i-upravleniya-ustoychivym-razvitiem-ekonomiki-regionov> (дата обращения: 18.06.2023).
19. Истошин А. Н. Методологические подходы к анализу устойчивого развития экономики региона / Истошин А.Н.; М-во образования Рос. Федерации. Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ». - Ростов н/Д: Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ», 2002 (ООП изд-ва). - 50 с.
20. Кушнарера О.С., Мигунов Ю.Г. Методы оценки устойчивости развития региона // *Проблемы современной экономики*. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=22686>.
21. Shaporova Z. E. Essence and criteria for sustainable development of rural territories / Z. E. Shaporova, A. V. Tsvettsykh // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: III International Engineering and Biotechnologies, Volgograd, Krasnoyarsk, 18–20 июня 2020 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. Vol. 548*. – Volgograd, Krasnoyarsk: Institute of Physics and IOP Publishing Limited, 2020. – P. 22005. – DOI 10.1088/1755-1315/548/2/022005.
22. Molina-Maturano J., Speelman S., Steur H. Constraint-based innovations in agriculture and sustainable development: A scoping review // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 246. P. 119-134.
23. Zinina O. V. Modern methods of evaluating the efficiency of agricultural enterprises / O. V. Zinina, J. A. Olentsova // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Krasnoyarsk, 18–20 ноября 2020 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Vol. Volume 677*. – Krasnoyarsk, Russian Federation: IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 22038. – DOI 10.1088/1755-1315/677/2/022038.
24. Nezamova O. A. Problems and prospects of agro-industrial complex in the Krasnoyarsk region / O. A. Nezamova, J. A. Olentsova // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Krasnoyarsk / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Vol. Volume 677*. – Krasnoyarsk, Russian Federation: IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 22034. – DOI 10.1088/1755-1315/677/2/022034.
25. Antamoshkina O. The formation of the alternative list in the output of competitive ecological products / O. Antamoshkina, O. Zinina, Ju. Olentsova // *18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018: Conference proceedings, Albena, Bulgaria, Vol. 18*. – Albena, Bulgaria, 2018. – P. 863-870. – DOI 10.5593/sgem2018/5.3/S28.110.
26. Shaporova Z. E. The indicator system of sustainable development in rural territories as a tool of strategic region planning / Z. E. Shaporova, A. V. Tsvettsykh // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: conference proceedings, Krasnoyarsk, Russia, 13–14 ноября 2019 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. Vol. 421*. – Krasnoyarsk, Russia: Institute of Physics and IOP Publishing Limited, 2020. – P. 22024. – DOI 10.1088/1755-1315/421/2/022024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 24.06.2023

Approved date: 08.07.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.1

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_16



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

© Автор(ы) 2023

НОЗДРАЧЕВА Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и учета

*Курский государственный университет
305000, Россия, Курск, lena07121977@mail.ru*

AUTHORID: 581700

SPIN: 2181-3960

ORCID: 0000-0002-0783-9453

БОЕВ Сергей Григорьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения, технологии и экспертизы товаров

*Юго-Западный государственный университет
305033, Россия, Курск*

AuthorID: 433643

SPIN: 2472-6269

ORCID: 0000-0002-8281-7035

ДУПЛИН Виталий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов

*Курский государственный аграрный университет
305033, Россия, Курск, vvduplin@yandex.ru*

AuthorID: 315982

SPIN: 2641-4630

ORCID: 0009-0004-3512-7690

ХАРИТОНОВА Светлана Алексеевна, преподаватель кафедры экономики и агробизнеса СПО

*Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова
305033, Россия, Курск*

AuthorID: 847674

SPIN: 3957-8457

Аннотация. Ухудшение внешнеполитической ситуации в 2014 году актуализировало наращивание продовольственного самообеспечения России. Одним из важных шагов стал ввод продовольственного эмбарго, что предопределило в последующие годы курс на импортозамещение и рост собственного потенциала в сфере АПК и пищевой промышленности. Однако на деле реализация поставленной задачи столкнулась с рядом препятствий, связанных с внутренними системными проблемами. Усиление санкций в 2022 году еще более актуализировало обеспечение высокого уровня продовольственного самообеспечения России, чем и обусловлена актуальность исследования. В ходе исследования проведен анализ особенностей продовольственного обеспечения как составляющей части экономической безопасности России в условиях санкций, выявлены сложившиеся тенденции и их причины. Установлено, что за последние 5 лет общий объем производства пищевых продуктов в стоимостном выражении сохранял устойчивую динамику к росту, достигнув в 2022 году 9,7 трлн руб. Оценка в разрезе основных видов продовольствия показала, что наиболее динамично в натуральном выражении за 5 лет вырос объем производства мяса КРС, свинины и других видов мяса. Уровень самообеспечения страны по основным видам продовольствия сохраняет общую динамику к росту, при этом достичь определенных Доктриной продовольственной безопасности параметров удалось только по рыбе и мясу, а к числу проблемных продовольственных направлений относится молоко, фрукты и ягоды. Дальнейшее ухудшение внешнеполитической обстановки может стать причиной практически полной изоляции России от внешних рынков, что предопределяет значимость формирования высокого уровня самообеспечения по всем без исключения направлениям.

Ключевые слова: экономическая безопасность, продовольственное эмбарго, продовольственное самообеспечение, перерабатывающая промышленность.

FOOD SECURITY AS AN INTEGRAL PART OF RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY UNDER SANCTIONS

© The Author(s) 2023

NOZDRACHEVA Elena Nikolaevna, candidate of science of economy, associate professor of the department of economics, finance and accounting
Kursk state university

305000, Russia, Kursk, lena07121977@mail.ru

BOEV Sergey Grigorievich, candidate of pharmaceutical sciences, associate professor of the department of commodity science, technology and examination of goods

Southwestern state university

305033, Russia, Kursk

DUPLIN Vitaly Viktorovich, candidate of science of economy, associate professor of the department of accounting and finance

Kursk state agrarian university

305070, Russia, Kursk, vvduplin@yandex.ru

KHARITONOVA Svetlana Alekseevna, lecturer of the department of economics and agribusiness of secondary vocational education

Kursk state agrarian university named after I.I. Ivanova

305033, Russia, Kursk

Abstract. The deterioration of the foreign policy situation in 2014 actualized the increase in Russia's food self-sufficiency. One of the important steps was the introduction of a food embargo, which predetermined in subsequent years the course of import substitution and the growth of its own potential in the field of agriculture and the food industry. However, in practice, the implementation of the task faced a number of obstacles related to internal system problems. The strengthening

of sanctions in 2022 made it even more urgent to ensure a high level of food self-sufficiency in Russia, which is why the relevance of the study is due. In the course of the study, the analysis of the peculiarities of food security as a component of Russia's economic security under sanctions was carried out, the prevailing trends and their causes were identified. It has been established that over the past 5 years, the total volume of food production in value terms has maintained a steady growth trend, reaching 9.7 trillion rubles in 2022. The assessment in the context of the main types of food showed that the volume of production of cattle meat, pork and other types of meat has grown most dynamically in physical terms over 5 years. The level of self-sufficiency of the country for the main types of food retains the general dynamics of growth, while it was possible to achieve the parameters defined by the Food Security Doctrine only for fish and meat, and milk, fruits and berries are among the problematic food directions. Further deterioration of the foreign policy situation may cause Russia's almost complete isolation from foreign markets, which determines the importance of forming a high level of self-sufficiency in all areas without exception.

Keywords: economic security, food embargo, food self-sufficiency, processing industry.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Важнейшей составляющей частью экономики является экономическая безопасность, которая занимает одно из первостепенных положений в системе обеспечения безопасности национальной [1]. Экономическая безопасность – состояние экономики, при котором обеспечивается защищенность от внутренних и внешних экономических угроз [2]. Одним из важных направлений в системе экономической безопасности является продовольственное обеспечение за счет внутренних ресурсов, что формирует автономию страны в условиях неопределенности и недружественности внешней среды. Продовольственное обеспечение играет важную роль в системе национальной безопасности наряду с лекарственным, военным и другими видами обеспечения [3; 4].

Ухудшение внешнеполитической ситуации в 2014 году актуализировало наращивание продовольственного самообеспечения России, поскольку введенные антироссийские санкции затрагивали также и продовольственный сегмент, а сформировавшаяся конъюнктура давала основания полагать дальнейшее усиление санкционного влияния на экономику страны [5]. Одним из важных шагов стал ввод продовольственного эмбарго, что предопределило в последующие годы курс на импортозамещение и рост собственного потенциала в сфере АПК и пищевой промышленности. Однако на деле реализация поставленной задачи столкнулась с рядом препятствий, связанных с внутренними системными проблемами [6]. Усиление санкций в 2022 году еще более актуализировало обеспечение высокого уровня продовольственного самообеспечения России, чем и обусловлена актуальность исследования [7].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Как отмечают исследователи [8–10], ввод продовольственного эмбарго сформировал благоприятную конъюнктуру на внутреннем продовольственном рынке для отечественных производителей, поскольку в условиях высокой доли импортной продукции конкуренция была высокой. Производимая внутри страны продукция зачастую уступала импортной по своим характеристикам, при этом отставание в используемых в АПК и перерабатывающей промышленности технике и технологиях формировало высокую себестоимость производства, в связи с чем импорт готовой продукции оказывался более рентабельным. Такое положение дел не способствовало развитию внутреннего производства, однако изменение внешнеполитической ситуации определило иной вектор развития отрасли.

За первые годы после ввода продовольственного эмбарго одним из наиболее динамично развивающихся направлений стали животноводство и сопутствующая ему мясоперерабатывающая промышленность, что связано с прежде высокой зависимостью страны от мяса, главным образом – свинины. В результате, уже за первые годы продовольственного эмбарго удалось достичь высокого уровня самообеспечения по данному направлению [11;

12]. Исследователи отмечают, что «проблемными» продовольственными направлениями остаются молочное скотоводство, что связано с сокращением поголовья КРС, зависимостью наdoa от природно-климатических условий и общей низкой рентабельностью отрасли. Также к числу направлений с недостаточным уровнем развития относится овощеводство и плодоводство [13; 14].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Исследовать особенности продовольственного обеспечения как составляющей части экономической безопасности России в условиях санкций, выявить сложившиеся тенденции и их причины.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В работе использовались статистические данные о потреблении основных видов продовольствия в расчете на душу населения, объеме производства пищевых продуктов всего и по основным направлениям в натуральном и стоимостном выражении, а также об уровне самообеспечения основными видами продовольствия в России в период 2018 – 2022 гг. [15]. В качестве базисного периода для исследования был выбран 2018 год, который характеризует социально-экономическую ситуацию в стране в условиях стабилизации санкционного влияния. Сопоставление с 2022 годом позволяет выявить произошедшие за последние 5 лет изменения, связанные с усилением кризиса в экономике на фоне пандемии и санкционной политики. Исследование проводилось с использованием целого ряда методов и подходов, в том числе: интеллектуальный анализ данных, общенаучные и экономико-статистические инструменты анализа [16; 17].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

За рассматриваемый период потребление некоторых видов продовольствия росло, в то время как других – снижалось. Так, в наибольшей степени за 5 лет выросло потребление молока и молочных продуктов – на 5,2 %, в результате чего в 2022 году показатель составил 241 кг на человека. Также увеличилось потребление мяса и мясопродуктов с 75 до 78 кг на душу населения, что свидетельствует о приросте на уровне 4 %. Положительная динамика к росту потребления отмечена для фруктов и ягод (прирост 3,3 %), яиц и яйцепродуктов (прирост 1,4 %). В 2022 году в расчете на душу населения потребление фруктов и ягод составило 63 кг, а яиц – 288 штук. Среди направлений с отрицательной динамикой необходимо отметить картофель, рыбу и рыбопродукты, объем потребления которых снизился более чем на 5 % к 2022 году. Более чем на 2,5 % снизилось потребление хлеба и хлебобулочных изделий, а также овощей и продовольственных бахчевых культур. В результате, в 2022 году объем потребления хлебных продуктов на человека снизился до 113 кг в год. Уровень потребления сахара в стране остается неизменным и составляет 39 кг на человека в год. Потребление растительного масла к 2022 году несущественно снизилось – на 0,2 кг на человека в год (таблица 1).

Тенденция к росту потребления отдельных видов продовольствия повышает значимость поддержания оптимального уровня производства пищевой продукции

внутри страны с целью формирования высокого уровня продовольственной безопасности. Так, общий объем производства пищевых продуктов в России в 2018 году составлял 5,82 трлн руб., а уже в 2020 году вырос на 26 % – до 7,33 трлн руб. В последние 2 года тенденция к росту объема производства пищевых продуктов усилилась: в 2021 году прирост составил 16,5 %, а в 2022 году – 13,65 %, в результате чего в 2022 году объем производства достиг 9,7 трлн руб., что выше уровня базисного периода более чем на 65 %.

Таблица 1 – Динамика потребления основных видов продовольствия в России в 2018 – 2022 гг.

Показатель	Значение, кг на душу населения в год					Изменение в 2022 г. к 2018 г.	
	2018	2019	2020	2021	2022	в кг	в %
Яйца и яйцепродукты (штуки)	284	285	283	281	288	4	1,4
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	229	234	240	241	241	12	5,2
Хлебные продукты	116	116	116	114	113	-3	-2,6
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	107	108	107	103	104	-3	-2,8
Картофель	89	89	86	84	84	-5	-5,6
Мясо и мясосодержащие продукты в пересчете на мясо	75	76	76	78	78	3	4,0
Фрукты и ягоды	61	62	61	63	63	2	3,3
Сахар	39	39	39	39	39	-	-
Рыба и рыбопродукты в живом весе	20,2	21,1	20,0	21,2	19,2	-1	-5,0
Масло растительное	14,0	14,0	13,9	13,6	13,8	-0,2	-1,4

С учетом высоких темпов инфляции в экономике, более объективную оценку тенденций производства пищевых продуктов в России дает оценка индексов производства. В действительности темпы роста объемов производства пищевой продукции являются невысокими. Так, в 2018 году объем производства продовольствия вырос на 3,6 %, а в 2019 году темп роста производства вырос до 4,1 %. В 2020 году отмечен спад темпов прироста производства пищевых продуктов до 3,1 % в период пандемии. В 2021 году вновь наметилась положительная динамика к росту темпов производства пищевых продуктов до 104,2 % относительно уровня предыдущего года, а в 2022 году снизился до 101,1 %, что связано с усилением кризиса в экономике на фоне санкций (рисунок 1).

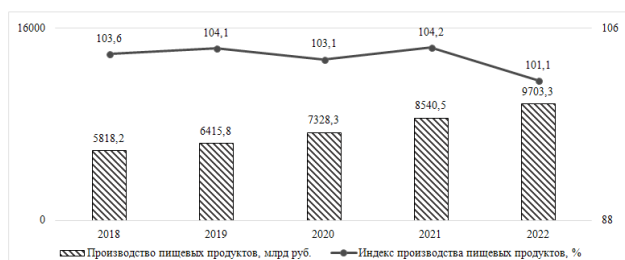


Рисунок 1 – Динамика общего объема производства пищевых продуктов в России в 2018 – 2022 гг.

По объему производства в натуральном выражении среди основных видов продовольствия лидирует мука, масла растительные и их нерафинированные фракции, а также сахар свекловичный. В 2018 – 2020 гг. динамика к снижению объема производства отмечена по таким направлениям, как мука, сахар, хлеб и хлебобулочные изделия, какао, шоколад и изделия кондитерские сахаристые. При этом в данный период наибольший спад отмечен для хлеба и хлебобулочных изделий – на 8,2 %, в результате чего показатель в 2020 году составил 5296 тыс. т. Среди направлений с положительной динамикой производства в 2018 – 2020 гг. наибольший прирост (более чем на 25 %) наблюдается для полуфабрикатов мясных и масел растительных и их нерафинированных фракций. В 2020 году было произведено 4396 тыс. т полуфабрикатов мясных и 8140 тыс. т растительных масел. Несущественной динамикой в данный период характеризуется производство рыбы переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков, где прирост составил всего лишь 1,5 %.

В 2020 – 2022 гг. для всех рассматриваемых направлений, кроме хлеба и хлебобулочных изделий недлительного хранения, а также рыбы переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков, отмечен рост объемов производства. В наибольшей степени к

2022 году выросло производство мяса КРС, свинины и прочих животных – на 11,5 % и достигло 3445 тыс. т. Вторым по темпам прироста является производство масел растительных и их нерафинированных фракций – на 9,2 % до 8140 тыс. т. Более чем на 5 % выросло производство муки, полуфабрикатов мясных, какао, шоколада и изделий кондитерских сахаристых (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика объема производства основных видов продуктов питания в России в натуральном выражении

Показатель	Значение, тыс. т					Изменение, %	
	2018	2019	2020	2021	2022	в 2022 г. к 2018 г.	в 2022 г. к 2020 г.
Мука из зерновых культур, овсяных и других растительных культур	9606	9419	9177	9064	9675	-4,5	5,4
Масла растительные и их фракции нерафинированные	5940	6766	7451	6743	8140	25,4	9,2
Сахар белый свекловичный в твердом состоянии без вкусо-ароматических или красящих добавок	6273	7264	5796	5931	6037	-7,6	4,2
Молоко (кроме скрого)	5372	5287	5536	5596	5758	3,1	4,0
Хлеб и хлебобулочные изделия недлительного хранения	5768	5603	5296	5210	5093	-8,2	-3,8
Полуфабрикаты мясные (охлажденные, замороженные)	3275	3658	4175	4287	4396	27,5	5,3
Рыба переработанная и консервированная, ракообразные и моллюски	4250	4242	4314	4404	4152	1,5	-3,7
Мясо крупного рогатого скота, свинина и прочих животных (охлажденное)	2654	2749	3089	3227	3445	16,4	11,5
Мясо птицы (охлажденное)	3070	3253	3275	3372	3423	6,7	4,5
Какао, шоколад и изделия кондитерские сахаристые	1932	1963	1865	2077	1974	-3,4	5,8

Оценка производства в стоимостном выражении в разрезе основных групп продовольствия показала динамику к росту по всем направлениям, при этом в наибольшей степени вырос объем производства растительных и животных масел и жиров – в 1,6 раза и составил 1237 млрд руб. Также более чем на 50 % вырос объем производства по таким группам товаров, как переработка и консервирование фруктов и овощей, производство продуктов мукомольной и крупяной промышленности, хлебобулочных и мучных кондитерских изделий, молочной продукции, переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции. Единственным направлением с низкими темпами роста является переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков, где прирост за 5 лет составил всего лишь 33,8 %, а объем производства достиг 564,2 млрд руб. В результате, как в 2018, так и в 2022 годах группой-лидером по объему производства является консервирование мяса и мясной пищевой промышленности, где показатель достиг 2411,1 млрд руб. Также стоимостной объем более 1 трлн руб. в 2022 году отмечен для таких направлений, как прочие пищевые продукты, молочная продукция, растительные жиры и масла. Наименьший объем производства отмечается для переработки и консервирования фруктов и овощей – 304 млрд руб. в 2022 году (рисунок 2).



Рисунок 2 – Сравнение объема производства основных групп продовольственных товаров в России в 2018 и 2022 гг., млрд руб.

Объем производства продовольствия внутри страны должен быть достаточным для обеспечения потребностей в каждом конкретном виде продуктов. В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности России [18] определен индикативный уровень самообеспечения по ключевым видам продовольствия, достижение которого является стратегически важной задачей.

Сравнительная оценка уровня самообеспечения в динамике с установленным индикативным значением по

казала, что к 2022 году достигнуты показатели только по рыбе и мясу. Несмотря на установленный необходимый уровень самообеспечения по данным направлениям 85 %, фактически в отчетном периоде страна была обеспечена рыбой более чем на 165 %, а мясом – более чем на 101 %. Для данных направлений во всем исследуемом периоде сохраняется устойчивая динамика к росту. Также практически полный уровень самообеспечения отмечен и для яиц куриных – 98 %, однако для данного вида продовольствия критического уровня в соответствии с Доктриной установлено не было (таблица 3).

Таблица 3 – Динамика уровня самообеспечения основных видами продовольствия в России в 2018 – 2022 гг.

Показатель	Индикативный уровень самообеспечения, %	Значение, %					Изменение, %	
		2018	2019	2020	2021	2022	в 2020 г. к 2018 г.	в 2022 г. к 2020 г.
Рыба	85	158,5	152,8	160,7	153,7	165,3	2,2	4,6
Мясо	85	95,7	97,4	100,1	99,7	101,8	4,4	1,7
Яйца	-	97,7	97,1	97,4	98,2	98,0	-0,3	0,6
Картофель	95	95,3	95,1	89,2	88,7	94,5	-6,1	5,3
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	90	87,2	87,7	86,3	86,5	88,5	-0,9	2,2
Молоко	90	83,9	83,9	84,0	84,3	85,7	0,1	1,7
Фрукты и ягоды	60	38,8	40,2	42,4	44,4	47,3	3,6	4,9

В 2018 – 2019 гг. страна была обеспечена картофелем более чем на 95 %, а в последние 3 года показатель снизился. Уровень самообеспечения картофелем в 2022 году был на 0,5 % ниже порогового значения. Самообеспечение овощами и продовольственными бахчевыми культурами превышает 85 % во всем рассматриваемом периоде, однако индикативный уровень 90 % достигнут так и не был. При этом в 2018 – 2020 гг. динамика уровня самообеспечения была отрицательной, а в 2020 – 2022 гг. показатель вырос на 2,2 %. Молоком и прочими молочными продуктами сегодня Россия обеспечена только на 88,5 % при индикативном уровне в 90 %, но необходимо отметить положительную динамику к последние 3 года, когда показатель вырос на 1,7 %. Уровень самообеспечения фруктами и ягодами является самым низким, хотя и сохраняет положительную динамику к росту с 38,8 % в 2018 году до 47,3 % в 2022 году. Несмотря на это, индикативный уровень самообеспечения по данному направлению установлен 60 % и достигнут не был.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

О роли перерабатывающей промышленности в обеспечении продовольственной безопасности России в условиях санкций пишут многие исследователи [19; 20], отмечая, что усиление внешнеполитического давления способствовало более динамичному развитию переработки и наращиванию мощностей, что связано с необходимостью достижения поставленных перед экономикой стратегических задач. Однако существовавшие долгие годы системные проблемы, препятствовавшие развитию отдельных направлений, в совокупности с дефицитом государственной и инвестиционной поддержки существенно ограничили возможности быстрого импортозамещения в продовольственном сегменте. За прошедшие годы в условиях продовольственного эмбарго удалось достичь заметных результатов по многим видам продовольствия, однако по некоторым направлениям сохраняется импортозависимость [21].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Несмотря на снижение уровня потребления основных видов продовольствия, объем потребностей внутреннего продовольственного рынка страны является существенным, что предопределяет значимость поддержки оптимального уровня производства в условиях усиления кризиса. За последние 5 лет общий объем производства пищевых продуктов в стоимостном выражении сохранял устойчивую динамику к росту, достигнув в 2022 году 9,7 трлн руб. Однако темпы роста фактического объема производства в 2018 – 2021 гг. находились

в пределах 3–4 %, а в 2022 году снизились до 1,1 %. Это свидетельствует о том, что динамичный рост объема производства в наибольшей степени обусловлен инфляционным ростом цен, нежели действительным расширением производства. Оценка в разрезе основных видов продовольствия показала, что наиболее динамично в натуральном выражении за 5 лет вырос объем производства мяса КРС, свинины и других видов мяса, который к 2022 году достиг 3,45 млн т. Единственным направлением с устойчивой динамикой к снижению объема производства является хлеб и хлебобулочные изделия, которых в отчетном периоде было произведено 5,1 млн т. В результате, уровень самообеспечения страны по основным видам продовольствия сохраняет общую динамику к росту, при этом достичь определенных Доктриной продовольственной безопасности параметров удалось только по рыбе и мясу, а к числу проблемных продовольственных направлений относится молоко, фрукты и ягоды.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Дальнейшее ухудшение внешнеполитической обстановки может стать причиной практически полной изоляции России от внешних рынков, что предопределяет значимость формирования высокого уровня самообеспечения по всем без исключения направлениям и позволит обеспечить автономию страны, укрепить ее положение на международной арене. В сложившихся обстоятельствах необходимо отметить, что недостаточный уровень развития некоторых продовольственных направлений в наибольшей степени обусловлен дефицитом инвестиционной и государственной поддержки. Поскольку привлечение частных инвестиций в условиях усиления экономического кризиса крайне затруднительно, первоочередную роль в обеспечении развития данных направлений играет государство, что требует проведения соответствующей политики и реализации государственных программ поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Ибрагимова Э.И. Экономическая безопасность как аспект национальной безопасности РФ // Молодой ученый. 2023. № 36 (483). С. 179-181.
- Штоколова К.В. Экономическая безопасность России в условиях глобализации: факторы риска // Социальная политика и социальное партнерство. 2021. № 2. С. 140-148.
- Мельников А.Б., Коток Н.Ю. Критерии, угрозы и риски обеспечения продовольственной безопасности РФ // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2021. № 93. С. 50-55.
- Семькин В.А., Пигорев И.Я., Зюкин Д.А. Обеспечение продовольственной безопасности России в условиях экономической политики санкций: успехи и проблемы // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 336-339.
- Кочина Т.В. Факторы повышения устойчивости продовольственного самообеспечения региона // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 1. С. 57-61
- Латышева З.И., Скрипкина Е.В., Лисицына Ю.В., Севрюкова О.И., Зюкин Д.А. Регулирование импорта как фактор обеспечения продовольственной безопасности // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 5 (383). С. 36-40.
- Галикеев Р.Н. Самообеспечение продукции сельского хозяйства в условиях пандемии и санкций стран запада // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6-1 (88). С. 76-78.
- Емельянов А.В. Россия: итог пяти лет // Экономика и предпринимательство. 2019. № 11 (112). С. 254-258.
- Беляев С.А. Тенденции развития внешней торговли агропродукцией в России // Наука и практика регионов. 2022. № 1 (26). С. 9-13.
- Юковенко Н.А., Иваненко И.С. Оценка продовольственного обеспечения населения России в условиях новых вызовов и ограничений // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10. № 2. С. 247-262.
- Соловьева Т.Н., Пожидаева Н.А., Зюкин Д.А. Государственное регулирование и импортозамещение продовольственной продукции: проблемы и решения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 11. – С. 17-20.
- Зюкин Д.А., Фомин О.С., Скрипкина Е.В., Латышева З.И., Жилинкова Л.А., Лисицына Ю.В. Развитие сельскохозяйственного производства России в условиях социально-экономических диспропорций // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2022. – № 6. – С. 188-194.
- Романюк М.А., Лоцёнова С.С., Сухарникова М.А. Тенденции развития рынка молочной продукции в России // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 3. С. 48-54.
- Тарасова А.А., Галеев М.М. Современное состояние и

тенденции развития рынков картофеля и овощей // Вестник аграрной науки. 2021. № 6 (93). С. 131-138.

15. Росстат. Показатели, характеризующие импортозамещение в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения 29.09.2023).

16. Практические аспекты применения регрессионного метода в исследовании социально-экономических процессов: монография / С.А. Беляев, Н.С. Бушина, О.В. Власова, Ал.А. Головин и др. - Курск: «Деловая полиграфия», 2021. 166 с.

17. Методы статистики и возможности их применения в социально-экономических исследованиях: монография / С.А. Беляев, Н.С. Бушина, А.Ю. Быстрицкая, О.В. Власова и др. - Курск: «Деловая полиграфия», 2021. 168 с.

18. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения 29.09.2023).

19. Ловчикова Е.И., Зверева Г.П., Волченкова А.С., Грудкина Т.И. Тенденции и тренды рынка пищевой и перерабатывающей промышленности в России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 6 (88). С. 106-113.

20. Беляев С.А., Быстрицкая А.Ю., Большичева Е.А., Репринцева Е.В. Оценка динамики макроэкономического развития Российской Федерации в контексте импорта и экспорта товаров, сырья и материалов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12. № 1 (42). С. 18-21.

21. Гурнович Т.Г., Игнатова М.М. Реализация стратегии обеспечения продовольственной безопасности России в условиях импортозамещения // Colloquium-Journal. 2019. № 28-4 (52). С. 43-46.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 02.10.2023

Approved date: 16.10.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 336.77.067.22

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_17



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ БАНКОВ НА РЫНКЕ КРЕДИТОВАНИЯ

© Автор(ы) 2023

ПАНИНА Дарья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Банковское дело и страхование»

*Оренбургский государственный университет
460018, Россия, Оренбург, darpanina2015@yandex.ru*

SPIN: 5743-9420

AuthorID: 781328

ResearcherID: XTO-8544-2023

ORCID: 0000-0001-9035-7860

Аннотация. Современные условия, в которых вынуждена развиваться российская экономика, определяют необходимость качественной структурной перестройки. Переход к новой модели развития – как и любой сложный, многокомпонентный процесс – возможен только при наличии эффективно распределяемых финансовых ресурсов. В связи с этим, важное значение приобретает процесс разработки и реализации инвестиционной стратегии. Поскольку в современной системе финансового посредничества ключевая роль принадлежит банкам, следовательно, именно их поведение и будет определять траекторию развития инвестиционного рынка и всех процессов, происходящих на нем. В контексте данной публикации была рассмотрена инвестиционная деятельность современных российских банков на рынке кредитования, что позволило сделать вывод о соответствии критериям инвестиционных лишь небольшой части кредитов. Развитие в условиях неопределенности и адаптационного спада вынуждает банки в современных условиях ориентироваться в основном на текущую ситуацию и состояние рынка, откладывая разработку инвестиционной стратегии «до лучших времен». В процессе анализа были выявлены проблемы формирования и реализации инвестиционной стратегии, свойственные банкам и предложены варианты их решения.

Ключевые слова: банковская стратегия, инвестиционное кредитование, инвестиции в основной капитал, санкционные шоки, финансовые посредники на рынке кредитования.

MODERN ASPECTS OF THE FORMATION OF BANKS' INVESTMENT STRATEGY IN THE LENDING MARKET

© The Author(s) 2023

PANINA Daria Sergeevna, candidate of economic Sciences, associate Professor, associate Professor of Banking and insurance Department

Orenburg state University

460018, Russia, Orenburg, darpanina2015@yandex.ru

Abstract. The current conditions in which the Russian economy is forced to develop determine the need for qualitative structural adjustment. The transition to a new development model - like any complex, multicomponent process - is possible only if there are effectively distributed financial resources. In this regard, the process of developing and implementing an investment strategy becomes important. Since banks play a key role in the modern system of financial intermediation, therefore, it is their behavior that will determine the trajectory of the development of the investment market and all the processes taking place on it. In the context of this publication, the investment activity of modern Russian banks in the lending market was reviewed, which allowed us to conclude that only a small part of loans meet the criteria for investment. Development in conditions of uncertainty and adaptive recession forces banks in modern conditions to focus mainly on the current situation and the state of the market, postponing the development of an investment strategy "until better times". In the course of the analysis, the problems of formation and implementation of the investment strategy peculiar to banks were identified and options for their solutions were proposed.

Keywords: banking strategy, investment lending, investments in fixed assets, sanctions shocks, financial intermediaries in the lending market.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Развитие российской экономики происходит в условиях беспрецедентного давления со стороны недружественных стран: общее число санкций к середине 2023 года превысило 15 тысяч [1]. В результате, отечественные предприятия столкнулись с целым рядом проблем: нарушились логистические цепочки поставок оборудования, комплектующих и сырья, серьезно были ограничены поставки готовой продукции, образовались задержки в получении ее оплаты. Особенно жесткими оказались санкции против финансового сектора российской экономики (замораживание и арест российских финансовых активов, в том числе и официальных международных резервов). Все эти факторы обусловили переход российской экономики в фазу адаптационного спада и определили необходимость ее структурной трансформации. Как показывает мировой опыт, привлечение инвестиций является необходимым условием перехода к новой модели развития. В настоящее время безусловными лидерами в системе финансового посредничества являются банки, а значит именно им и принадлежит ключевая роль в развитии инвестиционного процесса. Для эффективного

распределения финансовых средств банков даже в условиях размытого – в силу жестких внешних эффектов – горизонта планирования необходима разработка инвестиционной стратегии.

Анализ исследований и публикаций, в которых рассмотрены аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Вопросам изучения сущности и особенностей различных вариаций и разновидностей инвестиционных стратегий уделяют внимание как отечественные, так и зарубежные авторы – М. Портер, П. Друкер, Г. Минсберг, Р. Каплан, А. В. Бандурин, Д. Нортон, Б. А. Чуб, К. Эндрюс и другие. Однако в большинстве случаев, в работах представленных выше ученых акцент ставится на деятельности нефинансовых организаций.

В отечественной литературе ученые проявляют большой интерес проблематике формирования общей банковской стратегии (Л. П. Кроливецкая, Г. Н. Белоглазова, О. И. Лаврушин, Е. Ф. Жуков, Ю. К. Коробов, И. А. Никонова, Д. В. Мисюлин, А. М. Смулова, Р. Н. Шамгунова, В. И. Хабарова). В данных работах выявляются и анализируются проблемы банков при реализации инвестиционных стратегий, однако пути их решения остаются за рамками исследований.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование цели статьи (постановка задания).

Цель данной публикации сводится к анализу современной российской практики формирования банками инвестиционных стратегий, реализуемых на кредитном рынке. Гипотеза состоит в том, что российские банки в современных условиях осуществляют инвестиционную деятельность, руководствуясь не стратегическими решениями, а принимают во внимание лишь текущую рыночную конъюнктуру.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

При осуществлении анализа использовались общие и специальные научные методы: анализ и синтез, дедукция и индукция, единство логического и исторического, статистические методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

В современной системе финансового посредничества лидирующие позиции принадлежат банкам. Объемы средств, привлекаемых ими, значительно превышают пассивы других институтов финансового рынка, а их доля в суммарных активах финансового сектора составляет 78 % [1]. Другими словами, банки имеют преимущество в реализации инвестиционного финансирования экономики. Фактически, показатели экономического развития страны во многом зависят от эффективности реализации стратегических инвестиционных решений банков. Именно поэтому нанесение ущерба финансовому рынку и в частности основному его сегменту – банковскому сектору – было одной из главных задач санкционной политики недружественных стран: в санкционный список в настоящее время внесены 36 банков, на 20 из которых приходится около 70 % активов банковской системы [2].

Таким образом, именно банкам приходится решать задачи не только адаптационного, но и трансформационного периодов. В результате процесс формирования инвестиционной стратегии банки откладывают «до лучших времен» и часто руководствуются лишь текущей рыночной ситуацией. Именно такой подход и определяет отсутствие проектов с дальним горизонтом планирования, ориентацию на кратко- и среднесрочные вложения.

В современных условиях банковское кредитование в России является приоритетным внутренним фактором подъема экономики. Проблема предоставления кредитной поддержки субъектам национальной экономики и основанного на ней экономического роста, обеспечивающего занятость населения страны, формирующего платежеспособный спрос и, в конечном счете, сдерживающего инфляцию, приобретает сегодня особую актуальность и широко обсуждается на национальном уровне учеными и практиками в контексте целого ряда антикризисных разработок. Лидирующие позиции российских банков в кредитовании экономики обусловлены недостаточным уровнем развития отдельных сегментов финансового рынка и финансовых посредников, наличием у банков значительной материальной базы, ресурсного и интеллектуального потенциала, приоритетное значение банковского сектора в процессе выстраивания денежно-кредитной системы страны. На современном этапе краткосрочное кредитование многократно превышает инвестиционное, что ограничивает возможности воспроизводственного процесса и дальнейшего развития национальной экономической системы в том числе и в контексте ее трансформации.

Уровень заинтересованности российских банков в наращивании инвестиционных объемов представлен на рисунке 1.

Вложения банков в основной капитал с 2018 по 2022 год были низкими, но стабильными. Тем не менее, в 2022 году доля банков в капитале снизилась до рекорд-

ных 7,8 %. Очевидно, что объемы банковского кредитования в России отстают от объемов инвестиций в развивающихся экономиках.

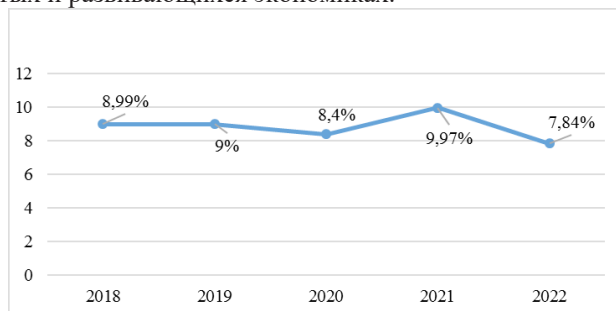


Рисунок 1 – Динамика доли банковского кредитования в инвестициях 2018 – 2022 гг., % (составлено автором по данным [3; 4; 5])

В странах с развитой экономикой инвестиционные кредиты являются основным фактором экономического роста. Например, в США (страна с англосаксонской системой финансирования – преимущественно через эмиссию ценных бумаг) кредитное финансирование занимает около 32 % от всех инвестиций в основной капитал [6], а в Германии (с континентальной моделью, где финансирование осуществляется в основном через кредитные инструменты) – 42 % от всех вложений [7]. Китайская Народная Республика, которая является лидером среди развивающихся стран, объем инвестиций в основной капитал составляет 15 % от общего объема инвестиций [8].

Несмотря на серьезные и многочисленные экономические санкции против России, ресурсная база банков продолжает стабильно расти (таблица 1). Банки к 2023 году увеличили свои активы по отношению к внутреннему валовому продукту почти до 89 %.

Таблица 1 – Показатели развития банковского сектора России за период 2018 – 2022 гг., в млрд руб. и в %

Показатель	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022	01.01.2023
Активы банковского сектора, млрд руб.	86 232	88 796	103 842	120 310	134 516
в % к ВВП	83,0	81,0	96,8	92,0	88,8
Собственные средства (капитал) банковского сектора, млрд руб.	10 269	10 981	11 413	12 605	13 348
в % к ВВП	9,9	10,0	10,6	9,6	8,8
в % к активам банковского сектора	11,9	12,4	11,0	10,5	9,9
Вклады физлиц, млрд руб.	28 459	30 412	32 834	34 695	36 619
в % к ВВП	27,4	27,7	30,6	26,5	24,2
в % к активам банковского сектора	33,0	34,2	31,6	28,8	27,2
Депозиты и средства корпоративных клиентов, млрд руб.	28 005	28 146	34 067	39 885	46 653
в % к ВВП	27,0	25,7	31,7	30,5	30,8
в % к активам банковского сектора	32,5	31,7	32,8	33,2	34,7
Корпоративные кредиты и кредиты, предоставленные физлицам, млрд руб.	52 912	56 654	64 804	74 949	83 377
в % к ВВП	50,9	51,7	60,4	57,3	55,1
в % к активам банковского сектора	61,4	63,8	62,4	62,3	62,0

Источник: Составлено автором по данным [4]

Около 62 % активов банков приходится на кредиты, примерно около 14 % – на ценные бумаги [9]. Можно предположить, что у национального банковского сектора есть определенный запас для увеличения кредитования, в том числе и инвестиционного.

Исходя из представленных данных (рисунок 2) можно заметить, что доля кредитов юридическим лицам (включая МСП) двукратно превышает объемы кредитования физических лиц, а в общем объеме активов составляет порядка 35 %. Таким образом, можно сделать вывод, о том, что за анализируемый период в качестве приоритетного в сфере кредитования российские банки рассматривали направление кредитования юридических лиц. Это, в свою очередь, подтверждает идею о преобладании среди банков классической универсальной стратегии, заключающейся в формировании кредитного портфеля с приоритетом кредитования юридических лиц [10–12].

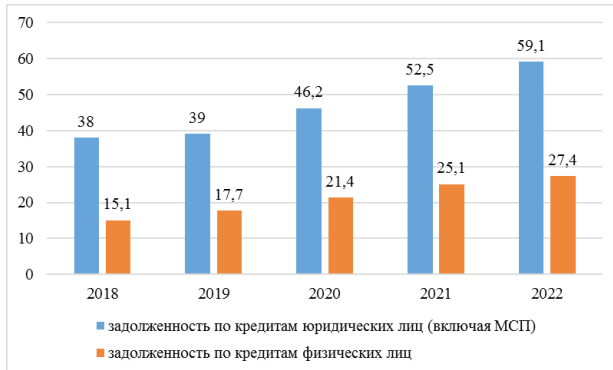


Рисунок 2 – Динамика задолженности физических и юридических лиц по банковским кредитам в период 2018 – 2022 гг., трлн руб. (составлено автором по данным [1])

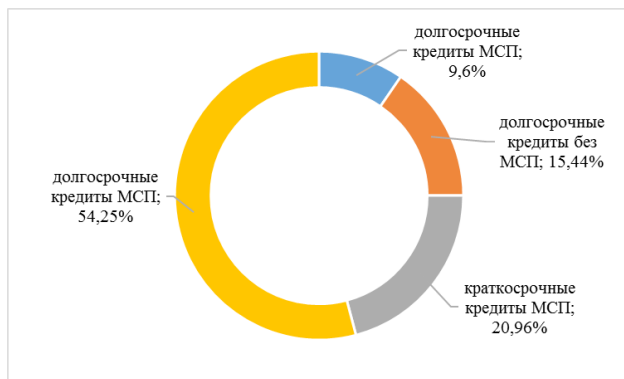


Рисунок 3 – Структура оборотов по банковским кредитам, предоставленным нефинансовым организациям в 2022 г., % (составлено автором по данным [3])

Однако, в среднем менее 25 % кредитов юридических лиц выдается на срок свыше 3 лет (рисунок 3), то есть банки предпочитают долгосрочному инвестиционному кредитованию краткосрочные вложения.

Ключевыми факторами, препятствующими развитию инвестиционного кредитования реального сектора экономики в современной России, являются внешние шоки, спровоцировавшие значительное повышение уровня кредитных рисков, а также процентные ставки, не сопоставимые с рентабельностью субъектов национальной экономики [13; 14].

Далее проанализируем долю инвестиционных банковских кредитов в общей величине кредитования.

Таблица 2 – Анализ инвестиционного банковского кредитования в России за 2018 – 2022 гг. *

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Инвестиции в основной капитал всего, трлн руб.	17782	19329	20394	23240	27865
Доля банковского кредитования в инвестициях, %	8,99%	9%	8,40%	9,97%	7,84%
Объем инвестиционных кредитов, млрд руб.	1598,6	1739,6	1713	2317	1973,9
Кредиты, предоставленные юридическим лицам, включая МСП, трлн руб.	38	39	46,2	52,7	59,1
Доля инвестиционных кредитов в общей величине выданных кредитов юридическим лицам, включая МСП, %	2,38	2,24	2,69	2,27	2,99

Источник: Составлено автором с использованием данных с сайта Росстат https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial

Из рассчитанных данных (таблица 2) видно, что доля инвестиционных кредитов, выданных российскими банками юридическим лицам, в течении 2018 – 2022 гг. держалась в среднем на уровне 2,5 %. В 2022 году этот показатель увеличился до 2,99 %, что было обусловлено повышением спроса на национальном рынке капитала в условиях оттока иностранного капитала и необходимостью замещения внешних заимствований, а также финансовой поддержкой субъектов российской экономики

в условиях санкционных шоков, в том числе и со стороны государства (главным образом, за счет программ государственной поддержки системообразующих предприятий и льготного кредитования МСП).

Таким образом, если трактовать инвестиции как долгосрочные вложения с целью расширения и модернизации процесса воспроизводства, то у российских банков на рынке кредитования инвестиционные стратегии отсутствуют. Причина, скорее всего, кроется в фактическом отсутствии благоприятных условий для осуществления долгосрочных инвестиций в целом, что подтверждается низкой долей инвестиционных кредитов в общей величине выданных кредитов организациям.

Также среди наиболее вероятных причин, препятствующих развитию инвестиционного банковского кредитования, помимо отмеченных выше, называют проблему концентрации бизнеса на сырьевых отраслях и торговле [13–16]. Подобная структура национальной экономики тормозит качественное развитие процесса воспроизводства, результатом которого и становится создание двуденной стоимости и положительного денежного потока. А ведь в развитии именно такой экономики задействованы значительные инвестиционные ресурсы.

Еще одной активно обсуждаемой в научной литературе проблемой является зарегулированности банков [17–19]. Границы кредитования во многом связаны (и выстраиваются в настоящее время в сторону их занижения) с требованиями к резервированию активов и достаточности капитала. А значительное число регуляторных требований приводит к повышению внеоперационных затрат, удорожанию банковских услуг, к снижению производительности труда.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

В результате исследования стали очевидны некоторые проблемы, препятствующие формированию банка эффективной инвестиционной стратегии на кредитном рынке. Так, например, отсутствие четко сформулированной стратегии и близкий горизонт планирования связаны, на наш взгляд, в том числе и с недостаточно грамотным корпоративным управлением. Для решения этого вопроса необходимо обязать банки законодательно формулировать долгосрочную стратегию их деятельности. Это позволит усилить прозрачность банковской деятельности и повысить уровень доверия потребителей банковских услуг, понимающих, какие приоритеты ставит перед собой банк. Фактически это можно реализовать путем введения пункта о необходимости формулировки стратегии в Указание Банка России 3081-У «О раскрытии кредитными организациями информации о своей деятельности». Самим банкам эта мера позволит четко обозначить ориентиры и приоритеты в своей деятельности, что особенно важно в условиях адаптационного спада.

Также в современных условиях обнажилась проблема низкой инвестиционной привлекательности рыночных активов. То есть банки предпочитают инвестировать в высоконадежные, ликвидные инструменты, например, в ценные бумаги, входящие в ломбардный список Банка России соответственно, этот тренд определяет необходимость создания на законодательном уровне механизмов, благодаря которым изменение структуры вложений в сторону инвестиций в реальный сектор экономики стал бы более выгодным. Например, более тщательный мониторинг ценных бумаг хозяйствующих субъектов в контексте выявления наиболее перспективных из них с позиции развития экономики и их дальнейшее включение в ломбардный список. Также эффективным способом наращивания инвестиционной привлекательности рыночных активов, а значит и решением проблемы низкой доли вложений банков в активы реального сектора экономики, могло бы стать более активное использование государственными органами практики гарантийного обеспечения.

Не менее насущным вопросом, стоящим перед банковским сектором, является проблема нехватки «длинных» денег, так необходимых для реализации долгосрочных инвестиционных проектов. Этот вопрос обусловлен низкой степенью взаимодействия банков и других профессиональных участников финансового рынка. Для решения этого вопроса необходимо, на наш взгляд, активное развитие отечественной системы инвестиционного (долгосрочного) рефинансирования, в которую будут вовлечены все посредники, работающие на рынке капиталов. Некоторые авторы предлагают ее называть инновационной системой долгосрочного рефинансирования.

Результатом применения всех вышеперечисленных мер станет активизация долгосрочной инвестиционной деятельности банков на кредитном рынке и положит начало процессу формирования и реализации их долгосрочной инвестиционной стратегии в российской практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Банковская система России 2023: текущие задачи кредитования экономики // Информационно-аналитическое обозрение, май, 2023 / https://asros.ru/upload/iblock/7ae/8q0etcsjh8lpzniekw05sv1p5r84g1s/AB_broschyura_N7_v.1.2_postranichno_190523.pdf
2. Банки и экономика в цифрах и графиках. I квартал 2023 года, №1 (5) // https://asros.ru/upload/iblock/1cd/ddzooqgfuoxxun2sj2dw2rt56xow0d4pa/Banki-i-ekonomika_I-кв.-2023.pdf
3. Банки и инфраструктура финансового рынка в условиях современных вызовов // Информационно-аналитическое обозрение, сентябрь, 2022 https://asros.ru/upload/iblock/258/q128tt2v80znkxvdchhwjzh ex5h64m6u/Analiticheskie-materialy-k-Forumu-v-Kazani_sentyabr-2022-na-sai_t.pdf
4. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации» (Интернет-версия) июль 2023 http://www.cbr.ru/banking_sector/statistics/
5. Прогноз банковского кредитования на 2023 год: дело за малым, февраль 2023 // <https://asros.ru/upload/iblock/ccf/p8hi66p67b2a7lbrhbec2wb25mg04kpr/Prognoz-bankovskogo-kreditovaniya-na-2023-god.pdf>
6. Новпаян Л.А. *THE ISSUES ON THE IMPROVEMENT OF THE INVESTMENT POLICY IN ARMENIA IN THE CONTEXT OF INVESTMENT MARKET DEVELOPMENT* // *Регион и мир*. 2022. Т. 13. № 2. С. 160-168.
7. *IMPROVEMENT OF THE EFFICIENCY AND THE OPTIMIZATION OF INVESTMENT SOLUTIONS FOR THE GROWING OF CEREAL CROPS, BASED ON THE "PROFITABILITY-RISK" MODEL* // Gertsekovich D.A., Gorbachevskaya L.I., Podlinyaev O.L., Konstantinova T.D., Larin S.N. // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 1 (126). С. 74-82.
8. *Global investment trends and prospects* // UNCTAD - URL: https://unctad.org/system/files/official-document/WIR2021_ch01_en.pdf (дата обращения: 25.07.2023).
9. Лиман И.А., Казинян В.Д. *Инвестиционная стратегия и политика коммерческого банка*. - С. 61-63. [Электронный ресурс]. - URL: investitsionnaya-strategiya-i-politika-kommercheskogo-banka.pdf. (дата обращения: 12.07.2023).
10. Андрианов В.Д. *Современные тренды в трансформации глобальной банковской и финансовой инфраструктуры // Россия: тенденции и перспективы развития*. 2021. №16-1. С.17-31.
11. Лю Ю. *Инвестиционные стратегии банков и их характерные особенности на современном этапе* // *Экономика и социум*. 2023. № 5-2 (108). С. 888-893.
12. Токарева Ю.С. *Инвестиционный банковский кредит как источник финансирования реального сектора экономики* // *Контентус*. 2019. № S11. С. 108-114.
13. Перзек Н.Б. *Проблемы расширения банковского инвестиционного кредитования реального сектора экономики* // *Учетно-аналитическое обеспечение стратегии устойчивого развития предприятия*, Симферополь, 2022. С. 220-225
14. Перзек Н.Б. *О механизме финансирования экономического роста российской экономики* // *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета*. 2022. № 2 (76). С. 154-157
15. E.V. Mazikova, N.N. Yumanova *Investments of Banks in Securities: the Essence and Development Trends under Current Conditions* // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2015. P. 185-202.
16. Королева Е. А. *Mutual Trust as a booster of Credit and Investment Activities of banks and development of small industrial firms* / Н. Е. Егорова, А. М. Смулов, Е. А. Королева // *The Journal of Social Sciences Research*. [Электронный ресурс]. - 2018. - Special Issue. 3, - pp: 1-7.
17. Moshirian F. (2001) [International investment in financial services]. *Journal of banking & finance*. vol. 25(2), pp. 317-337.
18. Morrison A. D., W. J. Wilhelm (2007) [Investment banking: Past, Present and Future]. *Journal of Applied Corporate Finance*. No. 1, pp. 42-54.
19. Хачатурян Э.М. *Состояние инвестиционного кредитования в современной России* // *Аллея науки*. 2020. Т. 2. № 5 (44). С. 245-251.

Received date: 08.08.2023

Approved date: 22.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.4

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_18



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАБОТЕ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Автор(ы) 2023

ПРОСАЛОВА Вероника Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и менеджмента»

*Тихоокеанский государственный медицинский университет
690002, Россия, Владивосток, prosalova@mail.ru*

SPIN: 8768-6358

AuthorID: 633760

ResearcherID: E-2886-2019

ORCID: 0000-0001-8498-7719

НИКОЛАЕВА Анастасия Александровна, старший преподаватель кафедры «Экономики и менеджмента»

*Тихоокеанский государственный медицинский университет
690002, Россия, Владивосток, asya-nikitina@mail.ru*

SPIN: 8256-1039

AuthorID: 752483

ORCID: 0000-0003-1934-5191

Аннотация. Искусственный интеллект активно внедряется во многие отрасли экономики, в том числе и в сфере здравоохранения. Стоматология – одно из перспективных направлений, в том числе с точки зрения инвестиций, для развития использования искусственного интеллекта. В связи с чем, целью данной статьи является обоснование экономической эффективности использования искусственного интеллекта в работе стоматологической клиники. Для достижения поставленной цели авторами был проведен подробный анализ научных публикаций, касающихся обоснования применения искусственного интеллекта в здравоохранении, эффективности его использования, направления возможностей его использования в сфере стоматологических услуг. На основании чего авторы пришли к выводу, что использование искусственного интеллекта в работе стоматологических клиник можно сгруппировать по двум направлениям: внедрение искусственного интеллекта в клинической стоматологии и внедрение цифровых технологий в организационно-административную работу стоматологической клиники. Проведенный опрос клиентов стоматологических клиник ДВФО показал положительное отношение пациентов к использованию данного вида инноваций. Кроме того, был предложен ряд мероприятий с целью достижения повышения эффективности использования искусственного интеллекта в организационно-административной работе стоматологических клиник. Также в ходе исследования было доказано экономическая эффективность применения искусственного интеллекта в клинической стоматологии. Таким образом, можно утверждать, что применение искусственного интеллекта в работе стоматологических клиник позволяет не только повысить качество оказываемых услуг, уменьшить вероятность допущения ошибок из-за человеческого фактора, но и обладает экономической эффективностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономическая эффективность, стоматологическая клиника, пациенты, цифровые технологии.

EFFICIENCY OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE WORK OF A DENTAL CLINIC – ECONOMIC ASPECT

© The Author(s) 2023

PROSALOVA Veronica Sergeevna, Ph.D., Associate Professor of the department of “Economics and Management”

*Pacific State Medical University
690002, Russia, Vladivostok, prosalova@mail.ru*

NIKOLAEVA Anastasya Aleksandrovna, Senior lecturer of the department of “Economics and Management”

*Pacific State Medical University
690002, Russia, Vladivostok, asya-nikitina@mail.ru*

Abstract. Artificial intelligence is being actively implemented in many sectors of the economy, including healthcare. Dentistry is one of the promising areas, including in terms of investments for the development of the use of artificial intelligence. In this connection, the purpose of this article is to substantiate the economic efficiency of using artificial intelligence in the work of a dental clinic. To achieve this goal, the authors carried out a detailed analysis of scientific publications relating to the rationale for the use of artificial intelligence in healthcare, the effectiveness of its use, and the direction of the possibilities of its use in the field of dental services. On the basis of which the authors came to the conclusion that the use of artificial intelligence in the work of dental clinics can be grouped into two areas: the introduction of artificial intelligence in clinical dentistry and the introduction of digital technologies in the organizational and administrative work of a dental clinic. A survey of clients of FEFD dental clinics showed a positive attitude of patients to the use of this type of innovation. In addition, a number of measures were proposed in order to achieve an increase in the efficiency of the use of artificial intelligence in the organizational and administrative work of dental clinics. The study also proved the cost-effectiveness of using artificial intelligence in clinical dentistry. Thus, it can be argued that the use of artificial intelligence in the work of dental clinics not only improves the quality of services provided, reduces the likelihood of errors due to the human factor, but also has economic efficiency.

Keywords: artificial intelligence, economic efficiency, dental clinic, patients, digital technologies.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Современные медицинские организации должны использовать инновационные технологии с целью оказания высококачественных услуг. Искусственный интеллект позволяет решить данную задачу, высвобождая от необходимости привлечения дополнительных людских ресурсов, а также выполняя ряд медицинских и организационно-управленческих операций на более высоком

технологическом уровне. Тем не менее, внедрение искусственного интеллекта в систему здравоохранения и в работу стоматологических клиник, в частности, сопровождается необходимостью больших финансовых инвестиций, обеспечить которые не всегда является возможным. Кроме того, использование современных технологий в административной работе клиник, сопровождающееся автоматизацией различных процессов и отсутствием взаимодействия пациент – представитель медицинской организации, не всегда положительно вос-

принимается клиентами.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

В настоящее время возможности использования искусственного интеллекта в различных отраслях экономики рассматриваются в ряде научных публикаций и исследований.

Обоснование применения искусственного интеллекта в здравоохранении с целью обеспечения роста экономики рассматривал в своих работах ряд ученых: А. И. Богомолов, В. В. Кудревич, Е. А. Ненашева, П. А. Комарь, В. С. Дмитриев, А. М. Ледяев, И. А. Шадрекин, М. М. Зеленский, С. П. Морозов, В. В. Зинченко, А. Н. Хоружая, Д. Е. Шарова, Е. С. Ахмад, А. Е. Андрейченко, А. В. Владимирский [1–5].

Проблемы связанные с применением искусственного интеллекта в здравоохранении освещены в работах В. А. Жилкина, О. В. Иванчука, Е. В. Плащевой, С. А. Нурмухамбетовой, И. В. Балтутите, Э. Г. Милковой, Д. Е. Шаровой, В. В. Зинченко, Е. С. Ахмада, О. А. Мокиенко, А. В. Владимирского, С. П. Морозова, Е. И. Королевой, А. С. Белана, А. К. Захарова, И. Ж. У. Жахонгирова, М. А. Лапиной, Т. А. Гольдиной, В. А. Бурмистрова, И. В. Ефименко, В. Ф. Хорошевского [6–13]. В них рассматриваются правовые, экономические и этические проблемы, которые возникают в обществе в связи с появлением искусственного в здравоохранении. Особого внимания также, по мнению авторов, заслуживает обеспечение клинической эффективности и безопасности решений, принимаемых искусственным интеллектом, вопросы их правовой ответственности.

В своих работах Р. Зайдулина, М. К. Касумова, Э. П. Тихонов, Г. Г. Иванова, М. А. Чибисова, Е. В. Булычева [14; 15; 16] провели подробный обзор возможности использования современных достижений в области развития искусственного интеллекта в практике здравоохранения, в частности стоматологии, описав возможности его использования.

Кроме российских ученых, вопросами эффективности использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения занимался ряд зарубежных ученых: М. Matheny, S. Thadaneu Israni, M. Ahmed, D. Whicher, Thomas Davenport, J. Niu, W. Tang, F. Xu, X. Zhou, Y. Song, M. Begovic, A. Oprunenco, L. Sadiku, F. Jiang, Y. Jiang, H. Zhi, Y. Dong, H. Li, S. Ma, Y. Wang, Q. Dong, H. Shen, Y. Wang, K.-H. Yu, A. L. Beam, I. S. Kohane, A. Shaban-Nejad, M. Michalowski, D. L. Buckeridge, T. Mudaly, D. Moodley, A. Pillay, C. J. Seebregts, C. E. Shannon, U. Franke and P. Sartori [17–26].

В настоящее время уже проведен ряд исследований, рассматривающих возможности и направления использования искусственного интеллекта в стоматологии, такими авторами, как: С. В. Пальмов, А. В. Бахмурина, А. Г. Каджоян, М. С. Есяян, И. А. Гасанова, В. А. Парийский, А. А. Грибков [27–31].

Не смотря на уже имеющийся достаточно обширный объем проведенных научных исследований в направлении, заявленном в рамках данной статьи, на сегодняшний день не проводилось исследований, включающих в себя оценку эффективности искусственного интеллекта в деятельности стоматологических клиник со стороны пациента, а также с позиции окупаемости необходимых затрат.

Обоснование актуальности исследования

Таким образом, актуальность представленного в статье исследования обусловлена распространением использования искусственного интеллекта во всех сферах и отраслях в современной экономики, что побуждает к проведению более углубленного анализа его эффективности в системе здравоохранения: в частности, в работе стоматологических клиник.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Целью данной статьи является обоснование экономической эффективности использования искусственного интеллекта в работе стоматологической клиники.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

Для написания данной статьи были использованы такие теоретические методы исследования, как: анализ, синтез, обобщение. Также были использованы такие практические методы, как: описание, сравнение, методы экономического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Проведенный анализ литературы, описанный в статье выше, показал, что использование искусственного интеллекта в работе стоматологических клиник можно сгруппировать по двум направлениям: внедрение искусственного интеллекта в клинической стоматологии и внедрение цифровых технологий в организационно-административную работу стоматологической клиники (Рисунок 1).

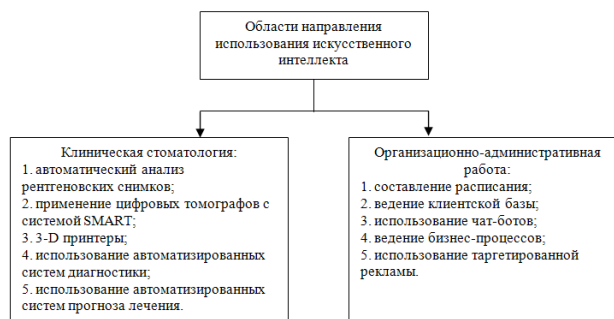


Рисунок 1 – Возможности использования искусственного интеллекта в стоматологической клинике (составлено авторами)

Как мы видим из рисунка 1, направления использования искусственного интеллекта в стоматологии достаточно широки и позволяют не только повысить качество предоставляемых услуг, но и оптимизировать организационную работу стоматологической клиники.

Прежде всего рассмотрим вопросы, касающиеся возможностей внедрения искусственного интеллекта в организационно-административную работу. Исходя из перечня представленного на рисунке 1, можно отметить, что искусственный интеллект выполняет функционал ряда сотрудников в различных областях, что позволяет собственнику задуматься о сокращении персонала и внедрении ряда программ с искусственным интеллектом. Кроме того, исключаются возможные ошибки и недочеты, характерные для людей, облегчается интенсивность труда персонала, появляется возможность расширения клиентской базы. Таким образом, с точки зрения собственника и сотрудников медицинской организации использование искусственного интеллекта имеет только положительные черты.

В рамках проводимого исследования был проведен опрос среди клиентов стоматологических клиник об их отношении к использованию искусственного интеллекта в организационном процессе оказания услуг, уровня клиника – пациент. В опросе принимало участие 350 человек, являющихся клиентами различных стоматологических клиник ДВФО. В ходе опроса учитывалось мнение людей, которые уже воспользовались услугами медицинских организаций, использующих искусственный интеллект, и тех, кто только слышал о возможности их применения. В таблице 1 представлен результат проведения опроса.

Таблица 1 – Результат проведения опроса клиентов стоматологических клиник при ответе на вопрос: «Как вы относитесь к использованию искусственного интеллекта в организационном процессе оказания услуг?»

Критерий использования искусственного интеллекта пациентом	Возраст клиента стоматологической клиники (года)		
	18 - 30	31 - 50	Старше 51 года
Уже сталкивались с использованием искусственного интеллекта	Положительное отношение – 95 % Отрицательное отношение – 2 % Затруднились ответить – 3 %	Положительное отношение – 76 % Отрицательное отношение – 10 % Затруднились ответить – 14 %	Положительное отношение – 47 % Отрицательное отношение – 31 % Затруднились ответить – 22 %
Слышали о возможности использования искусственного интеллекта	Положительное отношение – 83 % Отрицательное отношение – 7 % Затруднились ответить – 10 %	Положительное отношение – 57 % Отрицательное отношение – 16 % Затруднились ответить – 27 %	Положительное отношение – 71 % Отрицательное отношение – 15 % Затруднились ответить – 14 %

Источник: Составлено авторами

Согласно результатам, представленным в таблице 1, клиенты до 30 лет лучше всего относятся к использованию искусственного интеллекта. У клиентов от 31 до 50 лет, кто уже сталкивался с данными технологиями, остался положительный опыт, однако, те, кто только слышал о таких возможностях, с опаской относятся к нововведениям.

Обратная ситуация, согласно проведенному опросу, у клиентов самой возрастной группы. Клиенты в большинстве случаев хотели бы взаимодействовать с клиниками посредством использования искусственного интеллекта, однако, среди тех, кто уже сталкивался с данными технологиями, имеют отрицательный опыт – 31 %. Какие же минусы смогли выделить клиенты у новых технологий, согласно расширенным ответам на вопросы? В первой возрастной группе большинство опрошиваемых отметило, что их раздражают звонки или опросы через социальные сети, которые проводят чат-боты после посещения клиник, с целью оценки качества оказанных услуг. Также респонденты ответили, что опасаются подорожания стоимости услуг, в связи с покупкой клиниками программ с искусственным интеллектом. Эти же причины были указаны и в средней возрастной группе. Негативное отношение к искусственному интеллекту в старшей возрастной группе вызвано заменой живого общения с людьми на результат программного продукта. Как указали респонденты, им удобнее и понятнее общаться с администраторами клиник, чем с голосовым чат-ботом. Из недостатков искусственного интеллекта в вопросах общения и взаимодействия были выделены такие моменты, как отсутствие возможности дать рекомендации по обращению к тому или иному врачу, пациентам необходимо, чтобы администратор выражал сочувствие голосом, в случае сложных ситуаций. Тем не менее, все эти моменты выделяли только респонденты старшей возрастной группы.

Можно сделать вывод, что для достижения повышения эффективности использования искусственного интеллекта в организационно-административной работе стоматологических клиник, необходимо проводить маркетинговую работу среди клиентов, с целью доведения информации о преимуществах использования искусственного интеллекта в работе клиники, в том числе повышении качества оказания услуг. Кроме того, возможно введение персонализированного подхода к клиентам, когда за возрастной группой закрепляется администратор для обеспечения организационного взаимодействия.

Перейдем к рассмотрению экономической эффективности применения искусственного интеллекта в клинической стоматологии. На рисунке 1 представлены различные направления возможности его внедрения непосредственно в работу клиники. Авторами был проведен анализ ценового сегмента программного и технологического оборудования с искусственным интеллектом, на основании чего были выбраны образцы среднего ценового сегмента, но с широким спектром функционала:

1. Автоматический анализ рентгеновских снимков – программа Diagnocat (214 200 руб. в год)
2. Применение цифровых томографов с системой SMART – Green Smart 3D/2D томограф с цефалостатом (4 987 290 руб.);
3. 3-D принтеры – Asiga MAX UV (1 173 050 руб.);
4. Использование автоматизированных систем диагностики – также можно установить программу Diagnocat с расширенным функционалом, стоимость указана в п.1;
5. Использование автоматизированных систем прогноза лечения – также можно установить программу Diagnocat с расширенным функционалом, стоимость указана в п.1.

Для стоматологической клиники, внедряющей искусственный интеллект в клиническую стоматологию, будет достаточно купить цифровой томограф Green Smart 3D/2D с цефалостатом, к которому уже в комплекте прилагается программное обеспечение для диагностики и планирования имплантации, а также программу Diagnocat, позволяющую автоматизировать систему диагностики и прогнозирования лечения. Суммарные затраты составят 5 201 490 руб., учитывая увеличение выручки за счет расширения спектра услуг и увеличения количества клиентов средняя окупаемость вложений составит 1,5 года.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Следует отметить, что полученные в процессе исследования результаты, как на основе проведенного опроса, так и посредством маркетингового исследования рынка стоматологического оборудования, подтверждают выводы авторов, проводивших теоретические исследования об актуальности и эффективности применения искусственного интеллекта в работе стоматологических клиник.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Приведенные выше авторские исследования позволяют подтвердить гипотезу об экономической эффективности использования искусственного интеллекта в работе стоматологической клиники. Результаты опроса клиентов стоматологических клиник свидетельствуют об их заинтересованности во внедрении инновационных технологий, что позволит повысить объем оказываемых услуг.

Также в ходе исследования было доказано экономическая эффективность применения искусственного интеллекта в клинической стоматологии. Проведенные расчеты окупаемости необходимого программного и технологического оборудования показали, что инвестиционные затраты окупятся в течении 1,5 лет.

Таким образом можно утверждать, что применение искусственного интеллекта в работе стоматологических клиник позволяет не только повысить качество оказываемых услуг, уменьшить вероятность допущения ошибок из-за человеческого фактора, но и обладает экономической эффективностью.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении

Результаты проведенных исследований подтверждают актуальность дальнейшей работы по изучению эффективности применения искусственного интеллекта в сфере стоматологических услуг, в частности более подробного изучения и разработки маркетинговых мероприятий с целью повышения имиджа стоматологических клиник, использующих искусственный интеллект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богомолов А.И., Кудревич В.В. Применение искусственного интеллекта в здравоохранении и медицине как важный фактор роста экономики // Экономика и управление: теория и практика, 2022, Т.8. №1. С. 88-98.
2. Богомолов А.И. Роль и состояние разработки российских стандартов на применение искусственного интеллекта в здравоохранении и медицине. Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник, Москва, - 2021. - С.400-404.

3. Ненашева Е.А. Взгляд на будущее искусственного интеллекта в здравоохранении // *Вопросы науки и образования*. 2019. №3(72). С. 66-72.

4. Комарь П.А., Дмитриев В.С., Ледеява А.М., Шадрекин И.А., Зеленский М.М. Рейтинг стратапов искусственного интеллекта: перспективы для здравоохранения в России. // *Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. 2021. Т. 7. № 3. С. 32-41.

5. Морозов С.П., Зинченко В.В., Хоружая А.Н., Шарова Д.Е., Ахмад Е.С., Андрейченко А.Е., Владимирский А.В. Стандартизация искусственного интеллекта в здравоохранении: Россия выходит в лидеры // *Врач и информационные технологии*. 2021. №2. С.12-19.

6. Жилкин В.А. Правовые аспекты применения искусственного интеллекта в здравоохранении Финляндии // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 4 (10). С. 39-45.

7. Иванчука О.В., Плацовой Е.В., Нурмухамбетовой С.А. Искусственный интеллект в системе здравоохранения: проблемы и перспективы // *ЦИТИСЭ*. 2022. № 3 (33). С. 225-237.

8. Балтуните И.В. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // *Правовая парадигма*. 2022. Т. 21. № 2. С. 140-148.

9. Милкова Э.Г. Искусственный интеллект в здравоохранении: к чему приведет цифровизация? // *Инновации и инвестиции*. 2021. № 4. С. 353-356.

10. Шарова Д.Е., Зинченко В.В., Ахмад Е.С., Мокиенко О.А., Владимирский А.В., Морозов С.П. К вопросу об этических аспектах внедрения систем искусственного интеллекта в здравоохранении // *Digital Diagnostics*. 2021. Т. 2. № 3. С. 356-368.

11. Королева Е.И., Белан А.С., Захаров А.К., Жахонгиров И.Ж.У. Проблемы развития искусственного интеллекта в учреждениях здравоохранения // *Сборник: Инновации в управлении социально-экономическими системами (ICIMSS-2021). Зима 2021. Материалы международной научно-практической конференции «Инновации в управлении социально-экономическими системами». Тема пленарного заседания: «Организационно- управленческие инновации в новом мире: философское, социально- экономическое, культурологическое осмысление»*. 2021. С. 32-41.

12. Лапина М.А. Организационно-правовые и финансовые аспекты цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в области здравоохранения // *Финансы: теория и практика*. 2022. Т. 26. № 3. С. 169-185.

13. Гольдина Т.А., Бурмистров В.А., Ефименко И.В., Хорошевский В.Ф. Искусственный интеллект в здравоохранении: real world data и patient voice - готовы ли мы к новым реалиям? // *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. 2021. № 2 (43). С. 22-31.

14. Будущее уже наступило: как искусственный интеллект применяется в медицине: Обзор генерального директора сервиса Doc+ Руслана Зайдуллина. [Электронный ресурс] - Режим доступа свободный, информация с экрана: <http://vc.ru/future/32237-budushchee-uzhe-nastupilo-kakiskusstvenny-intellekt-primenyaetsya-v-medicine> / *Дата обращения 14.09. 2018*.

15. Касумова М.К., Тихонов Э.П., Иванова Г.Г., Чибисова М.А. Возможности использования искусственного интеллекта в стоматологии // *Институт стоматологии*. 2019. №3. С. 12 – 16.

16. Бульчева Е.В. Искусственный интеллект как новое явление в развитии здравоохранения и медицинского образования (обзор литературы) // *Медицинское образование и профессиональное развитие*. 2022. Т. 13. № 3 (47). С. 76-84.

17. Matheny M., S. Thadaneey Israni, M. Ahmed and D. Whicher, Editors. 2019. *Artificial Intelligence in Health Care: The Hope, the Hype, the Promise, the Peril*. NAM Special Publication. Washington, DC: National Academy of Medicine. – URL: <https://nam.edu/wpcontent/uploads/2019/12/AI-in-Health-Care-PREPUB-FINAL.pdf>.

18. Thomas Davenport. The potential for artificial intelligence in healthcare / *Future Healthc J*. 2019 Jun; 6(2): 94–98. doi: 10.7861/futurehosp.6-2-94.

19. Niu J., Tang W., Xu F., Zhou X., Song Y. Global research on artificial intelligence from 1990–2014: Spatially-explicit bibliometric analysis. *ISPRS Int. J. Geo-Inf*. 2016, 5, 66

20. Begovic M., Oprunenco A., Sadiku L. Let's Talk about Artificial Intelligence; UNDP: New York, NY, USA, 2018; Volume 2019.

21. Jiang F., Jiang Y., Zhi H., Dong Y., Li H., Ma S., Wang Y., Dong Q., Shen H., Wang Y. Artificial intelligence in healthcare: Past, present and future. *Stroke Vasc. Neurol.* – 2017, 2, 230–243.

22. Yu K.-H., Beam A.L., Kohane I.S. Artificial intelligence in healthcare. *Nat. Biomed. Eng.* 2018, 2, 719–731.

23. Shaban-Nejad A., Michalowski M., Buckeridge D.L. Health intelligence: How artificial intelligence transforms population and personalized health. *NPJ Digit. Med.* 2018, 1, 53.

24. Mudaly T., Moodley D., Pillay A., Seebregts C.J. Architectural frameworks for developing national health information systems in low and middle income countries. In *Proceedings of the First International Conference on Enterprise Systems: ES2013*, Cape Town, South Africa, 7–8 November 2013; pp. 1–9.

25. Shannon C.E. *A Symbolic Analysis of Relay and Switching Circuits*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.; Xerox. 2019. Xerox and PARC Define the Era of Artificial Intelligence. – URL: <https://www.xerox.com/en-kn/insights/artificialintelligence-today>

26. Franke U., and Sartori P. 2019. *Machine Politics: Europe and the AI Revolution*. Policy brief. – URL: <https://www.ecfr.eu/publications/summary/machine-politics-europe-and-the-ai-revolution>.

27. Пальмов С.В., Бахмурина А.В. Использование нейронных сетей в стоматологии // *Проблемы развития предприятий: теория и прак-*

тика. 2020. № 1-2. С. 237-240.

28. Каджоян А.Г., Есаян М.С., Маргарян Э.Г. Искусственный интеллект в стоматологии: применение и эффективность // *International Independent Scientific Journal*. 2021. № 28. С. 27-28.

29. Басалаева О.Г., Кисвянцева Л.А. Применение чат-ботов в стоматологических клиниках // В сборнике: *Актуальные вопросы науки, нанотехнологий, производства. сборник научных статей 2-й Международной научно-практической конференции*. Курск, 2022. С. 65-68.

30. Гасанова И.А., Парийский В.А., Грибков А.А. Искусственный интеллект в клинической медицине и стоматологии // *Тенденции развития науки и образования*. 2018. № 38-4. С. 17-21.

31. Кяров Ж.С., Кишева С.С., Жанимова Л.Р., Якименко О.Р., Сергеев Ю.А. Применение разработок в области искусственного интеллекта в стоматологической практике // *Национальное здоровье*. 2021. № 3. С. 25-30.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 22.07.2023

Approved date: 05.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 316.334.2

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_19



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ТЕОРИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТОВ

© Автор(ы) 2023

РЕУТОВ Роман Владимирович, младший научный сотрудник
Институт экономики уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, Екатеринбург, reutovrv1975@gmail.com

SPIN: 8276-8804

AuthorID: 1194100

ORCID: 0009-0009-8891-1469

Аннотация. В настоящее время достаточно большое внимание в современной науке уделяется проблемам результативности и эффективности функционирования существующих институтов. В соответствии с постулатами институциональной теории учеными делаются попытки создать многофакторные модели оценки результативности того или иного института, однако в силу сложности и многоплановости данной категории, полученные модели не дают четкого и однозначного ответа об эффективности функционирования института, об их положительном или отрицательном влиянии на общественные отношения, являющиеся объектом его регулирования (воздействия). В исследовании предпринята попытка выявить и исследовать те факторы общественного и социального устройства, которые могут препятствовать нормальному функционированию действующих в стране институтов, а также быть причинами того, почему цели институционального регулирования, формируемые при введении в действие, изменении либо прекращении действия конкретных институтов, являются полностью или частично недостижимыми.

Ключевые слова: институционализм, институты, институции, институциональный механизм, институциональные отношения, результативность, эффективность, агенты, адаптация, дефект.

THE THEORY OF LIMITED EFFICIENCY OF INSTITUTIONS

© The Author(s) 2023

REUTOV Roman Vladimirovich, junior researcher
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
620014, Russia, Yekaterinburg, reutovrv1975@gmail.com

Abstract. At present, quite a lot of attention in modern science is paid to the problems of the effectiveness and efficiency of the functioning of existing institutions. In accordance with the postulates of institutional theory, scientists are trying to create multi-factor models for evaluating the performance of an institution, however, due to the complexity and diversity of this category, the resulting models do not give a clear and unambiguous answer about the effectiveness of the institution, about their positive or negative impact on social relations, which are the object of its regulation (impact). The study attempts to identify and investigate those factors of social and social structure that may impede the normal functioning of the institutions operating in the country, as well as be the reasons why the goals of institutional regulation, formed during the introduction, change or termination of specific institutions, are completely or partially unattainable.

Keywords: institutionalism, institutions, institutions, institutional mechanism, institutional relations, effectiveness, efficiency, agents, adaptation, defect.

ВВЕДЕНИЕ

В рамках настоящей статьи обосновывается необходимость учета факторов, снижающих (нивелирующих) влияние и результативность регулирования институциями общественных отношений, как приоритетной задачи в исследовании проблем результативности (эффективности) институтов. Другими словами, автор считает первостепенным изучение ограниченного (неполного) влияния институтов в рамках институциональных отношений на экономические отношения, исследование причин, препятствующих высокой результативности институциональных механизмов.

Автор придерживается общепринятого понятия результативности, которая определяет степень, объем, границы выполненных и достигнутых целей (задач, планов, итогов), т.е. как изменился объект исследования за определенный период времени, а показатель эффективности в свою очередь характеризует состав и объем средств (материальных, денежных, временных и т.д.) и издержек (прямых, косвенных) для достижения данного результата [1, с. 41].

По причинам сложности и многоаспектности таких категорий, как институт и институциональный механизм, современная наука не сформировала единую универсальную методiku определения результативности (или эффективности) функционирования институционального механизма.

Так, в работе А. Г. Шеломенцева и К. С. Гончаровой отмечается, что проблема оценки результативности институциональных механизмов традиционно рассматривается в контексте анализа, во-первых, критериев и показателей; во-вторых, факторов, которые влияют на результативность. При этом большинство авторов эффективность институциональных механизмов определяют через соотношение, с одной стороны, степени

достижения соответствующих задач, установленных в конкретной области, с другой – издержек, необходимых для их достижения [2, с. 649].

В работе обращается внимание на то, что используемый в настоящей статье термин «ограниченный» не может быть интерпретирован как «минимальный», так как институты (формальные нормы и правила) и институции (неформальные нормы и правила) играют значительную роль в политической, экономической и социальной системах страны. Термин «ограниченный» в представленном исследовании означает отсутствие некоторых прямых эффектов институтов, прежде всего действия формальных норм, которые рассчитывает получить государство при принятии и применении институтов, но в силу определенных факторов результат (эффект) функционирования института частично является недостижимым.

Для достижения целей исследования прежде всего необходимо устранить терминологические разногласия в понимании сути институтов и институциональных отношений.

Автор в настоящей статье исходит из того постулата, что институционализация представляет собой процесс формализации социальных отношений, переход от неформальных отношений (объединений, соглашений, переговоров) и неорганизованной деятельности к созданию организационных структур с иерархией власти, регламентацией соответствующей деятельности тех или иных отношений, их юридической легализацией, если это возможно и необходимо. Институционализация представляет собой синергетический процесс перехода от самоуправляющихся и самоорганизующихся явлений к организованным и управляемым [3, с. 125].

Отметим, что уровень развития современных социальных и общественных отношений, уровень обра-

зования населения и информационная насыщенность способствуют тенденциям обратного перехода от управляемых систем к самоуправляемым, т.е. усматриваются некоторые элементы деинституционализации. Данные процессы проявляются в формировании жителями домов товариществ собственников жилья, различных сообществ в социальных сетях, инициативных групп, выполняющих социальные или общественные функции (помощь больным детям, участникам СВО и т.д.).

В свою очередь, в данной работе под институтами в экономической системе страны понимается устойчиво воссоздающаяся в системе хозяйствования совокупность нормативов формального и неформального («институции») характера, регулирующая трансакции субъектов социально-экономических отношений и выступающая одним из принципов формирования общественной пирамиды социума [4, с. 69].

В отношении термина «институции» подчеркнем, что институционализм рассматривает общество людей как комплекс институций – норм, обычаев, способов поведения людей, сознательно или стихийно складывающихся в нем «правил игры», и институтов, которые эти нормы и обычаи закрепляют в виде законов, порядков, организаций, учреждений, укладов жизни и труда [4, с. 200]. Другими словами «институция» – это установление, обычай, порядок, привычный для данного общества, существующий объективно и неформально; «институт» – закрепление и формализация обычаев и порядков в виде законов или организаций, имеющих значительную индивидуальную составляющую [5, с. 7].

МЕТОДОЛОГИЯ

В рамках настоящей работы исследуется проблема ограниченных эффектов функционирования институтов (формальных норм и правил) посредством реализации своих прав и обязанностей институциональными субъектами (субъектами институциональных отношений – юридические и физические лица, являющиеся носителями прав и обязанностей; государство и его органы; хозяйствующие субъекты; индивиды и домашние хозяйства; объединения (фонды, учреждения, союзы, партии) [5, с. 11]). Результативность (эффективность) функционирования неформальных норм и правил («институций») не является предметом настоящего исследования.

Применительно к данному исследованию институциональные отношения в экономической сфере представляют собой взаимодействия (постоянные, периодические или разовые связи) между субъектами данных отношений, объектом которых является создание, изменение или прекращение действия формальных норм и правил (институтов), а также их реализация (применение) в экономической сфере управомоченными (уполномоченными) субъектами посредством институционального механизма с целью воздействия на экономическое поведение обязанных субъектов (исполнители (адресаты) предписаний, адаптанты к нормам и правилам).

На Рисунке 1 схематически изображена система институциональных отношений между тремя субъектами институциональных отношений: 1) субъекты, создающие формальные институты, осуществляющие процесс «нормирования», т.е. выработку устойчивых стандартов и правил регулирования деятельности человека [6, с. 52]; 2) субъекты, применяющие и реализующие нормы и правила; первые и вторые субъекты образуют т.н. «управляющую систему» в институциональных отношениях; 3) субъекты – исполнители норм и правил (адресаты (адаптанты) нормативных положений формальных институтов, т.е. «управляемая система» в институциональных отношениях).

Отметим, что сплошными стрелками на схеме обозначено функционирование институционального механизма, пунктирные стрелки – также один из элементов институционального механизма, представляющий собой инициативы (запросы) соответствующих субъектов институциональных отношений на принятие, изменение

или прекращение действия институтов (формальных норм и правил).

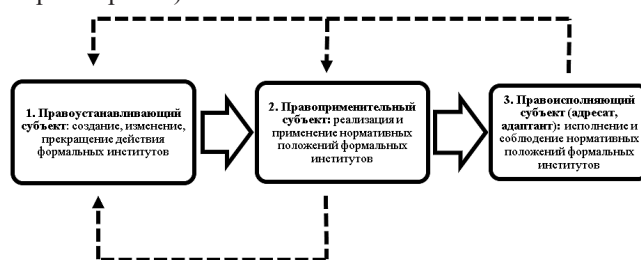


Рисунок 1 – Схема институциональных отношений
 (составлено автором)

Современная наука определяет институциональный механизм: а) как систему преобразований и взаимодействий хозяйственных субъектов в направлении их упорядочения на основе общепринятых норм и правил хозяйственной организации и в соответствии с требованиями неформально функционирующих либо формально установленных обществом институтов [5, с. 12]; либо б) как последовательность действий экономических агентов, обеспечивающую их эффективное взаимодействие посредством выполнения формальных и неформальных норм с целью достижения экономического результата [7, с. 160].

С точки зрения автора, институциональный механизм в экономической сфере – это используемая (применяемая) уполномоченными субъектами совокупность / система сложившихся методов, инструментов, практик, способов принятия, введения в действие, применения (реализации), изменения и отмены действия норм и правил, регламентирующих (регулирующих) экономические отношения между хозяйствующими субъектами. В самом общем виде данный механизм состоит из двух взаимосвязанных и взаимодополняемых частей: 1) институциональный механизм действия формальных норм и 2) институциональный механизм действия неформальных норм.

Дополнительно укажем, что институциональный механизм совместно с экономическим механизмом образуют хозяйственный механизм, в целом представляющий собой взаимодействие экономических агентов в экономической сфере [8, с. 17]. С другой точки зрения институциональный механизм, наряду с институциональными субъектами, институциональными объектами и институциональной средой является основной подсистемой (одним из основных составных элементов) институциональной структуры социально-экономической системы [5, с. 11].

В целях определения и исследования факторов, способствующих ограниченному влиянию институтов на регулируемые общественные, прежде всего экономические отношения, отметим, что проявляется данное влияние в неполном (ненадлежащем) выполнении институтами двух основных функций.

Первая – функция снижения неопределенности в отношениях между экономическими агентами, в том числе путем создания условий предсказуемости, порядка, планирования, исключения возможности неправомерных процедур экономического поведения субъектами и сокращения для них возможных альтернатив реализации прав и исполнения обязанностей.

Вторая – снижение издержек взаимодействия между экономическими агентами, которая реализуется в том числе при выполнении первой функции (снижение неопределенности уменьшает издержки агентов на ее преодоление).

Соответственно, ограниченные эффекты институтов могут проявляться в том, что их функционирование не влечет снижения неопределенности и издержек взаимодействия, либо, в самом негативном варианте, влечет рост неопределенности в экономической сфере и увеличение из-

дереж взаимодействия между экономическими агентами.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По мнению автора, факторами, препятствующими достижению целей результативности (эффективности) институтов, а применительно к настоящему исследованию, формальных норм и правил, являются:

1) человеческий фактор. Во многих исследованиях субъекты институциональных отношений, как управомоченные (уполномоченные на основе правил), так и правоисполняющие (правособлюдающие), представляются только как институты – организации. При этом не учитывается, что основная масса субъектов, экономические отношения которых регулируются (регламентируются) формальными нормами и правилами, являются частными лицами (гражданами) и домохозяйствами, не являющимися юридическими лицами и характеризующимися как социальная и экономическая система [9, с. 168]. Хозяйственные компании (фирмы, предприятия и т.д.), иные юридические лица, а также органы власти также представляют собой некоторую совокупность физических (частных) лиц, системно образованных и функционирующих на основании формальных (в большей степени) и неформальных (в меньшей степени) норм и правил. Также необходимо учитывать, что управомоченные субъекты институциональных отношений могут быть представлены физическим лицом – гражданином, наделенным властными полномочиями и действующим на основании формальных норм (правил). Это представители высшей государственной власти (Президент РФ, Председатель Правительства РФ, министры и т.д.) и представители органов власти субъектов РФ и муниципалитетов (руководители регионов, губернаторы, главы муниципалитетов и т.д.), утверждающие нормативные акты единолично с учетом функционирования у них административных аппаратов помощников и консультантов.

Соответственно, на всех уровнях институциональных отношений человеческий фактор играет существенную роль по причине несовершенства человека, возможности принятия им ошибочных и непродуманных решений, неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в силу некомпетентности, отсутствия квалификации и необходимого уровня знаний, либо в силу низкой ответственности, привычек и менталитета.

Данный недостаток также присущ и коллективным субъектам институциональных отношений (организациям, юридическим лицам), где система коллективного принятия решений не всегда компенсирует их недостатки, а бюрократические или коррупционные элементы зачастую нивелирует положительное воздействие формальных норм (институтов) на регулируемые экономические отношения.

К примеру, О. С. Сухарев применительно к эффективности базовых институтов – частная собственность, государственная собственность, и базовых факторов – земли и полезных ископаемых (ресурсов), указывает, что эффективность данных институтов, а, соответственно, и эффективность основанных на них институциональных механизмов определяется национально-организационной культурой и ментальностью, а также привычкой использовать каким-то образом эти институты в повседневной хозяйственной деятельности [10, с. 99].

2) фактор времени. В оценки данного фактора отметим, что с момента возникновения необходимости изменения институтов, регламентирующих экономическое поведение хозяйствующих субъектов, выражения правоисполняющими (правособлюдающими) субъектами институциональных отношений инициативы в адрес правоприменяющих субъектов об принятии, изменении либо прекращении действия институтов до принятия последними соответствующих действий и реализации нормативных положений правореализующими субъектами может пройти достаточно много времени. И тогда новый (измененный) институт применяется к эко-

номическим отношения, которые уже за указанный ранее период изменились настолько, что требуется новое изменение института либо в данный период экономика в силу отсутствия надлежащего институционального регулирования понесла существенные, зачастую невозмещаемые потери (убытки).

При этом необходимо учитывать, что необоснованное ускорение времени принятия (создания) института и внедрения его в экономические отношения может иметь обратный результат от ожидаемого: спешка в институциональных отношениях может привести к созданию дефектного института в связи с недостаточной его проработкой на стадии создания.

3) наличие пробелов, дефектов и содержательных недостатков в самих институтах. Наличие установленной нормами (законодательством) процедуры создания институтов не всегда минимизирует вероятность наличия дефекта (дефектов) в формальных нормах и правилах. Так, сложившаяся система принятия и вступления в силу федеральных законов (принятие Государственной Думой РФ, одобрение Советом Федерации РФ, подписание Президентом РФ и официальная публикация) не всегда исключает риск создания нормативного акта (закона) без наличия в нем какого-либо дефекта. К примеру, т.н. «Закон Яровой», который обязал операторов связи инвестировать миллиарды рублей в IT-инфраструктуру, но постоянно откладывается в практической реализации.

4) дефекты в самих институциональных механизмах принятия, введения в действие, применения (реализации), изменения и отмены действия норм и правил, регламентирующих (регулирующих) экономические отношения между хозяйствующими субъектами. Данный недостаток зачастую проявляется в низкой эффективности применяемых уполномоченными субъектами институциональных отношений методов, инструментов, практик, а также напрямую связано с указанным ранее «человеческим фактором».

5) фактор информационной асимметрии. В данном случае речь идет о низком уровне осведомленности граждан, исполняющих / соблюдающих нормативные установления институтов о новых (измененных, отмененных) нормах и правилах. Вопросы изменений в законодательство либо иные нормативные акты в большей степени интересуют профессионалов (юристы, работники правоохранительных органов, органов власти и т.д.) либо работников хозяйственных образований, чью сферу деятельности регламентируют соответствующие институты. Указанные лица широко используют соответствующие издания, источники в сети Интернет либо компьютерные специализированные программы. Однако частным лицам (гражданам) информация о нормативных актах зачастую недоступна, также она слабо освещается в современных СМИ.

6) социальные, исторические, демографические (возрастные) факторы, особенности социальной среды обязанных субъектов институциональных отношений (адресаты воздействия институтов). А. Грейф в исследовании институтов и их роли в экономике прямо указывает, что институциональные элементы, унаследованные из прошлого, будут оказывать влияние на последующие институты, и подчеркивает необходимость использования для изучения институтов контекстуальной, исторической, информации [11, с. 46]. Люди зачастую пытаются интерпретировать нормативные установки институтов (формальных норм) в соответствии со своими сложившимися предпочтениями и устоявшимися взглядами, что является одним из элементов адаптации граждан к институтам (посредством вступления в институциональные отношения), при этом их взгляды не всегда соответствуют той цели, которую имеет ввиду государство при реализации (применении) того или иного института. Также представляется, что данные факторы в то числе включают сформированные взгляды, жизненные установки под влиянием лидеров мнения (например, поли-

тики, руководители организаций, где граждане работают, известные блогеры и т.д.), членов семьи и людей из ближайшего социального окружения. Указанные факторы, препятствующие эффективному функционированию институтов, воздействуют на граждан в течение 3 (трех) связанных основных стадий: а) когда гражданин получает информацию о новом институте; б) индивид принимает институт (его нормативные положения) и адаптируется к новым нормам или не принимает новый институт, действует в противоречии с новыми нормами, т.е. осуществляется процесс дизадаптации; в) гражданин взаимодействует с иными субъектами в рамках экономических отношений с учетом результат адаптации (дизадаптации) к новым институтам. При этом необходимо принимать во внимание, что современный человек является одновременно участником нескольких социальных групп (семья, работа, учеба, друзья, сообщества по интересам, реже – политические партии, ТСЖ и т.д.) и каждая социальная группа формирует собственные устои, представления, традиции и неформальные правила. И участник этих групп находится в состоянии конфликта интересов данных сообществ, что может препятствовать процессу эффективной адаптации индивида к новым институтам (формальным правилам).

Подчеркнем, что по мнению О. С. Сухарева адаптация, в том числе адаптация населения (домашних хозяйств), к условиям экономической среды предполагает различные реакции агентов на вводимые ими институты, например: – отторжение правила (включая саботаж исполнения); – исполнение правила (включая силовое принуждение); – частичное исполнение правила; – имитация исполнения (как модель оппортунизма, создающего видимость исполнения правила перед вышестоящим звеном управления, принимающем решения) [12, с. 75].

7) наличие коллизий между формальными нормами (институтами) и неформальными нормами (институциями) в сфере регулирования экономического поведения граждан, возникающие, как правило, в связи несопадением интересов государства, органов власти и частных лиц (включающих в том числе предпринимателей и собственников, руководителей коммерческих организаций).

ОБСУЖДЕНИЕ

Применительно к экономическому поведению агентов (граждан или хозяйствующих субъектов), которое представляет собой сложное и непрерывное взаимодействие процессов мотивации и стимулирования, функционирование институционального механизма (механизмов) должно быть направлено на достижение оптимального баланса между формальными и неформальными нормами и правилами. Достижение данного равновесия в том числе достигается путем: 1) мотивации уполномоченными институциональными субъектами экономического поведения граждан, т.е. понимания и умения воспринимать внутренние мотивационные установки субъектов и объектов и побуждению их к сознательному выбору действий по удовлетворению потребностей, интересов, целей, ожидаемых результатов развития; 2) стимулирования уполномоченными институциональными субъектами надлежащего поведения частных экономических агентов, т.е. умения создавать такие внешние условия для субъектов и объектов, которые вынуждают или побуждают их действовать в установленном, заданном режиме для достижения поставленных целей [6, с. 67].

В качестве предмета обсуждения автором сформулированы основные положения теории ограниченных эффектов институтов:

- огромная роль институтов (формальных норм и правил) в обществе, а также институциональных механизмов воплощения (применения) данных норм в экономические отношения;

- дефекты в институтах и институциональных механизмах, иные факторы (человеческий, временной и т.д.) могут вызвать частичную дисфункциональность институтов, что влечет разрушение существующего порядка

или обострение отдельных проблем в экономике страны; - институты нацелены на сохранение или изменение (в период кризисов) социальной и экономической системы страны.

Автором обосновывается необходимость приоритетного учета факторов, снижающих эффективность функционирования институтов и институциональных механизмов, при формировании методик или моделей оценки эффективности достижения целей институционального регулирования экономических отношений. Другими словами, автор считает, что как таковая оценка результативности (эффективности) институтов или институциональных механизмов должна формировать на основе оценки факторов неэффективности институтов и создания моделей / методик снижения (минимизации) воздействия факторов неэффективности на функционирование институционального механизма.

ВЫВОДЫ

Представляется, что для достижения поставленных государством целей повышения результативности институтов должны приниматься меры по снижению негативного воздействия указанных в настоящей работе факторов, ограничивающих эффективность функционирования формальных норм и правил. Исходя из постулатов экономической теории об ограниченности ресурсов, эффективность институтов (институциональных отношений) и результативность действия институциональных механизмов в том числе должна определяться соотношением используемых для функционирования институтов и институциональных механизмов ресурсов и уровнем (степенью) достижения целей институционального регулирования экономической сферы, сформулированных при введении в действие соответствующего института. При этом должна учитываться возможность альтернативного применения тех или иных ресурсов, если выбранный способ (метод) институционального регулирования экономических отношений не эффективен и не способствует достижению поставленных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Войтов, А. Г. Эффективность труда и хозяйственной деятельности. Методология измерения и оценки: монография / А. Г. Войтов. — 2-е изд., стер. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2020. — 230 с. — ISBN 978-5-394-03536-4. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1093005> (дата обращения: 23.07.2023). — Режим доступа: по подписке.
2. Шеломенцев, А. Г. Методический подход к оценке эффективности институционального механизма социального экономического саморазвития молодого государства / А. Г. Шеломенцев, К. С. Гончарова // Московский экономический журнал. — 2022. — Т. 7. — № 1. — DOI 10.55186/2413046X_2022_7_1_48. — EDN QGFBBL.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин - пред. совета и др. — Москва: Мысль, 2010. — 27 см. Т. 2: Е - М. Т. 2. — 2010. — 634, [2] с.: ил.; ISBN 978-5-244-01117-3.
4. Шапкин, И. Н. Экономическая история: взгляд из XXI в. Институциональные аспекты теории и практики хоз. жизни: монография / И.Н. Шапкин; под ред. Н.Е. Воскресенской. — Москва: Вузевский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2017. — 288с. — (Научная книга). — ISBN 978-5-9558-0418-7. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/757892> (дата обращения: 09.08.2023). — Режим доступа: по подписке.
5. Инструменты оценки и обеспечения устойчивого развития отраслей российской экономики: монография / О.В. Кожевина, Б.С. Батаева, Ю.С. Богачев [и др.]; под ред. О.В. Кожевниковой. — Москва: ИНФРА-М, 2018. — 174 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; Режим доступа: <https://new.znanium.com/>]. — (Научная мысль). — www.dx.doi.org/10.12737/monography_59b672f7ddb609.66393241. — ISBN 978-5-16-013073-6. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/910755> (дата обращения: 09.08.2023). — Режим доступа: по подписке.
6. Захаров, Н. И. Поведенческая экономика, или Почему в России хитом как лучше, а получается как всегда: монография / Н.И. Захаров. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 213 с. — (Научная мысль). — DOI 10.12737/23038. — ISBN 978-5-16-012579-4. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1775391> (дата обращения: 18.08.2023). — Режим доступа: по подписке.
7. Веретенникова, А. Ю. Концепция институционального механизма в экономической теории / А. Ю. Веретенникова, Ж. К. Омонов // Журнал экономической теории. — 2017. — № 2. — С. 156-162. — EDN ZDMVOJ.
8. Буянова, М. Э. Модель институционального механизма

стимулирования инновационной деятельности региона: процессный подход / М. Э. Буянова, И. С. Аверина, Ю. Г. Попова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2018. – Т. 20. – № 4. – С. 15-24. – DOI 10.15688/jvolsu3.2018.4.2. – EDN YTHNQT.

9. Управление в социально-экономических системах бесприбыльного сектора: монография / под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, С. Д. Резника. — 2-е изд., перераб. — Москва : ИНФРА-М, 2019. - 234 с. — (Научная мысль). - ISBN 978-5-16-009386-4. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1013440> (дата обращения: 22.08.2023). – Режим доступа: по подписке.

10. Сухарев, О. С. Эволюционная экономика: институты - структура, кризисы - рост, технологии - эффективность / О. С. Сухарев. – Москва : Финансы и статистика, 2021. – 800 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=220239> (дата обращения: 09.08.2023). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-00184-009-1. – Текст : электронный.

11. Грейф, А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли=INSTITUTIONS and the PATH to the MODERN ECONOMY. Lessons from Medieval Trade / А. Грейф ; вступ. ст. М. Юдкевич ; пер. с англ. И. Кушнарева. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 533 с. : ил. – (Экономическая теория). – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=445559> (дата обращения: 24.08.2023). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-7598-0813-8. – Текст : электронный.

12. Сухарев, О. С. Информация и институциональный выбор в моделях агентских взаимодействий / О. С. Сухарев // Журнал экономической теории. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 69-86. – DOI 10.31063/2073-6517/2021.18-1.5. – EDN ZPJNJJF.

Received date: 27.08.2023
Approved date: 10.09.2023
Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.1

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_20



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ВЛИЯНИЕ УСИЛЕНИЯ ИНФЛЯЦИИ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ

© Автор(ы) 2023

СВЯТОВА Ольга Викторовна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики и права
Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова
305070, Россия, Курск, olga_svyatova@mail.ru

AuthorID: 431500

SPIN: 6840-4374

ORCID: 0003-0003-3468-1396

ЗЮКИН Данил Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского
учета и финансов

Курский государственный аграрный университет
305070, Россия, Курск, nightingale46@rambler.ru

AuthorID: 814302

SPIN: 4426-3294

ORCID: 0009-0009-7902-8682

ЖИЛИНKOVA Ксения Борисовна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры
экономической теории, регионалистики и правового регулирования
Курская академия государственной и муниципальной службы
305044, Россия, Курск, fantasy_sky__@mail.ru

AuthorID: 848600

SPIN: 2843-2820

КАЛУЖСКИХ Александр Геннадьевич, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры
товароведения, технологии и экспертизы товаров
Юго-Западный государственный университет
305033, Россия, Курск

AuthorID: 680197

SPIN: 2282-5624

Аннотация. Кризисные явления последних лет как в мировой экономике в целом, так и в России в частности, способствовали усилению инфляции. Несмотря на то, что к 2018 году удалось преодолеть негативные последствия изменившейся внешнеполитической ситуации, начавшаяся в 2020 году пандемия стала очередным катализатором динамичного роста цен, особенно в потребительском сегменте. Изменение внешнеполитической обстановки в 2022 году привело к беспрецедентному санкционному давлению на страну, что стало причиной высоких темпов роста цен. В ходе исследования проведен анализ влияния инфляции на экономику России, выявлены сложившиеся тенденции и их социально-экономические последствия. Установлено, что период 2018 – 2022 гг. для экономики России характеризуется усилением инфляционных процессов, особенно в период после начала пандемии и начала СВО, когда курс рубля существенно упал по отношению к доллару и евро, что требовало незамедлительной реакции со стороны финансового регулятора. В результате, только за 2022 году уровень инфляции в стране составил практически 12 %, цены на потребительском рынке выросли почти на 14 %, а тарифы на грузоперевозки – почти на 15 %. Отсутствие динамичного роста реальных доходов населения, а также минимальная индексация пособий и пенсий, а также МРОТ и прожиточного минимума, дают основания полагать, что общий уровень жизни населения за последние 2 года снизился ощутимо, способствуя росту бедности, несмотря на то, что официальный уровень бедности остается на невысоком уровне.

Ключевые слова: макроэкономика, экономический рост, инфляция, кризис, уровень цен, ключевая ставка.

THE IMPACT OF INCREASED INFLATION ON THE RUSSIAN ECONOMY

© The Author(s) 2023

SVYATOVA Olga Viktorovna, the doctor of science of economy, head of the department of economics and law
Kursk state agrarian university named after I.I. Ivanova
305070, Russia, Kursk, olga_svyatova@mail.ru

ZYUKIN Danil Alekseevich, the candidate of science of economy, associate professor of the department of
accounting and finance
Kursk state agrarian university

305070, Russia, Kursk, nightingale46@rambler.ru

ZHILENKOVA Ksenia Borisovna, the candidate of science of economy, senior lecturer of the department of
economic theory, regionalism and legal regulation
Kursk academy of state and municipal service
305044, Russia, Kursk, fantasy_sky__@mail.ru

KALUZHSKIKH Aleksander Gennadievich, candidate of agricultural sciences, associate professor of the
department of commodity science, technology and examination of goods
Southwestern state university
305033, Russia, Kursk

Abstract. The crisis phenomena of recent years, both in the global economy as a whole and in Russia in particular, have contributed to an increase in inflation. Despite the fact that by 2018 it was possible to overcome the negative consequences of the changed foreign policy situation, the pandemic that began in 2020 became another catalyst for dynamic price growth, especially in the consumer segment. The change in the foreign policy situation in 2022 led to unprecedented sanctions pressure on the country, which caused high rates of price increases. The study analyzes the impact of inflation on the Russian economy, identifies the current trends and their socio-economic consequences. It has been established that the period 2018-2022 for the Russian economy is characterized by an increase in inflationary processes, especially in the period after the outbreak of the pandemic and the beginning of its, when the ruble exchange rate fell significantly against the dollar and euro, which required an immediate response from the financial regulator. As a result, in 2022 alone, the inflation rate in the country amounted to almost 12 %, prices on the consumer market increased by almost 14 %, and freight tariffs – by almost 15 %. The lack of dynamic growth in real incomes of the population, as well as the minimum indexation of benefits and pensions,

as well as the minimum wage and the subsistence minimum, give reason to believe that the general standard of living of the population has decreased significantly over the past 2 years, contributing to the growth of poverty despite the fact that the official poverty level remains at a low level.

Keywords: macroeconomics, economic growth, inflation, crisis, price level, key rate.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В условиях кризиса одним из негативных следствий ухудшения экономической ситуации становится инфляционный рост цен, что приводит к снижению реальных доходов населения и росту бедности, формируя важную социально-экономическую проблему [1; 2]. В таких условиях ключевым направлением денежно-кредитной политики государства и Центрального Банка является сдерживание роста цен и обеспечение стабильности национальной валюты, однако негативное влияние внешних факторов зачастую приводит к практически неконтролируемому ухудшению ситуации [3; 4].

Кризисные явления последних лет как в мировой экономике в целом, так и в России в частности, способствовали усилению инфляции. Первым этапом инфляционного роста цен в стране за последние десятилетия стал ввод антироссийских санкций в 2014 году, в результате чего годовой уровень инфляции вырос до 15 % [5]. Несмотря на то, что к 2018 году удалось преодолеть негативные последствия изменившейся внешнеполитической ситуации, начавшаяся в 2020 году пандемия стала очередным катализатором динамичного роста цен, особенно в потребительском сегменте. К 2022 году удалось стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране, однако изменение внешнеполитической обстановки привело к беспрецедентному санкционному давлению [6; 7]. Это способствовало возникновению очередной волны инфляции, в результате чего проблема обеспечения экономической стабильности приобретает все большую значимость.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Как отмечают исследователи [8–10], обеспечение экономической стабильности в условиях сохранения кризиса в наибольшей степени зависит от проводимой денежно-кредитной политики, целесообразности применения тех или иных инструментов и скорости реагирования. Для России последние несколько лет не являются экономически стабильными, поэтому проводимая Центральным Банком политика играет важную роль, становясь отправной точкой для реализации других экономических механизмов. Основной мерой регулирования темпов инфляции, как и прежде, является повышение ключевой ставки в периоды высокой инфляции и ее дальнейшее снижение в соответствии с улучшением оперативной обстановки [11]. Несмотря на положительное влияние повышенной ключевой ставки на курс национальной валюты, такие решения имеют ряд негативных последствий, связанных, в первую очередь, со снижением покупательской способности населения, удорожанием кредитов, что приводит к замедлению экономики и производства в целом [12; 13].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Исследовать влияние инфляции на экономику России, выявить сложившиеся тенденции и их социально-экономические последствия.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

В работе использовались статистические данные, характеризующие инфляцию и уровень цен в экономике России в период 2018 – 2022 гг. [14]. На первом этапе исследования проведено сопоставление годового уровня инфляции с вариацией ставки рефинансирования ЦБ по годам; рассмотрена динамика индексов потреби-

тельских цен, а также цен производителей промышленной продукции и сельскохозяйственного сырья, тарифов на грузовые перевозки. На втором этапе исследования рассмотрено изменение индексов потребительских цен на отдельные виды продовольственных и непродовольственных товаров, выявлены сложившиеся тенденции. Выбор 2018 года в качестве базисного связан с тем, что он отражает экономическую ситуацию до усиления кризиса в экономике, поэтому оценка рядов данных в период 2018 – 2022 гг. позволяет оценить произошедшие за 5 лет изменения. В рамках исследования проводится сравнение по периодам: 2018 – 2020 гг. – отражает влияние пандемии на экономическую ситуацию, 2020 – 2022 гг. – отражает обстановку в период выхода из пандемии и усиления кризиса на фоне политических изменений. Исследование проводилось с использованием целого ряда методов и подходов, в том числе: интеллектуальный анализ данных, общенаучные и экономико-статистические инструменты анализа [15; 16].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Ключевая ставка является одним из основных инструментов денежно-кредитной политики, отражающей, в том числе, и темпы инфляции в экономике страны. В 2018 году среднегодовой уровень инфляции составлял 4,27 %, а ключевая ставка варьировала в пределах 7,25–7,75 %. В 2019 году отмечено снижение уровня инфляции до 3,05 %, а ключевой ставки – до 6,25–7,5 %, что свидетельствует об относительной стабильности экономической ситуации в стране. В 2020 году отмечено усиление годовой инфляции до 4,91 %, при этом сниженная прежде до 4,25 % ключевая ставка была повышена до 6 %. В 2021 году на фоне усиления экономического кризиса отмечен рост годовой инфляции до 8,39 %, что практически вдвое превышает уровень предыдущих лет. Ключевая ставка ЦБ РФ в данный период варьировала в пределах 4,5–8,5 % и соответствовала оперативной обстановке. В 2022 году изменение внешнеполитической ситуации привело к существенному снижению курса рубля и росту инфляции в экономике. В результате, среднегодовая инфляция выросла до 11,92 %, при этом ключевая ставка в течение 2022 года варьировала в пределах 7,5–20 %. В феврале 2022 года ЦБ РФ поднял ключевую ставку до 20 %, чтобы сдержать рост инфляции в экономике на фоне усиления санкций, однако постепенная ставка рефинансирования была снижена (рисунок 1).

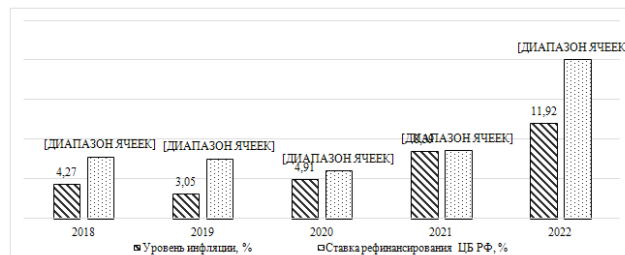


Рисунок 1 – Сравнение динамики годового уровня инфляции и ключевой ставки ЦБ в России в 2018 – 2022 гг.

В 2018 – 2020 годах индекс потребительских цен в России составлял 102,9–103,4 % и был относительно стабильным, а в 2021 году произошел резкий рост цен до 108,4 % относительно уровня предыдущего года. В 2022 году отмечено увеличение темпов роста потребительских цен до 113,8 %. В свою очередь, индексы роста цен производителей промышленных товаров только в 2018 и 2021 годах превышали средний уровень

роста потребительских цен в экономике. Отдельно необходимо выделить 2021 год, когда цены производителей промышленной продукции выросли на 28,5 %, при этом в 2018 – 2020 гг. индексы не превышали 100 %. Цены производителей сельскохозяйственной продукции в 2018 – 2020 гг. также не росли существенно, а в 2021 году прирост составил 13,6%. В 2022 году отмечено снижение индекса роста цен производителей сельскохозяйственной продукции до 105,4 %. Тарифы на грузовые перевозки сохраняют устойчивую динамику к росту в рассматриваемом периоде: в 2018 – 2020 гг. прирост цен не превышал 2 %, в 2021 году вырос до 4,8 %, а в 2022 году – до 14,7 % (рисунок 2).

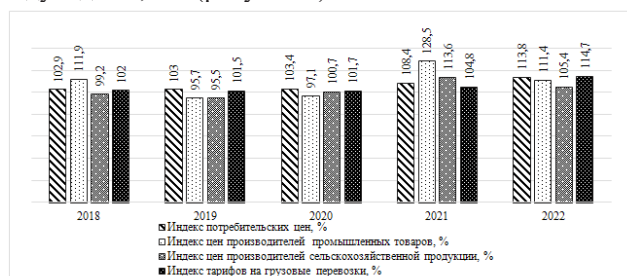


Рисунок 2 – Динамика индексов потребительских цен, цен производителей промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции, тарифов на грузовые перевозки в России в 2018 – 2022 гг.

В результате, можно отметить общую динамику к усилению темпов роста цен в экономике, особенно в последние 2 года на фоне снижения курса рубля. Одной из наиболее значимых социально-экономических проблем в условиях снижения уровня жизни населения является динамичный рост цен на продукты питания. В среднем цены на продукты питания в 2018 – 2020 гг. росли в пределах 3 %, в 2020 году темп прироста составил 4,1 %. В 2021 – 2022 гг. отмечено существенное ускорение темпов роста цен на продукты питания: только за 2021 год цены выросли на 11,8 %, а за 2022 год – еще на 15,8 %. В разрезе основных видов продовольственных товаров в 2018 – 2020 гг. в наибольшей степени выросли цены на крупу и бобовые, масло подсолнечное. Отрицательная динамика, связанная со снижением темпов роста цен, отмечена для мяса и птицы. В 2018 году наибольшее значение индексов потребительских цен наблюдалось для рыбы и морепродуктов, а также для масла сливочного. В 2020 году наиболее высокие темпы роста цен сформировались на такие виды продуктов, как крупа и бобовые, макаронные изделия, а единственным направлением со снижением цен стал сахар-песок. В 2022 году отмечено усиление темпов роста цен на все рассматриваемые виды продуктов питания. Относительно уровня 2020 года в наибольшей степени выросли цены сахар-песок, макаронные изделия и масло сливочное. В свою очередь, наименьшие темпы роста цен в 2022 году по сравнению с уровнем 2020 года наблюдаются для яиц куриных, крупы и бобовых. В отчетном периоде наибольшее значение индекса потребительских цен отмечено для сахара-песка, крупы и бобовых – более 125 % (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика индексов потребительских цен на основные виды продовольственных товаров в России в 2018 – 2022 гг.

Показатель	Значение, %					Изменение, %	
	2018	2019	2020	2021	2022	В 2020 году относительно 2018 года	В 2022 году относительно 2020 года
Продукты питания, в т.ч.:	101,7	102,8	104,1	111,8	115,8	2,4	11,7
сахар-песок	94,6	69,2	99,7	112,3	139,4	5,1	39,7
крупы и бобовые	91,2	115,2	120,6	116,1	125,3	29,4	4,7
макаронные изделия	98,8	105,7	108,4	115	122,9	9,6	14,5
масло сливочное	103,6	110	107,2	112,3	121,5	3,6	14,3
молоко и молочная продукция	102,9	106,1	104,9	109,8	118,7	2	13,8
хлеб и хлебобулочные изделия	102,9	106,3	105,4	110,3	115,8	2,5	10,4
рыба и морепродукты пищевые	104	105,2	104,1	110,7	115,6	0,1	11,5
масло подсолнечное	97,2	97,1	106,1	108,7	112,3	8,9	6,2
мясо и птица	101,7	100,2	100,6	117,5	111,4	-1,1	10,8
плодоовощная продукция	100,2	98	105,5	114	110,8	5,3	5,3
яйца куриные	102,7	95	102,4	116	102,6	-0,3	0,2

Оценка индексов потребительских цен на основные виды непродовольственных товаров показала, что в 2020 году по сравнению с уровнем 2018 года по ряду направлений темпы роста цен снизились, в наибольшей степени на бензин и телерадиотовары. Среди направлений с устойчивой динамикой к росту цен необходимо выделить медикаменты, моющие и чистящие средства. В 2020 году наибольшее значение индексов потребительских цен на непродовольственные товары: отмечено на табачные изделия (111 %) и медикаменты (106,9 %).

В 2020 – 2022 гг. на непродовольственные товары, также как и на продовольственные, произошло ускорение темпов роста цен. В 2022 году наиболее высокие индексы потребительских цен отмечены для моющих и чистящих средств и электротоваров, где только за последний год цены выросли более чем на 20 %. Также среди рассматриваемых непродовольственных товаров в 2022 году по сравнению с уровнем 2020 года в наибольшей степени выросли цены на телерадиотовары и строительные материалы (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика индексов потребительских цен на основные виды непродовольственных товаров в России в 2018 – 2022 гг.

Показатель	Значение, %					Изменение, %	
	2018	2019	2020	2021	2022	В 2020 году относительно 2018 года	В 2022 году относительно 2020 года
Моющие и чистящие средства	101,3	105,1	104,9	107,4	127,4	3,6	22,5
Электротовары и другие бытовые приборы	101,6	103	100,4	104,3	120,1	-1,2	19,7
Строительные материалы	104,2	102,8	102,7	123,8	113,9	-1,5	11,2
Табачные изделия	109,7	109,9	111	116,4	111,7	1,3	0,7
Телерадиотовары	98,6	96,6	94,3	112,7	110,6	-4,3	16,3
Медикаменты	99,9	108,6	106,9	104,6	110,2	7	3,3
Ткани	102,3	101,4	101,3	102,7	110,1	-1	8,8
Трикотажные изделия	102,7	101,9	102,4	104,2	109,5	-0,3	7,1
Одежда и белье	102,5	101,7	102,2	103,4	108	-0,3	5,8
Обувь	102,8	101	101,2	102,6	107,1	-1,6	5,9
Бензин автомобильный	109,6	102	101,9	108,8	104,5	-7,7	2,6

Оценка динамики средних потребительских цен на отдельные виды продовольственных и непродовольственных товаров показала, что динамичный рост цен является устойчивой тенденцией. Среди продовольственных товаров в 2018 – 2020 гг. в наибольшей степени выросли цены на масло подсолнечное и картофель – более чем на 20 %, также более чем на 15 % выросли цены на масло сливочное и хлеб и булочные изделия из пшеничной муки. Единственным направлением со снижением средних цен в данный период стала свинина, что связано с ростом ее предложения на потребительском рынке. В 2020 – 2022 гг. произошло ускорение темпов роста цен на фоне роста инфляции в экономике, в результате чего более чем на 25 % выросли средние цены на говядину, масло сливочное, сахар-песок и молоко. В результате, в 2022 году цена 1 кг говядины достигла 484,2 руб., 1 кг сливочного масла – 835,8 руб., сахара-песка – 64 руб., а цена за литр молока выросла до 73,4 руб. Среди направлений с наименьшим приростом цен за последние 3 года стоит выделить хлеб и булочные изделия из пшеничной муки, а также масло подсолнечное (таблица 3).

Таблица 3 – Динамика средних потребительских цен на отдельные виды продовольственных и непродовольственных товаров в России в 2018 – 2022 гг.

Показатель	Значение, руб.					Изменение, %	
	2018	2019	2020	2021	2022	В 2020 г. к 2018 г.	В 2022 г. к 2020 г.
Продовольственные товары							
Говядина	330,6	330,1	361,0	416,5	484,2	9,2	34,1
Свинина	275,3	264,6	269,1	311,8	307,9	-2,2	14,4
Масло сливочное	553,0	613,4	638,7	719,2	835,8	15,5	30,9
Масло подсолнечное, за л	101,5	98,6	124,9	136,3	132,9	23,1	6,4
Молоко пастеризованное 2,5-3,2% (н)	54,0	57,7	59,3	64,9	73,4	9,8	23,7
Сахар-песок	46,2	31,6	50,2	55,8	64,0	8,7	27,5
Хлеб и булочные изделия из пшеничной муки	73,0	77,4	84,1	92,7	85,2	15,3	1,3
Картофель	23,8	21,4	29,2	46,6	31,9	22,3	9,5
Непродовольственные товары							
Мыло туалетное, за 100 г	32,73	34,78	37,54	41,37	59,04	14,7	57,3
Шампунь, за 250 мл	136,6	144,0	148,2	159,7	212,3	8,5	45,3
Сигареты с фильтром, за пачку	88,7	98,3	107,5	127,7	164,8	21,2	53,3
Телевизор	22958,9	22134,5	27357,9	31879,4	32017,4	19,2	17,0
Кирпич красный, за 1000 шт.	12607,7	13859,3	14432,9	18701,5	21228,1	14,5	47,1
Бензин автомобильный марки АИ-92, за л	41,6	42,3	43,3	47,1	47,2	2,4	9,0
Корвалол, за 25 мл	19,03	21,61	24,62	29,78	37,52	29,4	52,4

Среди отдельных видов непродовольственных то-

варов в 2018 – 2020 гг. в наибольшей степени выросли цены на корвалол, сигареты и телевизоры – более чем на 19 %, а в наименьшей степени – на бензин и шампунь. В последние 3 года динамика к росту цен на непродовольственные товары усилилась, в результате чего более чем на 50 % выросли цены на мыло туалетное, сигареты и корвалол. Также более чем на 40 % прирост цен к 2022 году отмечен для кирпича строительного и шампуня, а наиболее устойчивым направлением является бензин марки АИ-92, цена которого выросла всего лишь на 9 %. За последние 5 лет средняя цена мыла за 100 гр. выросла с 33 до 59 рублей, цена литра бензина марки АИ-92 выросла с 41,6 до 47,2 руб. В результате, можно говорить о том, что в период 2020 – 2022 гг. на фоне усиления темпов инфляции в экономике, падения курса рубля и роста затрат на производство средние цены на продовольственные и непродовольственные товары выросли существенно, что становится одной из значимых социально-экономических проблем.

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

О влиянии усиления инфляции на экономику России пишут многие авторы [17; 18], указывая на то, что последние годы, сопряженные с чередом кризисных явлений, способствовали существенному росту в экономике как на потребительском рынке, так и на грузоперевозки, а также продукцию инвестиционного назначения. Несмотря на предпринимаемые Центральным банком меры по денежно-кредитному регулированию, за последние 2 года цены по некоторым направлениям выросли существенно, особенно в продовольственном сегменте, где темпы роста цен превысили среднегодовой уровень инфляции. При этом рост оплаты труда и среднедушевых доходов населения происходит более низкими темпами, что также является следствием кризиса, ограничивающего производственно-экономические отношения. В сложившихся обстоятельствах происходит сокращение покупательной способности денежных доходов и снижение уровня жизни [19; 20].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Период 2018 – 2022 гг. для экономики России характеризуется усилением инфляционных процессов, особенно в период после начала пандемии и начала СВО, когда курс рубля существенно падал по отношению к доллару и евро, что требовало незамедлительной реакции со стороны финансового регулятора. В результате, только за 2022 году уровень инфляции в стране составил практически 12 %, цены на потребительском рынке выросли почти на 14 %, а тарифы на грузоперевозки – почти на 15 %. Оценка динамики темпов роста цен в 2018 – 2020 и 2020 – 2022 гг. по основным направлениям показала, что последние 2 года стали периодом крайне динамичного инфляционного роста цен, а всего за 5 лет цены на отдельные виды товаров выросли более чем на треть. Отсутствие динамичного роста реальных доходов населения, а также минимальная индексация пособий и пенсий, а также МРОТ и прожиточного минимума, дают основания полагать, что общий уровень жизни населения за последние 2 года снизился ощутимо, способствуя росту бедности, несмотря на то, что официальный уровень бедности остается на невысоком уровне.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Сохранение неодионой внешнеполитической ситуации в ближайшей перспективе, сопровождающейся усилением санкционной политики в отношении России, позволяет прогнозировать дальнейший инфляционный рост цен в экономике в период ослабления денежно-кредитного регулирования со стороны ЦБ РФ. В этой связи, обеспечение долгосрочной относительной стабильности цен на внутреннем рынке выходит на первый план, требую всестороннего подхода. Это связано с тем, что в ряде случаев рост цен на услуги, продовольственные и непродовольственные товары внутри страны продиктован не общеэкономическими тенденциями, а спекулятивным поведением со стороны участников рынка, что в очередной раз лишь подстегивает инфляцию в экономике. Поэтому усиление контроля за внутренними ценами со стороны профильных ведомств в соответствии с оперативной обстановкой является важной задачей, направленной на поддержание потребительской активности населения.

довольственные товары внутри страны продиктован не общеэкономическими тенденциями, а спекулятивным поведением со стороны участников рынка, что в очередной раз лишь подстегивает инфляцию в экономике. Поэтому усиление контроля за внутренними ценами со стороны профильных ведомств в соответствии с оперативной обстановкой является важной задачей, направленной на поддержание потребительской активности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гринберг Р.С. Контуры новой экономической политики в условиях глобальных трансформаций // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 133-139.
2. Лев М.Ю., Колтакова И.А. Ценовые факторы в системе экономической и социальной безопасности России // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 2. С. 497-510.
3. Ахматнабиева Д.Д., Гусманов И.У. Особенности денежно-кредитной политики РФ на современном этапе // Вектор экономики. 2019. № 5 (35). С. 108.
4. Русакова О.И., Головань С.А. Оценка эффективности реализации денежно-кредитной политики РФ в кризисный период // Управление учетом. 2021. № 11-3. С. 624-631.
5. Зубайдуллина Д.В., Файзуллина Д.Д. Особенности современного регулирования инфляции в России // Colloquium-Journal. 2019. № 26-9 (50). С. 158-159.
6. Лебедев А.В., Разумовская Е.А. Факторные и финансовые источники устойчивого социально-экономического развития России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 11-1. С. 115-123.
7. Тесленко И.Б., Дигилина О.Б. О макроэкономической ситуации в России и других странах в начале 2022 г // Экономика и предпринимательство. 2022. № 4 (141). С. 116-118.
8. Матвеева М.О. Деятельность Центрального банка России и макроэкономическая ситуация // Format. Экономика. 2019. № 1 (1). С. 27-29.
9. Щёголева Н.Г., Сибирякова Я.В. Влияние пандемии на макроэкономическую неопределенность // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 12. С. 66-84.
10. Тимохина А.В. Денежно-кредитная политика банка России и её оценка // Вестник науки. 2022. Т. 5. № 7 (52). С. 32-35.
11. Артохова П.Е., Карабицина К.Е. Оценка эффективности политики ЦБ в условиях кризиса 2020 и 2014 годах // Студенческий. 2020. № 18-3 (104). С. 63-68.
12. Узольнов Д.В. Ключевая ставка ЦБ РФ как стабилизатор экономики России // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2023. № 2 (48). С. 72-74.
13. Маслова О.Л., Губина О.В., Журавлева А.В. Функции и задачи банка России в реализации государственной денежно-кредитной политики // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 2 (52). С. 151-155.
14. Росстат. Цены, инфляция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения 01.10.2023).
15. Практические аспекты применения регрессионного метода в исследовании социально-экономических процессов: монография / С.А. Беляев, Н.С. Бушина, О.В. Власова, Ал.А. Головин и др. - Курск: «Деловая полиграфия», 2021. 166 с.
16. Методы статистики и возможности их применения в социально-экономических исследованиях: монография / С.А. Беляев, Н.С. Бушина, А.Ю. Быстрицкая, О.В. Власова и др. - Курск: «Деловая полиграфия», 2021. 168 с.
17. Головин Н.А., Азанова И.А., Балабаев В.Д., Гладких К.Д. Роль денежно-кредитной политики ЦБ РФ в экономическом развитии // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69). С. 463-475.
18. Чакаев А.Х. Взаимосвязь индикаторов экономической безопасности страны: страхования и инфляции // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 4. С. 1273-1286.
19. Сергеева Н.М., Скрипкина Е.В., Пасечко В.В., Пьеркова Е.Ю. Сравнительная оценка изменения уровня жизни в стране и цфо в период пандемии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9-3. С. 421-426.
20. Власова О.В., Быстрицкая А.Ю., Скрипкина Е.В. Угрозы снижения уровня благосостояния населения России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 4-1. С. 31-36.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 18.09.2023

Approved date: 02.10.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 316.3

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_21



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

АДАПТИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

© Автор(ы) 2023

СМИЦКИХ Ксения Викторовна, кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и управления

*Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, smitskikh89@mail.ru*

SPIN-код: 4691-6079

AuthorID: 986267

ORCID: 0000-0003-1339-1840

БЕЛОГЛАЗОВА Виктория Александровна, аспирант кафедры экономики и управления

*Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, Beloglazova.va@vvsu.ru*

SPIN-код: 2781-8786

Аннотация. В настоящее время кризисные явления и нестабильность социально-экономического развития привели к тому, что традиционные инструменты государственного управления далеко не всегда оказываются эффективными. В результате возникает необходимость обращения к новым возможностям решения тех или иных проблем, как на глобальном уровне, так и на уровне стран и отдельных регионов, преимущественно за счет раскрытия потенциала социального предпринимательства. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что социальный бизнес является наиболее уязвимым и требует системной и непрерывной работы со стороны органов власти в коллаборации с научным сообществом, по созданию максимально благоприятной экосистемы для его адаптивного развития. Цель исследования заключается в разработке адаптивной модели развития экосистемы социального предпринимательства, способной адекватно и своевременно реагировать на динамично меняющиеся условия внешней среды и создавать институты, способные обеспечивать органы власти соответствующего уровня адекватной информацией о проблемных зонах осуществления предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики на федеральном и на региональном уровнях. Новизна исследования заключается в разработке модели развития экосистемы социального предпринимательства, включающей в себя группы заинтересованных сторон; среду их функционирования и взаимодействия между ними, определяющую степень гармонизации и развития предпринимательских процессов на региональном уровне; инструменты воздействия, а также совокупность методов оценки развития экосистемы социального предпринимательства. По мнению автора, благоприятная экосистема будет способствовать динамичному развитию социального предпринимательства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, экосистема, адаптивная модель, взаимодействие, развитие, социологический опрос, заинтересованные стороны.

ADAPTIVE MODEL OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP ECOSYSTEM DEVELOPMENT

© The Author(s) 2023

SMITSKIKH Ksenia Victorovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management
Vladivostok State University

690014, Russia, Vladivostok, smitskikh89@mail.ru

BELOGLAZOVA Victoria Alexandrovna, post-graduate student of the Department of Economics and Management
Vladivostok State University

690014, Russia, Vladivostok, Beloglazova.va@vvsu.ru

Abstract. Currently, crisis phenomena and instability of socio-economic development have led to the fact that traditional public administration tools are not always effective. As a result, there is a need to turn to new opportunities for solving certain problems, both at the global level and at the level of countries and individual regions, mainly through the disclosure of the potential of social entrepreneurship. The conducted research shows that social business is the most vulnerable and requires systematic and continuous work on the part of the authorities in collaboration with the scientific community to create the most favorable ecosystem for its adaptive development. The purpose of the study is to develop an adaptive model for the development of the ecosystem of social entrepreneurship, capable of adequately and timely responding to dynamically changing environmental conditions and creating institutions capable of providing authorities of the appropriate level with adequate information about problem areas of entrepreneurial activity in the digital economy at the federal and regional levels. The novelty of the research lies in the development of a model for the development of the ecosystem of social entrepreneurship, which includes groups of stakeholders; the environment of their functioning and interaction between them, determining the degree of harmonization and development of entrepreneurial processes at the regional level; impact tools, as well as a set of methods for assessing the development of the ecosystem of social entrepreneurship. According to the author, a favorable ecosystem will contribute to the dynamic development of social entrepreneurship.

Keywords: social entrepreneurship, ecosystem, adaptive model, interaction, development, sociological survey, stakeholders.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В настоящее время кризисные явления и нестабильность социально-экономического развития привели к тому, что традиционные инструменты государственного управления далеко не всегда оказываются действенными. Оперативное и стратегическое принятие решений общественно значимых проблем на региональном и федеральном уровнях может обеспечиваться преимущественно за счет раскрытия потенциала социального

предпринимательства.

Безусловно, социальное предпринимательство является относительно новым явлением для России и обладает рядом особенностей, обусловленных, с одной стороны, спецификой национальной экономикой, с другой – сложившимися общественными отношениями.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Работы зарубежных и отечественных авторов предо-

пределили важную роль социальной ответственности и социальной функции предпринимательской деятельности, что позволило сформулировать сущность нового социально-экономического явления – социального предпринимательства. Можно отметить таких исследователей, как Е. В. Орлова, Ю. М. Беспалова, А. Ф. Векслер, О. В. Карамова, Г. Л. Тульчинский, занимающихся исследованиями количественных и качественных характеристик социального предпринимательства, оценки его эффективности. Авторы посвящают особое внимание изучению фундаментальных ценностей предпринимательства: мотивации и ориентированности, а также рассматривают аспекты деятельности предпринимателей, определяющие роль в социальной структуре российского общества. [1; 2; 3; 4].

Среди первых фундаментальных исследований в области социального предпринимательства, в которых рассматриваются теоретические положения социально-экономической сферы, затрагиваются философские основы возникновения и развития социального предпринимательства, следует выделить работы таких зарубежных ученых, как J. Thompson, R. Martin, S. Osberg, J. Mair, I. Marti, J. Robinson, G. Mort, A. Nicholls. [5–9].

Анализируя подходы к определению, можно отметить, что социальное предпринимательство – это смешанная деятельность, направленная на решение или смягчение социальных проблем в обществе, сочетающая элементы инновационной и коммерческой [10–14].

К примеру, авторами Е. В. Матузенко, Ю. А. Наплековой, А. В. Воронковым отмечается, что социально ориентированные предприятия становятся опорными точками развития гражданского общества и его активности. Более того, идеи социального предпринимательства становятся трендом в предпринимательской активности граждан России [15]. Обозначенные авторы в своей работе выделили этапы деятельности в рамках социального предпринимательства: поиск возможностей, разработка концепции развития, приобретение необходимых ресурсов, запуск в работу и совершенствование предприятия, достижение цели. Также авторами отмечено, что для любой организации, работающей в области социального предпринимательства, важно понимать два главных фактора: решение актуальных для общества задач и получение денежных доходов. Данные рассуждения поддерживают и И. В. Голенко, А. А. Милащенко, определяя социальные предпринимательские структуры как опору экономики страны.

Основными элементами, характеризующими специфику деятельности социального предпринимательства, являются: обязательная приоритетность социальной миссии; адресность деятельности; самокупаемость; смешанные источники финансирования; ограниченное распределение прибыли; масштабируемость; инновационный подход. Вместе с тем, необходимо учитывать, что социальное предпринимательство функционирует в конкурентной социально-экономической системе, взаимодействуя с внешней и внутренней средой, что трактуется как экосистема.

Одним из первооткрывателей бизнес-систем в экономике принято считать зарубежного ученого Джеймса Мура – именно он в своих исследованиях сосредоточился на сущности, функционировании и структуре бизнес-экосистем. Им было введено понятие экосистемы: «динамичные и совместно развивающиеся сообщества, состоящие из разнообразных субъектов, создающих и получающих новое содержание в процессе как взаимодействия, так и конкуренции» [16].

Применение экосистемного подхода к рассмотрению социально-экономических систем позволяет: объединить разнотипных участников с различным уровнем кооперации; избежать зависимости от одного источника ресурсов, объединив ресурсы всех участников экосистемы; участникам самоорганизовываться при отсутствии

жестких методов управления [17; 18; 19].

Переходя непосредственно к рассмотрению предпринимательства через призму экосистемного подхода, можно отметить формирование такого феномена как «предпринимательская экосистема». Отечественные исследователи трактуют предпринимательскую экосистему, как многослойную, мультимодальную и многостороннюю систему взаимодействия бизнес-агентов различной специализации, формируемую в определенных территориально ограниченных природно-хозяйственных, институциональных и иных условиях [20; 21; 22].

Такие авторы, как Е. А. Миронова и Н. М. Смирнова, Д. Айзенберг, предложили объединить элементы предпринимательской экосистемы групп: благоприятная культура; содействие политики и лидерства; наличие выделенного финансирования; соответствующий человеческий капитал; рынок сбыта (ранние последователи, клиенты); широкий набор институциональной и инфраструктурной поддержки [23; 24].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Цель исследования заключается в разработке адаптивной модели развития экосистемы социального предпринимательства, способной адекватно и своевременно реагировать на динамично меняющиеся условия внешней среды и создавать институты, способные обеспечивать органы власти соответствующего уровня адекватной информацией о проблемных зонах осуществления предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики на федеральном, и на региональном уровнях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Учитывая зарубежный опыт, экосистемы социального предпринимательства включают в себя: венчурные фонды, бизнес-ангелы, государственные инструменты поддержки, наличие партнерских сетей, объединяющих социальные предприятия [25].

В современных условиях, обусловленных ускоренным темпом изменений внешней среды, социальный бизнес является наиболее уязвимым сектором, и требует системной и непрерывной работы со стороны властных структур по созданию максимально благоприятной экосистемы для его развития.

В соответствии со ст. 24.1. Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ, одним из направлений оказания поддержки социальным предприятиям является содействие в развитии сотрудничества с участниками бизнес-процессов, как на территориях субъектов Российской Федерации, так и на территориях муниципальных образований [26]. В связи с этим, руководителям субъектам социального предпринимательства важно уделять особое внимание увеличению привлекательности и доверия со стороны заинтересованных пользователей.

На данный момент со стороны государства осуществляются следующие меры поддержки субъектам социального предпринимательства, благоприятно воздействующие на развитие сотрудничества представителей социального бизнеса с внутренними и внешними участниками экосистемы (таблица 1).

Так как социальное предпринимательство является деятельностью особой правовой категории, механизм регулирования отношений в данной сфере должен быть направлен на привлечение трудовых ресурсов для решения общественных проблем, с одной стороны, и развитие потенциала социального предпринимательства за счет создания проектов, направленных на содействие сотрудничества со всеми участниками бизнес-среды – с другой.

В связи с чем, разработка и применение именно адаптивной модели в экосистеме социального предпринима-

тельства обусловлено необходимостью рационального управления объединенными ресурсами и связями между совершенно разными предприятиями в целях принятия быстрых и гибких решений в нестабильных постоянно меняющихся условиях, а также формирования отношений сотрудничества и поддержки между всеми участниками экосистемы.

Таблица 1 – Меры государственной поддержки субъектов социального предпринимательства

№ п/п	Наименование программы поддержки	Содержание мер поддержки	Дата начала оказания меры поддержки	Участники меры поддержки
1	Сотрудничество с hh.ru Минэкономразвития России	Бесплатное размещение вакансий на hh.ru	06.02.2023	Субъекты, входящие в официальный реестр социальных предприятий Минэкономразвития России
2	Сотрудничество Минэкономразвития России и Ozon	Бесплатные консультации от экспертов Ozon и бонусы для продвижения своих товаров	01.02.2023	Субъекты, ранее не реализующие товары на Ozon
3	Субсидированный найм	Субсидии за трудоустройство молодежи Субсидия бюджет равна 3 МРОТ, увеличенным на районный коэффициент, сумму страховых взносов и количество трудоустроенных	01.03.2021	Субъекты МСП
4	Гранты молодым предпринимателям	Индивидуальные предприниматели учредители предприятий возрастом до 25 лет, открывшие свое дело, могут получить грант от 100 до 1 млн. рублей	01.01.2022	Субъекты МСП, основанные лицами в возрасте от 14 до 25 лет
5	Программы бесплатного переобучения	Переобучение сотрудников на портале «Работа России», организованными федеральными операторами – «Ворлдскиллс Россия», Томский государственный университет и РАНХиГС	28.03.2022	Субъекты МСП

Источник: Составлено автором.

Изучение адаптивности различных сложных систем: экономики в целом, отдельного предприятия, системы образования, политики и т.д. традиционно производится исследователями в рамках эволюционного подхода [27; 28; 29]. Некоторые исследователи рассматривают адаптивность в качестве условия, которое в значительной степени обуславливает способность системы приспособляться к модифицирующимся факторам среды [30; 31; 32]. В итоге, именно адаптивная модель, отражающая взаимное влияние внутренних процессов и внешних условий, может стать ответом на потребность в инструменте эффективного реагирования предприятия на непредвиденные воздействия и возникновение нестандартных ситуаций [33–36].

По нашему мнению, в представленных работах не достаточны раскрыты вопросы обеспечения адаптации экосистемы социального предпринимательства, что обуславливает необходимость разработки модели адаптивности такой сложной экономической системы, как экосистема в большей степени, применительно к развитию социального предпринимательства в современных условиях.

В основе методологии теории социально-экономических экосистем лежат междисциплинарный и системный подходы. Системный подход позволяет раскрыть взаимосвязь между элементами экосистемы и построить модели их развития с учетом пространственно-временного фактора. В свою очередь, междисциплинарный подход основывается на использовании в экономических исследованиях элементы методологии исторической, эволюционной, культурологической науки.

Использование и взаимосвязь указанных подходов, позволяет раскрыть новые формы и методы организации и ведения хозяйственной деятельности, а также исследовать взаимодействие социальных, институциональных, экономических, культурных подсистем общества с учетом условий динамичного развития.

Поставленная цель в исследовании, соответствует направлениям государственной политики в области социально-экономического развития России, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период

до 2024 года» (рисунок 1) [37].

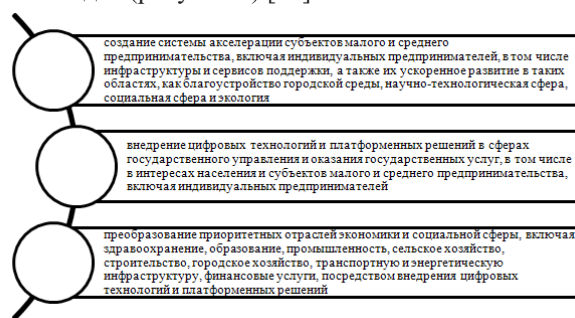


Рисунок 1 – Направления государственной политики в области социально-экономического развития России (составлено автором)

При этом в системе стратегических нормативных документов по развитию предпринимательства РФ до 2030 года признается, что эффективная деятельность предпринимательских структур, с одной стороны, является инструментом создания инновационной и адаптивной современной экономики, с другой стороны, предпринимательство также выполняет социальную функцию, поскольку обеспечивает высокий уровень занятости населения. В паспорте национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в качестве целевых индикаторов по достижению поставленных задач определено формирование благоприятных условий для ведения бизнеса, а также создание интегрированной экосистемы, ориентированной на гибкость и адаптивность.

Обозначенные направления развития кардинальным образом меняют существующую парадигму и затрагивают все сферы российского общества, и предпринимательство в особенности. Данные тенденции инициируют трансформацию существующей институциональной среды, поскольку феномен социального предпринимательства обуславливает фундаментальные изменения в существующих бизнес-процессах по формированию конкурентных преимуществ.

Развитие региональных систем социального предпринимательства в России носит амбивалентный и противоречивый характер. В связи с этим актуальным является формирование благоприятной среды для развития социальных предприятий на основе экосистемного подхода [38; 39].

Основываясь на проведенном исследовании, автор представил адаптивную модель экосистемы социального предпринимательства, которая включает в себя группы заинтересованных сторон; среду их взаимодействия, которая устанавливает степень гармонизации и развития предпринимательских процессов; инструменты воздействия, а также совокупность методов оценки развития экосистемы социального предпринимательства (рисунок 2).

Предложенная модель опирается на следующие принципы включающие, в отличие от общепринятых, принцип экосистемности оценки, принцип надлежащего положения, принцип взаимозаменяемости показателей оценки, принцип практической полезности, принцип обеспечения репрезентативности выборки.

Модель развития экосистемы социального предпринимательства направлена на обеспечение адаптации предпринимательства к условиям динамичного развития региона, и опирается на комплекс институциональных инструментов, включающие в себя: поддержание благоприятных условий, обеспечивающих развитие элементов экосистемы социального предпринимательства; создание системы цифрового доступа к заказам в государственной сфере; оказание инфраструктурной и финансовой поддержки.

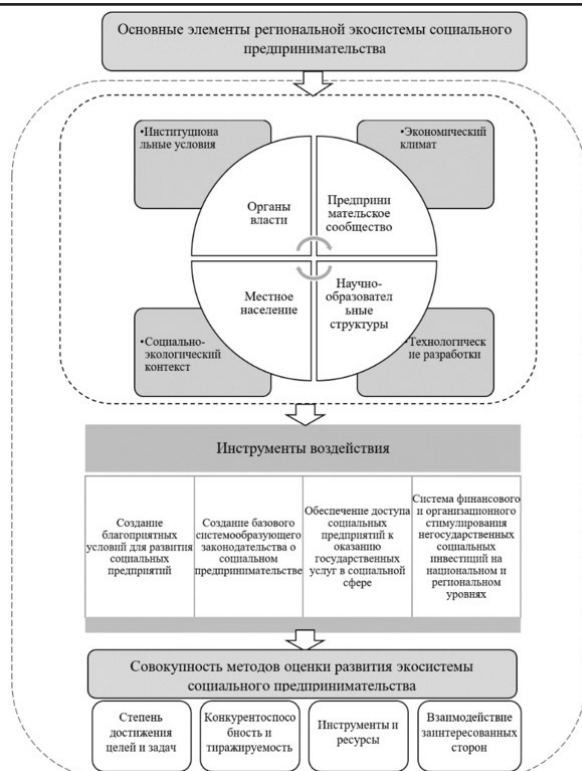


Рисунок 2 – Адаптивная модель развития экосистемы социального предпринимательства (составлено автором)

В свою очередь, реализация вышеприведенных инструментов обеспечивается за счет функционирования институтов территориального целеполагания и стратегического программирования; нормативно-правового регулирования; информационно-аналитического обеспечения; разрабатываемых группы организационно-экономических инструментов развития социальных предприятий (государственно-частное и муниципально-частное партнерство, бизнес-акселераторы).

При этом совокупность методов оценки развития социального предпринимательства должна опираться на использование системы качественных и количественных показателей, позволяющих определить проблемы адаптации, связанные с ограниченностью ресурсов, отсутствием согласованности действий всех заинтересованных участников и т.д., создающих препятствия для адаптации экосистемы социального предпринимательства к условиям динамичного развития региона.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Социальное предпринимательство выступает значимым механизмом рыночной экономики, который находит решения острых социальных проблем. Социальное предпринимательство отличается от предпринимательства в целом, тем, что имеет особую целевую функцию, а именно достижение общественно полезных целей. Масштабность в вопросах решения социальных проблем зависит от уровня узнаваемости и привлекательности субъекта социального предпринимательства.

Функционируя в конкурентной социально-экономической системе, взаимодействуя с внешней и внутренней средой, руководителям социальных предприятий необходимо уделять большое внимание развитию доверительных отношений со всеми участниками экосистемы.

В связи с тем, что нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность коммерческих организаций сферы социального предпринимательства, устанавливает одним из приоритетных направлений установление как межрегионального, так и международного сотрудничества,

авторами обосновывается значимость и актуальность проблемы формирования адаптивной модели развития экосистемы социального предпринимательства.

Динамично меняющиеся условия требуют адаптации субъектов социального бизнеса к реалиям сегодняшнего дня. Как следствие, меняется сама система экономики, складывается более сложная и противоречивая институциональная среда, происходит трансформация взаимодействия заинтересованных сторон – моделей их деловой, инновационной, инвестиционной активности и взаимоотношений с окружающей средой их функционирования. Разработка и применение именно адаптивной модели в экосистеме предпринимательства обусловлено необходимостью рационального управления объединенными ресурсами и связями между совершенно разными предприятиями в целях принятия быстрых и гибких решений в нестабильных постоянно меняющихся условиях, а также формирования отношений сотрудничества и поддержки между всеми участниками экосистемы.

Продолжая исследования в данном направлении, автором планируется разработать систему интегральных показателей, отражающих эффекты развития экосистемы социального предпринимательства в условиях динамичного развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Орлова Е.В. Социальная эффективность предпринимательской деятельности в трансформирующемся российском обществе / Е.В. Орлова. — Саратов, 2003. Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/sotsialnaya-efektivnost-predprinimatelskoi-deyatelnosti-v-transformiruyushchemsya-rossiiskom>.
2. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации предпринимательства России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX — начала XX вв.) / Ю.М. Беспалова; под науч. ред. А.И. Муравьева. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2022.
3. Векслер А.Ф., Тульчинский Г. Л. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность / А. Ф. Векслер. — М., 2006. — 335 с <https://publications.hse.ru/books/100962694>.
4. Карамова О.В. Социальная ответственность российского предпринимательства / О. В. Карамова / Традиции и опыт российского предпринимательства: История и современность: сб. науч. тр. Волгоград, 2017.-С. 67-71. https://issuu.com/national-science/docs/national_14_p2.
5. Thompson J. The world of the social entrepreneur / International Journal of Public Sector Management. - 2002. - Vol. 15, Iss. 5. - P. 412-431. - DOI: 10.1108/09513550210435746.
6. Caum Emerald insight: URL:<https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/09513550210435746/full/html> (оама обращения 15.06.2023).
7. Martin R.L., Osberg S. Social Entrepreneurship: the Case for Definition / Stanford Social Innovation Review. - Spring 2007. - URL : https://ssir.org/articles/entry/social_entrepreneurship_the_case_for_definition.
8. Mair J., Marti I. Social Entrepreneurship Research: A Source of Explanation, Prediction and Delight / Journal of World Business. - 2006. - Vol. 41, Iss. 1. - P. 36-44. Режим доступа: https://ssir.org/articles/entry/social_entrepreneurship_the_case_for_definition.
9. Mair J., Robinson J. and Hockerts K. (Eds), Social Entrepreneurship, Palgrave Macmillan, London, 2006, pp.5. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=462283.
10. Mort G. Social entrepreneurship: towards conceptualization / G. Mort, J. Weerawardena, & K. Carnegie / International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing. — 2002. — Vol. 8, Issue 1. — P. 76-88. Режим доступа: <https://espace.library.uq.edu.au/view/UQ:97064>.
11. Nicholls A. The legitimacy of social entrepreneurship: reflexive isomorphism in a pre-paradigmatic field / A. Nicholls / Entrepreneurship Theory and Practice. — 2010. — Vol. 34, Issue 4. — P. 611-633. Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137035301_11.
12. Robinson J. Navigating social and institutional barriers to markets: how social entrepreneurs identify and evaluate opportunities / J. Robinson / Social Entrepreneurship / edited by J. Mair [et al.]. — New York : Palgrave Macmillan. 2006.
13. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
14. Арай Ю. Н. Социальное предпринимательство в начале XXI века: основные концепции и особенности страны // Российский журнал менеджмента. 1. 2019. С. 111-130.
15. Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г. Предпринимательская экосистема в современных социо-экономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 212-221.
16. Макарова А.С. Взаимодействие субъектов социального предпринимательства // Новости БГУ. 6. 2012. С. 58 – 60.
17. Матузенко Е.В. Социальное предпринимательство в России: развитие и оценка / Е.В. Матузенко, Ю.А. Наплекова, А.В. Воронков // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права.

– 2018. – № 2 (69). – С. 51–58.

18. Московская А.А., Берендяев А.А., Москвина А. Ю. Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов по легитимизации социального предпринимательства в России. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные изменения. 6. 2017. С. 32-39.

19. Радыгин А., Энтов Р. «Провалы государства»: теория и политика. // Экономические вопросы. 12. 2016. С. 24 – 30.

20. Соловьева Т. С. Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // Вестник НГИЭИ. 2021. 3(94). С. 84 – 93.

21. Диз Дж.Г. Значение понятия «Социальное предпринимательство». Школа бизнеса Фукуа Университета Дьюка. 2018. С. 115 – 145.

22. Дефурни Дж., Ниссенс, М. Концепции социального предпринимательства и социального предпринимательства в Европе и Соединенных Штатах: сходства и расхождения // Журнал социального предпринимательства. 2019. № 1. С. 32 – 53.

23. Мур Дж. Ф. (1993). Хищники и добыча: Новая экология конкуренции. Гарвардское бизнес-обозрение. 75-86.

24. Богатырева К. Н., Широкова Г. В. От предпринимательских устремлений к созданию бизнеса. На примере российских студентов // Прогнозирование И Управление НТИ. 2021. 11 (3). С. 25 – 36.

25. Кресно Куаресма, Дж., Оберхофер, Х., Винселетт, Г.А. Рост и производительность фирм в Беларуси: новые эмпирические данные машиностроительной промышленности. Журнал сравнительной экономики. 2019 42(3). С 726 – 738.

26. Волчек Д., Хенттонен К., Эдельманн Дж. Изучение роли институциональной среды страны в интернационализации: Стратегические ответные меры МСП в России. Журнал бизнеса Восток-Запад. 2013. 19(4). С 317 – 350.

27. Грозин А.Н., Третьяк Н.В., Саруханян Х.С. Мобильные экосистемы — разновидность инновационных экосистем // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 52–5. С. 178–185.

28. Дубина И. Н., Кожеева О. В., Чуб А. А. Инновационно-предпринимательские экосистемы как фактор устойчивости регионального развития // Экономический анализ: теория и практика. 2018. № 4 (451). С. 4–19.

29. Иванова А. В. Формирование предпринимательской экосистемы университета: новые вызовы // Сб. трудов междунар. научно-практ. конф. — Екатеринбург: ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». 2020. С. 63–69.

30. Стюарт Т.Э., Соренсон О. События ликвидности и Географическое распределение предпринимательской деятельности // Административная наука ежеквартально. 2020. № 2 (48). С 175–201.

31. Миронова Е. А., Смирнова Н. М. Социальное предпринимательство: факторы, влияющие на развитие // Социально-экономические преобразования и проблемы: сб. науч. тр. — Вып. 5. — Нижний Новгород: НИСОЦ. 2017. С. 63–80.

32. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., 1974.

33. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. Весна 1993. Т. 1, вып. 2.

34. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.–Л., 1939.

35. Разумовский О.С. Адапционизм и поведенческая наука в контексте проблем эволюционизма и смысла жизни. // Полигноз. 2019. 2 (22). С 47.

36. Шрейдер Ю. А. Многоуровневая и систематизированная реальность, изучаемая наукой. // Последовательность и эволюция. Москва, СССР. 1984. С 69–82.

37. Аладжанян Н.А., Ушаков И.Б., Торшин В.И., Турзин П.С., Северин А.Е., Дубовой Л.И., Ермакова Н.В. Экология человека. // Словарь-справочник. Москва, Россия: КРУК. 1997. С. 58.

38. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]: – Режим доступа: СПС Консультант Плюс.

39. Дорошенко С. В. Механизмы адаптации региональной социально-экономической системы в условиях кризиса // Экономика региона. 2019. №3. С. 47-54.

40. Ячменева В.М. Формирование системы показателей для оценки адаптивности экономической системы // Экономика и управление. 2022. 1. С. 60-67.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 06.06.2023

Approved date: 03.07.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.32

DOI: 10.57145/27128482.2023.12.03.22



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ОЦЕНКА ЕГО ВЛИЯНИЯ НА ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ ХИМИЧЕСКИХ И НЕФТЕХИМИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© Автор(ы) 2023

ТЕРТЫШНИК Михаил Иванович, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономики предприятия и предпринимательской деятельности»

*Байкальский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, mtertyshnik@yandex.ru*

SPIN: 2115-2172

AuthorID: 516781

ORCID: 0000-0003-1928-2653

Аннотация. Научно-технический прогресс можно определить как непрерывно развивающийся процесс получения научных знаний, их материализации в элементы техники и технологий и внедрение последних в производство. Значение НТП в развитии производства заключается в том, что он: является основой роста производительности труда, так как применение новой техники и технологий позволяет существенно увеличивать объемы производства продукции; приводит к прогрессивным изменениям в структуре производства, потому что новые виды техники и технологий внедряются в производство прогрессивных видов продукции, которая пользуется стабильным спросом на рынке; способствует повышению качества продукции, так как применение прогрессивной техники и технологий позволяет проводить более глубокую и точную обработку используемого сырья; характеризуется прогрессивными изменениями в структуре капитальных вложений, что обеспечивается в процессе осуществления технического перевооружения и реконструкции производства; приводит к совершенствованию организации производства и труда на предприятиях, так как способствует повышению доли рабочих, занятых автоматизированным и механизированным трудом и др. На предприятиях разрабатываются планы научно-технического развития производства. Автором проведена оценка влияния содержащихся в них мероприятий на развитие и использование производственных мощностей химических и нефтехимических предприятий. Сделан вывод о том, что мероприятия, связанные с созданием и освоением новых видов продукции, повышением качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции, влияют только на величину мощностей. Мероприятия по совершенствованию системы управления, планирования, организации, нормирования производства, экономии материалов, топлива и электроэнергии влияют на уровень использования производственных мощностей. Внедрение прогрессивной технологии и совершенствование действующих технологических процессов, комплексная механизация и автоматизация производства, капитальный ремонт, модернизация и обновление оборудования, техническое перевооружение и реконструкция производства, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы оказывают комплексное влияние как на величину, так и на уровень использования производственных мощностей. Предложенный подход, связанный с учетом влияния мероприятий по НТП на производственные мощности, позволит более обоснованно осуществлять процесс планирования потенциальных возможностей производства предприятий химического и нефтехимического комплекса, проводить раздельное планирование развития и использования мощностей.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, научно-техническое развитие, научно-технический уровень, план научно-технического развития, производственная мощность, планирование производственных мощностей, планирование развития мощностей, планирование использования мощностей, производственные возможности, потенциальные возможности производств, промышленность, промышленное производство, химический и нефтехимический комплекс, химические и нефтехимические предприятия.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND ASSESSMENT OF ITS IMPACT ON PLANNING PRODUCTION CAPACITIES OF CHEMICAL AND PETROCHEMICAL ENTERPRISES

© The Author(s) 2023

TERTYSHNIK Mikhail Ivanovich, candidate of economic sciences, associate professor,
associate professor of the Department of Economics of enterprises and entrepreneurship

*Baikal State University
664003, Russia, Irkutsk, mtertyshnik@yandex.ru*

Abstract. Scientific and technological progress can be defined as a continuously developing process of obtaining scientific knowledge, their materialization into elements of technology and technology and the introduction of the latter into production. The importance of STP in the development of production lies in the fact that it: is the basis for the growth of labor productivity, since the use of new equipment and technologies allows you to significantly increase the volume of production; it leads to progressive changes in the structure of production, because new types of equipment and technologies are introduced into the production of progressive types of products that are in stable demand in the market; contributes to improving product quality, since the use of progressive equipment and technology allows for deeper and more accurate processing of the raw materials used; is characterized by progressive changes in the structure of capital investments, which it is provided in the process of technical re-equipment and reconstruction of production; it leads to the improvement of the organization of production and labor at enterprises, as it contributes to an increase in the share of workers engaged in automated and mechanized labor, etc. The enterprises are developing plans for scientific and technical development of production. The author has assessed the impact of the measures contained in them on the development and use of production capacities of chemical and petrochemical enterprises. It is concluded that the activities related to the creation and development of new types of products, improving the quality and competitiveness of products, affect only the size of capacities. Measures to improve the management system, planning, organization, rationing of production, economy of materials, fuel and electricity affect the level of production capacity utilization. The introduction of advanced technology and the improvement of existing technological processes, complex mechanization and automation of production, major repairs, modernization and renewal of equipment, technical re-equipment and reconstruction of production, research and development work have a complex impact on both the size and the level of use of production capacities. The proposed approach, taking into account the impact of STP measures on production capacities, will make it possible to more reasonably carry out the process of planning the potential production capabilities of chemical and petrochemical enterprises, to carry out separate planning of the development and use of capacities.

Keywords: scientific and technical progress, scientific and technical development, scientific and technical level, scientific and technical development plan, production capacity, production capacity planning, capacity development planning, capacity utilization planning, production capabilities, potential production capabilities, industry, industrial production,

chemical and petrochemical complex, chemical and petrochemical enterprises.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

В условиях санкционного давления западных стран на экономику России важное значение приобретает развитие потенциальных возможностей предприятий различных отраслей национальной экономики и повышение уровня их использования. Увеличение производственных мощностей обеспечивается, прежде всего, за счет внедрения новых технологий и оборудования, т.е. в результате применения достижений НТП. Это определяет необходимость использования различных концептуальных положений, связанных с научно-техническим развитием производства и планированием производственных мощностей.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы.

Вопросы определения и управления НТП, его влияния на экономику России, регионов и предприятий исследуют С. Е. Афонин [1], В. Ф. Байнев [2], В. М. Бондаренко [3], В. А. Бубнов [4], В. А. Бывшев [5], И. М. Голова [6], В. И. Жигалов и М. В. Соколова [7], Л. В. Кислицына, В. Т. Аладин и В. И. Валеева [8], А. С. Красникова [9], Е. Р. Метелева [10], Н. В. Одиноченкова [11], И. Ю. Пекер [12], Н. М. Полянская [13], А. В. Самаруха и Г. Н. Макарова [14], В. И. Самаруха, А. В. Самаруха и Т. В. Сорокина [15], М. И. Тертышник [16], О. В. Чистякова [17]. Различные аспекты определения, планирования и управления производственными мощностями предприятий рассмотрены в работах И. В. Белоусовой [18], Е. А. Демидовой [19], Л. С. Ефремовой, Т. Л. Чемакиной и А. В. Кузьминой [20], Е. С. Замбрицкой [21], Л. В. Кислицыной, Г. А. Шнитовой, О. В. Махониной, В. А. Сафоновой [22], М. С. Кукочкина и С. Н. Косникова [23], Н. С. Маслова [24], М. Ю. Полянчиковой, П. А. Норченко, Е. В. Капиносковой, Ж. Хакимова [25], Л. К. Сиротиной [26], М. И. Тертышника [27–28], И. А. Федорова, М. Б. Магомедова и О. В. Демьяновой [29].

Особенностям определения и развития потенциальных возможностей предприятий химического и нефтехимического комплекса посвящены работы Р. Х. Азиева [30], К. О. Бутова и А. Ф. Шуплецова [31], М. В. Винокуровой и М. Г. Вурганова [32], Г. В. Давыдовой и О. С. Козловой [33], Л. В. Каницкой и О. И. Горбуновой [34], М. И. Тертышника [35–37], М. В. Чаликовой-Ухановой и А. В. Самарухи [38]. Проблемы научно-технического развития, оценки и планирования производственных мощностей изучают зарубежные авторы: Д. А. Амирсаланова [39], А. М. Анафияев [40], Р. Chen и L. Guo [41], Г. Д. Джурабаев и Н. Р. Мукимова [42], С. Исламов и З. Исломов [43], Ж. К. Копобаева [44], А. Р. Лавриненко [45], М. Д. Лутфулов [46], А. А. Тасболотова [47], Z. S. Umurzakova [48]. Проведенные этими авторами исследования в основном связаны с изучением научно-технического прогресса, его основных направлений, особенностей проявления НТП в современных условиях, определением, оценкой и управлением производственными мощностями. Работы имеют, как правило, теоретическую направленность, либо учитывают особенности функционирования предприятий отдельных отраслей промышленности или сфер национальной экономики. При этом, комплексно не рассматриваются вопросы взаимосвязи НТП и производственных мощностей, учета влияния научно-технического прогресса на процесс планирования развития и использования мощностей химических и нефтехимических предприятий.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

Целью статьи является рассмотрение теоретических и практических аспектов влияния научно-технического прогресса на определение и использование потенциальных возможностей производства, и разработка рекомендаций, направленных на развитие процесса планирования развития и использования производственных мощностей предприятий химического и нефтехимического комплекса с учетом положений теории развития промышленного производства.

Используемые методы, методики и технологии.

При написании статьи были использованы следующие научные методы исследования – анализ, обобщение, наблюдение, систематизация, описание. Это позволило исследовать процесс научно-технического развития производства, отразить его влияние на планирование развития и использования производственных мощностей химических и нефтехимических предприятий.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Научно-технический прогресс является сложным и многогранным явлением, которое не ограничивается только развитием науки и техники. НТП можно охарактеризовать как непрерывное совершенствование производства в результате использования достижений науки и техники для выпуска в необходимых объемах конкурентоспособной продукции. Важнейшими направлениями НТП на предприятиях химического и нефтехимического комплекса являются:

1. Разработка высокоэффективных технологических процессов, направленных на комплексное использование сырья;
2. Внедрение крупных агрегатов и технологических линий, использующих новые технологии производства, а также увеличение объемов применения более прогрессивных технологий, различных средств механизации и автоматизации производства;
3. Внедрение в химическое и нефтехимическое производство высокоэффективных автоматизированных систем управления технологическими процессами;
4. Расширение номенклатуры и ассортимента выпускаемой продукции;
5. Повышение качества и уровня конкурентоспособности химической и нефтехимической продукции.

Производственная мощность является важнейшей характеристикой, отражающей потенциальные возможности предприятия по выпуску продукции. На уровень производственной мощности оказывает влияние большое количество различных факторов. При этом в наибольшей степени на развитие и использование производственных мощностей влияют внедряемые в производство достижения НТП. Это непосредственно касается всего комплекса мероприятий, связанных с созданием новой и повышением качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции, повышением научно-технического уровня производства и, таким образом, отражается на росте величины или повышении эффективности использования производственных мощностей.

К сожалению, внедрение достижений НТП на предприятиях отрасли осуществляется не комплексно и не сопровождается оценкой их влияния на развитие или использование мощностей. Это приводит к низкому уровню загрузки производственных мощностей, который в январе–июле 2023 года по информации Федеральной службы статистики Российской Федерации в промышленности составляет около 59–62 %. В результате, планирование производственных мощностей, осуществляемое на предприятиях, оказывается в значительной степени не связанным с планированием научно-технического прогресса. Поэтому необходимо провести анализ содержания планов научно-технического развития производства, разрабатываемых на предприятиях химического

и нефтехимического комплекса и провести оценку их влияния на развитие и использование мощностей. Ввиду того, что планы научно-технического развития охватывают большое количество мероприятий, анализ проводился укрупненно, по разделам плана:

1. Создание и освоение новых видов продукции, повышение качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции. Реализация мероприятий, содержащихся в этом разделе плана, требует, как правило, дополнительных материальных и трудовых затрат. Выпуск более качественной продукции (например, серной кислоты более высокой концентрации) возможен при проведении дополнительных технологических операций. При этом выпуск продукции в натуральном измерении может уменьшиться, но увеличиться в стоимостном выражении. Кроме того, применение более качественной продукции может приводить к дополнительному выпуску продукции на предприятиях-потребителях. Таким образом, можно говорить о влиянии мероприятий, содержащихся в этом разделе плана, на величину производственных мощностей. Создание и освоение новых видов продукции также оказывает влияние на изменение величины мощностей, при этом оно обычно сопровождается и внедрением прогрессивной технологии производства.

2. Внедрение прогрессивной технологии и совершенствование действующих технологических процессов является основным путем развития и повышения эффективности использования производственных мощностей химических и нефтехимических предприятий. Главным направлением развития химических технологий является максимально полная переработка исходного сырья и создание безотходных производств. Если внедряемые технологии приводят к росту объемов производства продукции, то они влияют на увеличение производственных мощностей. Если происходит совершенствование действующих второстепенных технологических процессов, то это приводит к улучшению использования мощностей.

3. Комплексная механизация и автоматизация производства проявляется в широкой замене ручного труда машинным и использовании различных автоматизированных систем. В химических и нефтехимических производствах большинство основных технологических процессов, как правило, механизированы и снабжены средствами автоматического контроля основных технических параметров (температура, давление, уровень загрузки аппарата и др.). Но на стадиях подготовки сырья, упаковки готовой продукции, а также во вспомогательных работах по обслуживанию оборудования часто используется ручной труд. Если мероприятия по комплексной механизации и автоматизации производства проводятся на основных стадиях производства, то они оказывают влияние на величину производственных мощностей, если на вспомогательных и обслуживающих стадиях, то это приводит к лучшему использованию мощностей.

4. Совершенствование системы управления, планирования и организации производства может способствовать повышению уровня качества и конкурентоспособности продукции, оптимальной загрузке оборудования, расширению рынков сбыта продукции и, таким образом, оказывает влияние на повышение эффективности использования производственных мощностей предприятий.

5. Совершенствование нормирования производства. Разработка и применение обоснованных норм использования сырья, выхода готовой продукции способствует лучшему использованию мощностей химических и нефтехимических предприятий.

6. Экономия материалов, топлива и электроэнергии осуществляется за счет широкого использования обоснованных норм их расхода и стимулирования работников за экономию материальных ресурсов. Реализация мероприятий этого раздела плана оказывает влияние на степень использования производственных мощностей

предприятий.

7. Капитальный ремонт, модернизация и обновление оборудования связаны с поддержанием в работоспособном состоянии активной части основных производственных фондов и их воспроизводством. При этом дополнительный выпуск продукции может быть получен как за счет роста производственных мощностей на ведущих участках производства, так и за счет ликвидации диспропорций в производительности оборудования, устранения «узких» мест в производстве, что приводит к улучшению использования оборудования не только на отдельных стадиях технологического процесса, но и в целом по предприятию. Таким образом, мероприятия, содержащиеся в этом разделе плана научно-технического развития производства, могут приводить как к увеличению производственных мощностей химических и нефтехимических предприятий, так и к повышению уровня их использования.

8. Техническое перевооружение и реконструкция производства. Техническое перевооружение сопровождается заменой изношенного оборудования на новое на отдельных участках производственного процесса, а реконструкция производства связана с полным обновлением установленного оборудования на всех стадиях технологического процесса выпуска продукции. Если на основных, решающих стадиях производства, устанавливается новое оборудование, имеющее более высокую производительность, чем действовавшее, то это приводит к росту производственных мощностей. Во всех остальных случаях техническое перевооружение и реконструкция производства сопровождаются повышением эффективности использования производственных мощностей химических и нефтехимических предприятий. Следует отметить, что этот раздел плана научно-технического развития производства тесно связан с реализацией мероприятий, направленных на механизацию и автоматизацию технологических процессов, модернизацию оборудования, повышение качества используемых и применение более прогрессивных видов сырья, совершенствование технологических процессов, повышение уровня организации производства.

9. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы проводятся предприятиями химического и нефтехимического комплекса совместно с отраслевыми научно-исследовательскими институтами. Они связаны с разработкой новых видов продукции, новых технологий производства, а также включают мероприятия по рационализации и изобретательству, стандартизации продукции. Если реализация проводимых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ приводит к увеличению объема производства продукции, то такие мероприятия оказывают влияние на увеличение производственных мощностей, если этого не происходит, то они влияют на уровень использования мощностей.

10. Охрана труда и окружающей среды. Мероприятия этого раздела плана научно-технического развития производства не оказывают прямого влияния ни на величину, ни на уровень использования производственных мощностей химических и нефтехимических предприятий.

Таким образом, проведенный анализ показал, что развитие и повышение эффективности использования производственных мощностей непосредственно связано с реализацией на предприятиях химического и нефтехимического комплекса мероприятий научно-технического прогресса, что необходимо учитывать при планировании мощностей. Результаты проведенной работы по оценке влияния мероприятий по НТП на величину или уровень использования производственных мощностей, составляющие научную новизну статьи, отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Оценка влияния мероприятий плана научно-технического развития производства на величину и степень использования производственных мощностей химических и нефтехимических предприятий

№№	Разделы плана научно-технического развития производства	Наличие (+) или отсутствие (-) влияния мероприятий на:	
		величину мощностей	степень использования мощностей
1.	Создание и освоение новых видов продукции, повышение качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции	+	-
2.	Внедрение прогрессивной технологии и совершенствование действующих технологических процессов	+	+
3.	Комплексная механизация и автоматизация производства	+	+
4.	Совершенствование системы управления, планирования и организации производства	-	+
5.	Совершенствование нормирования производства	-	+
6.	Экономия материалов, топлива и электроэнергии	-	+
7.	Капитальный ремонт, модернизация и обновление оборудования	+	+
8.	Техническое перевооружение и реконструкция производства	+	+
9.	Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы	+	+
10.	Охрана труда и окружающей среды	-	-

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Исследования, связанные с планированием производственных мощностей, обычно ограничиваются только вопросами расчета их плановой величины. Предложен подход, дающий возможность осуществлять планирование развития и использования производственных мощностей с учетом влияния научно-технического прогресса на химических и нефтехимических предприятиях.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Проведенная работа выявила необходимость развития системы планирования производственных мощностей предприятий химического и нефтехимического комплекса. Очевидно, что важно развитие не только существующей системы планирования производственных мощностей, но и теории развития промышленного производства. Реализация предложенного подхода на практике даст возможность развить процесс планирования производственных мощностей предприятий. Его использование может быть применено при решении следующих задач:

1. Более обоснованно осуществлять процесс управления и планирования производственных мощностей предприятий химического и нефтехимического комплекса.

2. Дает возможность разрабатывать не только планы производственных мощностей в общем виде, но и проводить раздельное планирование развития и использования мощностей.

3. Осуществлять планирование мощностей более целенаправленно за счет учета влияния научно-технического прогресса.

4. Более полно учитывать при планировании производственных мощностей особенности химических и нефтехимических предприятий и реализуемых мероприятий по повышению научно-технического уровня производства.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Считаем, что дальнейшие исследования в этом направлении могут быть связаны с учетом отраслевых факторов, используемых при анализе и планировании производственных мощностей, присущих предприятиям различных отраслей сферы промышленного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Афонин С.Е. Основные направления исследований научно-технического прогресса, оказывающие влияние на изменение экономических систем / С.Е. Афонин // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 48 (1). – С. 20-25.
- Байнев В.Ф. О преодолении затратного подхода к оценке и измерению научно-технического прогресса / В.Ф. Байнев // Управление наукой и наукометрия. – 2022. – Т. 17. – № 3. – С. 274-291.
- Бондаренко В.М. Научно-технологический суверенитет России: условия и пути достижения / В.М. Бондаренко // Теоретическая экономика. – 2022. – № 10 (94). – С. 78-91.
- Бубнов В.А. Влияние санкционной политики недружественных стран на российскую финансовую систему / В.А. Бубнов // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32. – № 2. – С. 283-289.
- Бышев В.А. Оценка вклада научно-технического прогресса в реальный ВВП России / В.А. Бышев // Экономическая наука современной России. – 2022. – № 3 (98). – С. 46-64.
- Голова И.М. Научно-технический потенциал регионов как основа технологической независимости РФ / И.М. Голова // Экономика

региона. – 2022. – Т. 18. – № 4. – С. 1062-1074.

7. Жигалов В.И. Анализ отраслевых характеристик стран и особенностей их научно-технического потенциала на основе патентной активности / В.И. Жигалов, М.В. Соколова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 3. – № 8 (128). – С. 40-49.

8. Кислицына Л.В. Возможности развития бизнеса в особых экономических условиях / Л.В. Кислицына, В.Т. Аладин, В.И. Валеева // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 2. – № 8. – С. 179-184.

9. Красникова А.С. Особенности оценки процесса функционирования объектов и субъектов, составляющих научно-технический и производственно-технологический потенциал, необходимый для реализации жизненного цикла высокотехнологичной продукции / А.С. Красникова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – № 6. – Т. 1. – С. 5-12.

10. Метелева Е.Р. Четверть века практики стратегирования в Российской Федерации: краткий обзор проблем и перспектив / Е.Р. Метелева // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32. – № 4. – С. 690-700.

11. Одиноченкова Н.В. Процесс формирования объективных стоимостных показателей научно-технической продукции промышленных предприятий / Н.В. Одиноченкова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2022. – № 4 (210). – С. 46-54.

12. Пекер И.Ю. Динамика значений компонентов научно-технического потенциала регионов Российской Федерации / И.Ю. Пекер // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 165-176.

13. Полянская Н.М. Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия / Н.М. Полянская // Society and Security Insights. – 2023. – Т. 6. – № 1. – С. 66-85.

14. Самаруха А.В. Проектирование промышленной технологической революции на принципах устойчивого развития, с учетом противодействия недобросовестной конкуренции / А.В. Самаруха, Г.Н. Макарова // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 9.

15. Самаруха В.И. Роль финансов в обеспечении экономической безопасности России в условиях геополитической трансформации мировой экономики / В.И. Самаруха, А.В. Самаруха, Т.В. Сорокина // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32. – № 3. – С. 474-484.

16. Тертышник М.И. Оценка научно-технического уровня производства и потенциальных возможностей предприятия / М.И. Тертышник // Промышленная политика в цифровой экономике: проблемы и перспективы: Труды научно-практ. конф. с междунар. участием. Под ред. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – С. 632-636.

17. Чистякова О.В. Влияние инновационной инфраструктуры на развитие производственной сферы в Иркутской области / О.В. Чистякова // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – № 2.

18. Белоусова И.В. Разработка методики оценки экономического потенциала предприятия в системе национальной экономики и ее практическое применение / И.В. Белоусова // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 2. – С. 7-11.

19. Демидова Е.А. Производственная мощность: проблематика формализации понятия и методики оценки / Е.А. Демидова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 1-4. – С. 6-8.

20. Ефремова Л.С. Сравнение производственных мощностей промышленных предприятий региона / Л.С. Ефремова, Т.Л. Чемакина, А.В. Кузьмина // Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии. – 2022. – № 6 (356). – С. 177-186.

21. Замбржицкая Е.С. Методические аспекты обоснования эффективности управления производственной мощностью предприятия / Е.С. Замбржицкая // Финансовый бизнес. – 2022. – № 5. – С. 38-41.

22. Кислицына Л.В. Методика категоризации инвесторов для целей формирования их инвестиционного портфеля // Л.В. Кислицына, Г.А. Шнитова, О.В. Махонина, В.А. Сафонова // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 6-7. – С. 667-672.

23. Кукочкин М.С. Модели оценки производственной мощности предприятия / М.С. Кукочкин, С.Н. Косников // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 47. – С. 487-491.

24. Маслов Н.С. Метод оценки производственного потенциала как стадии экономического потенциала для раскрытия перспективы предприятий / Н.С. Маслов // Московский экономический журнал. – 2021. – № 6. – С. 50.

25. Поляничкова М.Ю. Анализ влияния эффективности использования производственных мощностей (индекс ОЕЕ) на качество выпускаемой продукции / М.Ю. Поляничкова, П.А. Норченко, Е.В. Капиносова, Ж. Хакимов // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2022. – № 1 (260). – С. 32-39.

26. Сиротина Л.К. Методы оценки стоимости жизненного цикла оборудования в управлении производством / Л.К. Сиротина // Компетентность. – 2022. – № 1. – С. 34-39.

27. Тертышник М.И. Определение и оценка производственных мощностей предприятия / М.И. Тертышник // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2011. – № 6. – С. 47.

28. Тертышник М.И. Проблемы оценки производственного потенциала и стоимости предприятий / М.И. Тертышник // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2011. – № 3. – С. 17.

29. Федоров И.А. Совершенствование производственного потен-

- циала промышленного предприятия / И.А. Федоров, М.Б. Магомедов, О.В. Демьянова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 6. – С. 354-359.
30. Азиева Р.Х. О разработке модели эффективного развития нефтегазовой отрасли / Р.Х. Азиева // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27. – № 12. – С. 971-982.
31. Буров К.О., Шуплецов А.Ф. Выявление значимых (решающих) факторов, влияющих на выбор размещения производственных мощностей компаний нефтеперерабатывающей отрасли / К.О. Буров, А.Ф. Шуплецов // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32. – № 1. – С. 39-56.
32. Винокурова М.В. Проблемы и перспективы развития нефтяной отрасли Российской Федерации / М.В. Винокурова, М.Г. Вурганов // Baikal Research Journal. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 9.
33. Давыдова Г.В. Особенности формирования стратегии экономического роста нефтедобывающей промышленности / Г.В. Давыдова, О.С. Козлова // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28. – № 1. – С. 74-79.
34. Каницкая Л.В. Новые вызовы нефтегазовому сектору России при переходе к низкоуглеродной экономике / Л.В. Каницкая, О.И. Горбунова // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32. – № 1. – С. 29-38.
35. Тertyshnik M.I. Особенности планирования и определения производственных мощностей нефтехимических предприятий / М.И. Тertyshnik // Известия Иркутской государственной экономической академии (Иркутский государственный университет). – 2016. – Т. 26. – № 3. – С. 411-418.
36. Тertyshnik M.I. Оценка резервов и диспропорций производственных мощностей предприятий / М.И. Тertyshnik // Инновационные кластеры в цифровой экономике: Труды VIII научно-практ. конф. с междунар. участием. Под ред. А.В. Бабкина. – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – С. 410-415.
37. Тertyshnik M.I. Проблемы определения и нормирования производственных мощностей химических предприятий / М.И. Тertyshnik // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2014. – № 4. – С. 10.
38. Чаликова-Уханова М.В. Развитие нефтегазовых проектов на основе кластерного подхода на примере Иркутской нефтяной компании / М.В. Чаликова-Уханова, А.В. Самаруха // Baikal Research Journal. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 16.
39. Амирсаланова Д.А. Экономический потенциал нефтехимических предприятий и теоретико-методологические вопросы организации его использования / Д.А. Амирсаланова // Азербайджанское нефтяное хозяйство. – 2021. – № 10. – С. 49-54.
40. Анафияев А.М. Производственный потенциал промышленных предприятий и его роль в национальной экономике / А.М. Анафияев // COLLOQUIUM-JOURNAL. – 2022. – № 5-2. – С. 6-8.
41. Chen P. CHINA-KAZAKHSTAN GREEN PRODUCTION CAPACITY COOPERATION IN THE CONTEXT OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE / P. Chen, L. Guo // Voprosy Istorii. – 2022. – № 11-2. – С. 228-249.
42. Джурбаев Г.Д. Особенности инновационного развития промышленности Республики Таджикистан / Г.Д. Джурбаев, Н.Р. Мукумова // Экономика Центральной Азии. – 2022. – Т. 6. – № 4. – С. 271-298.
43. Исламов С. Современные проблемы использования производственных мощностей промышленности Таджикистана / С. Исламов, З. Исломова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2019. – № 2. – С. 55-63.
44. Копобаева Ж.К. Факторы, влияющие на эффективное использование производственной мощности хозяйствующих субъектов Кыргызской Республики / Ж.К. Копобаева // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2022. – № 3. – С. 112-115.
45. Лавриненко А.Р. Диагностика и направления развития инновационного потенциала научно-технического предпринимательства / А.Р. Лавриненко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 12. – С. 35-42.
46. Лутфулоев М.Д. Зарурати татбиқи технологияҳои рақамӣ ба рои баланд бардоштани рақобатпазирии корхонаҳои савдои чакана / М.Д. Лутфулоев // Паёми Донишгоҳи давлатии тичорати Тоҷикистон. – 2020. – № 4-1 (33). – С. 170-174.
47. Тасболатова А.А. Аспекты формирования потенциала предприятия / А.А. Тасболатова // SPIRIT TIME. – 2020. – № 4-1. – С. 48-50.
48. Umurzakova Z.S. MEASURES TO IMPROVE THE USE OF PRODUCTION CAPACITIES AT INDUSTRIAL ENTERPRISES / Z.S. Umurzakova // Colloquium-Journal. – 2023. – № 2-1 (161). – С. 22-24.

Received date: 16.08.2023

Approved date: 30.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338,48, 379.8

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_23



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

© Автор(ы) 2023

ТИМАКОВА Роза Темерьяновна, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета, профессор кафедры управления в социальных и экономических системах, философии и истории Уральского государственного университета путей сообщения
*Уральский государственный экономический университет
620144, Россия, Екатеринбург, trt64@mail.ru*

AutorID: 450578

SPIN: 7663-1784

ORCID: 0000-0002-4777-1465

Research ID: C-3922-2018

ОХРИМЕНКО Елена Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
*Уральский государственный экономический университет
620144, Россия, Екатеринбург, oelenai@yandex.ru*

AutorID: 402368

SPIN: 5076-1151

ORCID: 0009-0006-5461-0092

Аннотация. Здоровье нации является национальным достоянием государства. В условиях глобализации, урбанизации и продолжающегося роста инфекционных заболеваний вопросы повышения качества жизни и укрепления здоровья приобретают важное значение для профилактики и снижения заболеваемости, сохранения и восстановления здоровья в результате применения комплексных мер социального, медицинского и санитарно-эпидемиологического характера. Цель исследования заключается в оценке траекторий развития медицинского туризма и формирования его понятия. В ходе исследования были применены методы системного анализа, позволяющие обосновать значимость медицинского туризма на туристическом рынке. Основопологающим моментом в организации медицинского туризма является симбиотическое развитие составляющих медицинского туризма, как медицинская сущность для получения конкретных или узкоспециализированных видов высокотехнологичной медицинской помощи – 42 % от общего количества медицинских туристов; высокого качества медицинских услуг – 33 % туристов; оперативной медицинской помощи – 15 % туристов; более дешевого лечения – 10 % и траектории, направленные на досуговые отдыхи. Можно констатировать институциональное закрепление термина «медицинский туризм», как вида туризма, включающего в себя санаторно-курортный и оздоровительный туризм с элементами досугового отдыхи во время путешествия вне региона постоянного местоживания. Важным шагом в этом направлении является создание в России Ассоциации медицинского туризма. Установление индикативных показателей для развития технологий здоровьесбережения на фоне интенсификации информационно-коммуникационных технологий определяет перспективность и востребованность медицинского туризма и предполагает продолжение исследований на региональном уровне.

Ключевые слова. медицинский туризм, здоровьесбережение, санаторно-курортное лечение, оздоровительный туризм, медицинские услуги.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC MEDICAL TOURISM

© The Author(s) 2023

TIMAKOVA Roza Temer'anovna, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Tourism Business and Hospitality, Professor of the Department of Management in Social and Economic Systems, Philosophy and History
*Ural State University of Economics
620144, Russia, Yekaterinburg, trt64@mail.ru*

OKHRIMENKO Elena Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism Business and Hospitality
*Ural State Economic University,
620144, Russia, Yekaterinburg, oelenai@yandex.ru*

Abstract. The health of the nation is the national treasure of the state. In the context of globalization, urbanization and the continuing growth of infectious diseases, the issues of improving the quality of life and promoting health are becoming important for the prevention and reduction of morbidity, the preservation and restoration of health as a result of the application of comprehensive measures of a social, medical and sanitary and epidemiological nature. The purpose of the study is to assess the trajectories of the development of medical tourism and the formation of its concept. In the course of the study, methods of system analysis were applied to justify the importance of medical tourism in the tourism market. The fundamental moment in the organization of medical tourism is the symbiotic development of the components of medical tourism, as a medical entity to receive specific or highly specialized types of high-tech medical care – 42 % of the total number of medical tourists; high quality medical services – 33 % of tourists; prompt medical care – 15 % of tourists; cheaper treatment – 10 % and trajectories aimed at leisure activities. It is possible to state the institutional consolidation of the term “medical tourism” as a type of tourism, which includes sanatorium-resort and health tourism with elements of leisure recreation during travel outside the region of permanent residence. An important step in this direction is the creation of the Medical Tourism Association in Russia. The establishment of indicative indicators for the development of health-saving technologies against the background of the intensification of information and communication technologies determines the prospects and relevance of medical tourism and assumes the continuation of research at the regional level.

Keywords: medical tourism, health care, spa treatment, health tourism, medical services.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе в России наметился тренд на здоровьесбережение населения страны в контексте сохранения человеческого капитала, как национального богатства, и траектории в осуществляемой социальной

политике государства, имеющей прямую связь с ростом производительности труда и с ВВП.

Важнейшей из социальных сфер является здравоохранение, так как здоровье населения относится к важнейшему фактору производительного потенциала всего

общества («человеческий капитал»). Если физическое здоровье отдельных индивидуумов находится на низком уровне, то происходит утрата трудоспособности и возникают затраты времени и финансовых ресурсов в процессе лечения. В настоящее время здравоохранение из отрасли непрямой сферы, финансируемой из бюджета государства, постепенно начинает относиться к отраслям, которые в определенной мере находятся на самокупаемости. В современной трактовке здоровье можно рассматривать как потребительский товар. Человек, поддерживая свое здоровье как определенный ресурс, потребляет медицинские услуги, оказываемые медицинскими учреждениями системы здравоохранения, а также санаторно-курортными учреждениями, входящими в эту систему. При этом происходит тождественная ассимиляция здравоохранения как системы в туризм, как возможность доступности разнообразных медицинских услуг для более широких слоев населения.

Одним из направлений здоровьесбережения является возможность оздоровления вне постоянного места проживания, когда путешественники восстанавливают свое здоровье в рамках медицинского туризма.

В последние годы активно применяется термин – медицинский туризм, продвижение которого относится к приоритетным задачам на уровне государства. В рамках национальной программы «Демография» реализуется федеральная программа «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек». Согласно утвержденной Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации в результате внедрения современных медицинских технологий изменяется подход к организации санаторно-курортного лечения для оздоровления населения. Национальный проект «Здравоохранение» определяет важность сохранения здоровья человека с точки зрения социального свойства, так и в рамках обеспечения национальной безопасности страны.

Санаторно-курортный комплекс России имеет сформированную инфраструктуру, позволяющую осуществлять профилактику заболеваемости и оздоровление отдельного человека и здоровьесбережения нации, используя природный потенциал местонахождения.

В тоже время, по данным исследования «Обзор – Индекс медицинского туризма, 2020 – 2021», Россия по развитию инфраструктуры медицинского туризма находится на 41-м месте из 46 стран. По информации с Портала «Статистика и показатели: региональные и федеральные», медицинский туризм составляет 7 % в общей структуре туризма, при этом россияне лечатся как в санаториях и оздоровительных центрах на территории страны в одном регионе или перемещаясь в другой регион, так и в оздоровительных центрах других стран, что требует продуманной политики государства и вливания существенных финансовых ресурсов для развития рекреации в стране.

По мнению ряда авторов, именно медицинский туризм относится к конкурентоспособному и эффективному виду экономической деятельности [1; 2]. В России за счет большой протяженности с запада на восток и с севера на юг и смены разных климатических поясов сформирован уникальный природный потенциал, сочетающий в себе особенности геоположения, погодно-климатических условий и разнообразия природного ландшафта, что позволяет активно использовать этот ресурс для продвижения внутреннего и въездного туризма, в том числе с целью оздоровления и лечения туристов. Медицинский туризм, являющийся визитной карточкой ряда регионов России (таких, как Кавказ, Крым, Алтай, Краснодарский край и др.), способствует продвижению регионального потенциала, брендированию территорий и формированию социально-экономической стабильности регионов страны.

Т. П. Васильева и др. [3] отмечают, что реализация стратегии инновационного развития здравоохранения требует разработки системы оценки инновационности технологий здоровьесбережения.

Для оценки перспектив в области медицинского туризма важно применение единообразной терминологии. Однако на законодательном уровне в Федеральном законе от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» не отражена информация по видам туризма, в том числе медицинского, и их классификационные признаки. В ГОСТ Р 57854-2017 «Услуги оздоровительного туризма. Общие требования» закреплено понятие оздоровительного туризма как деятельности, направленной на оказание туристам оздоровительных, профилактических и рекреационных услуг в лечебно-оздоровительных местностях и курортах; в приказе Министерства здравоохранения РФ от 05.05.2016 г. N 279н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения» определено понятие санаторно-курортного лечения, включающего в себя медицинскую помощь, оказываемых медучреждениями в профилактических, лечебных и реабилитационных целях. В отсутствии формализованного регулирования классификационных признаков медицинского туризма возможны разночтения в самой сущности такого вида туризма.

МЕТОДОЛОГИЯ

На фоне активизации внутреннего туризма медицинский туризм, сочетающий возможности оздоровления человека и организацию досугового отдыха, отличается повышением интереса со стороны путешественников после снятия ковидных ограничений, и анализ исследований по обозначенной тематике определил целью исследования оценку траекторий развития медицинского туризма в современных условиях и формирование определения – медицинский туризм с характерными классификационными признаками. В ходе исследования были применены методы системного анализа, позволяющие исследовать понятие медицинского туризма и обосновать перспективность медицинского туризма. Методологический подход основан на комплексном анализе нормативно-распорядительных документов, открытых информационных ресурсов и научно-исследовательской литературы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сравнение исследовательских материалов разных авторов показывает применяемых терминов. По данным Global Wellness Institute [4], растущий спрос на wellness-путешествия привел к тому, что туристические расходы в сфере оздоровительного туризма в 2022 году достигают 919 млрд долларов США. Во время wellness-путешествий тратится больше денег на поездку, чем прочими туристами. Кроме того, если путешествие за оздоровлением совершается в пределах своей страны, то расходы значительно выше, чем любой зарубежный тур с другими целями (познавательный, пляжный и др.). Туристы в рамках медицинского туризма в среднем тратят на 53 % больше, чем средний турист за рубежом, на внутреннем рынке туристы, путешествующие с целью оздоровления, тратят за одну поездку на 178 % больше, чем средний внутренний турист.

Для определения траектории развития медицинского туризма на уровне государства важно формирование понятийного аппарата. В настоящее время исследователями определяется различный подход, исходя из поставленных целей и задач, а также используемых методов и средств. Ряд авторов (О. Г. Крестьянинова, Б. А. Ермаков, Т. Б. Каташина), исходя из конечной цели, выделяют два типичных сегмента в медицинском туризме: санаторный или лечебно-оздоровительный туризм (традиционная терминология: санаторно-курортное лечение) и клинический туризм, основанный на специализированном лечении [5; 6], объединяемые в единое понятие для путешественников – медицинский туризм.

Медицинским туризмом называется, по данным D. Kaushik, A. Rustagi, концепция получения квалифицированной медицинской помощи в высоко оснащенных медицинских учреждениях, в том числе по более низкой цене, для физических лиц, путешествующих за пределами своей страны [7].

В России существуют два альтернативных подхода:

с одной стороны, признание медицинского туризма частью существующей системы здравоохранения, с другой – отнесение к индустрии туризма, что требует преобразования этих двух систем, направленных на обеспечение здоровьесбережения, в медицинский туризм, обращают внимание Б. А. Ермаков, Т. Б. Каташина [6]. По мнению Ю. С. Путрик [8], медицинский туризм выделился как подвид лечебно-оздоровительного туризма.

Одним из направлений развития медицинского туризма видится кластерный подход к его организации за счет использования рекреационных ресурсов отдельных территории в сочетании с существующей инфраструктурой, комплексом оздоровительных учреждений и предприятий сферы гостеприимства и туризма, которые обеспечивают лечебно-оздоровительную и рекреационную деятельность, и формированием государственно-частного партнерства.

Как отмечают В. И. Миронов и Л. С. Ходасевич [9], значительная часть объектов курортной индустрии, источники минеральных вод и месторождения лечебных грязей, туристские дестинации находятся в частном владении, что привело, с одной стороны, к излишней коммерциализации санаторно-курортного обслуживания, с другой – отмечается неблагоприятный инвестиционный климат и невозможность реконструкции существующих объектов.

К негативным факторам относится усиление антропогенного вмешательства в природные ландшафты и их загрязнение, продолжающаяся урбанизация окружающей среды и отсутствие современных досуговых мероприятий.

При этом в последние годы наметилась тенденция, когда увеличивается число пациентов, получающих высококвалифицированную медицинскую помощь вне региона проживания, в том числе за рубежом, установили авторы [10; 11], что может быть связано с отсутствием должного уровня развития здравоохранения в регионе проживания, его недоступности или завышенными ценами.

В тоже время, по данным [12], Россия стала достаточно популярной страной для получения услуг медицинского характера. Медицинский туризм, как внутренний, так и въездной, развивается стремительно. Так, одним из трендов текущего периода стало востребованность санаторно-курортного лечения.

Чтобы не отставать, необходимо совершенствовать его сервис, инфраструктуру, внедрять современные достижения науки и техники в медицине, совершенствовать ценовую политику. Для содействия развитию медицинского туризма была создана Российская ассоциация медицинского туризма, предоставляющей программы медицинского туризма на уровне мировых стандартов. В стране формируются региональные туристско-рекреационные кластеры со специализацией на медицинском туризме. В настоящее время россияне на фоне постковидных ограничений и необходимости укрепить свое здоровье стали более активно заниматься поиском санаторно-курортного лечения в отдаленных регионах. Для привлечения таких туристов необходимо постоянно совершенствовать и развивать всю систему санаторно-курортного комплекса и проводить грамотную ценовую политику. По представленным экспертно-аналитическим центром Российской Федерации данным установлено, что наибольшее количество туристов с медицинскими целями прибывают в Россию из стран СНГ и Китая. Основной туристский поток традиционно направляется в Москву и набирает обороты медицинский туризм в Сибирском федеральном регионе. Самым популярным медицинским направлением среди иностранных пациентов являются стоматологические услуги (44 % от емкости рынка медицинских услуг). К популярным направлениям относятся гинекология и урология (25 % емкости рынка); пластическая хирургия и офтальмология – по 10 %; кардиология – 5 %. Востребованы лечение стволовыми клетками; лечение редких болезней и трансплантология.

Туризм – это глобализированная индустрия. Оздоровительный и оздоровительно-медицинский туризм признан одним из наиболее развитых и процветаю-

щих в индустрии туризма. Ключевыми критериями являются опыт и репутация врача, оценка состояния здоровья, международные сертифицированные врачи и персонал, безопасность качества лекарств, качество медицинского лечения, высокое качество медицинской помощи, ориентация медицинского персонала на обслуживание, передовое медицинское лечение, доступность лекарств, аптека на месте и помощь по рецепту, время ожидания лечения от времени до первого контакта с реальным лечением, качество требуемого лечения и контактная информация больницы, которые оказывают значительное положительное влияние на туристическую привлекательность и намерение повторных приездов [13].

Необходимо усилить государственный маркетинг в продвижении въездного внутреннего медицинского туризма, развитие которого должно основываться на потребностях территорий / туристических дестинаций, и его коренного населения, оценку потенциала локализованных в них медицинских учреждений, инфраструктуру и траектории социально-экономического развития регионов. Перспективным направлением является продвижение через фасилитаторов и медийные агентства, а также сертификация медицинских учреждений для формирования системы рейтинга [14].

Огромный рост охвата глобальных СМИ к медицинскому туризму сопровождается появлением новых направлений, расширением существующих направлений, появлением компаний, занимающихся медицинским туризмом, появлением путеводителей, специализированных отраслевых журналов, конвенций по медицинскому туризму и запоздалым академическим интересом [15].

В настоящее время «старение» населения на Земном шаре можно отнести к факторам развития инновационных технологий в области медицины.

Пандемическая ситуация в период 2019–2020 гг. во всем мире привела к изменению возможностей развития медицинского туризма в результате сокращения международных поездок и меньшей мобильности между регионами. С 2021 года в силу ослаблений постковидных ограничений на фоне ухудшения физического здоровья и негативного отражения на психическом состоянии людей в результате длительного карантина и самоизоляции возникла необходимость последующей длительной оздоровительной реабилитации, что и определяет траекторию дальнейшего развития медицинского туризма [16–18], который, по мнению М. С. Оборина [19], направлен на лечение выявленных заболеваний.

Люди выезжают на лечение в другие страны и/или регионы своей страны для получения конкретных или узкоспециализированных видов высокотехнологичной медицинской помощи – 42 % от общего количества медицинских туристов; более высокого качества медицинских услуг – 33 % туристов; оперативной медицинской помощи – 15 % туристов; более дешевого лечения – 10 % туристов [20]. К индикаторам эффективности туризма отдельных регионов относятся ресурсный потенциал и развитость туристской инфраструктуры, брендированность турпродукта и регионов, ассоциативное продвижение и маркетинг территорий [21]. Соответственно, в основе организации медицинского туризма заложено симбиотического развитие обеих составляющих медицинского туризма: оказание медицинских услуг и развитие досугового отдыха.

ОБСУЖДЕНИЕ.

Можно отметить, что медицинский туризм находится на стыке 2-х социально-значимых сфер: системы здравоохранения и индустрии туризма. Исследование различных подходов к определению медицинского туризма позволяет констатировать институциональное закрепление понятия медицинского туризма, как вида туризма, включающего в себя санаторно-курортный и оздоровительный туризм с элементами досугового отдыха вне региона постоянного местожительства. При этом наблюдается повышение разнонаправленного интереса со стороны людей, проходящих лечение или реабилитацию к получению дополнительных туристских услуг, и

со стороны туристов к получению оздоровительных услуг во время путешествий.

Формирование собственно санаторно-курортного продукта представлено в виде мультиабутивной модели, или 4-х продуктов, которые могут находиться в одной капсуле и/или предлагаться в разных сочетаниях (рисунок 1).



Рисунок 1 – Мультиабутивная модель санаторно-курортного продукта по теории Левитта – Котлера

Представленная модель санаторно-курортного продукта отличается своей вариабельностью выбора услуг в зависимости от спроса потенциальных туристов.

Для развития въездного медицинского туризма в принятом федеральном проекте «Развитие экспорта медицинских услуг» в рамках национального проекта «Здравоохранение» обозначено, что финансирование будет направлено для роста экспорта медицинских услуг в результате повышения уровня информированности иностранных граждан о медицинских услугах, оказываемых на территории РФ, и для формирования координирующего центра по вопросам экспорта медицинских услуг. Развитию медицинского туризма для населения нашей страны способствует проводимая с 2022 года политика государства через Программу «Туристического кешбэка».

В результате цифровизации и развития информационно-коммуникационных технологий активное распространение мобильных приложений относится к эффективному инструменту развития медицинского туризма за счет сокращения транзакционных издержек потребителя и повышения информированности потребителей о предоставляемых медицинских услугах [22] для продвижения медицинского туризма. Важным шагом в этом направлении является создание в России Ассоциации медицинского туризма, объединяющей медицинские учреждения, туристские компании и частнопрактикующих врачей, и деятельность которой направлена на реализацию национальной концепции развития медицинского туризма.

ВЫВОДЫ

Развитие медицинского туризма попадает в траекторию развития туризма в целом как значимого социально-экономического явления и инновационного развития здравоохранения, в частности технологий здоровьесбережения населения страны. Медицинский туризм относится к перспективному виду туризма, сочетающего возможность путешествия и оздоровления и одновременно определяющего цель путешествия и формирующего траекторию развития экономики принимающих стран и территорий. Формирование государственно-частного партнерства в продвижении, совместном субсидировании проектных решений, направленных на сохранение природных лечебных ресурсов, улучшение материально-технической базы, подготовку высококлассных специалистов при условии здоровой конкуренции регионов и конкурентоспособного национального рынка, разработка политики инвестиционной привлекательности для частных инвесторов, позволит обеспечить рост медицинского туризма в нашей стране за счет современных технологий в здравоохранении, в том числе по ре-

абилитационным программам восстановления здоровья и лечения постковидного синдрома в зависимости от степени негативного влияния и наличия сопутствующих заболеваний. Перспективность дальнейших исследований в данном направлении определяется региональными особенностями развития медицинского туризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sarantopoulos I. A., Vicky K., Mary G. Supply Side Investigation of Medical Tourism and ICT Use in Greece // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 148. P. 370-377.
2. Никитина О.А. Организационно-экономические модели развития международного медицинского туризма: выбор модели для России // *Вестник Евразийской науки*. 2018. Т. 10, № 5. URL: <http://esj.today/issue-5-2018.html>.
3. Васильева Т.П., Мелерзанов А.В., Алмазов А.А., Васильев М.В., Александрова О.Ю. Оценка инновационности технологий здоровьесбережения населения // *Врач и информационные технологии*. 2020. № 2. С. 6-20.
4. Global Wellness Economy Monitor /Global Wellness Institute. 2018, October, 96 p. Global Wellness Institute. Statistics & Facts / Global Wellness Institute. – URL: <http://www.globalwellnessinstitute.org/pressroom/statistics-and-facts/>.
5. Крестьянинова О.Г. Медицинский туризм: сущность и перспективы развития // *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2019. № 3 (49). С. 66-69.
6. Ермаков Б.А., Каташина Т.Б. Медицинский туризм: компонент системы здравоохранения или сегмент туристской сферы // *Профессорский журнал. Серия: рекреация и туризм*. 2020. № 1 (5). С. 4-12.
7. Kaushik D., Rustagi A. Medical tourism: Aglobalindustry // *J. of statistics & management systems*. 2020. Vol. 23, № 7. P.1241-1249. DOI: 10.1080/09720510.2020.1799581.
8. Путьков Ю.С. Исторические пути и традиции развития медицинского туризма в России // *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*. 2020. № 1 (5). С. 13-17.
9. Миронов В.И., Ходасевич Л.С. Санаторно-курортное лечение как сегмент рынка медицинского туризма в регионе большого Сочи // *Курортная медицина*. 2020. № 4 С. 113-123.
10. Акимова А.В. Современное состояние медицинского туризма в России // *Modern Science*. 2021. № 1-2. С. 30-32.
11. Campra M., Riva P., Oricchio G., Brescia V. Bibliometric analysis of medical tourism // *Health services management research*. 2021:09514848211011738. DOI 10.1177/09514848211011738.
12. Ibragimova G.M., Kovalenko V.V., Davydova L.A., Gerkina E. A. Medical tourism - A rapidly developing, promising industry // *Turismo-estudios e practicas*. 2020. Vol. 5. P. 1-7.
13. Wang J.H., Feng H., Wu Y. Exploring key factors of medical tourism and its relation with tourism attraction and re-visit intention // *Cogent social sciences*. 2020. Vol. 6. № 1:1746108. DOI: 10.1080/23311886.2020.1746108.
14. Бондаренко В.А. Государственный маркетинг в развитии въездного медицинского туризма в России // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2020. № 5. С. 44-51.
15. Katermina V.V., Chernova I.V. Medical discourse and promotion in the field of medical tourism: pragmatic approach // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. 2021. № 14. С. 78-87.
16. Семина Т.В., Тертышный А.А., Прядкин В.В. Идеология здоровьесбережения: кризис социальных и правовых сервисов мирового сообщества в период пандемии // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2022. Т. 28, № 2. С. 121-139. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-166-191.
17. Tileva I.G. How technologies will affect the future of international medical tourism // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2021. № 3. С. 308-318.
18. Игнатова Е.В. Оценка предпосылок развития медицинского туризма в посткризисный период // *Журнал правовых и экономических исследований*. 2020. № 3. С. 139-143.
19. Оборин М.С. Медицинский туризм как специальный вид услуг // *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16, № 1(98). С. 179-187. DOI: 10.24412/1995-042X-2022-1-179-187.
20. Wellness Economy Reports 2018 [Online] Available. URL: <http://globalwellnessinstitute.org/industry-research/> (February 15, 2020).
21. Тимакова Р.Т., Пьянкова С.Г. Промышленный туризм как инструмент устойчивого развития // *Научные труды ВЭО России*. 2022. № 236. С. 329-344. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-329-344.
22. Ананчикова П.И. Информационно-коммуникационные системы как фактор развития медицинского туризма // *Бюллетень Национального научно-исслед. института общественного здоровья им. Н.А. Семашко*. – 2022. № 3. С. 40-43. DOI: 10.25742/NRIPH.2022.03.007.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests

Received date: 09.07.2023

Approved date: 23.07.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 330.8

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_24



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

НЕОИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ КОРПОРАЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

© Автор(ы) 2023

БРИЖАК Ольга Валентиновна, доктор экономических наук, доцент,
профессор Департамента экономической теории
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, Россия, Москва, brizhak71@mail.ru

SPIN: 6765-1210

AuthorID: 280260

ORCID: 0000-0003-3744-0950

ScopusID: 57202497278

ТОЛСТОБОКОВ Олег Николаевич, кандидат технических наук, доцент, доцент
кафедры управления и экономики

Институт развития дополнительного профессионального образования
115093, Россия, Москва, tolstobokov@yandex.ru

SPIN: 4077-2406

AuthorID: 452754

ORCID: 0000-0002-2068-5794

ScopusID: 57537122900

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования наиболее специфической характеристики современных корпораций в экономике больших данных – дополнения сделок участников рынка их совместным исполнением. Автор исходит из того, что совместная деятельность обладает высоким адаптационным потенциалом к изменениям внешней среды, что позволяет ей интегрироваться в различные сложные социально-экономические проекты, формирующиеся под влиянием глубоких технологических сдвигов и связанных с ними социальных и экономических реформы. Автор описывает этапы жизненного цикла совместной деятельности в корпоративном производстве, выделяет ключевые характеристики современного рынка, которые обуславливают необходимость дополнения сделок корпоративных участников рынка их совместной деятельностью: спецификация сделки; расширение цепочек поставок продукции, создающей стоимость; доминирование на рынке сетевых структур, гибко соединяющих многочисленные звенья глобальных цепочек создания стоимости и координирующих отношения в них, порождающих эффект сотрудничества, предполагающий привлечение передовых компетенций. Определены новые формы совместной деятельности, поддерживающие транзакции и соответствующие доминирующему подходу к управлению проектами: форма сотрудничества и совмещения деятельности в рамках проектного консорциума; форма совместного исполнения в рамках организационного договора, устанавливающая долгосрочный порядок взаимосвязанного исполнения его участниками; форма совместной деятельности в рамках предпринимательского объединения, предполагающая общие цели извлечения прибыли путем реализации комплексных проектов, требующих согласования интересов и совместного принятия решений; форма совместного исполнения в рамках EPC-контрактов, представляющая собой сочетание инжиниринга, поставки необходимых ресурсов и разработки требуемого продукта или какого-либо другого объекта; территориальная политическая и управленческая команда как перспективная форма организации совместной работы по реализации комплекса проектов развития территории; межтерриториальная политико-управленческая команда как привлекательная форма организации совместной работы по реализации комплекса конкретных проектов по развитию нескольких территорий. Полностью оправдан вывод о том, что рыночная власть и слабость современных корпораций в экономике больших данных определяются тем, как в ней представлена совместная деятельность.

Ключевые слова: корпорация, сделки, совместное выполнение, этапы цикла, адаптация, интеграция, формы, проектные консорциумы, политическая и управленческая команда, проектный подход, интеллектуальные тресты.

NEO-INDUSTRIAL MODEL OF DEVELOPMENT OF CORPORATIONS IN THE ECONOMY OF BIG DATA

© The Author(s) 2023

BRIZHAK Olga Valentinovna, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory

Financial University under the Government of the Russian Federation

125993, Russia, Moscow, brizhak71@mail.ru

TOLSTOBOKOV Oleg Nikolaevich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor

Department of Management and Economics

Institute for the Development of Additional Professional Education

115093, Russia, Moscow, tolstobokov@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of a study of the most specific characteristic of modern corporations in the big data economy - the addition of transactions of market participants by their joint execution. The author proceeds from the fact that joint activity has a high adaptive potential to changes in the external environment, which allows it to be integrated into various complex socio-economic projects that are formed under the influence of deep technological shifts and related social and economic reforms. The author describes the stages of the life cycle of joint activities in corporate production, highlights the key characteristics of the modern market, which necessitate the addition of transactions by corporate market participants with their joint activities: transaction specification; expanding supply chains for value-added products; dominance in the market of network structures that flexibly connect numerous links of global value chains and coordinate relations in them, generating the effect of cooperation, involving the involvement of advanced competencies. New forms of joint activities were identified that support transactions and correspond to the dominant approach to project management: a form of cooperation and combination of activities within the framework of a project consortium; a form of joint execution within the framework of an organizational agreement that establishes a long-term procedure for the interconnected execution of its participants; a form of joint activity within the framework of an entrepreneurial association, involving the common goals of making a profit through the implementation of complex projects that require coordination of interests and joint decision-making; a form of joint execution under EPC contracts, which is a combination of engineering, supply of the necessary resources and development of the required product or some other object; territorial political and administrative team as a promising form

of organizing joint work on the implementation of a complex of projects for the development of the territory; inter-territorial political and management team as an attractive form of organizing joint work on the implementation of a set of specific projects for the development of several territories. The conclusion that the bargaining power and weakness of modern corporations in the big data economy is determined by the way in which joint activity is presented is fully justified.

Keywords: corporation, transactions, joint execution, cycle stages, adaptation, integration, forms, project consortia, political and management team, project approach, intellectual trusts.

ВВЕДЕНИЕ

Длительное воздействие глубоких технологических сдвигов и связанных с ними социально-экономических преобразований изменило взаимодействия между корпорациями, многие ранее сформировавшиеся представления о нем уже не соответствуют действительности. Для его современного состояния характерны новые черты, изучение которых только начинается. Одной из них является дополнение классических корпоративных транзакций элементами в условиях цифровой экономики совместной деятельности. Такое дополнение придает корпоративному взаимодействию новые возможности, востребованные в условиях нарастающих преобразований. Результаты проводимого исследования востребованы в целях формирования новых концептуальных представлений о совместной деятельности корпораций в условиях цифровой экономики.

МЕТОДОЛОГИЯ

Углубленное исследование указанной особенности корпоративного взаимодействия предполагает применение системного подхода и познавательных ресурсов эволюционной и институциональной теорий, а также теорий корпорации, социальной деятельности, контрактов, цепочек создания стоимости, публичного управления. Совместная деятельность корпораций принадлежит к феноменам общественно-хозяйственной жизни, возникшим еще в начале нового времени [1; 2; 3]. Преобразуясь и проявляя высокий потенциал адаптации к меняющимся условиям внешней среды, она продолжает развиваться в условиях глубоких технологических сдвигов и общественных трансформаций. Раскроем конституирующие признаки совместной деятельности корпораций:

- выдвигание совместных целей ее участниками на основе формирования ими общих потребностей и согласования их интересов;

- распределение функций и объемов деятельности между участниками в соответствии с выдвинутыми целями, наличием консенсуса в отношении средств их достижения, компетенций и общих условий ее осуществления;

- согласованный обмен элементами деятельности, их кооперация, комбинирование и переплетение в процессе достижения выдвинутых целей, подкрепляемые обменом информацией, опытом и компетенциями;

- формирование устойчивой взаимозависимости ее участников, проявляющейся в виде солидарной ответственности за достижение выдвинутых ими целей, а также в виде временной формы общности ее участников;

- самоорганизация ее участников в рамках указанной формы общности, закрепление за ними конкретных функций на время ее осуществления, создание ими временных органов саморегулирования, обеспечение представительства и защиты совместных интересов во внешней среде, что соответствует формированию интегрированных субъектов экономики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выделим ряд фаз, составляющих цикл развития совместной деятельности в товарном производстве. В каждой из таких фаз происходит соединение совместной деятельности с транзакциями ее участников:

- фаза кооперации, на которой деятельность совокупности ее участников осуществляется на общей платформе, с взаимной поддержкой и обменом опытом, но без четкого разделения ее на элементы;

- фаза разделения совместной деятельности на элементы, закрепляемые за отдельными участниками как их функции, что происходит на основе договоренности между ними или на основе команды собственника капитала;

- фаза кристаллизации совместной деятельности в прочную организационную структуру корпорации как интегрированного субъекта экономики, обладающего статусом особого участника транзакций. Здесь при условии снижения издержек происходит замещение рыночных транзакций подчиненной капиталу деятельностью, локализованной в корпорации [4]. В итоге совместная деятельность сворачивается, поскольку взаимодействия в корпорации происходят под контролем собственников капитала. Вместе с тем, в этой фазе создаются условия возобновления совместной деятельности с участием интегрированных субъектов.

В кризисных ситуациях издержки ряда корпораций возрастают, вследствие чего они распадаются с выделением организационных структур, обладающих меньшим размером и большей гибкостью. При росте экономики доминирует, как правило, противоположный процесс, в котором транзакции и совместная деятельность независимых участников рынка сменяются их субординацией и взаимодействием, продиктованными потребностями и интересами развития крупного капитала [5]. В движении корпоративного капитала один цикл развития совместной деятельности переходит в другой, что приводит к их сцеплению и обеспечивает потребности приспособления данной деятельности к изменениям в технологиях [6]

Определим специфические характеристики развития цифровой экономики, обуславливающие необходимость дополнения корпоративных транзакций совместной деятельностью.

Первой из таких характеристик является специфика корпоративных транзакций [7]. С одной стороны, стратегически ориентированное транзакционное взаимодействие корпораций приводит к взаимному приспособлению активов, выдвигаемых целей, форм поведения корпораций. С другой стороны, их цифровые транзакции осуществляются в условиях растущей неопределенности, обременения высокими рисками, обостряющейся конкуренции. Разрешение этого противоречия предполагает создание системных механизмов защиты сложных и регулярно повторяющихся сделок:

- с одной стороны, специальных детализированных контрактов, учитывающих практически все факторы, влияющие на такие сделки, а также риски, связанные с нарушением возникающих в них обязательств;

- с другой стороны, взаимодействия участников таких сделок, в том числе, выявления, представительства и обеспечения общих потребностей и интересов, саморегулирования взаимоотношений, разработки и осуществления проектов продвижения совместно производимых продуктов, диффузии накопленного опыта, формирования новых компетенций и др.

В первом случае создается транзакционный механизм защиты сделок, во втором случае – механизм совместной деятельности. Эффективная защита сделок обеспечена при условии, что оба механизма согласованы друг с другом, что приводит к формированию системного качества связей между участниками. Выделим здесь ряд вариантов:

- включение участников сделок в состав одного холдинга, что приводит к превращению рыночных транзакций в операции по движению ресурсов и продуктов в его внутренней среде, а совместную деятельность участников рынка трансформирует в управляемое взаимодействие участников этой среды. В связи с увеличением специфичности активов и ростом транзакционных издержек в цифровой экономике концентрация и централизация капитала привели к созданию гигантских кор-

поративных предприятий, контроль которых зачастую носит трансграничный характер. В условиях высокой неопределенности обозначились пределы указанного процесса, а именно недостаточная гибкость гигантских корпораций. Данное обстоятельство обусловило поиск иных вариантов формирования системного качества экономических связей для защиты сложных сделок [8];

- возникновение гибких кластерных структур, а также иного рода добровольных объединений участников цифровой экономики, в основе которых – действие сил рыночного притяжения, стягивающих участников специфицированных транзакций в рыночные системные образования. Одни из них подводят под себя цифровые платформы, что обеспечивает их устойчивость, другие – ограничиваются соглашениями о взаимодействии в рамках реализации конкретных проектов или защиты общих интересов. В рамках таких системных образований подготовка эффективных транзакций предполагает различные формы совместной деятельности участников – от выявления общих интересов до согласования специальных контрактов или проектов создания цифровых платформ. В современной научной литературе наиболее разработаны кластерные структуры [9]; менее исследованы иные добровольные объединения участников цифровой экономики [10]. Совместная деятельность придает системным образованиям участников цифровой экономики способность находить и рационально использовать скрытые внутренние ресурсы развития, потребность в которых в условиях обострения пространственной конкуренции резко возрастает.

Второй из интересующих нас характеристик развития цифровой экономики является удлинение цепочек создания стоимости. Благодаря глобальной интеграции и прорывам в области цифровых технологий, такие цепочки приобретают глобальный характер. Они организуются на основе отбора наиболее конкурентоспособных участников, представляющих все стадии жизненного цикла товара. Чем длиннее такие цепочки, тем менее эффективно объединение всех указанных стадий в рамках холдинга с жесткой вертикалью экономической власти и управления. Задачи формирования оптимальной цепочки создания стоимости в условиях высокой неопределенности эффективно решаются в рамках гибкой структуры, обеспечивающей адаптивное взаимодействие многих корпораций, распределенных между различными национальными экономиками. Выделим в формировании цепочек создания стоимости моменты, обуславливающие необходимость дополнения транзакций совместной деятельностью:

- встраивание в такие цепочки участников, наделенных существенными различиями в уровнях развития, культуре и др. Глобальные цепочки создания стоимости могут связать таких участников при условии активного взаимодействия, приводящего их к «общему знаменателю» создания стоимости;

- обеспечение взаимодействий национальных «вертикалей» власти и управления в области регулирования формирования глобальных цепочек создания стоимости. Национальные экономики постепенно теряют контроль над производством продуктов, которые прежде были объектами престижа собственного производства. Это обуславливает необходимость взаимодействия государственных органов в процессе согласования национальных механизмов корпоративного регулирования, национальных проектов, стратегических планов и др. Каждая страна в современных условиях вынуждена участвовать в кооперации национальных вкладов публичного управления в налаживание и проектирование указанного процесса [11].

Третьей характеристикой развития цифровой экономики, обуславливающей необходимость дополнения транзакций совместной деятельностью, является доминирование сетевых структур. В сетях, соединяющих многие звенья глобальных цепочек создания стоимости, координируются связи. При этом возникает эффект кол-

лаборации – соединения и сращивания рыночных сделок с совместной деятельностью. Перед тем, как включить в свой состав новые звенья, сети изучают их, оценивают их текущую конкурентоспособность и потенциал ее наращивания, примеряют их к уже существующим звеньям, разрабатывают соответствующие формы контрактов, составляют прогнозы изменения рыночной ситуации после такого включения, формируя платформу для сделки. Это происходит с широким привлечением владельцев высокоразвитых компетенций. В дальнейшем оформленная сделка становится основой для дальнейшего взаимодействия, обеспечивающего потребности формирования конкурентных преимуществ сети [12]. Благодаря эффекту коллаборации, конкуренция сближается и переплетается с кооперацией [13].

Совместная деятельность корпораций в цифровой экономике придает их транзакциям новое качество, обеспечивает необходимый баланс между вертикальными и горизонтальными связями, создает импульсы обновления. В среде корпоративных транзакций возникает новые формы совместной деятельности, необходимые для адаптации к переменам.

ОБСУЖДЕНИЕ

В цифровой экономике возникают новые формы совместной деятельности корпораций, востребованные для подкрепления рыночных транзакций:

(а) Кооперация и комбинирование деятельности корпораций в рамках проектного консорциума, в которую вовлекаются субъекты сфер промышленности, науки и образования, финансов и др. Данная форма получила достаточно широкое распространение и показала себя эффективной в реализации проектов форсированного инновационного развития национальных экономик, не относящихся к ядру мирового развития [14]. Она позволяет сконцентрировать ограниченные ресурсы на приоритетах проекта. Проектный консорциум ориентирован на цели прорывного характера: ускорение создания инноваций; формирование новых рынков; преобразование существующих рынков и др. Осуществление совместной деятельности в рамках проектных консорциумов дает возможность корпорациям получать расширенный доступ к новым технологиям.

Для российских корпораций определяющее значение имеют технологические консорциумы, которые независимы от ограничений, накладываемых принадлежностью к определенной юрисдикции. В связи с концентрацией интеллектуального капитала и нематериальных активов они близки к интеллектуальным трастам. Понятие консорциума в российском праве не определено, что ограничивает развитие данной формы совместной деятельности.

(б) Форма совместной деятельности в рамках организационного договора, устанавливающего порядок взаимосвязанной деятельности участников. Организационный договор содержит в себе условия заключения и меры по выполнению последующих соглашений участников и применяется несколькими корпорациями, полагающими, что они устанавливают между собой долгосрочные отношения, в которых могут сложиться различные ветви взаимодействия [15]. Это придает данной форме гибкость и позволяет ее участникам приспособиться к различным сценариям развития их отношений, что неизбежно при реализации проектов цифровой экономики. Понятие организационного договора в российском праве также не определено.

(с) Форма совместной деятельности в рамках предпринимательского объединения, вырастающая на основе развития обычного договора о совместной деятельности. Такая форма предполагает объединение ресурсов и деятельности нескольких корпораций, что обеспечивает устойчивую взаимосвязь между ними, в том числе, с использованием имущественной зависимости, когда возникает структура холдинга. Участниками данной формы совместной деятельности выдвигаются цели из-

влечения прибыли на основе реализации сложных проектов, требующих согласования интересов и принятия совместных решений, что предполагает разработку и проведение единой политики [16]. Отметим, что четкое регулирование данной формы совместной деятельности дает возможность уменьшить зоны потенциального хаоса в развитии инновационных процессов.

(d) Форма совместной деятельности в рамках ЕРС-контрактов, представляющих собой соединение инжиниринга, поставки ресурсов, создания требуемого товара или иного объекта. В ее рамках подрядчик, разрабатывающий базовую инженерную составляющую всего сложного проекта, берет на себя ответственность за выполнение проекта в целом, что становится положением контракта. Он принимает на себя все риски реализации проекта и в целях их регулирования инициирует сложные взаимодействия между остальными участниками. Результатами таких взаимодействий становятся его соглашения с ними. Отметим, что характерное для данной формы сочетание совместной деятельности и сделок, фиксирующих ее результаты на всех стадиях реализации сложных проектов, востребовано в цифровой экономике. Определим условия успешного применения этой формы:

- заказчик и подрядчик проекта достигают согласия и четко фиксируют в контракте спецификации работ, план-график финансирования, требования к качеству и санкции за отклонения от них, этапы реализации проекта и сроки их сдачи, размеры неустойки за нарушение сроков проекта в целом;

- подрядчик и остальные участники реализации данного проекта на всех стадиях его реализации достигают согласия и фиксируют в контрактах требования к поставкам ресурсов и качеству работ, сроки, способы расчетов, размеры санкций, способы контроля и др. [17].

Форма совместной деятельности в рамках ЕРС-контрактов продуктивна, если единые принципы пронизывают все уровни и стадии реализации проекта, а ключевое взаимодействие заказчика и подрядчика подчиняет себе остальные взаимодействия в рамках реализации проекта.

(e). Территориально-корпоративная команда как форма организации совместной деятельности для реализации совокупности проектов развития территории с участием стратегических корпоративных инвесторов. Такая форма пока не представлена в современной практике. Вместе с тем, опыт реализации национальных проектов, накопленный за последнее десятилетие, а также необходимость активизации развития множества территорий депрессивного типа [18], свидетельствуют о потребности в ней.

Определим условия ее продуктивности: создание временных команд для подготовки и реализации конкретных проектов с включением в их состав представителей органов территориального управления, корпоративных менеджеров и экспертов в области проектного менеджмента; формирование благоприятной институциональной среды для таких команд, разработка для них специальных контрактов; обеспечение соразмерности ответственности и вознаграждения по результатам реализации проектов [19].

Реализации данной идеи препятствует институциональная неопределенность как национальных, так и территориальных проектов, не детализированных в российском законодательстве. Дополнение элементами совместной созидательной деятельности рыночных транзакций с участием территорий и корпораций в условиях цифровой экономики придает сторонам такого взаимодействия новый импульс развития, поскольку именно в такой деятельности складываются и реализуются эффективные капитальные комбинации, в которые входят приносимые транзакциями товары, услуги, рабочая сила, интеллектуальный капитал, технологии [20].

Цикл развития совместной деятельности корпораций сформирован сменой трех фаз, в каждой из которых

происходит соединение данной деятельности с транзакциями участников: фазой кооперации, на которой деятельность совокупности ее участников осуществляется на общей платформе, с взаимной поддержкой и обменом опытом, но без разделения ее на элементы; фазой разделения совместной деятельности на ряд элементов, которые закрепляются за отдельными участниками как их функции; фазой кристаллизации совместной деятельности в прочную организационную структуру холдинга как интегрированного субъекта экономики, обладающего статусом особого участника транзакций, где происходит замещение рыночных транзакций координированной в рамках холдинга деятельностью.

ВЫВОДЫ

Необходимость дополнения транзакций корпораций их совместной деятельностью обуславливают ключевые характеристики цифровой экономики: спецификация транзакций; удлинение цепочек создания стоимости; доминирование сетевых структур, гибко соединяющих многие звенья глобальных цепочек создания стоимости и координирующих связи в них с возникновением эффекта коллаборации – органичного соединения и дальнейшего сращивания рыночных сделок с совместной деятельностью.

Цифровой экономикой востребованы новые формы совместной деятельности, подкрепляющие транзакции и корреспондирующие с доминирующим в ней проектным подходом:

- кооперация и комбинирование деятельности корпораций в рамках проектного консорциума;

- форма совместной деятельности в рамках организационного договора, определяющего порядок взаимозависимой деятельности корпораций: способ возникновения и основные условия реализации перспективных обязательств имущественного характера; меры, которые могут быть приняты для повышения продуктивности совместной деятельности;

- форма совместной деятельности в рамках предпринимательского объединения с выдвиганием общих целей извлечения прибыли на основе реализации сложных проектов, требующих согласования интересов корпораций и принятия ими совместных решений;

- форма совместной деятельности в рамках ЕРС-контрактов, представляющих собой соединение инжиниринга, поставки необходимых ресурсов и создания требуемого товара или иного объекта;

- территориально-корпоративная команда как форма организации совместной деятельности территории и крупных корпоративных инвесторов для реализации совокупности проектов развития.

Полученные автором результаты относятся к одному из перспективных направлений социально-экономических исследований, что обуславливает новизну и дискуссионный характер положений, выводов и рекомендаций, представленных в статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уильямсон О.Э. Аутсорсинг: транзакционные издержки и управление цепочками поставок // *Российский журнал менеджмента*. 2010. Том 8. №1. С.71–92.
2. Fally T. *Production Staging: Measurement and Facts*. University of Colorado, 2012. P.34–42.
3. Полтерович В.М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики*. 2016. №11. С.5–23.
4. Шепакин М.Б., Брижак О.В. *Внутрикорпоративные экономические отношения: специфика России*: монография / (2-е издание, переработанное и дополненное) Краснодар, 2015. 207 с.
5. Brizhak O.V., Tolstobokov O.N. *Forming the new industrial core of Russian industry: problems and perspectives* *Research in Economic Anthropology*. 2022. Т. 42. С.155–160.
6. Отчет руководства ПАО «Полюс» за 2019 г. М.: Полюс Золото, 2022. С. 74.
7. Уильямсон О.Е. *Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, реляционные контракты*. СПб.: Лениздат, 2012. 702 с.
8. Брижак О.В. *Корпоративные отношения в современной российской экономике и их влияние на инновационное развитие* // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2014. № 1. С. 4–9.
9. Брижак О.В. *Корпоративный капитал: трансформационный контекст (историко-теоретические рефлексии)* // *Философия хозяй-*

[ства](#). 2017. № 6 (114). С. 53-69.

10. Брижак О.В. [«Экономика участия»: проблемы российских корпораций](#). В сборнике: Управление экономикой: методы, модели, технологии. материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах, 2015. С. 71-74.

11. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и скрытых удовольствиях бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С.38-52.

12. Брижак О.В. [Современные проблемы российских корпораций: необходимость системного подхода](#) // [Экономическая наука современной России](#). 2016. № 1 (72). С. 19-28.

13. Burlingham B. *Small Giants: Companies That Choose to Be Great Instead of Big*. NY: Portfolio, 2012. 186 p.

14. Capello R. *Space, Growth and Development: A Historical Perspective and Recent Advances*. In: *Handbook of Regional Growth and Development Theories* // Edward Elgar Publishing. Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA, 2012. P.24-47.

15. Губанов С.С. [Неоиндустриальная парадигма развития: основы и значение](#). В книге: Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. Екатеринбург, 2018. С.27-61.

16. Плетнёв Д.А., Наумова К.А. [Модель быстрорастущей компании в промышленности России](#) // [Экономическое возрождение России](#). 2021. № 2 (68). С. 98-112.

17. Brizhak O., Polyakov R. [Creative impetus for the Development of innovation Clusters of the Russian Economy](#). В сборнике: *Ecosystems Without Borders: Opportunities and Challenges*. Conference proceedings. Springer Nature Switzerland AG, 2022. С.99-104.

18. Shinkevich A.I., Ershova I.G., Galimulina F.F. [Forecasting the efficiency of innovative industrial systems based on neural networks](#). *Mathematics*. 2023. T. 11. № 1. С. 164.

19. Брижак О.В. [Стратегия управления развитием корпоративного капитала: региональный аспект](#). В сборнике: Реформирование региональной экономической модели: цели, вызовы, возможности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 24-29.

20. Шумпетер Р. Дж. Теория экономического развития. М.: Прогресс. 2008, 316 с.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 20.07.2023

Approved date: 03.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.24

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_25



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ РЫНКА УСЛУГ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В ПЕРИОД БЕСПРЕЦЕДЕНТНОГО ДАВЛЕНИЯ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ

© Автор(ы) 2023

ХАЗАНОВ Леонид Александрович, аспирант

АО ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
121108, Россия, Москва, khazanovl@yandex.ru

SPIN: 6282-7087

AuthorID: 1208688

ORCID: 0009-0006-3726-3594

Аннотация. Данная статья исследует важную тему адаптации рынка общественного питания России в условиях санкций со стороны Запада. В период экономических ограничений предприятиям общественного питания приходится сталкиваться с вызовами и искать инновационные стратегии для привлечения клиентов и оптимизации издержек. Статья обращает внимание на важность использования современных технологий, таких как онлайн-сервисы доставки, автоматизированные системы управления заказами и мобильные приложения, которые помогают предприятиям привлекать новых клиентов и повышать качество обслуживания. Особое внимание уделяется анализу роли логистики и управления цепями поставок в адаптации предприятий. В условиях нарушения логистических цепочек из-за санкций, предприятия вынуждены применять современные логистические решения для обеспечения устойчивости снабжения и оптимизации процессов. Рассматривается важность разработки эффективного меню, основанного на популярных и рентабельных блюдах, а также оптимизации использования ингредиентов для снижения затрат и минимизации отходов. В контексте нехватки рабочей силы, статья подчеркивает значение обучения персонала и применения инновационных методов обучения с использованием виртуальной и дополненной реальности. В заключение, статья акцентирует внимание на значимости применения инновационных стратегий адаптации рынка общественного питания России в условиях санкций. Это позволяет предприятиям успешно функционировать в сложных экономических условиях, привлекать клиентов и оптимизировать издержки, что способствует их устойчивому развитию и успешной деятельности.

Ключевые слова: инновационные подходы, рынок общественного питания, стратегии выживания, внешние факторы, давление, санкции, франшиза, каналы сбыта, рестораны, экономическое давление.

INNOVATIVE APPROACHES AND STRATEGIES FOR SURVIVAL OF THE CATERING SERVICES MARKET IN THE PERIOD OF UNPRECEDENTED PRESSURE OF EXTERNAL FACTORS

© The Author(s) 2023

KHAZANOV Leonid Aleksandrovich, postgraduate student

Moscow Finance and Law University MFSA

121108, Russia, Moscow, khazanovl@yandex.ru

Abstract. This article explores the important topic of adaptation of the Russian catering market in the context of Western sanctions. In a period of economic constraints, catering companies have to face challenges and look for innovative strategies to attract customers and optimize costs. The article draws attention to the importance of using modern technologies, such as online delivery services, automated order management systems and mobile applications, which help enterprises to attract new customers and improve the quality of service. Special attention is given to analyzing the role of logistics and supply chain management in enterprise adaptation. With the disruption of supply chains due to sanctions, enterprises are forced to apply modern logistics solutions to ensure the sustainability of supply and optimize processes. The importance of developing efficient menus based on popular and cost-effective dishes and optimizing the use of ingredients to reduce costs and minimize waste is discussed. In the context of labor shortages, the article emphasizes the importance of staff training and the use of innovative training methods using virtual and augmented reality. In conclusion, the article emphasizes the importance of applying innovative strategies to adapt the Russian catering market under sanctions. This allows enterprises to function successfully in difficult economic conditions, attract customers and optimize costs, which contributes to their sustainable development and successful operations.

Keywords: innovative approaches, catering market, survival strategies, external factors, pressure, sanctions, franchise, sales channels, restaurants, economic pressure.

ВВЕДЕНИЕ

Рынок услуг общественного питания включает в себя все виды бизнеса, связанные с предоставлением продуктов питания и напитков для потребления на месте (в ресторанах, кафе, столовых), на вынос или через услуги доставки. Этот рынок включает различные форматы заведений от быстрого питания (фаст-фуд) до гастрономических ресторанов. Рынок общественного питания важен для экономики любой страны, так как он обеспечивает значительное количество рабочих мест, является источником налоговых доходов и содействует развитию туризма. Спрос на услуги общественного питания определяется многими факторами, включая уровень доходов населения, культурные предпочтения, демографические изменения и образ жизни. Поэтому стратегии и подходы, применяемые предприятиями данной отрасли, могут значительно варьироваться в зависимости от географии, целевой аудитории и конкретного формата заведения.

В России сектор общественного питания столкнулся с рядом беспрецедентных внешних вызовов, которые существенно повлияли на его способность к стабиль-

ной работе и росту. COVID-19 привёл к заметному сокращению посетителей из-за карантинных ограничений и изменения общественного менталитета. Санкции со стороны Запада, вызванные специальной военной операцией на Украине, осложнили импорт некоторых видов продуктов, а также усложнили финансовые операции и внешнеэкономические связи. В условиях нарушения логистических цепочек поставок, рынок общественного питания испытывает существенные затруднения в получении необходимых товаров и продуктов питания вовремя и по оптимальной стоимости, что вызвало рост цен и снижение доступности некоторых видов продуктов. Уход иностранных компаний с рынка в контексте текущей ситуации также сильно влияет на сектор общественного питания, поскольку это приводит к сокращению предложения и уменьшению конкуренции [1, с. 39]. С другой стороны, это открывает новые возможности для местных предприятий. Курс на импортозамещение в России, который стал ещё более актуальным в свете этих обстоятельств, требует от предприятий общественного питания поиска и использования новых источни-

ков поставок и переориентации на местные продукты. Таким образом, вопрос о разработке и применении инновационных подходов и стратегий выживания на рынке общественного питания в период беспрецедентного давления внешних факторов в России является крайне актуальным. Для поддержания своего бизнеса в условиях сложной внешней ситуации предприятиям необходимо проявлять гибкость, находить новые способы работы и внедрять инновации.

Иностранцами авторами, занимающимися данной тематикой, являются Дж. Л. Штейн и Г. Гетц, которые обсуждали стратегии и подходы к инновациям в пищевой промышленности и ресторанном бизнесе. Помимо этого, многие исследования в этой области основываются на работах таких ученых, как М. Портер, который изучал конкурентные стратегии и подходы к управлению бизнесом в условиях меняющейся внешней среды. Стоит упомянуть работу Ч. Хорнгрена и Г. Сандерсона, которые много писали о стратегическом управлении затратами и принятии решений в бизнесе. Они акцентировали внимание на значении эффективного управления ресурсами для выживания компаний в условиях экономического давления. П. Друкер, один из самых влиятельных мыслителей в области управления, также обсуждал важность инноваций и эффективного управления для поддержания конкурентоспособности. М. Федоров акцентировал свое внимание на исследовании тематики инноваций и управленческих решений в сфере общественного питания. Р. А. Акимова в своей публикации осуществила детальное исследование состояния и будущих возможностей развития сектора общественного питания, описала структуру данного рынка и проследила динамику его оборота. Автор выявила ключевые проблемы в данной области и предложила возможные пути совершенствования регулятивных мер. И. Ю. Барышева в своей работе рассматривала влияние закрытия иностранных заведений общественного питания на экономику страны и особенности данной отрасли. Работа П. В. Холиной и коллег представляет собой исследование структуры рынка общественного питания в России. Авторы определяют основные направления и потенциал развития отрасли, основываясь на анализе текущих трендов и тенденций. Несмотря на данные исследования, остается проблема дефицита публикаций, которые конкретно изучают стратегии предприятий общественного питания в условиях санкций со стороны Запада и политики импортозамещения в России. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данной проблематики, учитывая особенности и уникальность российского рынка общественного питания в данных условиях.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель данной статьи заключается в комплексном исследовании и анализе инновационных подходов и стратегий, которые используются предприятиями общественного питания в России для выживания в период усиленного воздействия внешних факторов, таких как санкции со стороны Запада.

В данном исследовании были применены следующие методологические подходы: анализ научной литературы для изучения проблематики исследования, а также методы математической статистики для обработки и интерпретации данных, касающихся рынка общественного питания в Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 2020 году произошло сокращение числа учреждений в сфере общественного питания на 1,7 %, в результате чего общее количество упало до 192,8 тысяч [2, с. 136]. Из-за пандемии сфера общественного питания оказалась одной из наиболее пострадавших отраслей. В условиях экономического кризиса, восстановление числа потребителей этих услуг происходило очень медленно. Многие предприятия не сумели преодолеть возникшие трудности и вынуждены были окончательно остановить свое функционирование.

Уменьшение числа заведений общественного питания было предотвращено благодаря мерам поддержки, предпринятым Правительством РФ. Отрасль, включающая рестораны и услуги доставки пищевых продуктов, была признана одной из наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 в России [3].

В ответ на экономические санкции, которые существенно сократили количество предприятий в области общественного питания, Правительство предприняло ряд решительных шагов с целью поддержать и стимулировать развитие данного сектора. Среди этих мер и проектов заметное место занимает программа предоставления грантов для создания новых объектов общественного питания и привлечения дополнительного персонала. Для поддержки предприятий, желающих восстановиться и внести свой вклад в развитие общественного питания, была разработана специальная программа предоставления грантов. Основным условием для участия в программе является открытие организации после 16 марта 2022 года, а также использование стационарного формата работы и позиционирование в среднем ценовом сегменте [4, с. 22].

Влияние сферы общественного питания на экономику государства оценивается через ряд комплексных социально-экономических индикаторов. Оно достигается за счет внедрения новых технологий обработки пищевых продуктов, развития коммуникационных сетей, совершенствования методов доставки продуктов и сырья, а также увеличения скорости многих производственных операций [5, с. 17].

На сегодняшний день в России общий вклад отраслей «Туризм, гастрономия и отдых» в ВВП страны составляет 1,6 %. Однако, согласно прогнозам правительства РФ, ожидается удвоение этого показателя до 3,2 % в пределах 2030 года, что связано с реализацией стратегии активного приспособления, цель которой – снижение доли экспортно-ориентированных секторов экономики, а также стимулирование увеличения доходов граждан и роста внутреннего спроса [6].

Приведённые на рисунке 1 данные свидетельствуют о падении числа заведений общественного питания в 2022 году на 6,7 % вследствие геополитического кризиса, введённых против России санкций, снижения платёжеспособного спроса.

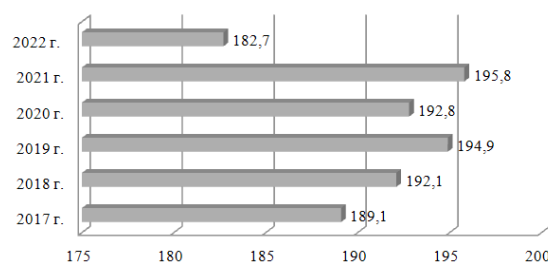


Рисунок 1 – Количество предприятий общественного питания РФ за 2020 – 2022 гг., тыс. шт. [7, с. 140]

По данным Росстата, в 2022 году общий оборот отрасли общественного питания в России увеличился на 18,3 % в сравнении с 2021 годом, достигнув 2,28 трлн рублей, и на 62,3 % по отношению к 2020 году. Большую часть этого роста можно объяснить инфляцией, которая в этой сфере достигла 13 %. Вместе с тем, и физический объем продаж увеличился на 4,7 %. Значимый вклад в прирост физического объема оборота сферы общественного питания внес последний квартал года. Так, в октябре наблюдался рост на 8,3 % по сравнению с октябрём 2021 года, в ноябре – на 15,2 %, а в декабре – на 7,4 % (рисунок 2).

Отрасль общественного питания реагирует на экономические колебания достаточно остро. На рисунке 3 отображена структура российского рынка общественного питания.

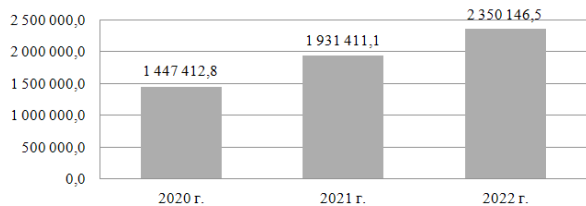


Рисунок 2 – Оборот общественного питания по Российской Федерации за 2020 – 2022 гг., млн руб.

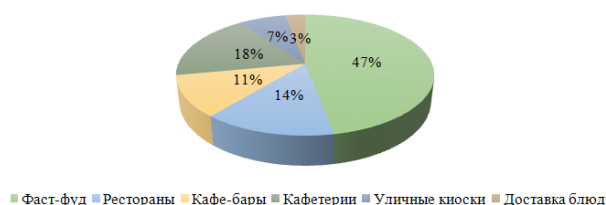


Рисунок 3 – Структура рынка общественного питания России в 2022 г., %

Указанные статистические данные подтверждают, что заведения быстрого питания все еще пользуются наибольшей популярностью, занимая 47 % от общего числа предприятий общественного питания. Этот значительный разрыв обусловлен преимуществами быстрого обслуживания и доступных цен, которые предлагает этот сегмент. Вторым по популярности форматом являются кафетерии с долей 18 %, а рестораны занимают третье место с долей 14 %.

Ключевым фактором в процессе восстановления отрасли стало быстрое приспособление крупных сетевых компаний к новым условиям работы – они обеспечили простую и скоростную доставку еды на дом, внедрили бесконтактные методы оплаты и выдачи заказов [8; 9]. К изменениям лучше всего смогли адаптироваться сетевые рестораны, в особенности заведения быстрого питания, кофейни, бары и кафе-кондитерские. Пандемия коронавируса существенно повлияла на потребительскую культуру и отрасль в целом, усилив спрос на услуги доставки. Таким образом, можно отметить, что франчайзинг стал наиболее эффективной моделью бизнеса в этой сфере. Сегодня по франшизным схемам функционируют 48 % всех сетевых ресторанов [10]. В последние годы развивается новый подход к брендингу с активным использованием социальных сетей. Заведения общественного питания стараются привлечь больше клиентов, используя сервисы агрегаторы (например, «Яндекс.Еда», «Delivery Club» и т.д.). Также набирают обороты такие форматы, как кухни-фабрики в спальных районах городов, что связано с растущей популярностью услуги доставки еды на дом [11].

Ограничения, наложенные на социальные медиа в марте 2022 года, неизбежно оказали существенное влияние на сектор общественного питания. С использованием этих цифровых платформ заведения могли привлекать новых клиентов, анонсировать специальные предложения и события, налаживать эффективное общение с аудиторией и усиливать ее лояльность, все в погоне за увеличением посещаемости и доходности. К примеру, Instagram (* принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ), который в течение нескольких последних лет служил главной интернет-площадкой для маркетинга, позволяя делиться фото и видеоматериалами, а также общаться с аудиторией в режиме реального времени.

В марте 2022 года в России было ограничено использование социальных платформ Instagram и Facebook (*

принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ), что привело к снижению числа активных пользователей на 5 и 4 миллиона ежедневно. В тот же момент, TikTok, популярная китайская социальная сеть, ограничила возможности российских пользователей публиковать контент и проводить прямые трансляции, но её дневная активность оставалась стабильной на уровне 33 миллионов пользователей. Тем временем, YouTube приостановил монетизацию для российской аудитории и находится под угрозой блокировки со стороны Роскомнадзора. Вопреки ограничениям, введенным в марте, платформы «ВКонтакте» и Telegram отметили значительный прирост в числе ежедневно активных пользователей. Согласно статистике за март, дневная аудитория «ВКонтакте» показала прирост на 4 миллиона и приблизилась к отметке в 50 миллионов активных пользователей в день, в то время как число новых аккаунтов увеличилось практически в четыре раза. Что касается Telegram, количество активных российских пользователей этого сервиса возросло с 31 миллиона до 45 миллионов ежедневно.

Ситуация за рубежом отражает аналогичные тенденции. Фастфуд продолжает доминировать, особенно в США, где этот формат изначально и был популяризован [12; 13]. Однако растет внимание к здоровому питанию, что способствует развитию сегмента кафе здоровой пищи [14]. Кроме того, на Западе активно применяются цифровые технологии для заказа еды и сервисы доставки, что позволяет сфере общественного питания адаптироваться к новым потребностям клиентов и оставаться конкурентоспособной [15; 16].

В соответствии с текущими геополитическими обстоятельствами, в частности, в результате проводимой специальной военной операции на территории Украины, рестораны столкнулись с незапланированным прекращением деятельности многих логистических и производственных цепочек [17]. Значительный удар по бизнесу нанес уход с рынка таких зарубежных поставщиков продуктов, как Lamb Weston и McCain (Северная Америка) – крупные производители замороженных картофельных изделий, итальянская компания Lavazza, специализирующаяся на производстве кофе, а также производители крепкого алкоголя Diageo и Beam Suntory.

В этих условиях отмечается заметное увеличение себестоимости продукции, что, в свою очередь, привело к снижению рентабельности отрасли. Параллельно этому произошло снижение доходов потребителей. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики России, реальные располагаемые доходы населения сократились на 1 % в 2022 году по сравнению с 2021 годом. Это, безусловно, сказывается на платежеспособном спросе российских граждан.

Изменения в структуре российского рынка общественного питания повлекли за собой значительные перестановки в распределении ролей среди различных сегментов и форматов заведений. Отметим, что динамика показателей сильно разнится: если некоторые сегменты и форматы пережили серьезные потрясения, то другие испытали меньший уровень ущерба, а отдельные, напротив, сумели извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

Наиболее серьезные потери претерпели заведения высокого ценового сегмента, где средний чек превышает 2 500 рублей и в меню преобладают импортные продукты. В некоторых из таких заведений выручка упала на 30–40 %. Это особенно ощутимо, учитывая, что клиентская база этих ресторанов мало подвержена изменениям под воздействием внешних факторов, и уровень конкуренции в данном сегменте является одним из самых низких. Одним из факторов, приводящих к снижению доходности заведений высокого ценового сегмента, стало уменьшение числа потенциальных посетителей, обусловленное двумя волнами эмиграции из России. Однако оценить степень влияния этого фактора на доходность представляется сложным.

Однако не все сегменты рынка общественного питания оказались в убытке. На противоположном полюсе находится фастфуд. Согласно информации от INFOline, в 2021 году этот сегмент составлял 31 % от общего объема рынка общественного питания в России. Парадоксальным образом обстоятельства пандемии сыграли на руку фастфуду: заметен рост как посещаемости заведений этого типа, так и среднего чека. Иными словами, фастфуд, скорее, извлек выгоду из сложившейся ситуации. Анализ, проведенный Tinkoff Data на основе данных 25 миллионов розничных клиентов «Тинькофф», выявил важные тенденции в поведении потребителей за период с июня по август 2022 года. В этот период общие затраты российских потребителей на продукцию фастфуда увеличились на 9–16 %, в то время как расходы в кафе и ресторанах сократились на 15–26 %.

В то время как основные фастфуд-операторы в России не сообщали о проблемах с сокращением трафика или уменьшением выручки, они столкнулись со сложностями в отношении снижения операционной рентабельности. Это подчеркивает, что, несмотря на увеличение общих расходов на фастфуд, экономическая ситуация и проблемы в логистической цепочке негативно сказались на доходности бизнеса в данной области.

В период беспрецедентного давления внешних факторов, таких как экономические кризисы, пандемии или изменение потребительских предпочтений, предприятия общественного питания стремятся адаптироваться и менять свои форматы, чтобы успешно выжить на рынке (таблица 1).

Таблица 1 – Новые форматы предприятий общественного питания

Формат	Описание
1. Fast Casual	Компромиссный формат между быстрым питанием и рестораном с умеренными ценами и более качественной едой
2. Fine Dining	Премиальный ресторан с высоким уровнем обслуживания и разнообразным изысканным меню
3. Семейный	Заведение, ориентированное на семейное времяпрепровождение с разнообразным меню и детской развлекательной программой
4. Free Flow	Формат с самообслуживанием, где посетители могут выбирать блюда и напитки, которые хотят попробовать
5. Front Cooking	Ресторан с открытой кухней, где гости могут видеть процесс приготовления блюд и взаимодействовать с поваром
6. Food n Fun	Комбинированный формат с рестораном и развлекательными активностями для посетителей
7. Quick and Casual	Быстрое и недорогое питание с возможностью употребления пищи на месте или на вынос
8. Food Court	Концепция, объединяющая несколько фуд-опций и предприятий общественного питания в одной общей зоне
9. Кейтеринг	Предоставление услуг по организации питания в удаленных местах, таких как мероприятия и корпоративные собрания
10. Casual Dining	Непринужденный формат ресторана с умеренными ценами и разнообразным меню.
11. Food Hall	Большие площади, где собраны различные фуд-опции и микрорестораны под одной крышей. Посетители могут выбирать блюда из разных кухонь и наслаждаться разнообразным меню
12. Тематические рестораны	Рестораны, которые строят свою концепцию вокруг определенной тематики, такой как история, культура, фильмы или литература. Они создают уникальную атмосферу и впечатление для гостей

13. Зеленые рестораны	Форматы, ориентированные на здоровое и экологически ответственное питание, с акцентом на свежие и натуральные ингредиенты, часто из собственного сада или фермы
14. Поп-ап рестораны	Временные рестораны, которые появляются на короткий период времени в разных местах и предлагают необычные и оригинальные блюда
15. Веганские и растительные рестораны	Форматы, специализирующиеся на веганской и растительной кухне, чтобы удовлетворить растущий спрос на здоровые и этические варианты питания
16. Cloud Kitchen (Тёмная кухня)	Кухни, специализирующиеся на доставке пищи, без физического присутствия для посетителей, работающие исключительно для заказов на доставку через приложения или онлайн-платформы

В ответ на инфляционные вызовы в отрасли и уменьшение рентабельности (ввиду ограниченности в возможности переложить инфляционные расходы на потребителей с ухудшением реальных доходов), управляющие ресторанным делом во всех сегментах рынка активировали множество стратегий для увеличения операционной эффективности (таблица 2).

Таблица 2 – Инновационные подходы и стратегии выживания рынка услуг общественного питания в период беспрецедентного давления внешних факторов

Стратегия / Подход	Описание
1. Пересмотр поставщиков и ингредиентов с упором на местные продукты	Сокращение расходов на логистику, поддержка местного сообщества, контроль качества продуктов
2. Упрощение рецептов	Сокращение времени приготовления, минимизация потерь, уменьшение стоимости ингредиентов
3. Переход к электронному меню	Экономия бумаги, упрощение обновления меню, улучшение взаимодействия с клиентами
4. Обсуждение с арендодателями вопросов о скидках и рассрочке платежей	Управление финансовыми расходами через переговоры о более выгодных условиях аренды
5. Организация совместных закупок	Снижение общих затрат благодаря объемам покупок, улучшение отношений с поставщиками
6. Развитие доставки на дом и курьерских услуг	Пандемия COVID-19 усилила необходимость в услугах доставки, и многие заведения начали предлагать или расширять свои услуги в этом направлении
7. Внедрение технологий	Использование современных технологий может помочь сократить затраты и увеличить эффективность, а также улучшить взаимодействие с клиентами, что может включать в себя всё от программ управления заказами до приложений для онлайн-бронирования
8. Привлечение новых целевых аудиторий	Расширение клиентской базы может помочь компенсировать снижение спроса со стороны традиционных клиентов, что может включать в себя предложение новых блюд или услуг, например, веганских или безглютеновых меню

9. Адаптация к новым трендам питания	Это может включать в себя предложение блюд «на вынос», предлагающих здоровую пищу или участие в «экологически чистых» инициативах
10. Создание запасов	В зависимости от продукта, предприятия общественного питания могут создать запасы на случай дальнейших проблем с поставками
11. Оптимизация логистики	Предприятия общественного питания могут искать новые способы доставки товаров, чтобы обойти проблемы с логистикой, что может включать в себя работу с новыми перевозчиками или поиск альтернативных маршрутов доставки
12. Повышение эффективности процессов	Применение Lean-технологий или других методик управления процессами, что может помочь минимизировать потери и сократить затраты, особенно в период экономической нестабильности

Прогресс в индустрии общественного питания России в 2023 году в значительной степени будет определяться макроэкономическими индикаторами: изменением реальных доходов граждан и уровня инфляции, а также возможным влиянием переменных массовых социальных движений (как новые всплески мобилизации, эмиграция и прочее) на размер потенциальной клиентуры. Безусловно, в существующих условиях любые прогнозы даже на год вперед представляют собой затруднительную задачу. Однако наиболее актуальные внешние макроэкономические прогнозы на 2023 год не предполагают усугубление ситуации по сравнению с 2022 годом. Специфически, это относится к ожидаемому сокращению реального ВВП на 0,1 % против упадка на 2,4 % в 2022 году, при ожидаемом росте показателя в 2–4 кварталах, и стабилизации потребительской инфляции с 11,9 % в 2022 году до 4 % в 2023 году и так далее.

Следует признать, что в текущих условиях возможно развитие как негативных, так и положительных сценариев. Например, увеличение бюджетных доходов Российской Федерации может произойти из-за роста цен на энергоресурсы, вызванного восстановлением экономики Китая после снятия ограничительных мер, связанных с пандемией. Это обстоятельство подкрепляет сформированные умеренно оптимистические ожидания, особенно учитывая, что отрасль в последние три года столкнулась с беспрецедентной нестабильностью и сложными внешними условиями. Представители сферы общественного питания продолжают придерживаться стратегии улучшения операционной производительности [18]. Такие меры включают централизацию закупок продуктов, внедрение инструментов для отслеживания и оптимизации маркетинговых затрат.

С целью сокращения затрат на персонал, компании будут активно использовать технологии автоматизации, такие как мобильные приложения для приема заказов без участия официантов, киоски самообслуживания и применение контрактной рабочей силы. Данный тренд на операционную оптимизацию получил развитие с началом пандемии в 2020 году.

Несмотря на то, что некоторые заведения будут вынуждены закрыться, основными игроками на рынке общественного питания останутся те, кто предлагает высокий уровень сервиса, качества и пользуется лояльностью клиентов. Ожидается, что количество новых заведений, открывшихся в течение года, будет превышать количество закрытых, подобно тенденции прошлого года. Это будет происходить в основном за счет ускоренного развития сетей фастфуда и относительно низкого уровня предложения в общественном питании в городах, которые недавно стали активно привлекать внутренних туристов. Преобразование бизнес-моделей в сфере доставки еды из ресторанов станет значимым трендом

на рынке общественного питания. В 2020 – 2021 годах этот сегмент быстро развивался под влиянием пандемии и соответствующих ограничений на работу ресторанов. Однако в 2022 году рост этого сектора существенно замедлился, что было обусловлено снятием пандемических ограничений, а также ухудшением общего макроэкономического климата. Операторы услуг по доставке еды, многие из которых до сих пор не достигли ни точки безубыточности, ни даже самоокупаемости, были вынуждены резко сменить стратегическую ориентацию. Вместо привлечения инвестиций, масштабирования бизнеса и увеличения капитализации, они теперь сосредоточены на минимизации убытков.

Среди ожидаемых мер в этом направлении – отказ от экспансии в регионы с неопределенным потенциалом спроса, закрытие наиболее нерентабельных сегментов (как, например, доставка готовых блюд в премиальном сегменте), концентрация на бюджетном сегменте (фастфуд), отказ от экспресс-доставки, уменьшение маркетинговых усилий и акционных предложений, сокращение расходов на персонал и прочее. Тем не менее, предполагается, что рынок доставки еды из ресторанов в России продолжит свой рост и останется важным стимулом для развития отрасли.

ВЫВОДЫ

Обобщая все сказанное, отметим, что отрасль общественного питания сегодня является одной из наиболее динамично развивающихся и обладающих великим потенциалом в нашей стране. Ее продолжающемуся росту поспособствуют следующие аспекты совершенствования регуляции данной сферы:

- стимулирование предпринимательских инициатив и создание благоприятной и равноправной среды для запуска и ведения бизнеса, независимо от его размера или формы организации;
- улучшение правового регулирования, вместе с пересмотром форм и методов государственного контроля и надзора, чтобы минимизировать административные барьеры в отрасли;
- поддержка малого бизнеса, продвижение и развитие семейного предпринимательства как одной из форм малого бизнеса;
- развитие инфраструктуры оптовой продовольственной торговли для обеспечения поставок продуктов питания предприятиям отрасли;
- создание эффективной системы мониторинга состояния отрасли с применением передовых информационных систем и технологий.

В условиях беспрецедентного внешнего давления, рынок услуг общественного питания сталкивается с серьезными вызовами. Однако благодаря инновационным подходам и стратегиям предприятиям удастся преодолевать эти трудности. Стратегии включают в себя адаптацию новых технологий, расширение ассортимента, использование альтернативных каналов сбыта и улучшение технологического потенциала. Также важную роль играют государственные меры поддержки, включающие предоставление грантов для открытия новых предприятий и привлечение новых сотрудников. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, перспективы рынка общественного питания остаются вполне положительными при условии использования гибких подходов и активной поддержки со стороны государства. Дальнейшие исследования и разработки в области использования современных инструментов логистики и SCM в предприятиях общественного питания обещают открыть новые перспективы и преимущества для отрасли. Некоторые потенциальные направления для будущих исследований в данной области включают интеграцию искусственного интеллекта и аналитики данных, развитие робототехники и автономных систем, расширение области применения IoT-технологий и разработку программного обеспечения для оптимизации операций в реальном времени. Исследования в указанных направлениях могут при-

вести к появлению инновационных решений, которые смогут оптимизировать процессы и улучшить устойчивость предприятий общественного питания в сложных экономических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полтораднева Н.Л., Шайдуллин Т.И. Влияние обострения международных отношений на состояние сферы общественного питания России. *Инновационная экономика и общество*. 2023; 1 (39): 38-45.
2. Барышев И.Ю. Влияние ухода иностранных компаний на рынок общественного питания в России // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2023; 1: 135-140. DOI: 10.37984/207669288820233111355140.
3. Бурденко Е.В., Королев Г.В. Позитивные практики индустрии общественного питания Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19. *Вестник университета*. 2021; 5:101-108. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-5-101-108.
4. Егоров Д.А. Перспективы развития рынка общественного питания в современных условиях. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022; Т. 4, 5 (125): 19-23. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.05.04.003.
5. Акимова Р.А. Состояние и перспективы развития сферы общественного питания в России. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2023; 2(68): 17-22.
6. Козлов А., Романова Р. Власти прогнозируют рестройку экономики в пользу внутреннего рынка к 2030 году. *Ведомости*. 19 сентября 2022 г.
7. Пашкевич Г.А. Современное состояние сферы услуг общественного питания в России. *Образование и наука без границ: социаль-гуманитарные науки*. 2023; 20: 137-141.
8. Shi C. How Social Media Changed Catering Industry during the Pandemic. *The International Conference on Interdisciplinary Humanities and Communication Studies*. 2023; 870-878. DOI: 10.54254/2753-7048/6/20220853.
9. Norris C.L., Jr S.T., Taylor D.C. Pivot! How the restaurant industry adapted during COVID-19 restrictions. *International Hospitality Review ahead-of-print(ahead-of-print)*. 2021; Т. 35, 2: 132-155. DOI: 10.1108/IHR-09-2020-0052.
10. Шевцова Е.Д., Фокина О.В. Обеспечение устойчивости предприятий общественного питания в условиях падающего спроса. *Russian journal of management*. 2022; Т. 10, 1: 61-65. DOI: 10.29039/2409-6024-2022-10-1-61-65.
11. Акимова Р.А. Анализ состояния и тенденции развития рынка общественного питания в России. *Молодой ученый*. 2021; 10(352): 51-53.
12. Etrata A.Jr. et al. Fast Food Industry: Brand Association and Perceived Quality Influence on Purchase Intention of Millennial Consumers. *MEC-J (Management and Economics Journal)*. 2023; 7(1): 1-20. DOI: 10.18860/mec-j.v7i1.19787.
13. Wu Y. Growing fast food consumption and obesity in Asia: Challenges and implications. *Social Science & Medicine*. 2020; 269 (5). DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113601.
14. Popkin B.M. Does excessive fast-food consumption impair our health? *American Journal of Clinical Nutrition*. 2022; 116 (1): 11-12. DOI: 10.1093/ajcn/nqac110.
15. Li C. et al. Review of Online Food Delivery Platforms and their Impacts on Sustainability. *Sustainability*. 2020; 12 (14): 1-17. DOI:10.3390/su12145528.
16. Li Y. The influence of the internet on catering and accommodation industry efficiency. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. 2021; 35(1): 949-970. DOI: 10.1080/1331677X.2021.1952087.
17. Хуан Ц. Логистика торгового обслуживания: концептуальные подходы к ее формированию. *Материалы Афанасьевских чтений*. 2023; 1 (43): 108-110.
18. Kucher M.M., Levchenko H.P. Systemic Approach to Evaluating External Factors Influencing the Resource Potential of the Catering Industry. *THE PROBLEMS OF ECONOMY*. 2021; 2 (48) 143-148. DOI: 10.32983/2222-0712-2021-2-143-148.
19. Poltoradnaya N.L., Shaidullin T.I. Influence of the aggravation of international relations on the state of the sphere of public catering in Russia. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo*. 2023; 1 (39): 38-45.
20. Baryshev I.Yu. Influence of the departure of foreign companies on the market of public catering in Russia // *Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy*. 2023; 1: 135-140. DOI: 10.37984/207669288820233111355140.
21. Burdenko E.V., Korolev G.V. Positive practices of the public catering industry of the Russian Federation in the conditions of COVID-19 pandemic. *University Bulletin*. 2021; 5:101-108. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-5-101-108.
22. Egorov D.A. Prospects of development of the market of public catering in modern conditions. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022; Т. 4, 5 (125): 19-23. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.05.04.003.
23. Akimova R.A. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya sfery public catering v Rossii [State and prospects for the development of public catering in Russia]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspectives of development and improvement*. 2023; 2(68): 17-22.
24. Kozlov A., Romanova R. Authorities predict restructuring of the economy in favor of the domestic market by 2030. *Vedomosti*. September 19, 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/09/20/941591-vlasti-prognoziruyut-perestroiku-ekonomiki>
25. Pashkevich G.A. Modern state of the sphere of public catering services in Russia. *Образование и наука sans frontieres: sotsial nohumani-*

tarnye nauki. Education and science without borders: social and humanitarian sciences. 2023; 20: 137-141.

26. Shi C. How Social Media Changed Catering Industry during the Pandemic. *The International Conference on Interdisciplinary Humanities and Communication Studies*. 2023; 870-878. DOI: 10.54254/2753-7048/6/20220853.

27. Norris C.L., Jr S.T., Taylor D.C. Pivot! How the restaurant industry adapted during COVID-19 restrictions. *International Hospitality Review ahead-of-print(ahead-of-print)*. 2021; Т. 35, 2: 132-155. DOI: 10.1108/IHR-09-2020-0052.

28. Shevtsov E.D., Fokina O.V. Provision of stability of public catering enterprises in conditions of falling demand. *Russian journal of management*. 2022; Т. 10, 1: 61-65. DOI: 10.29039/2409-6024-2022-10-1-61-65.

29. Akimova R.A. Analiz sostoyaniya i tendentsii razvitiya rynek public catering v Rossii. *Analysis of the state and trends of development of the public catering market in Russia*. *Young scientist*. 2021; 10(352): 51-53.

30. Etrata A.Jr. et al. Fast Food Industry: Brand Association and Perceived Quality Influence on Purchase Intention of Millennial Consumers. *MEC-J (Management and Economics Journal)*. 2023; 7(1): 1-20. DOI: 10.18860/mec-j.v7i1.19787.

31. Wu Y. Growing fast food consumption and obesity in Asia: Challenges and implications. *Social Science & Medicine*. 2020; 269 (5). DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113601.

32. Popkin B.M. Does excessive fast-food consumption impair our health? *American Journal of Clinical Nutrition*. 2022; 116 (1): 11-12. DOI: 10.1093/ajcn/nqac110.

33. Li C. et al. Review of Online Food Delivery Platforms and their Impacts on Sustainability. *Sustainability*. 2020; 12 (14): 1-17. DOI:10.3390/su12145528.

34. Li Y. The influence of the internet on catering and accommodation industry efficiency. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. 2021; 35(1): 949-970. DOI: 10.1080/1331677X.2021.1952087.

35. Huang C. Logistics of trade service: conceptual approaches to its formation. *Proceedings of Afanasiev Readings*. 2023; 1 (43): 108-110.

36. Norris C.L., Jr S.T., Taylor D.C. Pivot! How the restaurant industry adapted during COVID-19 restrictions. *International Hospitality Review ahead-of-print(ahead-of-print)*. 2021; Т. 35, 2: 132-155. DOI: 10.1108/IHR-09-2020-0052.

Received date: 03.08.2023

Approved date: 17.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 338.112

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_26

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ФИКТИВНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© Автор(ы) 2023



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ХОХОЕВА Залина Вячеславовна, доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры финансов и кредита
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
362025, Россия, Владикавказ, xoxoeva.zalina@mail.ru

SPIN: 9320-1744

AuthorID: 467822

ORCID: 0000 0003 4838 4528

ScopusID: 57200201287

Аннотация. В статье исследованы возможности развития теории фиктивного капитала, предпосылки которых сформировались или формируются в современных условиях. Автор исходит из основных принципов современного развития: ключевой роли качественно нового фактора производства – человеческого капитала; опережающего развития виртуальных социально-экономических отношений; необходимости формирования механизмов инвестирования, адекватных условиям концентрации глубоких и динамичных трансформаций. Цель работы состоит в раскрытии перспективных направлений развития теории фиктивного капитала, определении ее качественно новых прикладных возможностей, возникающих на современном этапе эволюции социально-экономической системы, для которого характерны интенсивные трансформации указанной системы. Установлено, что направления развития теории фиктивного капитала соответствуют основным принципам новой эпохи, при этом формирование таких направлений актуализирует задачу обеспечения целостности указанной теории, что означает необходимость сбалансированного развития ее стволовой структуры и ответвляющихся от нее новых направлений ее развития. Автором представлены рекомендации по продуктивному использованию прикладных возможностей указанной теории, обоснован вывод о том, что ужесточение внешних ограничений доступа к ресурсам мировых рынков, предпринятое в отношении российской социально-экономической системы, активизирует поиск таких новых прикладных возможностей. Исследование осуществлено с использованием познавательных возможностей диалектического метода и современных версий системного подхода, а также ключевых положений теории финансового капитала, теории социально-экономических трансформаций, а также теории человеческого капитала.

Ключевые слова: направления развития, фиктивный капитал, социально-экономические трансформации, целостность теории, человеческий капитал, прикладные возможности, внешние ограничения, виртуальные социально-экономические отношения.

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE THEORY OF FICTITIOUS CAPITAL IN MODERN CONDITIONS

©The Author(s) 2023

КНОКНОЕВА Zalina Vyacheslavovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Finance and Credit Department

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
362025, Russia, Vladikavkaz, xoxoeva.zalina@mail.ru

Abstract. The article examines the possibilities of developing the theory of fictitious capital, the prerequisites of which have been formed or are being formed in modern conditions. The author proceeds from the basic principles of contemporary development: the key role of a qualitatively new factor of production - human capital; the advanced development of virtual socio-economic relations; the need to form investment mechanisms adequate to the conditions of concentration of deep and dynamic transformations. The purpose of the work is to reveal promising directions for the development of the theory of fictitious capital, to determine its qualitatively new applied possibilities arising at the present stage of the evolution of the socio-economic system, which is characterized by intensive transformations of this system. It is established that the directions of development of the theory of fictitious capital correspond to the basic principles of the new era, while the formation of such directions actualizes the task of ensuring the integrity of this theory, which means the need for a balanced development of its stem structure and new directions of its development branching from it. The author presents recommendations on the productive use of the applied capabilities of this theory, substantiates the conclusion that the tightening of external restrictions on access to the resources of world markets, undertaken in relation to the Russian socio-economic system, activates the search for such new applied opportunities. The research was carried out using the cognitive capabilities of the dialectical method and modern versions of the system approach, as well as the key provisions of the theory of financial capital, the theory of socio-economic transformations, as well as the theory of human capital.

Keywords: directions of development, fictitious capital, socio-economic transformations, integrity of theory, human capital, applied capabilities, external constraints, virtual socio-economic relations.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях переплетение множества интенсивно протекающих преобразований способствует росту потребности в финансово-инвестиционных ресурсах, предназначенных для проведения этих преобразований, разрешения ряда острых социально-экономических проблем, которые они вызывают, а также для стабилизации социально-экономической системы, ослабляемой такими преобразованиями [1].

Выявление указанных ресурсов предполагает активизацию теоретического поиска, что на современном этапе носит противоречивый характер:

- с одной стороны, такой поиск происходит в направлении глубокого переосмысления ранее утвердившихся методологических подходов и ключевых теоретических представлений, длительное время доминировавших в

науке и оттого казавшихся некими константами;

- с другой стороны, обретают второе дыхание и возвращаются в процесс теоретического исследования новых экономических реалий методологические подходы, ключевые представления и целостные теории, ранее воспринимавшиеся в качестве устаревших и не способных интерпретировать указанных реалий [2].

Разрешение приведенного выше противоречия современного теоретического поиска происходит в соответствии с одним из законов диалектики, то есть, посредством естественного сближения, взаимных переходов и синтеза противоположностей. То, что ранее было подвергнуто отрицанию, воссоздается в совершенно ином виде и на более высоком уровне [3]. К разряду таких воссоздаваемых теоретических конструкций правомерно отнести теорию фиктивного капитала, основы ко-

торой были сформированы на платформе марксистской политической экономии и изложены в процессе реализации научного замысла «Капитала». Оценка возможностей этой теории, проводимая с помощью системной парадигмы и под углом зрения новых экономических реалий, позволит раскрыть направления ее развития, адекватные вызовам преобразований и, соответственно ключевым задачам, стоящим перед экономическими исследованиями.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование направлений развития теории фиктивного капитала в современных условиях предполагает опору на ту методологическую платформу, на которой данная теория изначально сформировалась, то есть, на платформу диалектического метода, реализованную в «Капитале». Приращение теории фиктивного капитала происходит в том же методологическом русле, в котором в свое время сформировалась ее основа, были сформулированы ее базовые положения, в том числе [4]:

- фиктивный капитал представляет одну из отраженных форм экономических отношений, которая представлена в виде ценных бумаг, удостоверяющих факт вложения денег в долговые обязательства или факт долевого участия в капитале предприятия;

- для него характерно автономное существование по отношению к действительному капиталу, представленному реально функционирующими средствами производства и рабочей силой, создающими прибыль;

- рыночные оценки фиктивного капитала (биржевые котировки, цены реальных сделок, оценки при залогах и др.) тоже автономны по отношению к оценкам действительного капитала, однако до определенного предела (порога меры), при переходе которого наступает кризисная ситуация, выход из которой обеспечивается принудительным установлением необходимого соответствия между оценками фиктивного капитала и оценками действительного капитала в ходе рецессии;

- раздвоение капитала на действительную и фиктивную стороны обеспечивает возможность вовлечения в инвестиционный процесс субъектов, обладающих небольшими денежными средствами, то есть, раздвигает границы данного процесса, усиливает его общественный характер;

- фиктивный капитал в силу своей принадлежности к отраженным формам экономических отношений наделен огромным потенциалом развития, который реализуется в условиях интенсивного роста виртуальной экономики, опирающейся на многообразие отраженных форм экономических отношений.

Реализация огромного потенциала фиктивного капитала происходит на современном этапе развития, когда интенсивный рост виртуальной экономики сочетается с переплетением множества трансформаций социально-экономической системы, среди которых исследователи справедливо выделяют преобразующее воздействие цифровых технологий и становление общества знаний [5]. Соответственно, развитие теории и практики связано с доминированием указанных трансформационных процессов. Такое доминирование приводит к утверждению следующих основных принципов развития:

- во-первых, ключевой роли качественно нового фактора производства – человеческого капитала;

- во-вторых, опережающего развития виртуальных социально-экономических отношений;

- в-третьих, необходимости формирования механизмов инвестирования, адекватных условиям концентрации глубоких и динамичных трансформаций.

В свете данных принципов формируются, обостряются и получают свое разрешение качественно новые противоречия эволюционного процесса, для разработки которых востребованы возможности диалектического метода, подкрепленные соответствующими возможностями современных версий системного подхода, а также междисциплинарными ресурсами когнитивного процесса [6]. Приведенные положения в полной мере могут быть от-

несены и к развитию фиктивного капитала как объективного феномена, и к развитию соответствующей теории.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В условиях современного развития фиктивный капитал наполняется эффектами комбинирования и переплетения двух различных, но тесно связанных между собой потоков:

- с одной стороны, динамично разрастающегося потока виртуальных форм отношений, надстройка из которых возвышается над прежним материальным базисом указанных отношений и последовательно преобразует такой базис;

- с другой стороны, столь же динамично разрастающегося потока качественно новых теоретических идей, формируемых на основе восприятия и научного осмысления опыта современного развития, а также востребованных для обеспечения дальнейшего развития существующей системы отношений.

Благодаря наполнению эффектами взаимодействия двух указанных процессов, фиктивный капитал встраивается в развитие социально-экономической системы, обеспечивая, с одной стороны, потребности формирования нестандартных и обладающих прорывным потенциалом идей ее развития, с другой стороны, потребности реализации данных идей на основе генерации качественных новых инвестиционных ресурсов [7]. Отметим, что в условиях ужесточения внешних ограничений, введенных в адрес социально-экономической системы России, эти возможности фиктивного капитала обретают дополнительную ценность. Приведем необходимые аргументы в пользу данного вывода.

В условиях ужесточения внешних ограничений возрастают закрепленные санкциями барьеры доступа к ресурсам развития социально-экономической системы, соответственно, дополнительно актуализируется задача генерации таких ресурсов во внутренней среде системы с помощью раскрытия и реализации дополнительных возможностей фиктивного капитала, возникающих благодаря современным преобразованиям. Отметим, что такие возможности недостаточно исследованы экономической наукой [8].

Более того, в современных условиях рельефно обозначились несколько существенных препятствий на пути раскрытия и реализации указанных возможностей фиктивного капитала, среди которых необходимо выделить:

- во-первых, подготовка и выдвигание фальшивых идей, относящихся к сфере эмиссии, рыночного обращения и доходной реализации фиктивного капитала, способных оттянуть на себя масштабные средства, обеспечить чрезмерное разрастание транзакционных издержек национального воспроизводства, а также резкое снижение доверия общественными участниками к программам и проектам развития, опирающимся на указанные идеи;

- во-вторых, отрыв фиктивного капитала от представляемого им действительного капитала, происходящий в ходе нерегулируемого и безудержного спекулятивного роста котировок элементов фиктивного капитала на финансовом рынке. Такой отрыв, по сути, представляет собой попытку отраженной формы социально-экономических отношений порвать естественные связи со своим экономическим содержанием, что способно привести к кризисной ситуации в развитии всей системы отношений [9].

Опираясь на приведенные положения о возможностях фиктивного капитала, востребованных в современных условиях, определим ряд направлений развития теории фиктивного капитала. При этом целесообразно исходить из следующего принципа: решение новых прикладных задач в отношении фиктивного капитала опирается на результаты соответствующего существенного продвижения в развитии теории данного капитала, в том числе, на результаты углубления представлений о его содержании, результаты обогащения методологического «арсенала» данной теории, а также на результаты ее взаимодействия с другими направлениями научных ис-

следований [10].

Развивая идею, заложенную в приведенном выше выводе, отметим, что в современных условиях длительное воздействие внешних ограничений привело к ситуации, типологически схожей с ситуацией Великой Депрессии, когда для развития национального производства приходится изыскивать ресурсы, генерируемые далеко за его пределами, что, в частности, фокусирует внимание на возможностях фиктивного капитала в генерации указанных ресурсов. В данном отношении интересен опыт выпуска и обращения территориальных облигаций, ориентированных на обеспечение различных потребностей развития региональных социально-экономических систем. Результаты анализа данных о выпусках территориальных облигаций за длительный период времени в ряде регионов, обладающих различными уровнями инновационного развития, приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Анализ данных о выпусках территориальных облигаций за период 1999 – 2020 гг. для выборки регионов, обладающих различными уровнями инновационного развития

Наименование регионов	Индекс регионального инновационного развития, 2020 г., ед.	Количество выпусков облигаций, ед.	Общая стоимость выпущенных облигаций, млрд руб.	Среднее значение процента за период, %
Москва	0,5378	82	1,034	7,1
Санкт-Петербург	0,5356	34	390	14,8
Томская область	0,5312	52	67	12,0
Нижегородская область	0,4957	15	105	9,7
Новосибирская область	0,4414	3	6	12,3
Красноярский край	0,4124	13	142	9,8
Пермский край	0,3971	10	86	7,8
Краснодарский край	0,3723	8	53	14,2
Тверская область	0,3499	6	9	11,9
Волгоградская область	0,3064	15	38	9,6

Источник: Составлено автором по данным источников [11; 12]

Данные таблицы 1 свидетельствуют о низком уровне развития (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) заимствований с помощью выпуска территориальных облигаций, поскольку общая стоимость выпущенных облигаций составляет лишь малую толику ВРП за анализируемый период (как правило, менее 1 %). Отметим также отсутствие корреляции между индексом инновационного развития и общей стоимостью выпущенных облигаций, что характеризует инерционность выдвижения целей в региональной политике заимствований и территориальной социально-экономической политике в целом. Таким образом, эмитированный территориями в виде облигаций фиктивный капитал практически не связан с решением жизненно необходимых для них задач глубокой модернизации и перехода на траекторию инновационного развития.

Очевидно, что в условиях ужесточения внешних ограничений и дестабилизации региональных социально-экономических систем целесообразно ориентировать территориальные облигационные заимствования на обеспечение потребностей устойчивого развития [13]. Существующая методология управления устойчивым развитием на мезо- уровне построена на основе системного подхода к оценке территориальных социально-экономических систем с использованием комплексов взаимосвязанных показателей, распределенных по трем оценочным блокам: блок E – Environmental (окружающая среда / экология); блок S – Social (социальная политика); блок G – Governance (качество управления). Постановка проблемы ориентации территориальных облигационных заимствований на обеспечение потребностей устойчивого развития региональных социально-экономических систем выдвигает перед теорией фиктивного капитала особую задачу встраивания комплекса показателей устойчивого развития, распределенных по указанному оценочным блокам, в проспекты эмиссии территориальных облигаций с учетом экономических интересов их потенциальных приобретателей. Решение данной научной задачи предполагает анализ накопленного странами-лидерами современного развития опыта

выпуска и обращения облигаций в рамках инвестиционного обеспечения потребностей устойчивого развития [14], а также открывает приоритетное направление дальнейшего развития теории фиктивного капитала. Правомерно предположить, что на данном направлении будут востребованы познавательные ресурсы, сформировавшиеся в русле теории устойчивого развития [15].

Другое приоритетное направление дальнейшего развития теории фиктивного капитала заключается в отражении в ней специфических эффектов, возникающих в современных условиях при превышении критических значений, обозначаемых как пороги меры, в движении важнейших процессов современных социально-экономических систем, в том числе:

- разработки и дальнейшего использования природных ресурсов, утилизации отходов производства и бытовых отходов;
- разрастания надстройки виртуальных отношений над прежним базисом социально-экономических отношений, имеющих предметное воплощение;
- усиления имущественной и доходной поляризации, и др.

ОБСУЖДЕНИЕ

Следует согласиться с О. Мамедовым в том, что указанные эффекты предполагают применение нестандартных подходов к их оценке и разработку аналогичных прикладных средств для решения соответствующих проблем [16]. Применительно к интересующей нас теории это означает развитие ее в направлении разработки особых форм фиктивного капитала, ориентированных на решение задач перехода к «зеленой экономике», обеспечения устойчивости социально-экономических систем в условиях ускоренного развития в них надстройки виртуальных отношений, смягчения имущественной и доходной поляризации, и др. Речь идет о новых генерациях ценных бумаг, спроектированных с учетом современных реалий и способных к эффективному встраиванию в движение социально-экономических систем.

Характерно, что глубокое преобразование мирового хозяйства в современных условиях привело к смене прежнего либерального вектора политики развития на вектор, который справедливо квалифицируют как новый протекционизм [17]. Это привело к формированию в глобальном экономическом пространстве совокупности трансформационных проблем, в частности, заполнения этого пространства результатами деструкции изживших себя механизмов трансграничного взаимодействия. Добавим к этому, что существенное снижение потребления вещественных благ сопровождается стремительным развитием разнообразных социально-экономических коммуникаций, ростом спроса на услуги образования, здравоохранения, рекреации, культуры. В связи с такими переменами изменяется функциональная ориентация фиктивного капитала, поскольку выпуски ценных бумаг, ориентированные на развитие производства материальных продуктов, дополняются выпусками этих бумаг, ориентированными на развитие социально-экономических коммуникаций, развитие компетенций, культурный досуг людей, то есть, на социальный капитал в широком смысле данного понятия [18].

В связи с превращением человеческого капитала в ведущий фактор современных преобразований особое значение приобретает направление развития теории фиктивного капитала, связанное с инвестированием развития сложных компетенций, а также инвестированием развития высокоразвитых, практически уникальных способностей, составляющих ядро человеческого капитала [19]. Исходным пунктом такого направления развития теории фиктивного капитала может стать простейший инструмент инвестирования развития человеческого капитала – облигации, ориентированные на развитие высокоразвитых способностей, предпосылки которых установлены соответствующими экспертами. Следует отметить, что значимость указанного направления раз-

вития теории финансов возвышается в современных условиях, когда в глобальном экономическом пространстве накапливаются предпосылки глубокого системного кризиса, для выхода из которого востребованы уникальные возможности человеческого капитала [20].

Развивая приведенные выше положения, отметим, что человеческий капитал зачастую трактуется как то, что принадлежит отдельно взятому человеку, индивиду, а потому носит частный характер [21]. Но человеческому капиталу присуще следующее противоречие:

- одна из сторон этого противоречия заключается в том, что человеческий капитал индивидуален, неотделим от личностного потенциала конкретного человека, сумевшего сформировать у себя уникальные способности и стать особым рыночным субъектом, предлагающим отнюдь не продажу части своих созидательных сил, а партнерство с обладателями других видов капитала, что придает человеческому капиталу особый субъектный характер;

- другая сторона этого противоречия заключается в том, что человеческий капитал востребован в многочисленных преобразованиях практически на всех уровнях социально-экономической системы, поэтому для его формирования и развития необходим специальный общественный механизм, с помощью которого привлекаются и используются средства индивидов, домохозяйств, корпораций, различных общественных структур, сообществ, отдельных государств и их объединений.

Соответственно, приоритетная задача развития теории фиктивного капитала состоит в концептуальном обосновании и разработке указанного механизма, то есть, в последовательной разработке системы ценных бумаг, способных обеспечить потребности формирования и развития человеческого капитала. С учетом масштабов преобразований, происходящих в современном мире, человеческий капитал правомерно квалифицировать как феномен глобальной экономики, для воспроизводства которого востребовано множество форм фиктивного капитала, адаптированных к различным уровням развития и специфическим особенностям национальных социально-экономических систем, в том числе, и системы России, опирающейся на отношение власти собственности [22; 23].

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование возможностей развития теории фиктивного капитала в современных условиях привело к следующим выводам:

1. В современных условиях переплетение множества интенсивно протекающих преобразований способствует росту потребности в финансово-инвестиционных ресурсах, предназначенных для проведения этих преобразований, разрешения ряда острых социально-экономических проблем, которые они вызывают, а также для стабилизации социально-экономической системы, что обуславливает потребности в дальнейшем развитии теории по ряду перспективных направлений.

2. Перспективные направления развития теории фиктивного капитала заданы основными принципами современного развития, в том числе: ключевой ролью качественно нового фактора производства – человеческого капитала; опережающим развитием виртуальных социально-экономических отношений; необходимостью формирования механизмов инвестирования, адекватных условиям концентрации глубоких и динамичных трансформаций.

3. В условиях ужесточения внешних ограничений и дестабилизации региональных социально-экономических систем целесообразно ориентировать территориальные облигационные заимствования на обеспечение потребностей устойчивого развития, что задает соответствующее направление развития теории фиктивного капитала, в рамках которого предстоит решить задачу встраивания комплекса показателей устойчивого развития, распределенных по указанным оценочным блокам, в проспекты эмиссии территориальных облигаций с учетом экономических интере-

сов их потенциальных приобретателей.

4. В условиях перехода к политике «нового проекционизма» изменяется функциональная ориентация фиктивного капитала. Выпуски ценных бумаг, ориентированные на развитие производства материальных продуктов, дополняются выпусками этих бумаг, ориентированными на развитие социально-экономических коммуникаций, развитие компетенций, культурный досуг людей, что обуславливает потребность в соответствующем направлении развития теории фиктивного капитала.

5. В условиях интенсивных преобразований социально-экономической системы приоритетным направлением развития теории фиктивного капитала становится концептуальное обоснование и прикладная разработка специального механизма инвестирования ключевого фактора современного развития – человеческого капитала. На этом направлении должна быть разработана система ценных бумаг, способных обеспечить потребности формирования и развития человеческого капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Глазьев С.Ю. *Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. № 1. Т. 190. С. 37-45.*
2. Скибицкий М.М. *Философия экономики: становление, структура и современные функции // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (8). С. 3-11.*
3. Батищев Г.С. *Введение в диалектику творчества. - М.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 1997. С.311-314, 343-347.*
4. Маркс К, Энгельс Ф. *Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.2. М.: Политиздат, 1969. С.279-285, 313-317, 334-342.*
5. Брижак О.В., Хохоева З.В. *Концепция фиктивного капитала: развитие в условиях новой реальности // Экономическая наука современной России. 2022. № 4 (99). С. 7-17.*
6. Клейнер Г.Б. *Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40-45.*
7. Jacobs M. & Mazzucato M. (Eds.) *Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth. L.: Wiley-Blackwell, 2016. P.187-189.*
8. Брижак О.В. *Корпоративный эмиссионный механизм и финансовый рынок: современные трансформации // Экономическое возрождение России. 2017. № 4 (54). С. 67-73.*
9. Shiller R. *Irrational Optimism: How Reckless Behavior controls Markets. Moscow: Alpina Publishers, 2013. pp. 112-115.*
10. Кейнс Дж.М. *Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика, 1978. С.223-225.*
11. *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6. / Г.И. Абрахманова и др. М.: НИУ ВШЭ, 2020.*
12. *Облигационные займы субъектов Российской Федерации / URL: http://rusbonds.ru/obligacionnye_zaymy_subiektov_Rossiyskoy_Federatsii/2021xel*
13. *13. Экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» / URL:<http://infragreen.ru/>*
14. Бринькова И.Ю. *Устойчивое развитие урбанизированных территорий // ESG - трансформация как вектор устойчивого развития. Т.2. М.: АСПЕКТ пресс, 2022. С.192-212.*
15. Петрина О.А., Савкина Е.В. *К вопросу об устойчивом развитии социально-экономических систем // Вестник университета. 2017. №2. С.37-46.*
16. Мамедов О.Ю. *Экономика инклюзивной цивилизации // TERRA ECONOMICUS. 2017. Том 15. №1. С.5-14.*
17. Брижак О.В. *Финансовый капитал в новом витке реформирования экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 54-61.*
18. Федорова С.В. *Социальный капитал в условиях трансформации рыночной экономики // Экономика Востока России. 2017. № 2 (8). С. 103-107.*
19. Полтерович В.М. *Институты догоняющего развития и гражданская культура // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 3. С. 314-328.*
20. Минакир П.А. *Экономика пандемии: российский путь // Пространственная экономика. 2020. Том 16. №2. С.7-18.*
21. Брижак О.В. *Субъектное бытие отношений собственности: экономические интересы (политико-экономический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2010. № 4. С. 40-46.*
22. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. *Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС, 2016. С.232-241.*
23. Брижак О.В. *Экономика деформаций: специфика российского бизнеса // Философия хозяйства. 2014. № 1 (91). С. 167-176.*

Received date: 21.07.2023

Approved date: 04.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 327

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_27



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

© Автор(ы) 2023

АЛИЕВ Руслан Аллахверди оглы, кандидат экономических наук, доцент,
торговый представитель Азербайджанской Республики в Российской Федерации, руководитель Комиссии по
устойчивому развитию РАС ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса
Московский государственный институт международных отношений (университет)
125009, Россия, Москва, torgpredaz@gmail.com

SPIN: 2306-7524

AuthorID: 258070

ResearcherID: AAЕ-1140-2020

ORCID: 0000-0003-2258-3588

ScopusID: 57211267652

Аннотация. В статье на основе обобщения существующих исследований по развитию международной климатической повестки и климатической дипломатии, а также по климатической амбициозности отдельных стран проанализированы ключевые аспекты, формирующие государственную климатическую политику: внешнеполитические, внутривластные, экономические факторы; фактор энергоперехода; риски в природных системах, связанные с изменением климата. Для стран Каспийского региона действие данных факторов раскрывается в характеристике определяемых на национальном уровне вкладов в достижение Парижского соглашения; стратегических и нормативно-правовых документов, обеспечивающих достижение целей национальной климатической политики; роли нефтегазовых доходов в формировании бюджета стран; структуре производства электроэнергии; рисках, в природных системах, связанных с изменением климата, к которым прежде всего относятся понижение уровня Каспийского моря, ожидаемое повышение среднегодовой температуры и ряд других.

Ключевые слова: изменение климата, климатическая политика, Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Исламская Республика Иран, Туркменистан, Каспийский регион.

STATE CLIMATE POLICY OF THE CASPIAN REGION COUNTRIES: KEY FACTORS OF FORMATION

© The Author(s) 2023

ALIEV Ruslan Allahverdi oglu, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Trade Representative of the Republic of Azerbaijan in the Russian Federation, Head of the Commission on Sustainable
Development of the UN RAS, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary of the 2nd class
Moscow State Institute of International Relations (university)
125009, Russia, Moscow

Abstract. The article, based on the generalization of existing studies on the development of the international climate agenda and climate diplomacy, as well as on climate policy and climate ambition of individual countries, identifies the main factors determining the state climate policy: foreign policy, domestic policy, economic factors; energy transfer factor; risks in natural systems associated with climate change. For the countries of the Caspian region, the effect of these factors is revealed in the characteristics of nationally determined contributions to the achievement of the Paris Agreement; strategic and regulatory documents defining and ensuring the achievement of national climate policy goals; the role of oil and gas revenues in the formation of the budget of countries; the structure of electricity production; risks in natural systems associated with climate change, to which primarily include: the lowering of the Caspian Sea level, the expected increase in the average annual temperature and a number of others.

Keywords: climate change, climate policy, energy transition, Russian Federation, Republic of Azerbaijan, Republic of Kazakhstan, Islamic Republic of Iran, Turkmenistan, Caspian region.

ВВЕДЕНИЕ

Изменение климата – неотъемлемая часть глобальной политической повестки, начиная с 90-х гг. прошлого века. Об этом свидетельствует, в том числе, рост количества публикаций по различным аспектам, отражающим влияние проблемы изменения климата, в литературе по международным отношениям, политологии, мировой экономике, экономической политике.

Существует значительное количество публикаций по анализу, в том числе сравнительному, климатических политик и климатической амбициозности отдельных стран [1–4].

Как отмечает И. А. Яковлев с соавторами в статье «Климатическая политика Российской Федерации: международное сотрудничество и национальный подход», ссылаясь на многочисленные публикации, в научной литературе значительное внимание уделяется вопросам определения целей национальной климатической политики и её детализации; эффективности мер, принимаемых в рамках международных климатических соглашений; влияния климатической политики на национальную экономику, а также управления климатическими рисками [5].

В работах Н. Р. Кошкиной и Д. Н. Веселовой климатическая политика определяется как деятельность всего механизма государства и его политической системы по управлению общественными процессами, направлен-

ными на обеспечение смягчения последствий изменения климата, адаптацию к климатическим изменениям, укрепление и развитие информационной, научной, социально-экономической политики в области климата [6; 7]. Данное определение корректно применительно к климатической политике страны, государства или в отношении синонимичного и часто используемого понятия «национальная климатическая политика». Ряд стран провозгласил климатическую политику национальным приоритетом [5].

В. С. Васильцов с соавторами в статье «Национальная климатическая политика: концептуальные основы и проблемы адаптации» приводят литературный обзор исследований в области региональной специфики национальных климатических политик [8].

Тем не менее, вопросам обобщения и систематизации факторов, влияющим на формирование национальных климатических политик и результатов их действия, в научной и специальной литературе должного внимания не уделялось. Этот же факт в отношении аспектов, влияющих на климатическую амбициозность стран, отмечают в своей статье «От чего зависит амбициозность климатической политики разных стран» И. А. Степанов с соавторами из Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ссылаясь, в том числе, на зарубежных авторов: «иссле-

дование влияния факторов, влияющих на климатическую амбициозность стран, не носит систематического характера и ограничивается анализом отдельных стран или отдельных факторов» [9]. По мнению авторов, основными показателями климатической амбициозности стран являются: уязвимость к глобальному изменению климата; уровень экономического развития; локальное загрязнение воздуха; энергетическая зависимость; экспорт энергоресурсов; торговая специализация (отражает углеродоёмкость продукции). При этом авторы допускают, что существуют и другие аспекты, определяющие специфику страны и влияющие на её климатическую амбициозность.

Обратим внимание на важность рассмотрения не только самих факторов, влияющих на формирование государственной климатической политики, но и на необходимость идентификации основных результатов действия этих факторов, отражённых в различных документах, показателях, т.е. в формализованном виде, с учётом специфики исследуемых стран.

Обращение к Каспийскому региону в данном исследовании обусловлено его особой ролью для всего Евразийского континента. В публикациях отмечается важность региона как крупного центра энергетических проектов, на который пытаются оказать воздействие такие внерегиональные акторы, как США, ЕС и Китай, продвигающие на Каспии свои экономические и геополитические интересы [10]. Регион обладает медиаторной ролью в обеспечении энергетической, экономической и социальной безопасности.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель статьи – определить факторы, влияющие на формирование климатической политики в странах Каспийского региона. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) анализ определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ) стран Каспийского региона;
- 2) анализ стратегических и нормативно-правовых документов, определяющих и обеспечивающих достижение целей национальной климатической политики;
- 3) анализ роли нефтегазовых доходов в формировании бюджета стран Каспийского региона;
- 4) анализ структуры производства электроэнергии в контексте энергоперехода;
- 5) анализ рисков в природных системах, связанных с изменением климата в Каспийском регионе.

Эмпирическую базу исследования составили стратегические и нормативно-правовые документы стран Каспийского региона, данные British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy 2022, научные статьи и другие открытые источники по тематике изменений климата, многосторонней климатической и энергетической дипломатии, глобального климатического управления, климатической политики и амбициозности отдельных стран. В качестве методологической базы исследования были использованы методы анализа, обобщения, систематизации и сравнения.

Научная новизна исследования и его практическая значимость состоит в определении ключевых факторов, определяющих формирование климатических политик стран Каспийского региона. Полученные результаты могут быть использованы для синхронизации климатических политик стран Каспийского региона, в том числе в рамках двусторонних отношений и взаимодействия в интеграционных объединениях, и, в конечном итоге, способствовать поддержанию сохранению уникальной экосистемы Каспия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе обобщения существующих исследований в области развития международной климатической повестки и климатической дипломатии, а также климатической политики и климатической амбициозности отдельных стран были выявлены факторы, влияющие на формирование государственной климатической полити-

ки, а также формализованные результаты действия данных факторов на примере стран Каспийского региона:

внешнеполитические факторы – определяемые на национальном уровне вклады;

внутриполитические факторы – стратегические и нормативно-правовые документы, обеспечивающие достижение целей национальной климатической политики;

экономические факторы, определяемые ролью нефтегазовых доходов в формировании бюджета стран;

фактор энергоперехода, связанный со структурой производства электроэнергии и климатическими рисками в природных системах.

Определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ) стран Каспийского региона

Климатическая политика государства существует в рамках определённого контекста международных отношений. Данный контекст реализуется в форме многосторонней климатической дипломатии и попыток глобального климатического управления, отражённых в международной климатической повестке на определенном временном отрезке. Датой рождения климатической дипломатии, а также международного климатического режима ООН, считается 1992 г., когда на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция по защите климата нашей планеты (United Nations Framework Convention on Climate Change UNFCCC) [11]. Формирование национальной климатической политики во многих странах, в том числе и России, началось с момента ратификации РКИК ООН. Многосторонняя климатическая дипломатия и переход к глобальному климатическому управлению переживали как подъёмы, так и спады [12], что в значительной степени проявлялось в приоритетах национальной климатической политики. Начиная с конференции в Париже, климатическая политика стран стала более формализованной и институционализированной. В рамках Парижского соглашения страны принимают на добровольной основе цели и обязательства по сокращению выбросов парниковых газов (ПГ) и доводят их до сведения заинтересованных сторон в определяемых на национальном уровне вкладах (ОНУВ или NDC – Nationally Determined Contributions). Данные цели и обязательства обусловлены многими факторами и могут существенно отличаться в климатической политике стран. Именно ОНУВы являются основным документом, представляющую климатическую политику страны на внешнеполитическом уровне.

Страны Каспийского региона также взяли на себя климатические обязательства по выполнению Парижского Соглашения. Из всех пяти стран Каспийского региона только Иран не принял и не ратифицировал соглашение, поскольку санкции, наложенные на него США, препятствуют выполнению климатических обязательств. Тем не менее, страной в 2015 году был подготовлен ОНУВ.

Российская Федерация

Россия представила свой первый ОНУВ лишь в 2020 году. Целевой показатель сокращения выбросов составляет 70 % по сравнению с базовым годом (1990), что, учитывая положение страны в рейтинге по выбросам парниковых газов, достаточно амбициозно. В документе упоминается Климатическая доктрина России, Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и соответствующий план, Концепция формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов, а также имеющиеся национальные стандарты, связанных с управлением выбросами парниковых газов на уровне организаций [13].

Азербайджанская Республика

В 2022 Азербайджан при поддержке программы ЕС “EU4Climate”, действующей с 2019 года и сотрудничающей с ПРООН, пересмотрел свой ОНУВ, который пока

что не был опубликован в реестре [14]. В первом ОНУВ, принятом в 2017 году, устанавливается цель сокращения выбросов парниковых газов на 35 % к уровню базового 1990 года. Меры, описанные в нём, затрагивают такие отрасли, как энергетика, транспорт, нефтегазовый сектор, ВИЭ, ЖКХ, сельское хозяйство, сектор управления отходами и ЗИЗЛХ (землепользование, изменения в землепользовании и лесное хозяйство) [15].

Республика Казахстан

Первый ОНУВ Казахстана принял в 2016 году. Его безусловный целевой показатель составляет снижение выбросов парниковых газов на 15 % по сравнению с базовым годом (1990 год), условный целевой показатель – 25 %. Отмечается, что выполнение условного целевого показателя не должно провоцировать экономических проблем. В ОНУВ упоминаются принятые Казахстаном законы: «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности», «О поддержке использования возобновляемых источников энергии», направленные на более широкое использование возобновляемых источников энергии и переход к «зелёной» экономике [16]. На данный момент подготовлен новый проект ОНУВ, в котором целевые показатели оставлены на прежнем уровне, но проработаны риски недостижения целей, детализирована текущая структура выбросов и отражены намерения по использованию таких политических инструментов, как система торговли выбросами и введение углеродного налога [17].

Исламская Республика Иран

Согласно части ОНУВа про обязательные меры борьбы с изменением климата (unconditionaltarget), Исламская Республика Иран намерена участвовать в снижении выбросов парниковых газов к 2030 году на 4 % по сравнению с базовым 2010 г. сценария «Бизнес как обычно» (BAU). Основные меры по декарбонизации включают в себя использования атомной энергетики и возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также увеличение доли природного газа в производстве электроэнергии. Дополнительные переменные меры (conditionaltarget) возможны при условии прекращения действия санкций, наличия международных ресурсов в виде финансовой поддержки и передачи технологий, обмена углеродными квотами, доступности двусторонних или многосторонних механизмов. Исламская Республика Иран имеет потенциал для снижения выбросов парниковых газов до 8 % по сравнению со сценарием BAU. ОНУВ Ирана также включает в себя раздел «Адаптация», содержащий описание климатических рисков и возможных стратегий борьбы с ними [18].

Туркменистан

Туркменистан впервые утвердил ОНУВ в 2016 году, а в мае 2022 г. при поддержке ПРООН произвёл его пересмотр. В новом ОНУВ, пока не зарегистрированном в реестре ООН, представлен план действий по смягчению последствий изменения климата с целью удержания повышения глобальной средней температуры значительно ниже 2 градусов по сравнению с доиндустриальным уровнем (базовый год – 2000), прилагая при этом усилия по ограничению роста до 1,5 градусов в рамках целей Парижского соглашения. Стоит отметить, что цель ОНУВ Туркменистана – не дать росту выбросов ПГ превысить рост ВВП. Как таковой целевой показатель отсутствует, поскольку выбросы по сравнению с базовым годом уменьшаются. Меры по декарбонизации затрагивают такие сектора экономики, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство и обращение с отходами [19].

Уже в предыдущем ОНУВ отмечается, что у Туркменистана имеются национальная стратегия по изменению климата и планы по митигации и адаптации. Основным путем выполнения планов и стратегии является их учёт при планировании государственного бюджета. Отмечается, что при соответствующей финансовой помощи возможно достижение нулевых выбросов до 2030 года [20].

Внутриполитические факторы - стратегические и нормативно-правовые документы, определяющие и обеспечивающие достижение целей национальной климатической политики стран Каспийского региона

По мнению Ю. А. Русаковой, климатическая политика России определяется главным образом внутриполитическими и экономическими факторами [3]. Данное утверждение справедливо и для других стран. Институционализация приоритетов, механизмов, инструментов климатической политики в виде национальных стратегических и нормативно-правовых документов составляет результат действия внутриполитических факторов национальной климатической политики.

Российская Федерация

В 2009 году, во время осуществления первого периода Киотского протокола, Россией была утверждена Климатическая доктрина [21]. На данный момент принята и действует Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, принятая во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» [22].

Стратегия России направлена на включение декарбонизационных мер в другие документы стратегического планирования страны. Стратегия построена на сравнении двух сценариев социально-экономического развития – инерционного и целевого (интенсивного), отличающихся разными подходами к глобальному энергетическому переходу.

Каждый сценарий включает в себя общее описание, прогнозы по технологическому развитию, структурным сдвигам, оценку состояния поглощающей способности, снижения энергоёмкости экономики страны и возможные эффекты сценарной реализации.

В инерционном сценарии не предусматривается введение дополнительных мер по декарбонизации, при этом структура энергобаланса страны остаётся неизменной. Его реализация сопряжена с рисками, связанными с опорой экономики страны на экспортно-сырьевую модель развития – снижением доходов бюджетных средств от энергетического экспорта, отставанием в технологическом развитии, ухудшением благополучия населения.

В интенсивном сценарии декарбонизация рассматривается как одно из конкурентных преимуществ российской экономики. Его ключевой задачей является обеспечение конкурентоспособности российской экономики в условиях глобального энергоперехода, что в полной мере соответствует целям международной климатической повестки и учитывает экономические возможности страны. Среди значимых для выполнения стратегии инструментов выделяются следующие меры:

- финансовой, налоговой политики;
- меры в области технического регулирования;
- реализация «зелёных» проектов;
- внедрение стандартов валидации и верификации климатических проектов;
- сертификаты происхождения энергии;
- применение публичной нефинансовой отчётности.

Мероприятия по реализации Стратегии делятся на общепромышленные, меры в энергетике, транспорте и промышленности, в сфере обращения с отходами, а также в сельском и лесном хозяйстве.

Министерство экономического развития России представляет результаты контроля за ходом Стратегии в Правительство Российской Федерации. В качестве показателей для оценки прогресса выполнения Стратегии выступают следующие индикаторы:

- объёмы суммарных и секторальных выбросов парниковых газов;
- объём и эффективность производства энергии;
- показатели энергетической эффективности в отраслях экономики;
- показатели, характеризующие углеродную интенсив-

ность экономики;

показатели вовлеченности отраслей и государственных структур в реализацию Стратегии;

объем и удельная эффективность инвестиций в снижение выбросов парниковых газов и увеличение поглощающей способности.

Для контроля Правительство РФ утверждает «дорожную карту» выполнения Стратегии, в которую войдут меры, способствующие наиболее высоким социально-экономическим эффектам, приводящие к существенно снижению выбросов ПГ или их поглощению [23].

Азербайджанская Республика

На данный момент в Азербайджане ведётся работа по созданию Госпрограммы по улучшению качества атмосферного воздуха и изменению климата [24]. Принятие единой программы по решению вопросов данной проблематики создаст условия для внедрения единой системы мер по достижению международных целей по климату.

Тем не менее, сохранение качества окружающей среды и развитие «зелёной» энергетики являются приоритетами развития страны согласно принятому в 2021 году документу «Азербайджан 2030: национальные приоритеты социально-экономического развития». Отмечается необходимость увеличения площади зелёных насаждений, а также развитие применения альтернативных и возобновляемых источников энергии. Согласно приоритетам, увеличение доли ненефтяного сектора экономики является одним из наиболее перспективных факторов повышения конкурентоспособности региона [25].

Выполнение приоритетов отражено в «Стратегии социально-экономического развития Азербайджанской Республики на 2022 – 2026 годы». Согласно Стратегии, доля ВИЭ в энергобалансе к 2026 году достигнет 24 % (к 2030 г. – 30 %) за счёт расширения государственно-частного партнёрства, изучения потенциала и использования мощностей оффшорной ветроэнергетики, использования биоэнергетики и геотермальной энергетики, создания информационной системы по возобновляемой энергетике, развития новой энергетической инфраструктуры [26].

Республика Казахстан

В Казахстане Стратегия достижения углеродной нейтральности принята указом Президента Республики № 121 от 2 февраля 2023 года. Основной целью Стратегии является непосредственно достижение углеродной нейтральности к 2060 году. При этом к 2030 году ставится безусловная среднесрочная цель сокращения выбросов ПГ на 15 % от уровня 1990 года (она же указана в ОНУВ), а также условная цель, достижение которой возможно при получении международной поддержки – 25 %.

Достижение углеродной нейтральности планируется за счёт реализации секторальных и сквозных мер по трём направлениям:

декарбонизация отраслей и процессов, связанных с ископаемым топливом;

декарбонизация отраслей и процессов, не связанных с ископаемым топливом;

поглощение парниковых газов и компенсационные проекты – наращивание природных источников поглощения выбросов и внедрение технологий по улавливанию и депонированию углерода.

Секторальные меры касаются энергетики (включая производство электро- и теплоэнергии, транспорта, сектора жилищно-коммунального хозяйства), промышленности, сельского и лесного хозяйства, управления отходами, а также кросс-секторальных мер.

В сквозных подходах особое внимание уделяется обеспечению справедливого перехода и созданию рабочих мест; финансированию безуглеродных проектов и «зелёным» инвестициям, совершенствованию образования и НИОКР, изменению общественного сознания, международному сотрудничеству, адаптации к изменению климата, а также развитию системы углеродного

регулирования.

Индикаторами достижения цели Стратегии служат следующие показатели [27]:

- национальные нетто-эмиссии ПГ, млн. тонн CO₂-экв.;
- нетто-поглощение ПГ (-) / нетто - выбросы ПГ (+) в секторе ЗИЗЛХ, млн тонн CO₂-экв.;
- выбросы ПГ, млн тонн CO₂ -экв. без учета ЗИЗЛХ.

Исламская Республика Иран

Иран разработал свой ОНУВ, а также принял «Национальный Стратегический План по борьбе с изменением климата», законодательно закреплённый в приложении к «Плану национального развития с 2017 по 2022 годы».

Эксперты отмечают, что план не соответствует цели ОНУВ – снижению выбросов ПГ к 2030 году на 4 % по сравнению с уровнем 2010 года. План разработан с горизонтом на 15 лет, основные его *направления* – это митигация, управление водными ресурсами, сельское хозяйство, продовольственная безопасность, природные ресурсы, биоразнообразие и здоровье населения.

Некоторые митигационные *меры* были включены в основную часть Плана национального развития с 2017 по 2022 годы [28]:

- увеличение доли ВИЭ до 5 % к 2021 году;
- разработка рыночных мер по внедрению энергоэффективности;
- рациональное управление отходами;
- сокращение сжигания факельного газа на 90 % к 2021 году;

- повышение энергоэффективности электростанций;
- снижение потребления энергии в строительном секторе на 5 %;

- ограничение регистрации автомобилей, не соответствующих стандарту Евро IV;

- снижение энергоёмкости промышленности за счёт реструктуризации и модернизации;

- увеличение доли использования железнодорожного транспорта по сравнению с другими видами транспорта.

Туркменистан

Вследствие усугубления проблем глобального изменения климата и масштабных задач Правительства Туркменистана по целям устойчивого развития (ЦУР), среди которых ЦУР 13: «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями», в 2019 году при поддержке Программы развития ООН Министерство сельского хозяйства и окружающей среды Туркменистана обновило «Национальную стратегию Туркменистана по изменению климата» (НСТИК), впервые утверждённую в 2012 году.

Целью обновления НСТИК стало обеспечение устойчивости к воздействию изменения климата экономики страны, включая продовольственную, водную и экологическую составляющие. Стратегия ставит следующие задачи:

- принятие митигационных и адаптационных межотраслевых мер;

- совершенствование гидрометеорологических наблюдений;

- экономия топливно-энергетических ресурсов, за счёт применения энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий;

- улучшение научного обеспечения и международного сотрудничества по вопросам разработки и реализации мер в области проблем изменения климата.

Все меры, описанные в НСТИК, делятся на меры по адаптации и митигации. Определяющий фактор *митигационных мер* – долгосрочное повышение энергоэффективности экономики. Митигационные меры касаются следующих отраслей экономики: нефтегазовый комплекс; электроэнергетика и ВИЭ; промышленность и коммуникации; транспорт; жилищно-коммунальное хозяйство и отходы.

Адаптационные меры касаются здравоохранения, сельского и водного хозяйства, земельных ресурсов,

экосистем и лесного хозяйства, а также гидрометеорологических явлений [29].

Экономическая факторы – роль нефтегазовых доходов в формировании бюджета стран Каспийского региона.

На основе факторного и кластерного анализа И. А. Степанов с коллегами приходят к выводу, что менее обеспеченные и энергоизбыточные страны ставят менее амбициозные цели по сокращению выбросов, в то время как богатые и энергодефицитные страны склонны к выстраиванию более активной климатической политики [9]. Отметим, что в данной статье Россия, Казахстан и Азербайджан отнесены к кластеру «Среднеобеспеченные и энергоизбыточные».

Климатическая политика стран Каспийской пятёрки в значительной степени определяется ролью нефтегазовых доходов в формировании бюджета стран и такими взаимосвязанными причинами, как обеспеченность запасами ископаемых энергоносителей, приоритет нефтегазовой отрасли в ТЭК и преобладание углеводородных энергоресурсов в потреблении первичной энергии, что, в свою очередь, обуславливает объёмы и структуру выбросов парниковых газов.

В странах Каспийской пятёрки сосредоточено 17 % мировых доказанных запасов нефти и 47 % мировых запасов природного газа. При этом на страны Каспийского региона приходится более 18 % нефтяных экспортных потоков и около 40 % мировых трубопроводных поставок природного газа [30]. Согласно докладу “World Energy Outlook 2022” Международного энергетического агентства, несмотря на прогнозируемое снижение доли газа относительно доли возобновляемых источников энергии в электрогенерации, его ключевая роль в обеспечении энергетической безопасности в среднесрочной перспективе сохранится. Во всех сценариях развития мировой энергетики отмечается устойчивый рост спроса на газ и нефть в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки. В Европе объём газохранилищ с 2021 года по 2030, как минимум, останется прежним [31].

Согласно отчёту компании BP, в 2021 году мировая добыча нефти увеличилась на 1,4 миллиона баррелей в сутки. Более трёх её четвертей приходится на страны соглашения ОПЕК+, куда входят Россия, Иран, Казахстан, Азербайджан. По данным BP, в 2021 году среди стран Каспийского региона больше всего увеличили добычу газа Азербайджан и Туркменистан, нефти – Туркменистан и Иран (Рисунок 1).

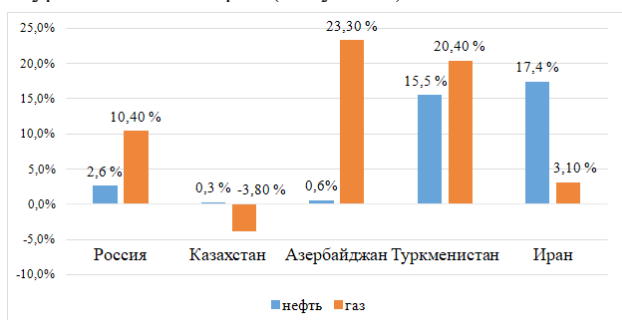


Рисунок 1 – Годовая динамика добычи нефти и природного газа странами Каспийского региона за 2020 – 2021 гг.

Источник: составлено автором по British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy 2022, дата обращения 15.03.23.

В докладе Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР) о состоянии экономик стран Центральной Азии за первый квартал 2023 года отмечается, что они сохраняют устойчивость благодаря высоким доходам от продажи нефти и газа, вызванных

скачком цен на эти энергоносители. При этом ЕБРР подчёркивает существенный рост нефтегазовых доходов в Туркменистане и Казахстане [32].

Нефтегазовые доходы играют определяющую роль в экономиках стран Каспийского региона, обеспечивая значительную долю доходной части бюджета. В России показатель доли нефтегазового сектора в ВВП рассчитывается с 2017 года и включает в себя производство сырой нефти и природного газа, продуктов их переработки, транспортировку и продажу, а также вспомогательные услуги. Несмотря на рекордно низкое значение показателя в 12,7 % ВВП во втором квартале 2020 года, вызванное падением цен на нефть в связи с уменьшением её потребления и переизбытком предложения [33], в первом квартале 2022 года было зарегистрировано его максимальное значение в 22,5 % от ВВП страны. Однако на данный момент динамика показателя скорее отрицательна: в четвёртом квартале 2022 года его значение составило уже 15 % и в перспективе роста нефтегазовых доходов не прогнозируется [34].

В Азербайджане доля доходов нефтегазового сектора в ВВП рассчитывается ежегодно. По данным Государственного комитета статистики Азербайджана, доля нефтегазового ВВП в последние годы резко увеличилась: в 2020 году этот показатель составил 28 %, в 2021 году – 37 %, по первичным данным за 2022 год показатель вырос до 46 %, что связано с ростом объёмов добычи и экспорта нефти и газа – в ближайшее время эти показатели будут только наращиваться [35].

Уже более 40 лет Иран имеет напряжённые отношения с Соединёнными Штатами Америки, что, в том числе, выражено в политике «максимального давления» и попытках США установить экономическую блокаду Ирана. Такая политика имеет огромное влияние на экспорт углеводородов из Ирана, в последнее время нефтегазовый ВВП страны составлял в среднем около 20 %, обеспечивая до 50 % бюджетных доходов и 70 % экспортных доходов страны. Но из-за санкций доля нефтегазовой отрасли в ВВП упала до 13,5 %. В связи с этим, правительство Ирана прилагает значительные усилия для уменьшения зависимости страны от нефтяных доходов. В 2020 году правительство объявило о сокращении привязки бюджета к нефти и о сокращении нефтяных доходов [36]. Однако по данным отчёта British Petroleum за 2021 год, Иран стал одной из лидирующих держав, нарастивших добычу нефти [37].

По данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, несмотря на небольшое падение в 2020 году, доля нефтегазового сектора в ВВП Казахстана за период с 2019 по 2021 годы составляла 18,6 – 21,3 % [38].

Ситуация со сбором статистики в Туркменистане неоднозначна – такие международные организации, как Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд, не признают её достоверность. Несмотря на то, что точная доля нефтегазового сектора в экономике страны неизвестна, власти Туркменистана отмечают, что нефтегазовый комплекс – это главный источник средств пополнения государственного бюджета и инвалютных резервов государства [39].

Фактор энергоперехода - структура производства электроэнергии

На основе данных отчёта British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy 2022, на рисунке 2 представлена структура производства электроэнергии в странах Каспийского региона.

По данным диаграммам можно сделать следующие выводы:

углеводородные энергоносители составляют большую часть баланса потребления энергии стран Каспийского региона. Все страны, кроме Казахстана, используют газ в основном для получения энергии, при этом модели энергопотребления отличаются уровнем

диверсификации остальных источников энергии; все страны, кроме Туркменистана, имеют в энергобалансе долю энергии, получаемую от ГЭС, но при этом она варьируется от 1 до 7 процентов;

Туркменистан, Азербайджан и Иран имеют схожие модели энергобалансов, где основными источниками энергии являются газ и нефть;

модель энергопотребления России отличается большей диверсификацией – в ней присутствует атомная энергия, при этом вместе с ГЭС и углём она составляет около трети потребления;

энергопотребление Казахстана также отличается значительным использованием угля – тем не менее, ГЭС и возобновляемые источники энергии (ВИЭ) в балансе также присутствуют.

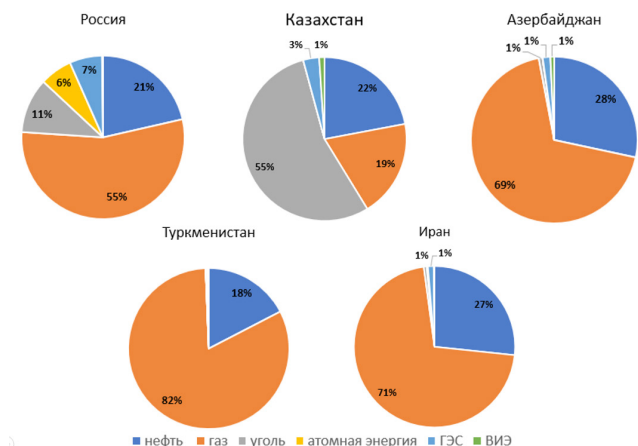


Рисунок 2 – Структуры производства электроэнергии в странах Каспийского региона.

Источник: составлено автором по *British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy 2022* [37], дата обращения 10.04.23.

По номинальному потреблению первичной энергии среди стран Каспийской пятёрки, первое место занимает Россия, её потребление энергии в два раза больше, чем в Иране. Потребление энергии других стран региона значительно ниже (таблиц 1).

Таблица 1 – Потребление первичной энергии в странах Каспийского региона

Страна Каспийского региона	Объём потребления энергии за 2021 год, всего экдожулей:	% от мирового потребления
Россия	31,3	5,3
Азербайджан	0,67	0,1
Казахстан	2,86	0,5
Иран	12,19	2
Туркменистан	1,61	0,3

Источник: составлено автором по *British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy 2022* [37], дата обращения 15.03.23.

В странах региона наблюдается корреляция между долями потребления первичной энергии и долей выбросов ПГ. В статистическом обзоре мировой энергетики ВР приводит статистику по выбросам стран в эквиваленте диоксида углерода (таблица 2).

Таблица 2 – Выбросы парниковых газов энергетического и промышленного секторов, метана, выбросов от сжигания газа на факелах в эквиваленте диоксида углерода в странах Каспийского региона.

Место по объёму выбросов в Каспийском регионе в CO ₂ экв.	Страна	Место в общем рейтинге ВР по выбросам ПГ	Выбросы млн тонн/год, CO ₂ экв.	Выбросы, % от общемировых в 2021 году
1	Россия	4	2172,1	5,6 %
2	Иран	6	892,7	2,3 %
3	Казахстан	27	272,1	0,7 %
4	Туркменистан	36	180,2	0,5 %
5	Азербайджан	68	45,7	0,1 %

Источник: составлено автором по данным *British Petroleum, Statistica Review of World Energy 2022* [37], дата обращения 15.03.23.

Риски в природных системах, связанные с изменением климата в странах Каспийского региона

Прикаспийские государства сталкиваются с серьезными последствиями изменения климата, включая колебания уровня моря, снижение водного стока, увеличение испарения с поверхности водных объектов в бассейне моря, сокращение биоразнообразия, усугубление опустынивания, увеличение повторяемости пыльных бурь за счет пыли с обнажившегося дна Каспийского моря. За период 1976 – 2020 гг. коэффициент линейного тренда среднегодовой температуры воздуха составил для Земного шара +0,18°C/10 лет, а для Каспийского региона – (+0,46°C/10 лет) [40].

С 2018 г. скорость падения уровня Каспия составляет 10 см/год. К концу 2020 г. уровень Каспия достиг отметки -28,5 м (в соответствии с Балтийской системой высот уровня моря), и от минимума 1977 г. (-29 м) его отделяет всего лишь 0,5 м [41]. Уменьшение солёности и повышение температуры воды в Каспийском море в последние годы приводит к изменению видового состава гидробионтов. В фауне Каспийского моря и низовьях впадающих рек в последние годы получают развитие теплолюбивые формы, включая вселенцев, ранее в современном ареале не встречавшихся [41].

Проекция климата на перспективу до нескольких десятилетий указывают на дальнейшее значительное потепление в Прикаспийском регионе. При повышении глобальной температуры на 2°C в соответствии со сценарием SSP5-8.5 (наиболее неблагоприятный сценарий, при котором радиационное воздействие к 2100 г. при составит 8,5Вт/м², концентрация парниковых газов – 1100 ppm) в регионе можно ожидать следующие изменения в характеристиках климата [42]:

повышение средней годовой температуры на 2,5...3,5°C, увеличение количества дней с максимальной температурой выше 35°C на 5–37 дней;

изменение годовых осадков от минус 5 до плюс 10 %, осадков зимнего сезона – от минус 2 до плюс 13 %, при этом вероятно уменьшение осадков летнего сезона на 10–25 %; с увеличением уровня потепления увеличатся интенсивность и частота выпадения сильных осадков;

средняя скорость приземного ветра снизилась (высокая степень достоверности) и будет продолжать снижаться (средняя степень достоверности);

сезонная продолжительность снежного покрова еще больше сократится к середине 21 века (высокая достоверность).

В исследовании Sri D. Nandini-Weiss, Matthias Prange, Klaus Arpe, Ute Merkel, Michael Schulz “Past and future impact of the winter North Atlantic Oscillation in the Caspian Sea catchment area” на основе имитационной модели было выявлено, что в период между 2020 и 2100 годами бассейн моря ждёт обмеление при любом климатическом сценарии. Возможное понижение уровня моря составляет от 9 до 18 метров, что может быть катастрофическим, особенно для северных районов Каспия. Подобное обмеление выведет из эксплуатации порты, что приведёт к непригодности многих транспортных путей [43].

Реализация рисков, связанных с климатом, может привести к трудно прогнозируемым существенным изменениям эпидемиологической ситуации и социальным изменениям.

ВЫВОДЫ

На основе проведённого анализа можно сделать вывод о формировании национальной климатической политики, как о комплексном и динамичном процессе, на который действует система факторов. Важнейшими из них являются:

– внешнеполитические;

- внутриполитические;
- экономические;
- структура топливно-энергетического комплекса;
- риски в природных системах, связанные с изменением климата.

Несмотря на санкционное давление стран Запада, официальная позиция России по климатическому вопросу не меняется – необходимо следовать цели Парижского соглашения, развивать инструменты климатического регулирования и ВИЭ. На климатическую политику Ирана влияют санкции, наложенные США: страна не ратифицировала Парижское соглашение по климату. Анализ ОНУВ стран Каспийского региона показывает, что в этих документах существует как сходство, так и различие:

– в качестве базового года выбран 1990 г. в Российской Федерации, Азербайджанской Республике, Республике Казахстан; 2000 г. – в Туркменистане, 2010 г. – в Исламской Республике Иран;

– целевой показатель снижения выбросов ПГ к 2030 году по сравнению с базовым годом: Российская Федерация – не превысить 75 %, Азербайджанская Республика – 35 %, Республика Казахстан – 15 %; Туркменистан – не установлен, Исламская Республика Иран – 4 %.

В ходе анализа и сравнения климатических стратегий стран Каспийского региона можно сделать ряд выводов:

Все страны, имеющие климатическую стратегию или план, ставят разную основную цель: для России – это обеспечение конкурентоспособности экономики в условиях глобального энергоперехода, для Туркменистана – поддержание устойчивости экономики в условиях действия негативных эффектов изменения климата, основная цель Ирана – показать свою готовность присоединиться к глобальным усилиям по достижению целей климатических соглашений (однако из-за санкций работа в этом направлении больше не поддерживается). Азербайджан пока не имеет своей климатической стратегии, но объявляет о планах развивать ВИЭ. И только Казахстан открыто заявляет о цели добиться углеродной нейтральности – из всех стран Каспийского региона его цель самая точная, а главное – измеримая.

Учитывая сферы, в которых планируется проведение климатических мер, – здравоохранение, управление водными ресурсами, продовольственная безопасность – можно сказать, что Туркменистан и Иран больше остальных стран подвержены рискам, связанным с изменением климата и угрожающим благосостоянию их граждан. Секторальное деление мер России и Казахстана совпадают, однако Казахстан имеет более комплексную, соответствующую принципам устойчивого развития, концепцию стратегии. В ней большое внимание уделяется социальной, научной, дипломатической составляющей энергоперехода.

Несмотря на то, что у Казахстана всего 3 показателя, они соответствуют логике поставленной в климатической стратегии цели. В стратегии России прописано 6 индикаторов, однако нельзя сказать, что их значения будут отражать степень прогресса по указанной в документе цели. В стратегии Туркменистана заявлено, что стране пока не хватает мониторинговой инфраструктуры для того, чтобы получить точные данные по каким-либо индикаторам, поэтому они отсутствуют.

Каспийский регион является одним из крупнейших держателей мировых запасов углеводородных энергоносителей, освоенных далеко не в полном объеме. Именно ТЭК играет одну из основных ролей в устойчивости экономики всех стран региона. На данный момент минимум 80 % энергопотребления стран Каспийского региона приходится на углеводороды, национальные энергосети созданы под использование ископаемых источников энергии. Экономика стран сильно зависит от доходов их нефтегазовых секторов. Для Ирана и России такая зависимость подвержена испытаниям из-за введе-

ния санкций, для других стран – это возможность повысить доходы за счёт роста цен на нефть и природный газ. Государства Каспийского региона стремятся нарастить добычу углеводородов и найти подходящие рынки для их сбыта. Каспийский регион играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности стран Европы за счёт поставок газа. В некоторых странах региона – таких, как Иран и Туркменистан, – наблюдается районный энергодефицит, вызванный несовершенством энергетической инфраструктуры – в данном случае развитие локальных проектов по ВИЭ могло бы быть решением, но при этом финансовый вопрос требует решения.

Каспийский регион не только играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности и экономической стабильности соседних регионов и стран, но и является крупным эмитентом парниковых газов в мире. Наиболее значимыми эмитентами парниковых газов в Каспийском регионе являются Россия и Иран. Общий вклад стран Каспийского региона составляет 9,2 %. Самый большой вклад в объём выбросов вносит именно энергетический сектор.

Основные характеристики энергетического перехода в странах Каспия:

– в сфере митигации: высокая доля углеводородов в энергобалансе, низкие темпы его диверсификации; преобладание мер в области развития технологий повышения энергоэффективности и энергосбережения, цифровизация процессов, обновление инфраструктуры;

– в сфере адаптации: преобладание борьбы с водным дефицитом и опустыниванием; меры в области гражданской защиты; адаптация сельского хозяйства к негативным эффектам изменения климата.

При этом отсутствие более жёстких митигационных мер может привести к потере конкурентоспособности стран на глобальных рынках, ухудшению негативных эффектов от потенциальных рисков, связанных с изменением климата.

Учитывая увеличение числа экстремальных метеорологических явлений, угрозу биоразнообразию и опустыниванию, прогнозируемое обмеление Каспийского моря и сокращение его площади, можно сделать вывод о важности для стран Каспийского региона учёта данных рисков в государственных стратегических документах, а также рассматривать климатическую повестку как важный элемент сотрудничества стран региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Регулирование в области изменения климата: мировая практика и перспективы. АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований» - 226 с.
2. Жорнист В.М., Несмаиный А.Д., Харкевич М.В., Сафранчук И.А. Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 163–182 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-08
3. Русакова Ю.А. Климатическая политика Российской Федерации и решение проблем изменения глобального климата. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015; (1(40)):170-176. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-1-40-170-176>
4. Сахаров А.Г. Изменения климатической политики США и повестка дня Арктического совета // *Вестник международных организаций*. 2018. Т. 13. № 1. С. 66–79. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-04
5. Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И. Климатическая политика Российской Федерации: международное сотрудничество и национальный подход // *Финансовый журнал*. 2020. Т. 12. № 4. С. 26–36. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-26-36
6. Кошкина Н.Р. Государственная политика Российской Федерации в области борьбы с изменением климата. *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2020. 12(3), 441–454. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454>
7. Веселова Д. Н. Климатическая политика Российской Федерации: законодательные и институциональные аспекты // *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. 2021. Т. 18. № 3. С. 96–111. https://doi.org/10.17506/18179568_2
8. Васильцов В. С., Яшалова Н. Н., Яковлева Е. Н., Харламов А. В. Национальная климатическая политика: концептуальные основы и проблемы адаптации // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, вып. 4. С. 1123-1136. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-6>
9. Степанов И.А., Агикян Н.Д., Музыченко Е.Э. От чего зависит амбициозность климатической политики разных стран // *Вестник международных организаций*. 2021. Т. 16. № 4. С. 57–79 (на русском и

английском языке). doi:10.17323/1996-7845-2021-04-03

10. Алхамова Л. К. Энергетический фактор развития Каспийского региона: материалы IV Международной научной конференции, Астрахань, 19 декабря 2019 г. / Астраханский государственный университет. Астрахань: Изд-во Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2020. – С. 36-37. Электрон. версия печ. публ. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42870380_32365090.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

11. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Рио-де Жанейро. 9 мая 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml

12. Ковалев Ю. Ю., Степанов А. В., Бурнасов А. С., Международная климатическая дипломатия в поисках решения глобальной проблемы // Известия Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2017. Т.12. №1. С. 117 - 131

13. Определенный на национальном уровне вклад Российской Федерации / United Nations Framework on Climate Change. – 2022. Электрон. версия. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/NDC_RF_ru.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

14. Eu4Climate Azerbaijan / UNDP. – 2022. Электрон. версия. – URL: https://eu4climate.eu/wp-content/uploads/2022/07/1_EU4Climate-AZERBAIJAN_2022_updated.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

15. Nationally Determined Contribution of Azerbaijan under the Paris Agreement / United Nations Framework on Climate Change. – 2022. Электрон. версия. – URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/NDC%20Azerbaijan.pdf> (дата обращения: 29.03.2023).

16. Intended Nationally Determined Contribution - Submission of the Republic of Kazakhstan / United Nations Framework on Climate Change. – 2022. Электрон. версия. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/NDC%20Kz_eng.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

17. Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении определяемых на национальном уровне вкладов Республики Казахстан от 29.09.2021 // Открытые НПА : сайт. – URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=11811525> (дата обращения: 3.04.2023)

18. Iran Nationally Determined Contribution (NDC) / Climate Watch Data. – 2015. – URL: <https://www.climatewatchdata.org/ndcs/country/IRN/full> (дата обращения: 3.04.23)

19. ПРООН в Туркменистане : официальный сайт // Туркменистан делает еще один шаг в глобальных действиях по борьбе с изменением климата. – 2022. – URL: <https://www.undp.org/ru/turkmenistan/press-releases/turkmenistan-delaet-eshche-odin-shag-v-globalnykh-deystviyax-po-borbe-s-izmeneniem-klimata> (дата обращения: 29.03.2023).

20. Nationally Determined Contribution of Turkmenistan under the Paris Agreement / United Nations Framework on Climate Change. – 2022. Электрон. версия. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-01/NDC_Turkmenistan_12-05-2022_approv.%20by%20Decree_Eng.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

21. Утверждена Климатическая доктрина Российской Федерации // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6365>. Дата публикации: 17.12.2009

22. Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666. О сокращении выбросов парниковых газов // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения: 10.05.2023).

23. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 29 октября 2021 г. № 3052-р // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCsp3fW032e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

24. Азербайджан готовит Госпрограмму по улучшению качества атмосферного воздуха и изменению климата / Day.Az : сайт. – URL: <https://news.day.az/economy/1524070.html>. Дата публикации: 29.12.2022.

25. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030» // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев: официальный сайт. – URL: <https://president.az/az/articles/view/50474> (дата обращения: 18.04.2023).

26. Azərbaycan Respublikasının 2022–2026-cı illərdə sosial-iqtisadi inkişaf Strategiyası // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев : официальный сайт. – URL: https://static.president.az/upload/Files/2022/07/22/5478ed13955fb35f0715325d7f76a8ea_3699216.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

27. Об утверждении Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121> (дата обращения: 27.04.2023).

28. Roche M. Y., Paetz S., Dienst C. Implementation of Nationally Determined Contributions-Islamic Republic of Iran. – 2018. – 42 с.

29. Национальная стратегия Туркменистана об изменении климата // ПРООН в Туркменистане : официальный сайт. – URL: <https://www.undp.org/turkmenistan/publications/national-strategy-turkmenistan-climate-change> (дата обращения: 18.04.2023).

30. Алиев Р.А. Влияние концепции устойчивого развития на трансформацию энергетической политики стран Каспийского региона. Вестник МГИМО-Университета. 2023;16(3):7-55. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-7-55>

<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-7-55>

31. World Energy Outlook 2022 / IEA. – 524 с. Электрон. версия. – URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/830fe099-5530-48f2-a7c1-11f35d510983/WorldEnergyOutlook2022.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

32. Regional Economic Prospects in the EBRD Regions. Not out of the woods yet. February 2023 Update / European Bank of Reconstruction and Development. – 2023. – 20 с.

33. Герасимчук З.В., Синицын И.Б., Ктрян А.Г. Нефтяной кризис 2020 года: причины, последствия и пути решения // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – №. 5 -1. – С. 168-172. Электрон. версия. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nefyanoy-krizis-2020-goda-prichiny-posledstviya-i-puti-resheniya/viewer> (дата обращения: 19.05.2023).

34. Нефтегазовый сектор // Официальная статистика. Национальные счета / Федеральная служба государственной статистики. – 2023. Электрон. версия. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 19.05.2023).

35. GDP production in the section of oil and non-oil of economy // System of national accounts and balance of payments / The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. – 2023. Электрон. версия. – URL: https://www.stat.gov.az/source/system_nat_accounts/?lang=en (дата обращения: 19.05.23).

36. Синеок М. Н., Грибачев В. М. Оценка нефтяных доходов Ирана исходя из анализа взаимодействия Ирана и США // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2021. – №. 2. – С. 451-462. Электрон. версия. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-nefyanyh-dohodov-irana-ishodya-iz-analiza-vzaimodeystviya-irana-i-ssha> (дата обращения: 19.05.2023).

37. British petroleum statistical review of world energy // London: British Petroleum Corporate Communications Services. – 2022. – 60 с. Электрон. версия. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (дата обращения: 19.05.2023).

38. Динамика нефтегазового и сырьевого секторов / Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – 2023. Электрон. версия. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/search/index.php?tags=&how=r&q=Динамика+нефтегазового+и+сырьевого+секторов> (дата обращения: 19.05.2023).

39. Туркменистан: Золотой век : официальный сайт // Эффективное освоение иностранных инвестиций и грамотный маркетинг – на повестке дня правительственного совещания. – 2021. – URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/52760/effektivnoe-osvoenie-inostrannykh-investitsiy-i-gramotnyj-marketing-na-povestke-pravitelstvennogo-soveshchaniya> (дата обращения: 15.05.2023). – Текст: электронный.

40. Алмабаева Д. Материалы Международной научной конференции «Изменение климата в регионе Каспийского моря» / Отв. редакторы Е.В. Островская, Л.В. Дегтярева. – Астрахань: Издатель Сорокин Р.В., 2022. С.13

41. Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. – СПб.: Научное издание, 2022. С.36

42. Долгих С.А. Материалы Международной научной конференции «Изменение климата в регионе Каспийского моря» / Отв. редакторы Е.В. Островская, Л.В. Дегтярева. – Астрахань: Издатель Сорокин Р.В., 2022. С.26

43. Nandini-Weiss S. D. et al. Past and future impact of the winter North Atlantic Oscillation in the Caspian Sea catchment area // International Journal of Climatology. – 2020. – Т. 40. – №. 5. – С. 2717-2731. Электрон. версия. URL: <https://rmets.onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/joc.6362> (дата обращения: 17.04.2023)

Received date: 18.08.2023

Approved date: 01.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 327.8

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_28



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

«МЯГКАЯ СИЛА» ПОЛИТИКИ КИТАЯ, ТУРЦИИ, ИРАНА: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННУЮ РФ

© Автор(ы) 2023

БЕЗРУКОВА Анастасия Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных
юридических и социально-гуманитарных дисциплин

Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования

Московский финансово-промышленный университет Синергия

125315, Россия, Балашиха, bezrukova6702@rambler.ru

ORCID: 0000-0000-0000-0000

Аннотация. В современном мире решение внешнеполитических задач все чаще опирается на применение инструментов и мер так называемого «мягкого» воздействия. Это влечет за собой переход многих стран к новым национальным внешнеполитическим концепциям и обуславливает необходимость поиска новых эффективных возможностей достижения внешнеполитических целей. Все эти ресурсы потенциально расширяют внешнеполитический инструментарий, позволяя достигать желаемых результатов посредством привлекательности для других, а не принуждения. Политика мягкой силы все чаще рассматривается как действенный инструмент достижения внешнеполитических целей стратегического уровня странами, претендующими на глобальное и региональное лидерство. В настоящее время можно отметить усиливающуюся роль КНР, Турции и Ирана на международной арене. В силу географического расположения и исторических особенностей все эти страны оказывают воздействие на Россию как в отношении трансформации политических взглядов, так и в отношении общественного мнения. В данной статье предполагается рассмотреть вопрос о применении политики «мягкой силы» вышеуказанных стран и ее влиянии на РФ в контексте оценки общих перспектив такой политики. Кроме того, предполагается определить основные сферы взаимодействия и влияния политики мягкой силы указанных государств на РФ.

Ключевые слова: «мягкая сила», гражданское общество, медиа-коммуникации, публичная дипломатия, региональная интеграция.

SOFT POWER STRATEGIES IN CHINA, TURKEY AND IRAN: ASSESSING THE POTENTIAL IMPACT ON MODERN RUSSIA

© The Author(s) 2023

BEZRUKOVA Anastasia Alexandrovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of
Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines

Non-governmental educational private institution of higher education

Moscow Financial and Industrial University Synergy

125315, Russia, Balashiha, bezrukova6702@rambler.ru

Abstract. In today's world, it becomes progressively common to see politicians go soft in their foreign policies. This tendency entails the shift to a new foreign policy paradigm and necessitates the search for new effective ways to achieve foreign policy goals. Soft power resources can potentially expand the foreign policy toolkit, allowing countries to achieve desired outcomes through attraction, rather than coercion. Soft power is increasingly seen as an effective tool for achieving strategic foreign policy goals by countries that aspire to global and regional leadership. At present, one can note the growing role of China, Turkey and Iran in the international arena. Given their geographical location and history, these countries can affect Russia through the transformation of political views and public opinions. This study seeks to determine how the said countries utilize soft power and assess its potential impacts on the Russian Federation. In addition, the study aims to determine the main areas that may be affected in this regard.

Keywords: soft power, civil society, media communications, public diplomacy, regional integration.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в вопросах межгосударственно-го взаимодействия, разрешения международных проблем возрастающее значение приобретает т.н. публичная дипломатия как действенный инструмент выражения общественной воли, возможности равноправного партнерства с государством в развитии диалога и сотрудничества между странами на разных уровнях взаимодействия [1]. Публичная дипломатия, которая ранее рассматривалась преимущественно как действия правительства по оказанию влияния на зарубежную общественность в рамках внешнеполитического процесса, сегодня расширилась за пределы сферы деятельности правительств, включив в качестве активных участников поля внешнеполитических процессов средства массовой информации, многонациональные корпорации, неправительственные, религиозные организации и других акторов. Принято считать, что публичная дипломатия привносит в международные отношения некоторый компонент морали, определяет направление желаемого развития человеческой цивилизации, нивелируя препятствия в международной коммуникации, а также может быть действенным механизмом привлечения внимания мировой общественности к новым вызовам и угрозам человечеству, решению проблем мирового масштаба. Приоритетной задачей становится возможность диалога непосредственно между обществами разных государств, а власть приобретает роль инструмента, облегчающего это общение [1]. Расширение роли

публичной дипломатии в настоящее время все чаще рассматривается в качестве одного из основных и наиболее эффективных инструментов политики «мягкой силы» (англ. – soft power) – концепции, прочно вошедшей в современный обиход в области международных отношений. Зародившись в политической науке США и получив широкое распространение на западе, интерес к данной концепции стал проявляться в других частях мира и странах, далеких от приверженности западным политико-правовым идеям [2].

В условиях глобализационных процессов, усиливается взаимозависимость стран в разных плоскостях межгосударственных отношений. Эти отношения основываются на различных формах взаимодействия, включая, разумеется, сотрудничество и/или конфронтацию. В эти процессы вовлечены все государства мира. Роль некоторых стран в них уменьшается, некоторых, включая такие страны, как Китай, Турция и Иран, наоборот – усиливается. Последние, в общем, прямо или косвенно, претендуют на лидерство, используя переговоры и диалог и ссылаясь на имеющийся потенциал, в соответствии с собственными имеющимися ресурсами. Несмотря на признанную эффективность использования традиционных «жестких» форм проявления силы государств, присутствовавших во внешней политике во все времена, в настоящее время возрастает роль невоенных – т.н. «мягких» способов воздействия на объект политики посредством применения культурно-философских,

экономических, образовательных и прочих рычагов политического влияния, не предполагающих наличия военной составляющей. В настоящее время, пожалуй, каждое государство вынуждено реагировать на вызовы, исходящие именно из проекций «мягкой силы», и есть множество оснований говорить о том, что со временем количество этих вызовов увеличится [3].

Так, современные страны сталкиваются со множеством разнообразных угроз, включая терроризм, кибератаки, изменение климата и распространение ядерного оружия. В такой среде политика мягкой силы может быть эффективным инструментом для превентивного решения конфликтов, укрепления доверия и сотрудничества между государствами. Отдельным инструментом усиления и без того возрастающей роли политики МС становится цифровизация. Так, современные технологии и информационная связанность сделали мир более взаимозависимым. Государства, которые могут влиять на другие страны, используя свою культуру, идеи и ценности, могут создавать себе благоприятные условия для достижения своих национальных интересов при помощи цифровых инструментов [4].

На этом фоне страны т.н. Глобального Юга активно вовлекаются в эти процессы, в особенности те страны, которые претендуют на региональное (Турция, Иран) или глобальное лидерство (Китай). Азиатские государства активно занимают продвижением своей «мягкой силой», подробное внимание сосредотачивают на этом КНР и Япония. Китай активно использует наращивание и «жесткую силу», однако с помощью экономических благ, таких как доступные и базовые вещи, становится важным актором на международной арене в экономическом секторе. Политика невмешательства в дела других, следование правилам рыночной экономики западной аудиторией и одна из крупнейших диаспор в мире становятся ключевыми средствами для укрепления позитивного имиджа Китая [5]. В последние годы Китай заметно усилил свое гуманитарное проникновение в страны Средней Азии как части более широкого – Центральноазиатского региона. С помощью политики МС руководство страны намеревается снизить опасения стран региона, вызванные демографическим и экономическим весом КНР [5]. Кроме того, на сегодняшний день трудно не обратить внимание на усиливающуюся роль Ирана в Ближневосточном регионе, его влияние на соседние страны. Отчасти это обусловлено изменением внешнеполитических подходов. Трансформационные процессы в иранском обществе побудили правительство к пересмотру внешнеполитического вектора с «экспорта исламской революции» – к, условно выражаясь, прагматичной модели осуществления более ограниченных национальных интересов. В настоящее время, страна последовательно имплементирует инструменты МС в свою внешнеполитическую деятельность в Центральноазиатском регионе. В условиях санкционного давления со стороны США и других западных стран, руководство страны особую роль отводит вопросам повышения эффективности МС для расширения сфер сотрудничества с зарубежными странами [6]. В существующем контексте, Иран стал не единственной страной Среднеазиатского региона, решившей прибегнуть к транспозиции теоретической концепции МС в практическую плоскость, попытавшись применить ее в своей внешней политике. Так, концепция МС нашла применение во внешнеполитической стратегии современной Турецкой Республики, а вопросы использования Турцией инструментов «мягкого» воздействия в последние годы привлекают все больше внимания зарубежных политологов и специалистов в области международных отношений [7].

В силу географического расположения и исторических особенностей, а также их усиливающейся ролью на международной арене политика этих стран оказывает воздействие и на Россию. В связи с этим цель исследования предполагает осуществить анализ и дать оценку политики МС Китая, Турции, Ирана с точки зрения ее существующего и потенциального влияния (воздействия) на современную РФ.

Современные исследования, охватывающие изучение взаимовлияния политики МС России, КНР, Ирана и Турции посвящены таким вопросам, как: основные проявления китайской мягкой силы в Иране, а также их восприятие иранской общественностью [8], особенности публичной дипломатии и политики МС Ирана [9], «мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования [10], ограничения китайской «мягкой силой» в ее демографической и языковой политике в Центральной Азии [5], сравнительный анализ политики МС России, Индии и Китая в западной Азии [11], «мягкая сила» Турции во внутренней политике России [12]. Российские исследования по профильному направлению посвящены в частности таким вопросам, как анализ соотношения понятий «мягкая сила» и пропаганда [13], изучение потенциала высшего образования как инструмента мягкой силы России [14], изучение роли мягкой силы России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве [15], методология изучения феномена цифровой дипломатии в международных отношениях Иран [16], как объект публичной дипломатии США [17], мягкая сила Китая в аспекте образовательных стратегий внешнеполитического влияния [18], роль мягкой силы России в арабских странах [19].

В рамках данного исследования предполагается осуществить исторический обзор и анализ политики МС КНР, Турции и Ирана, ее концептуального содержания и механизмов реализации, основывающихся на конкретных примерах применения с точки зрения взаимовлияния с политикой МС России. Кроме того, предполагается рассмотреть вопрос о применении политики МС вышеуказанных стран и ее влиянии на РФ в контексте оценки общих перспектив такой политики, а также определить основные сферы взаимодействия и влияния политики мягкой силы указанных государств на РФ.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическую основу данного исследования составляет метод содержательного анализа, а также метод систематического обзора литературы, про помощи которых рассматриваются основные инструменты политики МС с точки зрения политических исследований и теории международных отношений, инструменты политики МС в КНР, Турции и Иране. Часть работы посвящена вопросам современной роли стран Центральноазиатского региона в контексте политики МС России, КНР, Турции и Ирана. Основная часть работы состоит из двух разделов, посвященных, соответственно, вопросам институционализации понятия МС, основным направлениям развития политики МС в Китае, Турции и Иране, а также вопросам, посвященным политике мягкой силы РФ в контексте взаимовлияния с политикой МС вышеуказанных стран. Кроме того, в работе рассматриваются основные сферы взаимодействия и влияния политики мягкой силы указанных государств на РФ, а также сферы влияния политики МС данных стран, способные в перспективе распространить свое действие на РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Внешняя политика КНР, Турции и Ирана в рамках концепции «мягкой силы». Категория мягкой силы в рамках современных политических исследований восходит к идеям эпистемологического конструктивизма благодаря чему расширяет исследовательский интерес, выводя его за пределы классических подходов в политологии и теории международных отношений. Применение привлекательности, симпатий, трансформация желаний, интересов и мотивации других акторов предусматривают изменчивость, субъективность реальности и, прежде всего, способность эту реальность изменять, навязывая собственные пути ее понимания и оценки [20].

Понятие «мягкая сила» (далее – МС) сформулировано и впервые использовано американским политологом Дж. Наем в начале 1990-х годов [21]. С тех пор термин стал одной из значимых концепций в мировой политике,

экономике и дипломатии, став широко используемым в профильных научных исследованиях. Мягкая сила – это способность изменять поведение других путем не прямого принуждения, но распространяя на них свои ценности. В целом же, сила государства в данном отношении обусловлена его способностью создавать, совершенствовать и распространять собственные ценности, культуру и философские и историко-политические идеи. Вместе с тем, предполагается необходимость создания и поддержки сторонних акторов (организаций, НПО, стран или их объединений), которые будут способствовать распространению этих идей. Кроме того, существует необходимость разработки и продвижения правил и стандартов для зарубежных акторов, создание привлекательного образа для иммигрантов и т.п. [4].

Исследователи-политологи в настоящее время сходятся во мнении о том, что мягкая сила приносит всевозможные выгоды странам, общественным группам, предприятиям и организациям всех форм и размеров [20; 22]. Сильный национальный бренд и позитивное восприятие «мягкой силы» позволяют стране продвигать себя как место, куда люди приезжают, инвестируют и создают репутацию благодаря качеству своих товаров и услуг. Это также позволяет стране повышать уважение своих соседей, продавать свои ресурсы и формировать образ, который она представляет на международной арене [22].

Политика мягкой силы (soft power policy) является относительно новой категорией в политологии и теории международных отношений. Обобщая существующие определения, политику МС следует рассматривать как стратегию внешней политики, основанную на способности страны привлекать другие государства и оказывать влияние на них через свою привлекательность, ценности, культуру и идеи, а не силой или принуждением. Автор концепции Дж. Най выделил три основных источника мягкой силы: культуру, политические ценности и внешнюю политику. Он считал, что страна, обладающая привлекательной культурой, демократическими ценностями и успешной политикой, может влиять на другие страны и достигать своих целей без применения силы [23]. В ряде исследований концепция МС рассматривается как сила, использующая привлекательность в качестве основного инструмента воздействия на мнение целевой группы, сторонних акторов [24; 25]. Так, американская исследовательница Д. Б. Маттерн отмечает, что МС не следует понимать исключительно с точки зрения ее сопоставления с жесткой силой, при этом в обоих случаях речь идет о силе как общеполитической категории. Это объясняется сосредоточением внимания на идее репрезентативной силы, в соответствии с которой средствам, используемым для развертывания мягкой силы, присуща определенная степень принуждения, поскольку ее успех в итоге будет зависеть от знания того, как именно реализовать свою идею и представить собственную привлекательность целевой группе [25]. Современные литературные источники дают основания выделить ряд основных инструментов политики МС [23; 26]. Среди них:

– Культурные обмены и дипломатические отношения. Это включает такие активности, как культурные программы, обмены студентами, языковые программы, туризм и дипломатические миссии. Через такие контакты и обмены международное взаимодействие становится более продуктивным и способствует взаимопониманию и сотрудничеству;

– Гуманитарная помощь. Предоставление гуманитарной помощи другим странам во время кризисов и бедствий позволяет стране продемонстрировать свою готовность помочь и заботиться о других. Это способствует укреплению образа страны и созданию благосклонности у получателей помощи;

– Экономическое сотрудничество и инвестиции. Предоставление экономической помощи, инвестиций и развитие торговых отношений с другими странами помогает укрепить влияние и привлекательность страны.

Экономическое сотрудничество может стать инструментом долгосрочного влияния и содействовать развитию других стран;

– Медиа и информационное пространство. Использование медиа, социальных сетей и информационных платформ позволяет стране распространять свои идеи, ценности и культуру, а также давать интерпретацию событий и политических инициатив с точки зрения собственных интересов.

Опыт и видение Китая в вопросах имплементации политики мягкой силы. В современном мире Китай является одним из ведущих экономических государств и крупнейшим региональным лидером. В своей внешнеполитической стратегии КНР использует «мягкую силу», играющую значительную роль в развитии страны на мировой арене [26]. По мере того, как Китай усиленно развивал свои ресурсы жесткой силы, для лидеров страны становилось очевидным, что продвижение исключительно в данном направлении, с точки зрения расстановки внешнеполитических приоритетов, является все менее приемлемым. В результате, в конце прошлого – начале нового XIX века внимание руководства КПК обратилось к поиску новых внешнеполитических инструментов для достижения долгосрочных целей. В этом смысле концепция МС выглядела обещающей и вполне применимой в рамках осуществления государственной политики, к чему и прибегло политическое руководство страны. Становилось все более очевидно, что по мере роста жесткой военной и экономической мощи Китая страна станет рассматриваться в качестве потенциальной угрозы для своих соседей, подталкивая их к поиску союзников, способных «уравновесить» КНР, вступив с ними в ситуативные или долгосрочные коалиции. Однако это понимал и Китай: если страна сможет сопровождать развитие экономики и ВПК усилением своей мягкой силы, она сможет и ослабить стимулы для создания этих коалиций. В этом контексте курс на продвижение МС выглядел вполне разумным. На XVII-м съезде КПК в 2007 году президент Китая Ху Цзиньтао заявил, что стране необходимо вкладывать больше материальных и нематериальных инвестиций в мягкую силу. В настоящее время данный курс поддерживается действующим президентом Си Цзиньпином. После того, как высшее руководство КПК публично озвучило свои планы, в продвижение МС были инвестированы миллиарды долларов, а также опубликовано множество научных и публицистических материалов, поощряющих продвижение политики МС [21].

Говоря о том, в чем же состоят особенности китайского видения мягкой силы, следует отметить следующее. Во-первых, КНР очень трудно апеллировать к привлекательности своей политической системы и общественных ценностей в условиях преобладания ценностей западной цивилизации, проникающей в культуру стран разных мировых регионов, включая страны Африки, Латинской Америки и, в том числе, Азии [27; 28]. Последнее, как можно понять, неразрывно связано с процессами глобализации и интернационализации мировой экономики. В то же время идеи марксизма с элементами конфуцианской догматики, где главными принципами являются социальная солидарность и служение общине, идентифицируют китайское общество как коммунитарное, а не индивидуалистское. Это, в свою очередь, идет вразрез с западными общественно-политическими паттернами. Во-вторых, характерным элементом китайского образа мягкой силы ее экономическая направленность. Став в 2010 году второй экономикой мира после Соединенных Штатов, КНР активно использует экономические рычаги для улучшения своего имиджа на международном уровне. Инфраструктурные проекты, распространение технологий и «филантропическая» роль в вопросах содействия менее развитым государствам с помощью кредитов – все это компоненты мягкой силы КНР, которые имеют целью продемонстрировать развитость

китайской экономической модели [29]. Они подчеркивают важность, которую Пекин придает использованию ресурсов мягкой силы, будь то успешное проведение Олимпийских игр 2008, 2022 года или недавнее расширение Институтов Конфуция по всему миру [9; 30].

Опыт Турецкой Республики в вопросах применения политики мягкой силы. Переходя к рассмотрению опыта Турецкой Республики следует отметить, что главным внешнеполитическим фактором активизации деятельности Турции использованием «мягкой силы» стало образование независимых государств после распада СССР 1991 г. Курс ее внешней политики был обусловлен приходом к власти 2002 г. Партии справедливости и развития, умеренно консервативной направленности, нацеленной на более глубокую интеграцию с странами запада. Демократические реформы снизили уровень влияния военных на политику страны и укрепили гражданское общество. Реформы также привели к привлечению к внешней политике страны новых акторов, включая НПО, профсоюзы, частные фонды и пр. Новый внешнеполитический курс был определен министром иностранных дел А. Давутоглу, занимавшему должность с конца 2009-го по 2014 год. Глава внешнеполитического ведомства представил новый курс внешней политики, основывающейся на доктрине «стратегической глубины», предполагающей, в свою очередь, установление долгосрочных культурных, экономических и политических связей. Среди основных внешнеполитических приоритетов была определена необходимость укрепления добрососедских отношений с соседними странами, предполагающая расширение сфер культурного, политического и экономического взаимодействия. Т.н. “zero problems policy” стимулировала усиление политики МС в стране [31].

Дискуссии о внешней политике Турции как правило неразрывно взаимосвязаны с оценкой потенциала МС Турции и соответствующих политических инициативах. Правящая коалиция Партии справедливости и развития и Националистической партии Турции (МНР) используют мягкую силу более широко, чем любые другие предыдущие правительства в истории Турции. Местная специфика «мягкой силы» состоит как из прямой «мягкой силы» государства посредством ее дипломатической экспансии, так и из масштабных негосударственных усилий по распространению информации через турецких негосударственных субъектов в области культуры, экономики и социального обеспечения, а также популярности турецких СМИ и телевидения во всем мире [32].

Следует отметить, что по итогам 2012 года Турция заняла 20 место в рейтинге стран по эффективности применения политики МС. Показатели рейтинга в этот период стали свидетельством эффективности проводимой политики, направленной на достижения целей в сфере публичной дипломатии. Среди главных критериев, определивших место страны в рейтинге на тот момент, стала ее привлекательность для инвесторов, активное участие в процессах принятия решений по широкому спектру вопросов в рамках региональных и международных организаций; популярность телевизионного контента для стран ближнего зарубежья, а также растущая популярность транспортных услуг, туризма и рекреационной логистики [33]. С тех пор позиция Турции в рейтинге неоднократно опускалась на несколько пунктов, впоследствии, однако возвращая утраченные позиции. По данным за 2022 г. страна находится на 22-м месте в рейтинге Global Soft Power Index. При этом, критерии, определяющие место в рейтинге остаются преимущественно теми же, в частности – экономика, образование, рекреационно-развлекательная индустрия, телевидение и медиа [34]. В соответствии с Soft Power Report за 2023 г. улучшение внешнеэкономических условий, остановка инфляции и стабилизация национальной валюты должны позволить Турции расширить свою привлекательность для иностранных инвесторов. При этом, отмечается, что повышение престижа

и расширение опыта турецкого сектора образования также должно стать приоритетом, способным в перспективе расширить конкурентные преимущества страны в сфере имплементации политики МС [34].

Опыт и особенности имплементации политики мягкой силы Ирана. Иран имеет долгую историю демонстрации своей культуры миру. Это составляло ключевую часть публичной дипломатии страны со времен шаха и продолжает влиять на то, как страна проецирует свое влияние на мировой арене [35]. После революции внешняя политика Ирана формировалась неотделимо от религиозной доктрины. С тех пор религиозные ориентиры практически всегда определяли внешнеполитические приоритеты страны. В 1980-х годах культурная дипломатия в первую очередь занималась экспортом революции. Иран стремился применить универсальную концепцию исламской солидарности, как наиболее целесообразной формулы для взаимоотношений между мусульманскими странами в тот период. Однако этот период был особенно плодотворным для страны, поскольку именно в это время мир узнал об этой особой разновидности иранской культуры, уходящей корнями глубоко в теологию и, вместе с тем, стремящейся расширить свое культурное влияние за пределы своих границ. Существенное этическое влияние внешней политики страны, восходящее к периоду правления Хомейни, принято считать действенным примером политики МС среди мусульманских стран [9].

История реализации политики МС говорит о том, что последнюю трудно назвать высокоэффективной, ввиду того, что несмотря на усилия, действия Ирана не принесли ожидаемого эффекта без применения военной силы или военного авторитета. Ярким примером следует считать культурно близкий Азербайджан. Иран вложил значительные ресурсы в продвижение своей мягкой силы в Азербайджане, но столкнулся со значительными препятствиями при ее осуществлении. Эти препятствия являются результатом истории двух стран, а также их различных государственных идеологий в настоящее время [36]. Тем не менее, Иран не оставляет попытки укрепить свой международный авторитет и престиж в других смежных регионах и странах, например в Таджикистане. После некоторой паузы в двусторонних отношениях, продолжавшейся в период 2015 – 2019, сотрудничество двух стран возобновилось. Следует отметить, что помянутая пауза была обусловлена конфликтом между политическим руководством двух стран, связанным, как утверждается, с поддержкой Ираном таджикских оппозиционных политиков [37]. Последние годы двустороннего взаимодействия показывают, что Иран, несмотря на международное давление, продолжает реализовать широкий спектр мероприятий культурного взаимодействия в отношении Таджикистана ввиду близких исторических связей, восходящих к общим этническим корням персидского народа [38]. Здесь также стоит отметить, что большая диаспора Ирана играет важную роль в продвижении национальной культуры, науки и истории, которые могли бы существенно расширить знания граждан западных стран об Иране и существенно популяризировать ее, в случае если бы Иран был демократией западного типа [9].-

Политика мягкой силы РФ в контексте взаимодействия с политикой Китая, Турции и Ирана. Россия включила понятие «мягкой силы» в свою внешнеполитическую концепцию 2013 года (Концепция внешней политики Российской Федерации) наряду с такими стратегическими инициативами, как продвижение русского языка, формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, всесторонняя защита прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом [39]. МС в документе рассматривается как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможность гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие

альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [39]. Едва ли не основным направлением применения МС РФ стал Центральноазиатский регион [40; 41]. Следует отметить, что последний в настоящее время является площадкой противостояния между такими интеграционными объединениями, как Европейский союз (ЕС) и возглавляемый Россией Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В последние годы ЕАЭС повысил свою региональную привлекательность, в то время как привлекательность ЕС снизилась из-за его внутренних проблем, препятствий для дальнейшего расширения, провала цветных революций, роста авторитаризма и национализма в регионе. Эта ситуация дала России значительные преимущества в консолидации своей региональной сферы влияния за счет продвижения альтернативного механизма регионального управления на своих условиях и под своим руководством. Основное преимущество России здесь в том, что российский проект увязывает растущую потребность стран региона в национальном суверенитете с их потребностью в региональном экономическом сотрудничестве. Более того, в отличие от ЕС, политика России не рассматривает в качестве фактора достижения успеха выполнение реформ в области прав человека и борьбы с коррупцией, отдавая приоритет укреплению экономического потенциала как части общих ценностей [42]. В настоящее время, политика РФ в области продвижения МС представлена в обновленном стратегическом документе – Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.03.2023 №229. В разделе «Международное гуманитарное сотрудничество», указанного документа, представлены приоритетные направления применения политики «мягкой силы»:

- формирование позитивного восприятия РФ за рубежом, укрепление позиций русского языка в мире, противодействие кампании русофобии, проводимой недружественными иностранными государствами и их объединениями, а также повышение взаимопонимания и укрепления доверия между государствами;

- популяризация и защита от дискриминации за рубежом российских достижений в сферах культуры, науки, образования и искусства, а также укрепление образа России как государства, привлекательного для жизни, работы, учебы и туризма;

- развитие механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского, поискового и других общественных движений;

- содействие в развитии международных связей религиозных организаций, принадлежащих к традиционным для России конфессиям, защита от дискриминации за рубежом Русской православной церкви, в том числе в интересах обеспечения единства православия;

- содействие в формировании единого гуманитарного пространства Российской Федерации и государств – участников СНГ, сохранению многовековых цивилизационных и духовных связей народа России с народами этих государств [43].

Зарубежные исследователи, интерпретируя концепции и проводимую политику РФ в области применения МС, делают акцент на том, что именно язык и образование стали главными инструментами ПМС при президенте России Владимире Путине [44; 45]. При этом многие авторы как правило едины во мнении о том, что мягкая сила России в Центральной Азии рассматривается как «данность», а не как результат запланированной стратегии, что обусловлено принадлежностью в прошлом ныне независимых стран региона к некогда Российской империи, а затем к Советскому Союзу [1; 44; 45]. Обретя независимость, государства ЦА, в отличие от других регионов бывшего СССР, вовсе не имели традиций суверенитета, и представление о национальной самоидентифи-

кации с соответствующей государственной идеологией у них еще не были сформированы. При этом влияние русской (светской) культуры, равно как политических взглядов, управленческих и образовательных моделей и механизмов осуществлялось по исторической инерции. По сей день русская культура в этих странах в той или иной степени воспринимается как цивилизующая, а русский язык рассматривается в качестве престижного языка обучения в школах и ВУЗах [46; 47]. На постсоветском пространстве по-прежнему сохраняет популярность российская массовая культура, распространяющаяся посредством интернета, телевидения. Кроме того, культурное влияние России в регионе до сих пор держит свои позиции благодаря использованию сети программ по академическим обменам, организации культурных мероприятий [48]. Помимо вышеупомянутого, к основным ресурсам культурного влияния РФ в регионе также относят в целом положительный образ России в глазах местного населения, а также ориентированность на Россию основного миграционного потока из стран ЦА [49]. На уровне установления контактов властных элит РФ по сей день обладает преимуществом перед другими региональными акторами. Все лидеры ЦА свободно владеют русским и имеют связи с РФ не только на уровне деловых, но и личных контактов, поскольку многие руководители центральноазиатских государств в свое время обучались в советских вузах, расположенных в современных российских городах. Соответственно, это упрощает коммуникацию на внешнеполитическом уровне [50]. Тем не менее, когда в «игру» вступили другие страны, претендующие на региональное лидерство, такие как Китай и Турция, Москва оказалась непреднамеренно соперничающей с ними на арене «мягкой силы». Однако, как и можно было ожидать, вступая во взаимодействие с другими странами в борьбу за влияние в среднеазиатском регионе РФ отчасти сама стала объектом воздействия МС этих стран.

Современное состояние и перспективы воздействия политики МС Китая на РФ. В настоящее время КНР делает акцент на укреплении собственной репутации путем постепенного формирования как у элит, так и у населения стран среднеазиатского региона положительного образа республики, а также формирования имиджа страны как надежного экономического и политического партнера. Тем не менее, инструменты культурного влияния на данный момент еще не вполне себя оправдывают, а культурная продукция Китая не столь успешно проникает в массовую культуру соседних стран [51].

Подавляющее большинство жителей соседних стран (Японии, Кореи) не смотрят или редко смотрят китайское кино и телевидение, некоторая часть населения смотрит только во Вьетнаме [51; 52]. Вероятной причиной называется, как правило, доступность этой продукции только на китайском языке, поэтому она оказывает влияние преимущественно на китайскую диаспору. Умеренно высоко оценивается привлекательность Китая как места для туризма [53]. В то же время роль КНР как потенциального союзника и партнера все чаще рассматривается в РФ. Благодаря росту экономической мощи Китая и противодействию США за последнее десятилетие почти четверть россиян изменили свое мнение о Китае к лучшему. Большинство россиян видят в Китае союзника во внешней политике и торгового партнера [53]. Заметно способствуют улучшению имиджа Китая инвестиции из КНР, при этом их предельная эффективность по этому критерию убывающая. С одной стороны, судя по статистическим показателям, импорт из Китая также улучшает имидж страны, но корреляция по динамическим показателям статистически незначима и имеет отрицательный показатель. Экспорт в Китай никак не влияет на его имидж. Гипотетически это может быть связано со структурой экспорта: Китай заинтересован в импорте сырья и продукции питания, консервирующей существующую производственную структуру стран-экспортеров [53].

Говоря о культурных аспектах следует отметить, что важным инструментом культурного влияния МС КНР по всему миру является продвижение деятельности институтов Конфуция в РФ и в странах Средней Азии [54]. Обладая широкой финансовой и кадровой поддержкой правительства КНР институты Конфуция способны предложить привлекательные условия для желающих изучать китайский язык и культуру [55].

В целом же современная дипломатия КНР в азиатских странах характеризуется прагматичными взглядами и акцентированием внимания на приоритетности реализации экономических и транспортных инициатив. В настоящее время правительство страны еще не представило официальных стратегических документов по продвижению своей политики МС в регионе. Вместе с тем, учитывая активность КНР в организации культурно-просветительских мероприятий в странах региона, можно предположить, что власти Китая в ближайшее время примут такой программный документ [53].

Разумеется, китайскую «мягкую силу» в Центральноазиатском регионе ограничивает культурное влияние России, остающейся ключевым игроком на данном геополитическом пространстве, однако не трудно догадаться что и сама РФ подпадает под влияние Китая. Среди основных сфер влияния главным образом следует выделить сферу экономического сотрудничества, дипломатическое взаимодействие, геополитическое влияние, а также факторы технологического развития. Говоря о первых двух, следует отметить, что Китай и Россия имеют близкие тесные отношения, и политика МС Китая может способствовать дальнейшему развитию экономического сотрудничества. Китай может использовать свои экономические рычаги, такие как инвестиции, торговля и финансирование проектов, чтобы укрепить свои связи с Россией и расширить свое влияние в регионе. Кроме того, Китай активно развивает свои дипломатические отношения с различными странами по всему миру, включая Россию. Политика мягкой силы Китая, основанная на принципах ненасильственности, диалога и взаимовыгоды, может помочь стране укрепить свою дипломатическую позицию и улучшить отношения с Россией. Это может включать в себя обмен культурой, образованием, научным сотрудничеством и поддержку туризма между двумя странами.

Что касается сфер геополитического влияния и технологического развития, необходимо отметить следующее. Китай, как известно, стремится к укреплению своего геополитического положения в мире, и в этих условиях политика мягкой силы может быть использована для создания благоприятной международной обстановки в отношениях с Россией. Общие интересы в области безопасности, международной торговли и изменения климата могут способствовать сотрудничеству между двумя странами и укреплению их взаимного влияния. Будучи одной из ведущих стран в области технологического развития, политика МС Китая может включать сотрудничество с Россией в области науки, технологий и инноваций. Обмен опытом, совместные исследования и разработка могут быть взаимовыгодными для обеих стран и способствовать усилению технологического потенциала и конкурентоспособности России.

Однако, следует отметить, что влияние политики мягкой силы Китая на Россию может иметь и некоторые негативные аспекты. В первую очередь – это экономическая зависимость. Так, Россия может столкнуться с риском экономической зависимости от Китая в результате развития экономического сотрудничества. Во-вторых – неравные партнерские отношения. Взаимоотношения между Китаем и Россией могут оказаться неравными в пользу Китая из-за его экономической и геополитической мощи. Россия может ощущать давление или ограничения на свои интересы, если Китай будет использовать свою политику мягкой силы для продвижения своих приоритетов и целей. В-третьих, повышение влияния Китая в

мировой политике может оказывать влияние на международную политику России. Россия может столкнуться с необходимостью согласования своих действий и позиций с Китаем, что может ограничить ее возможности самостоятельного действия на международной арене [56; 57]. В целом, влияние политики мягкой силы Китая на Россию зависит от множества факторов, включая взаимные интересы, сотрудничество и взаимное доверие между двумя странами. Политика мягкой силы может быть полезной для развития отношений, но требует балансирования и учета возможных рисков и негативных аспектов.

Современное состояние и перспективы воздействия политики МС Турции на РФ. Турция, став примером страны, объединившей ценности светской демократии, сохранив при этом привлекательность для мусульманского населения, оказывает все более сильное влияние на соседние государства. После распада СССР Турция одной из первых стран признала независимость республик Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан, что фактически заложило основу к применению политики МС в регионе. Весомым механизмом МС Турции стали договора о стратегическом партнерстве, заключенные с некоторыми странами Каспийского региона, в частности Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Турцией и Азербайджаном, Договор о стратегическом партнерстве между Турцией и Казахстаном (2009, 2010 гг.) [58]. Подписание и ратификация данных актов предполагают создание специальных межправительственных органов, призванных стать главным инструментом воплощения партнерских обязательств в рамках двусторонних отношений. Межгосударственное взаимодействие в рамках данных инициатив предполагая сотрудничество в различных отраслях, включая создание межгосударственных учреждений, реализацию совместных культурных инициатив по интеграции тюркоязычных стран и т.п. [58].

В 90-е годы прошлого века правительство страны твердо осознано, что события распада Советского Союза в 1991 году стали возможностью укрепить свое влияние в регионах, населенных турками, и решила действовать за счет своей инструментов культурной политики. Для этих целей было создано Турецкое агентство сотрудничества и развития (ТКА) как одна из основных культурно-образовательных организаций в Турции, которое в последствии заложило основу для изучения турецкой культуры в странах региона [59]. Внешняя политика страны, в значительной мере определяемая ее демократическим строем, партийным плюрализмом в известном смысле отображают общую поддержку политического руководства, а также приоритетов и интересов граждан республики. Приверженность демократическим идеалам республики потребовали интеграции основных демократических идей во внешнюю политику страны. Историко-культурные предпосылки, восходящие к реформам Ататюрка, политической режим и республиканская форма правления, устойчивое развитие экономики в стране, привлекательность Турции как туристической страны и исторической точки притяжения лежат в основе МС Турции. При этом, политику МС страны можно определить как неотрадиционную – основанную на традиционно-религиозных ценностях, но учитывающую тренды либеральной демократии [58].

С 90-х годов прошлого века Турция была достаточно заинтересована в формировании новой подсистемы межнациональных связей – тюркского мира. В отличие от европейских стран, где почти всегда происходило движение от экономики к политике руководство Турции выработало иные внешнеполитические ориентиры, в большей степени нацеленные на культуру, историю и лишь после этого – на экономику. Данные политические инициативы были направлены на достижение основной цели – консолидацию тюркских народов. В определенной степени в таких инициативах были задействованы практически все тюркские субъекты РФ. При посредстве

правительственной поддержки в Турции существенно усилилась роль НПО, имели целью установление и развитие контактов и осуществление совместных инициатив и проектов с общественностью постсоветских стран, где исповедовался ислам, и республик в составе РФ. Отдельное внимание в этом вопросе уделяется использованию средств ИКТ и интернета как инструментов МС. Как известно, соцсети стали главным инструментом координации действий протестных движений во время протестов и восстаний в арабских странах в начале 2010-х. Это, в свою очередь, указало правительству Турции на возрастающую роль соцсетей и как потенциального источника угрозы для политического режима, и как источника новых возможностей для его укрепления. В свою очередь правительство адекватно интерпретировало полученный опыт соседних стран, обратив его себе на пользу. Как инструмент мягкой силы страна успешно распространяет идеи объединения тюркских народов под эгидой Турции через всемирную сеть. Ряд сетевых ресурсов, по профильному направлению, существует и в российском сегменте интернета [12].

Вместе с тем Турция также становится объектом политики МС РФ. В 2010-х годах РФ обращается к использованию в двусторонних отношениях с Турцией «мягкой силы» по ряду направлений и, несмотря на отдельные проблемы, добивается в этом определенных успехов. В целом, русская «мягкая сила» действует на пяти направлениях: политическая концепция «суверенной демократии», российская диаспора в Турции, популяризация и распространение изучения русского языка в Турции, высокая культура и обучение турецких студентов в русских вузах. Учитывая, что эффект от применения МС проявляется как минимум в течение десятилетия после начала активной деятельности в этом направлении, можно прогнозировать рост влияния РФ на отношение турецкого населения к России и, таким образом, на внутреннюю политику Турции. В то же время события «Арабской весны» и попытка государственного переворота в Турции, привели к снижению интенсивности внедрения элементов «мягкой силы» во внешней политике страны, в том числе и на российском направлении [60].

Говоря о перспективах взаимовлияния МС РФ и Турции важно понимать, что в отдельных областях интересы Турции и России могут пересекаться и перерастать в конкуренцию. Например, в Сирии и Черноморском регионе обе страны имеют свои геополитические и экономические интересы, что может приводить к напряженным отношениям и конфликтам. Политика мягкой силы Турции может быть использована для продвижения ее интересов и влияния в этих регионах, что может создавать некоторые вызовы для России. Вместе с тем, политика МС Турции на сегодняшний день продолжает оказывать влияние на Россию, включая различные аспекты экономического сотрудничества, геополитические отношения, культурный обмен и региональную конкуренцию. Турция и Россия имеют богатое культурное наследие и оба государства активно сотрудничают в сфере культурного обмена. Обмен туристическими потоками, языковыми программами, образовательными и культурными проектами способствует укреплению контактов и взаимопониманию между людьми двух стран. Политика мягкой силы Турции поддерживает развитие таких культурных связей. России важно учитывать эти факторы при развитии своих стратегических отношений с Турцией и обеспечивать баланс интересов в региональных и международных вопросах.

Современное состояние и перспективы воздействия политики МС Ирана на РФ. Введение санкций против России, ее частичная международная изоляция и напряженные отношения двух стран с Западом стали дополнительными стимулами для укрепления отношений Москвы и Тегерана. В январе 2022 г. во время визита президента Ирана Э. Раиси в Москву он предложил «обновленный план» долгосрочного соглашения, детали которого не

разглашаются, о стратегическом сотрудничестве сроком на 20 лет [61]. Говоря об историческом контексте, следует отметить, что Россия и Иран объединяет длительная история торгового, дипломатического и культурного сотрудничества еще со времен СССР. Обе страны являются главными политическими игроками в прикаспийском регионе. Несмотря на взаимовыгодное региональное сотрудничество, отношения РФ и Ирана как в плоскости торговли, так и в многих других плоскостях, рассматривается США, как потенциально несущее угрозу Соединенным Штатам. Первая причина, по которой контроль России и Ирана над ресурсами Каспийского моря представляет угрозу для США, заключается в том, что это усилит их влияние жесткой и мягкой силы во всем мире. Вторая причина заключается в том, что расширение присутствия России и Ирана в Каспийском море также укрепит их связи друг с другом, заложив основу для возможного союза против США. В случае если РФ и Иран будут контролировать природные ресурсы Каспийского моря, «прирост» МС может происходить как непреднамеренно, так и преднамеренно. Существуют основания говорить о том, что рост МС может происходить непроизвольно за счет взаимодействия России и Ирана со своими клиентами как такового [62].

Хотя Россия и Иран в вопросах разработки ресурсов Каспийского моря руководствуются, как правило, в основном внутренними экономическими целями, предполагается, что их соответствующие доли в Каспийском море могут способствовать укреплению военных связей между странами. Это, в свою очередь, рассматривается как возможная угроза для США, поскольку оба этих государства враждебны Соединенным Штатам, и общие приоритеты в области безопасности РФ и Ирана могут увеличить их соответствующие глобальные возможности. Углубление военной связи двух стран через ресурсы Каспийского моря могло бы послужить дальнейшему развитию связей между Россией и Ираном в целом [63]. Геополитические реалии создают объективные предпосылки для сближения Москвы и Тегерана, активизации и наращивания масштабов сотрудничества в военно-политической, торгово-экономической, научно-технической и других областях. Как известно РФ и Иран объединяет санкционная изоляция, но в то же время Москва и Тегеран являются устойчивыми конкурентами на рынке нефти и газа [64]. Тем не менее, отсутствуют явные признаки того, что Иран проводит какого бы то ни было рода политику воздействия МС в отношении РФ. Несмотря на то, что в настоящее время трудно выделить те или иные элементы взаимного воздействия политики МС, очевидно, что такое воздействие может осуществляться непреднамеренно. Потенциально существует несколько наиболее очевидных сфер, где может проявиться взаимовлияние политики МС двух стран. В первую очередь, это экономическое сотрудничество. Иран является важным экономическим партнером для России, особенно в сфере энергетики. Обе страны имеют сотрудничество в области нефтегазовой промышленности, включая инвестиции и совместные проекты. Также существуют перспективы расширения торгово-экономических связей в других секторах, таких как строительство и сельское хозяйство. Кроме того, Россия и Иран имеют схожие позиции по ряду международных вопросов, включая Сирию и санкции со стороны Запада. Обе страны ведут сотрудничество в рамках формата Астана по урегулированию ситуации в Сирии [65]. Иран также выступает в качестве важного партнера России в региональной стабильности и борьбе с терроризмом. Отдельно стоит упомянуть военное сотрудничество. Россия и Иран имеют долговременные военные связи и сотрудничество, включая поставки оружия и военной техники. Военное сотрудничество между двумя странами может укрепить их партнерство в регионе и способствовать взаимному влиянию. Вместе с тем в отношении двух стран существует и ряд т.н. «чувствительных» вопросов и в этих вопросах поли-

тика МС Ирана может вызывать некоторые вызовы для России. Например, иранская ядерная программа и связанные с ней вопросы могут привести к напряжениям в отношениях Ирана с Западом, что может отразиться и на России. Кроме того, некоторые региональные конфликты, в которых Иран участвует, могут вызывать опасения и нарушать баланс интересов России в регионе.

Таким образом, можно найти некоторое сходство в подходе России с подходами КНР, Турции и Ирана с точки зрения роли государства в попытках представить свой общественный имидж на мировой арене в обновленном (усовершенствованном) виде, сохраняя при этом приоритетность строгой властной вертикали в своих соответствующих внутренних политиках [9]. Все четыре страны последовательно увеличивают свои материальные и нематериальные инвестиции в инструменты, обычно ассоциируемые с мягкой силой. Несмотря на обоснованный, в некоторой мере, скепсис в отношении того, что, все четыре страны, вкладывая значительные ресурсы в создание привлекательного имиджа на данный момент не способны конкурировать со странами «глобального запада» в этой плоскости, следует отметить, что интерес к инструментам МС со стороны политиков не уменьшается [8; 66].

ВЫВОДЫ

Мягкая сила является неперенным приоритетом внешнеполитической деятельности современных мировых стран. Имидж государства определяет его место в международном пространстве и успех в достижении своих целей. Как можно отметить, все четыре рассмотренных в рамках данного исследования страны – Россия, Иран, КНР и Турция – имеют богатую историю, культуру и идеологические традиции, которые они пропагандируют через свою уникальную политику мягкой силы. Они используют разнообразные дипломатические и информационные инструменты, язык, литературу, искусство, медиа, образование и другие культурные аспекты для формирования положительного образа своих стран и укрепления внешнеполитической роли. Все четыре рассмотренных страны используют экономические рычаги влияния, включая инвестиции, расширение областей коммерческого взаимодействия, чтобы привлечь и удержать другие страны в орбите своего влияния, укрепить его и привлечь новых союзников. Важным направлением применения МС всех четырех стран становится Центральноазиатский регион. В настоящее время мягкую силу Ирана, КНР и Турции в Центральноазиатском регионе ограничивает культурное влияние России, остающейся ключевым игроком на данном геополитическом пространстве. Однако, вступая во взаимодействие с другими странами в борьбу за влияние в среднеазиатском регионе, РФ отчасти сама становится объектом воздействия МС этих стран. Так, через программы культурного и образовательного обмена, зарубежные страны могут влиять на молодое поколение россиян, представлять свою культуру, ценности и идеи.

Исследование дает основание говорить о том, что политика МС Ирана, КНР и Турции в перспективе может оказывать влияние на Россию в четырех основных аспектах, в частности культурной и образовательной плоскости в аспектах экономического влияния и дипломатического взаимодействия, а также в плоскости медиа и информационного пространства. Несмотря на то, что на фоне первых трех аспектов роль медиа выглядит не столь примечательной, в контексте остальных инструментов культурного влияния она остается, пожалуй, единственным незадействованным рычагом в рамках имплементации политики МС этих стран по отношению к РФ. Исследование не дает явных оснований говорить о том, что РФ рассматривается в ряду приоритетных объектов политики МС таких стран, как КНР, Иран или Турция, в то же время, влияние этих стран на Россию может быть непреднамеренным и представлять связанные с этим вызовы и противоречия. Так, неравенство в

экономической динамике между Россией и Китаем, региональные конфликты и различные политические приоритеты могут влиять на баланс интересов и отношений между этими странами.

Дальнейшие работы по данному направлению должны быть посвящены исследованию организации коммуникационных площадок МС, а основной фокус внимания должен быть направлен на исследование мнений молодой аудитории в вопросах воздействия политики МС. Стабильное функционирование молодежных организаций, НПО, инициативных групп в рамках исследования механизмов политики МС должно стать предметом отдельного исследовательского направления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Meister S. *Economization versus power ambitions: rethinking Russia's policy towards Post-Soviet States*. Nomos Publishers. 2013. URL: <https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/9783845241968/economization-versus-power-ambitions?page=1>
2. Gallarotti G.M., "Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use", *Journal of Political Power*, № 4(1), pp. 25-47, 2011. DOI: 10.1080/2158379X.2011.557886
3. Ciftci S., G.M. Tezcür, "Soft power, religion, and anti-Americanism in the Middle East", *Foreign Policy Analysis*, № 12(3), pp. 374-394, 2016. DOI: 10.1111/fpa.12090
4. Nye J.S., "Soft power: the evolution of a concept", *Journal of Political Power*, № 14(1), pp. 196-208, 2021. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572
5. Nogayeva A. "Limitations of Chinese "soft power" in its population and language policies in Central Asia", *Geopolitics*, № 20(3), pp. 583-605, 2015. DOI: 10.1080/14650045.2015.1034272
6. Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане / Е.Г. Гарбузарова. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2020. № 22(1). С. 22-31. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31
7. Алиева А.И.К. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции / А.И.К. Алиева. // *Вестник Московского университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63-94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-sovremennoy-vneshney-politike-turtsii>
8. Yellinek R., "Soft power and SPPD in China Iran relationship", *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, № 24(5), pp. 733-754, 2022. DOI: 10.1080/19448953.2022.2037959
9. Wastnidge E., "The modalities of Iranian soft power: from cultural diplomacy to soft war", *Politics*, № 35(3-4), pp. 364-377, 2015. DOI: 10.1111/1467-9256.12084
10. Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования / Д.С. Плотников. // *Ars Administrandi*. 2016. № 1. С. 160-177. DOI: 10.17072/2218-9173-2016-1-160-177
11. Varma A., "A comparative analysis of the Russian, Indian and Chinese soft power in West Asia", *Assonance*, № 22. pp. 268-279, 2022. URL: <https://russian.uoc.ac.in/images/Doc/Assonance%2022.pdf#page=269>
12. Аватков В.А. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России / В.А. Аватков, А.Ш. Бадранов. // *Право и управление*. XXI век. 2013. № 2. С. 5-10. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManager/Mgimo/file?id=0387C163-4DCF-533D-9262-D19DB7295E27>
13. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // *Вестник МГИМО университета*. 2017. № 3(54). С. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
14. Лебедева М.М. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России / М.М. Лебедева, Ж. Фор // *Вестник МГИМО университета*. 2009. № 6(9). С. 200-205. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205
15. Лебедева М.М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич // *Вестник МГИМО университета*. 2014. № 2(35). С. 10-13. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-10-13
16. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н.А. Цветкова // *Вестник РГГУ*. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37-47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47
17. Цветкова Н.А. Иран в публичной дипломатии США / Н.А. Цветкова // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 3(656). С. 29-34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17693858>
18. Актамов И.Г. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния / И.Г. Актамов, Т.Б. Бадмацзыренов // *Власть*. 2019. № 3. С. 231-236. DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6450
19. Сардарова М.А. «Мягкая сила» России в арабских странах / М.А. Сардарова // *Восточный альманах*. 2020. С. 50-58. URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3D43850738
20. Wilson J., "Soft Power as a Component of Russian and Chinese Discourse and Strategy Constructivist and Realist Interpretations", 2013 Annual Meeting of the American Political Science Association. DOI: 10.2139/ssrn.2309529
21. Nye J., "Soft power: The origins and political progress of a concept", *Palgrave Communications*, № 3(1), pp. 17008, 2017. DOI: 10.1057/

- palcomms.2017.8
22. Vuying A. How soft power works. SSRN. 2009. DOI: 10.2139/ssrn.1466220
23. Gray C.S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century. Lulu. 2011. URL: https://books.google.fr/books?hl=ru&lr=&id=zWkMAgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR1&dq=soft+power+instruments+ots=YjLxUkPHzu&sig=Cu8CkMmGMW-VIUH-wk2nXdlAiw0&redir_esc=y
24. Blanchard J.M.F., F. Lu, "Thinking hard about soft power: A review and critique of the literature on China and soft power", *Asian Perspective*, № 36(4), pp. 565-589, 2012. DOI: 10.1353/apr.2012.0021
25. Mattern J.B., "Why soft power isn't soft: representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics", *Millennium*, № 33(3), pp. 583-612, 2005. DOI: 10.1177/03058298050330031601
26. Nye J.S., "Hard decisions on soft power: Opportunities and difficulties for Chinese soft power", *Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China*. Singapore: Springer Nature, 2023. pp. 101-107. DOI: 10.1007/978-981-99-0714-4_16
27. Aukia J., "Struggling for recognition? Strategic disrespect in China's pursuit of soft power", *East Asia*, № 36(4), pp. 305-320, 2019. DOI: 10.1007/s12140-019-09323-9
28. Repnikova M., *Chinese soft power*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. URL: <https://www.cambridge.org/core/elements/chinese-soft-power/4E9C9E445CF8A9F81F5AAEAD2DF21D>
29. Mingjiang L., "China debates soft power", *Chinese Journal of International Politics*, № 2(2), pp. 287-308, 2008. DOI: 10.1093/cjip/pon011
30. Сяо, Л. Мягкая сила Китая: культура и спорт / Л. Сяо, Л. Чжао // Социально-политические науки. 2022. № 12(2). С. 127-133. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-127-133
31. Наумов И.Н. Внешнеполитическая концепция «политика нулевых проблем» как детерминант международно-политической активности Турецкой Республики на современном этапе / И.Н. Наумов. // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2021. № 2. С. 290-295. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46596736>
32. Anaz N., "An assessment of Turkey's soft power resources in Asia: Potential and limitations", *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, № 24(5), pp. 755-771, 2022. DOI: 10.1080/19448953.2022.2037960
33. Çevik, S.B., "Reassessing Turkey's soft power: The rules of attraction", *Alternatives*, № 44(1), pp. 50-71, 2019. DOI: 10.1177/0304375419853751
34. Global Soft Power Index, 2023. URL: <https://softpower.brandfinance.com/2023/globalsofpowerindex>
35. Wen H., B.M. Josiam, D.L. Spears, Y. Yang, "Influence of movies and television on Chinese tourists perception toward international tourism destinations", *Tourism Management Perspectives*, № 28, pp. 211-219, 2018. DOI: 10.1016/j.tmp.2018.09.006
36. Mozaffari A., A. Akbar, "Iran's soft power in Azerbaijan: shifting cultural dynamics in the post-Soviet era", *International Journal of Cultural Policy*. In press, 2022. DOI: 10.1080/10286632.2022.2135706
37. Бифолчи Д. Иран и Таджикистан расширили сотрудничество в различных областях / Д. Бифолчи // Каспийский вестник. 2022. URL: <http://casp-geo.ru/iran-i-tadzhikistan-rasshirili-sotrudnichestvo-v-razlichnyh-oblastyah/>
38. Erdem T., Z. Dashti, "Soft power sources in Iranian foreign policy: The case of Tajikistan", *Contemporary Issues in The Balkans, Middle East, Asia & Africa*. London: Ijopex Publication, 2022. pp. 267-287. URL: https://books.google.fr/books?hl=ru&lr=&id=YQ2bEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA267&dq=9.%09Erdem.+T.+%26+Dashti.+Z.+2022.+Soft+Power+Sources+in+Iranian+Foreign+Policy&ots=ET1OY1bvR2&sig=wYh-Q19FKvWYmK9-VS4Bq5dF9Gw&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
39. Гарант. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). 2013. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>
40. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия / М.М. Лебедева. // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2(35). С. 47-55. DOI: 10.24833/2017-8160-2014-2-35-47-55
41. Казанцев А.А. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности её использования в Центральной Азии / А.А. Казанцев, А.Л. Синезубов, С.И. Чернявский, А.А. Орлов. // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 1. С. 70-88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23048725>
42. Güneylüoğlu M., "The Norm contestation and the balance of soft power in the Post Soviet Region: The Eurasian Economic Union versus the European Union", *Siyasal: Journal of Political Sciences*, № 31(2), pp. 323-347, 2022. DOI: 10.26650/siyasal.2022.31.1118613
43. Президент Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>
44. Mustajoki A., E. Protassova, M. Yelenevskaya, *The soft power of the Russian language: Pluricentricity, politics and policies*. London: Routledge, 2019. URL: https://books.google.fr/books?hl=ru&lr=&id=CR-eDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=russian+soft+power+language+education&ots=gphnFCGj4&sig=qZh2m87u3E8L8lcwDf6LZKpw&redir_esc=y#v=onepage&q=russian%20soft%20power%20language%20education&f=false
45. Sergunin A., L. Karabeshkin, "Understanding Russia's soft power strategy", *Politics*, № 35(3-4), pp. 347-363, 2015. DOI: 10.1111/1467-9256.12109
46. Бо Я. Стратегии продвижения культурно-языковой сферы в постсоветской Центральной Азии / Я. Бо // Неофилология. 2022. Т. 8. №1. С. 169-178. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-1-169-178
47. Летняков Д.Э. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия / Д.Э. Летняков, Н.Н. Емельянова // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 4. С. 118-142. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142
48. Франц В.А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении государств Центральной Азии и россия / В.А. Франц // Дискурс-Пи. 2020. № 3(40). С. 54-73. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304
49. Летняков Д.Э. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия / Д.Э. Летняков, Н.Н. Емельянова // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26. № 4. С. 118-142. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304
50. Longhurst K., Nitz-Makowska A., Skiert-Andrzejuk, K., "Re-thinking soft power: China, Russia and the European Union in Central Asia", *Sprawy Międzynarodowe*, № 72(3), pp. 151-169, 2019. URL: <https://www.ceel.org/search/article-detail?id=958820>
51. Parker R.M., "Protecting American television programming in Russia, China, Taiwan, and Japan", *Hastings Communications and Entertainment Law Journal*, № 17, pp. 445, 1994. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/hasc-om17&div=25&id=&page=>
52. Wang F.Y., B. Womack, "Jawing through crises: Chinese and Vietnamese media strategies in the South China Sea", *Journal of Contemporary China*, № 28(119), pp. 712-728, 2019. DOI: 10.1080/10670564.2019.1580429
53. Foa R.S., M. Mollat, H. Isha, X. Romero-Vidal, D. Evans, A. Klassen, *A world divided: Russia, China and the West*. Cambridge: University of Cambridge, 2022. DOI: 10.17863/CAM.90281
54. Чэнчэн Ч. Институты Конфуция и их деятельность в странах Центрально-азиатского региона / Ч. Чэнчэн. // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 282-289. DOI: 10.34823/SGZ.2022.1.51768
55. Селезнева Н.В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху. Китай в мировой и региональной политике / Н.В. Селезнева // История и современность. 2021. № 26(26). С. 291-305. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-291-305
56. Lukin A., *China and Russia: The new rapprochement*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2018. URL: <https://www.wiley.com/en-gb/China+and+Russia:+The+New+Rapprochement-p-9781509521708>
57. Дробот Г.А. Китай в мировой политике: ресурсы, цели, проблемы, отношения с Россией / Г.А. Дробот. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 1. С. 35-49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-mirovoy-politike-resury-tseli-problemy-otnosheniya-s-rossiyey>
58. Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» / Е.А. Сафонкина. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 9(2). С. 145-166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-kak-novyy-aktor-politiki-myagkoy-sily>
59. Kulaklikaya M., R. Nurdun, "Turkey as a new player in development cooperation", *Insight Turkey*, № 12(4), pp. 31-145, 2010. URL: <https://www.jstor.org/stable/26331503>
60. Laruelle M., *Russia's niche soft power. Sources, targets and channels*. Institut Français des Relations Internationales. *Russie.Nei.Visions*, 2021. URL: <https://policycommons.net/artifacts/1469118/russias-niche-soft-power/2120017/>
61. TASS. Tehran hands over to Moscow draft agreement on strategic cooperation for 20 years – Raisi. 2022. URL: <https://tass.com/world/1390491>
62. O'Neil B., R.C. Hawkins, C.L. Zilhaber, "National security & Caspian basin hydrocarbons", *IAEE Energy Forum, International Association for Energy Economics*, pp. 9-15, 2011. URL: <https://www.iaee.org/en/publications/newsletterl.aspx?id=129>
63. Жильцов С.С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы / С.С. Жильцов. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 4. С. 628-642. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-628-642
64. Parker J.W., *Russia-Iran: Strategic Partners or Competitors?* Houston: Baker Institute for Public Policy, 2016. URL: <https://scholarship.rice.edu/bitstream/handle/1911/91818/WorkingPaper-Iran-Parker-042716.pdf?sequence=1>
65. Большаков А.Г. Взаимодействие Ирана, России и Турции в сирийском конфликте и перспективы его урегулирования / А.Г. Большаков, Т.З. Мансуров. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. № 14(2). С. 298-319. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2018.207
66. Walker C. *Russia and China Can't Get Anyone to Like Them*. Washington: Foreign Policy, 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/10/06/russia-china-soft-power/>

Received date: 25.08.2023

Revised date: 08.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 327; 338.245.2

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_29



©2023 Content licensed under the CC BY-NC 4.0 license
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

УВЕЛИЧЕНИЕ ВОЕННЫХ БЮДЖЕТОВ КАК ФАКТОР РОСТА НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

© Автор(ы) 2023

БОГУСЛАВСКАЯ Юлия Константиновна, кандидат политических наук,
доцент кафедры американских исследований СПбГУ
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, j.boguslavskaya@spbu.ru

SPIN: 2877-6278

AuthorID: 686884

ResearcherID: D-3509-2015

ORCID: 0000-0002-5027-3475

ScopusID: 57193332144

ЯКОВЛЕВА Елена Сергеевна, аспирант кафедры американских исследований СПбГУ
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, elenayakovleva99@yandex.ru

SPIN: 4984-4156

AuthorID: 1190113

ResearcherID: HPE-1397-2023

ORCID: 0000-0001-6316-1280

Аннотация: Данная статья посвящена изучению одного из многочисленных факторов, влияющих на рост нестабильности в Черноморском регионе – росту военных расходов с 2014 по 2022 годы. Наряду с рисками эскалации региональных конфликтов (Нагорно-Карабахского, Приднестровского, Грузино-Абхазского и Грузино-Осетинского, Украинского) и с общей поляризацией отношений по линии Россия – Запад, а также размытием режима по контролю над вооружениями (применимого к нуждам региона) и хрупким положением режима морских проливов, динамика оборонных бюджетов является одним из наиболее значимых факторов для военной безопасности Причерноморья. При этом актуальность данного исследования обуславливается возросшим в последние годы конфликтным потенциалом региона. Он обладает непосредственной значимостью для национальной безопасности многих государств, поэтому в спектре анализа оказались региональные игроки (Азербайджан, Армения, Болгария, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Турция, Украина), а также США, ввиду усиленного влияния последних на архитектуру региональной безопасности. Изучив данные Всемирного Банка и СИПРИ, авторы заключают, что рост оборонных бюджетов причерноморских государств и нерегionalных акторов, а также закупки вооружений являются факторами усиления нестабильности. Из-за увеличения финансирования акторы на пространстве региона получают большее количество инструментов и ресурсов для наращивания вооружений, участия в военных учениях и вооруженных конфликтах, что напрямую ослабляет безопасность в Черноморском регионе. Рост нестабильности проявляется в угрозах энергетической безопасности и свободному судоходству по морской акватории, а также рисках для гражданского населения региональных держав.

Ключевые слова: Черноморский регион, безопасность, оборонный бюджет, военные расходы, Россия, вооруженный конфликт, НАТО, Украина, дисбаланс, обычные вооружения, нестабильность.

MILITARY BUDGETS' GROWTH AS A FACTOR OF RISING INSECURITY IN THE BLACK SEA REGION

© Author(s) 2023

BOGUSLAVSKAYA Yulia Konstantinovna, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the department of "American Studies"
St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, j.boguslavskaya@spbu.ru

IAKOVLEVA Elena Sergeevna, PhD Student of the department of "American Studies"
St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, elenayakovleva99@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to a study of one of the many factors influencing the growth of instability in the Black Sea region – the increase in military spending from 2014 to 2022. Along with the risks of escalation of regional conflicts (Nagorno-Karabakh conflict, Transnistrian, Georgian-Abkhazian and Georgian-Ossetian, Ukrainian conflicts) and with the general polarized division in relations between Russia and the West, as well as the erosion of the arms control regime (applicable to the needs of the region) and the fragile position of the maritime regime, the dynamics of defense budgets is one of the most significant factors for the military security of the Black Sea region. At the same time, the relevance of this study is determined by the increased conflict potential of the region in recent years. It has direct significance for the national security of many states, so the spectrum of analysis included regional players (Azerbaijan, Armenia, Bulgaria, Georgia, Moldova, Russia, Romania, Turkey, Ukraine), as well as the United States, due to the increased influence of the latter on the regional security architecture. Having studied the data from the World Bank and SIPRI, the authors conclude that the growth of defense budgets of the Black Sea states and non-regional actors, as well as the purchase of weapons, are factors in increasing instability. Via increased funding, actors in the region receive more resources and tools for military build up, participation in military exercises and armed conflicts, which directly weakens security in the Black Sea region. Growing instability is manifested in threats to energy security and free navigation in the sea, as well as risks to the civilian population of regional countries.

Keywords: Black Sea region, security, defence budget, military spending, Russia, military conflict, NATO, Ukraine, imbalance, insecurity, conventional weapons, instability.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы безопасности в Черноморском регионе, который в данном исследовании рассматривается как самостоятельная геополитическая единица, все чаще попадает в фокус внимания исследователей. Зачастую

пространство находящееся одновременно на периферии Евроатлантики и Ближнего Востока выделяют частью большого Черноморско-Каспийского региона или же частью Восточного Средиземноморья. Однако авторы убеждены в высокой степени автономности данного ре-

гиона. Актуальность данного исследования обуславливается, в первую очередь, возросшим в последние годы конфликтным потенциалом региона, а во-вторых, тем, что регион обладает непосредственной значимостью для национальной безопасности государств.

Учитывая уникальную политическую конъюнктуру особенностей взаимодействия акторов в Черноморском регионе, а также экономические и военно-технические выгоды, которые они могут получить от подобного рода кооперации, значение его как самостоятельного пространства становится очевидной. Широкая логистическая сеть, созданная в регионе для транспортировки энергоресурсов, является проявлением экономических интересов региональных держав, но одновременно с этим и превращает регион в пространство уязвимости. Гипотетическое развитие сценария Северных потоков теперь уже в Черном море чревато угрозами для энергетической безопасности не только стран региона, но и многих стран Южной Европы. Более того, свободное судоходство и логистика нарушаются в связи с активизацией конфликтов – часть портов и акватории блокируются, а дрейфующие боевые мины подвергают критической опасности стратегически важные водные артерии (к примеру, пролив Босфор). По этим причинам изучение вопросов безопасности заслуживает пристального внимания. Рост военных бюджетов причерноморских государств и нерегиональных акторов, а также закупки вооружений являются факторами усиления нестабильности, поскольку влекут за собой военное усиление тех или иных субъектов в акватории и на прибрежных территориях.

Обращаясь к обзору литературы, следует указать на специфическую группу фундаментальных работ, посвященных проблемам безопасности, за авторством К. Бут [1], Р. Шпыра [2], И. Н. Тимофеева [3], в которых они определяют понятие региональной безопасности и понимание военной безопасности в современных международных отношениях. Отдельно следует выделить работы, посвященные изучению Черноморского региона: Д. М. Робинсон, В. Д. Вуд и Ф. Хьюстон [4], Е. Е. Ислямовой [5], А. В. Глазовой [6], Р. Мамедова, О. Пыловой [7], А. Картунова [8].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты проблемы безопасности в Черноморском регионе, показывает, что стратегическое партнерство играет важную роль в военных отношениях между странами региона и нерегиональными акторами. Так, в отчетах и докладах, подготовленных различными институтами и исследовательскими центрами (ИСПИ [9], РЭНД [10], СИПРИ [11], РУСИ [12], РСМД [13] и т.д. [14]), можно проследить, как перед лицом эскалации в регионе Запад объединяется для противостояния возникающим угрозам, и как формирование политики оказывает большое влияние на дальнейшее экономическое и военно-стратегическое развитие. Однако имеющиеся материалы не охватывают уровень военных расходов, поэтому авторы данного исследования стремятся внести вклад в заполнение пробела.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данного исследования является выявление закономерностей в динамике военных бюджетов стран в Черноморском регионе. Авторы статьи предлагают следующие условия принадлежности к региону: региональными акторами являются прибрежные государства Черного моря, которые, в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву имеют непосредственный выход к морю [15]. В рассматриваемом регионе такими государствами являются: Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция и Украина. Помимо этого, авторы включают в число рассматриваемых субъектов и те неприбрежные государства, которые не имеют прямого выхода к Черному морю, но находятся в непосредственной территориальной близости к нему. Таковыми являются Азербайджан, Армения и Молдова. Кроме того, ав-

торы также рассматривают военные расходы еще одного значимого актора – Соединенных Штатов Америки. Несмотря на нерегиональный статус, данный выбор обусловлен наличием множественных двусторонних соглашений у США с их партнерами в регионе и частым военным присутствием США в акватории Черного моря. Учитывая геополитические ориентации региональных членов НАТО, а также Ассоциированного Триа (Грузия, Молдавия, Украина), рассмотрение США в данном контексте предстает авторам вполне логичным.

США играют решающую роль в предоставлении финансовой помощи региональным игрокам и их партнерам по НАТО через многочисленные двусторонние межправительственные соглашения. Данные SIPRI о военных расходах получены из определения НАТО, которое включает «все текущие и капитальные расходы на вооруженные силы, включая миротворческие силы; министерство обороны и другие государственные ведомства, занимающиеся оборонными проектами; военизированные формирования, при условии их оснащения для военных операций; и военно-космическую деятельность» [16]. К таким расходам относятся расходы на военный и гражданский персонал, в том числе пенсионные выплаты военнослужащим; военные исследования и разработки; военная помощь (в составе военных расходов страны-донора).

В целом данные, взятые из открытых источников Всемирного банка и SIPRI с помощью агрегатора MascoTrends, позволили проследить динамику темпов роста оборонных бюджетов в исследуемый период времени среди всех стран Черноморского региона, а также внерегиональных акторов. Отдельно авторы обращают внимание на дисбаланс противостоящих друг другу на пространстве Черноморского региона субъектов мировой политики – России и НАТО. Очевиден значительный разрыв в возможностях между ними: здесь разница в структурных особенностях суверенного государства и военного блока важна с точки зрения количественных показателей оборонных бюджетов. Теоретическую основу исследования составляет неореалистическая парадигма, поскольку отношения между НАТО и Россией на пространстве исследуемого региона представляют «дилемму безопасности», описанную в 1979 году Кеннетом Уолтцем в книге «Теория международной политики» [17]. Системный подход применялся для анализа архитектуры безопасности Черноморского региона как единой целостной системы через призму влияния внешних и внутренних факторов. Оценка данных по военным бюджетам происходила с помощью количественных методов и сравнительного анализа.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 по 2022 гг. Начало нового этапа взаимодействия в геополитическом пространстве региона началось с 2014 г., когда Россия воссоединилась с Крымом, серьезно изменив геополитику в регионе, расширив зону своего военного присутствия, обрета преимущество военно-морского флота в количественном выражении. Это активизировало противостояние между Россией и Западом, и в особенности НАТО и США. Постепенно стала происходить поляризация баланса сил, что отразилось на изменении военных расходов. Отслеживание вышеназванной динамики позволило авторам сделать вывод о росте нестабильности в Черноморском регионе в обозначенный в исследовании период.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Известные данные показывают динамику реального роста военных расходов в период 2014 – 2023 гг. В частности, оборонный бюджет США на 2014 год оценивался в \$647,79 млрд (3,7 % ВВП). Начиная с 2017 года цифры начали расти: за 2018 год он составил уже \$682,49 млрд, что на 5,53 % больше, чем в 2017 году. Дальнейший рост подтверждают следующие данные: оборонный бюджет на 2019 год составил \$734,34 млрд, что на 7,6 % больше, чем в 2018 году; на 2020 год он составил \$778,40 млрд,

что на 6 % больше, чем в 2019 году; на 2021 год – уже \$800,67 млрд, что на 2,86 % больше, чем в 2020 году [18].

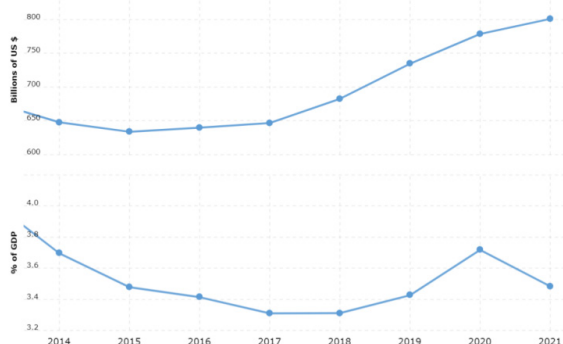


Рисунок 1 – Динамика военных расходов США с 2014 по 2021 гг.

Источник: MacroTrends, World Bank

Среди других членов НАТО в Черноморском регионе следует упомянуть Турецкую Республику, данные по которой показывают нестабильную динамику. В 2014 году цифры составили \$17,58 млрд, что составляло 1,87 % ВВП. Если с 2015 по 2019 год военные расходы росли, то в последние годы данные показывают отрицательный рост. Оборонный бюджет на 2018 год составил \$19,65 млрд, что на 10,25 % больше, чем в 2017 году; на 2019 год – \$20,44 млрд, что на 4,01 % больше, чем в 2018 году, на 2020 год он составил \$17,48 млрд, что на 14,48 % меньше, чем в 2019 году; на 2021 год составил \$15,48 млрд, что на 11,44 % меньше, чем в 2020 году [19]. Пик и в номинальном, и в процентном отношении пришелся на 2019 год, поскольку именно тогда Турция начала военную операцию на севере Сирии, а также усилила военное присутствие в Ливии. При этом деятельность в Черноморском регионе ограничивалась участием Республики в ежегодных военных учениях НАТО. Принимая во внимание нестабильность турецкой экономики, можно увидеть, что независимо от номинальных объемов расходов на оборону турецкое руководство в целом стремилось удерживать их на примерном уровне 2 % от ВВП. В 2020 – 2022 гг. Турция активно нарастила свои наступательные морские силы путем закупок и строительства ударных кораблей, надводных беспилотных аппаратов [20].

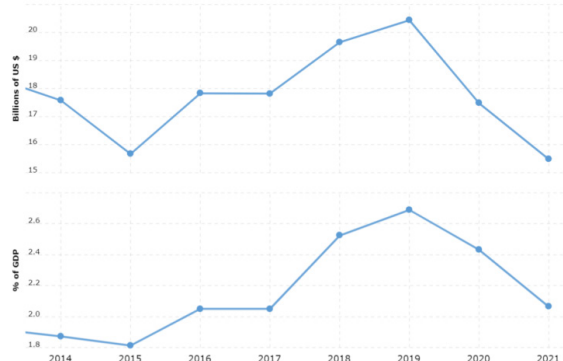


Рисунок 2 – Динамика военных расходов Турции с 2014 по 2021 гг.

Источник: MacroTrends, World Bank

Если в 2014 году военные расходы Румынии оценивались в \$2,69 млрд (1,35 % ВВП), то на 2021 год ее оборонный бюджет составил \$5,56 млрд, что на 10,11 % больше даже по сравнению с 2020 годом, что составило уже 1,95 % от ВВП [21]. Такие быстрые темпы роста как в номинальном выражении, так и в процентах от ВВП свидетельствуют об увеличении расходов на оборону в два раза с 2014 года. Это связано с закупками систем морских ударных ракет для береговой обороны у США

в 2020 году, а также намерением закупить подводные лодки класса Scorpene и вертолеты французского производства для своих ВМС [22].

В случае Болгарии данные показали медленный стабильный рост с \$0,75 млрд (1,31 % ВВП) в 2014 году до \$1,22 млрд (1,59 % ВВП) в 2021 году [23]. Большой скачок произошел в 2019 году, когда оборонный бюджет составил \$2,16 млрд долларов (3,15 % ВВП), что связано с проведением серьезного переоснащения армии. В 2019 году, «закупив восемь истребителей F-16 американского производства, Болгария совершила крупнейшее военное приобретение с конца 90-х годов» [24]. Чтобы привести новый парк F-16 в соответствие со стандартами НАТО, Болгария нуждается в военно-техническом обеспечении и поддержке США. Наряду с этим, в стране поддерживают свой существующий парк из пятнадцати МиГ-29 советского производства. У партнеров по НАТО тревогу вызывает тот факт, что Болгария по-прежнему зависит от России в техническом обслуживании и ремонте имеющихся истребителей МиГ-29.

В 2020 году Болгария подписала контракт с Lürssen Group на строительство двух многоцелевых модульных патрульных кораблей, которые могли бы участвовать в широком спектре операций под руководством НАТО и ЕС. Реализация этого проекта помогла ВМС Болгарии приобрести современные средства ведения надводных, подводных и воздушных боевых действий. Болгария по-прежнему остается в значительной степени неиспользованным резервом возможностей для наращивания потенциала НАТО по сдерживанию и обороне в регионе. «В какой степени эти возможности могут быть использованы, зависит от постоянной и последовательной политической инициативности правящих партий Болгарии, а также от приверженности НАТО (и в первую очередь Соединенных Штатов) укреплению Черноморского флага Североатлантического Альянса» [24].

Общая тенденция военных расходов Грузии показывает снижение. Оборонный бюджет в 2014 году оценивался в \$0,42 млрд (2,36 % ВВП), а на 2021 год – \$0,30 млрд (1,67 % ВВП), что свидетельствует об уменьшении показателей, но все же с увеличением на 4,96 % по сравнению с 2020 годом. Это может свидетельствовать о продуманной политике нынешнего грузинского правительства, не стремящегося втянуть страну в новые военные противостояния и идти на новые финансовые жертвы [25].

Военные расходы Украины в 2013 г. оценивались в \$2,90 млрд (1,58 % ВВП), в 2014 г. – в 3,00 млрд долларов (2,25 % ВВП) и с тех пор показывали постоянную динамику роста. Оборонный бюджет на 2018 год составил \$4,17 млрд, что на 28,43 % больше, чем в 2017 году; на 2019 год составил \$5,42 млрд, что на 29,96 % больше, чем в 2018 году; на 2020 год составил \$5,92 млрд, что на 9,32 % больше, чем в 2019 году; на 2021 год составил \$5,94 млрд (3,23 % ВВП), что на 0,31 % больше, чем в 2020 году [26]. С февраля 2022 года «Украина получила вооружение и военную технику на миллиарды долларов как минимум из 28 стран, двадцать пять из которых являются членами НАТО и поставляют Киеву современное оружие, такое как реактивные системы залпового огня (РСЗО)» [27]. В это число не входят страны, предоставляющие «нелетальную» помощь или топливо, такие как Ирландия и Япония. Военная помощь, отправленная в Украину, включает в себя обычные вооружения: артиллерию, зенитные орудия, противотанковые средства, бронетехнику, разведывательные и ударные беспилотники, вертолеты, стрелковое оружие, боеприпасы и бронезилеты. «США выделили Украине не менее \$54 млрд помощи. Президент США Джо Байден пообещал и дальше «снабжать» Украину оружием и техникой для самообороны» [27].

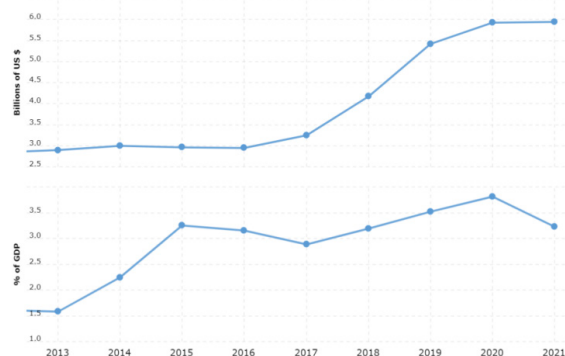


Рисунок 3 – Динамика военных расходов Украины с 2013 по 2021 гг.

Источник: MacroTrends, World Bank

Основные инициативы иностранной поддержки включают:

– Принятый на Мадридском саммите лидерами НАТО пакет поддержки для Украины: средства на топливо; лекарства, бронезилеты; зимняя одежда; оборудование для противодействия минным, химическим и биологическим угрозам; и переносные противоракетные комплексы [28].

– Подписанный в мае 2022 года президентом Джо Байденом закон о поддержке Украины на \$40 млрд. Из этой суммы \$8 млрд предназначались для экономического субсидирования, \$5 млрд – для решения проблемы нехватки продовольствия и более \$1 млрд – для помощи беженцам [29].

– Программа макрофинансовой помощи ЕС для стран, столкнувшихся с кризисом платежного баланса. В ее рамках еще в начале февраля 2022 года Еврокомиссия согласовала новую экстренную программу для Украины в размере до €1,2 млрд льготных кредитов [30].

– Экстренный заем в размере €2 млрд, созданный Европейским инвестиционным банком, и гуманитарный пакет в размере €2,5 млн [30].

– Объявленный в начале марта Международным валютным фондом экстренный кредит Украине в размере \$1,4 млрд [30].

– Инициированная председателем Еврокомиссии и премьер-министром Канады Джастином Трюдо программа “Stand Up for Ukraine”, в рамках которой до конца лета было собрано €10,1 млрд.

Военные расходы России в 2014 году составили \$84,7 млрд (4,11 % ВВП). Год спустя произошло сокращение бюджета на \$20 миллиардов, и с тех пор расходы оставались на стабильном уровне \$60–65 млрд (около 4 % ВВП ежегодно). На 2020 год он оценивался в \$61,71 млрд, что на 5,35 % меньше, чем в 2019 году, а на 2021 год он составляет \$65,91 млрд, что на 6,8 % больше, чем в 2020 году [31]. Статистика, предоставленная Всемирным Банком, показывает стабильные траты без резких взлетов и падений.

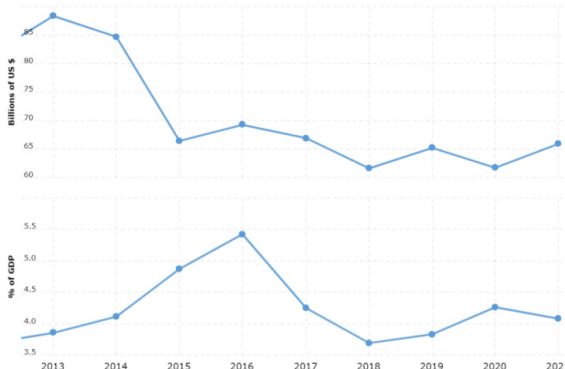


Рисунок 4 – Динамика военных расходов России с 2013 по 2021 гг.

Источник: MacroTrends, World Bank

На первый взгляд можно говорить о стабильности российских расходов на оборону в последние годы, однако проблема заключается в том, что формирование российского бюджета происходит в рублях. По этой причине колебания курса рубля по отношению к иностранным валютам не учитываются в официальной долларовой статистике Всемирного Банка. Так, например, чтобы оценить данные о расходах за 2022 год, необходимо обратиться к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2022 год, где по статье оборонного бюджета числится 4,7 трлн рублей [32]. При этом средневзвешенный курс доллара за 2022 год составил 68,5494 рубля [33]. Разделив сумму в рублях на курс, можно получить сумму в \$68,6 млрд, что и составляет расходы России на оборону в 2022 году. Стоит отметить, что это значение превышает стабильную картину предыдущих лет и показывает значительный рост, что логично соответствует задачам и осуществлению специальной военной операции в изучаемый период. Этот рост также коррелирует с общей тенденцией военных расходов других акторов в Черноморском регионе.

В случае Молдовы статистика показывает стабильный рост. В 2014 году на оборону было потрачено \$0,03 млрд (0,29 % ВВП), а в 2021 году эта цифра составила \$0,05 млрд (0,41 % ВВП) [34].

Армения с \$0,46 млрд (3,94 % ВВП) в 2014 году и \$0,62 млрд (4,44 % ВВП) в 2021 году представляет собой наиболее спорный случай. Хотя общей тенденцией является увеличение военных расходов, цифры медленно снижались с 2014 по 2016 год. Затем последовал быстрый рост. В последние годы статистика показывает не самые высокие показатели, как у других региональных акторов. Наоборот, кульминация была достигнута в 2019 году, как раз накануне Второй Нагорно-Карабахской войны. Впоследствии военные расходы снижались: оборонный бюджет на 2020 год составил \$0,63 млрд, что на 2,77 % меньше, чем в 2019 году, на 2021 год он составил \$0,62 млрд, что на 2,29 % меньше, чем в 2020 году [35].

Азербайджан также представляет собой особый случай. В 2014 году его оборонный бюджет составил \$3,43 млрд (4,56 % ВВП), в 2021 году – \$2,70 млрд (5,27 % ВВП) [36]. В период 2014 – 2016 годов расходы сократились до \$1,40 млрд, а затем в 2017 – 2021 годах снова начали расти, показав среднегодовой прирост в 15,4 %.

ОБСУЖДЕНИЕ

В условиях эскалации нескольких конфликтов в регионе критически важно оценивать военные расходы. Если рассматривать два опосредованно противоборствующих субъекта – НАТО и РФ, то можно наблюдать явный дисбаланс военных бюджетов: по данным портала *armforces.eu* на 2022 г. военный бюджет стран НАТО оценивается в сумме в \$1154,41 млрд, в то время как российские расходы составляют примерно \$65,9 млрд [37]. Разумеется, сфера применения данных средств не ограничивается одним лишь Черноморским регионом, а распределяется по всем стратегическим рубежам, тем не менее, подобные диспропорции представляют угрозу для национальной безопасности РФ. Отношения между Россией и НАТО претерпевают глубокий кризис, а Черноморский регион становится в таких условиях зоной эскалации.

Согласно отчету Итальянского института международных политических исследований (ISPI), украинский конфликт выступает катализатором этого и без того всеобъемлющего кризиса [38]. В основном, «путем обострения и обобщения тенденции к милитаризации межгосударственных отношений». Исследователи подчеркнули, что практическая и символическая суть этого «возврата к прошлому» – возврата к тому, какой всегда была международная политика в видении приверженцев реализма, – это вновь утвержденный «квест по безопасности». Это находит свое выражение, во-первых, в возобновившемся страхе перед войной между крупными

державами, т.е. именно той войной, исчезновение которой отмечалось на протяжении последних нескольких десятилетий. Такое военное противостояние, разумеется, требует огромных финансовых вложений.

Учитывая давние ожидания, воплощенные в часто используемом до некоторых пор выражении «закат войны» (англ. *“decline of war”*), с одной стороны, «конфликт на Украине представляет собой классическую, конвенциональную, симметричную, высокоинтенсивную и крупномасштабную войну между регулярными армиями (хотя и с участием частных военных группировок), стремящимися завоевать территорию и занять выгодные позиции за счет широкого применения бронетехники и тяжелой артиллерии» [38]. Этот конфликт внезапно вернулся в Европу традиционное понимание военного конфликта. С другой стороны, по мнению экспертов ISPI, российско-украинский конфликт также представляет многие аспекты так называемой «новой войны» или «гибридной войны»: присутствие рядом с регулярными силами частных компаний, опосредованное распространение поля боя на все национальные общества, использование широкого спектра новых обычных и нетрадиционных вооружений (военная энергия, массовое использование беспилотников и высокотехнологичных систем вооружения), а также возросшее значение кибердоминирования и психологических операций.

Однако перевооружение и демонстрация силы – не единственные инструменты достижения безопасности в международной политике. Еще один инструмент, возвращение которого наблюдали (и даже приветствовали члены НАТО), – это создание союзов. В то время как в конце 2021 года AUKUS был запущен в Индо-Тихоокеанском регионе, в 2022 году НАТО возродилось в Европе. С одной стороны, нет сомнений в том, что 2022 год стал поворотным моментом в новейшей истории НАТО. По сравнению с прогнозом, обычно приписываемым Альянсу до конца 2021 года (с заявлениями Макрона о «смерти мозга» в 2019 году), продолжающийся конфликт у ее границ позволил НАТО вновь утвердиться в качестве незаменимого инструмента обеспечения безопасности союзников. Несмотря на общую тенденцию к разобщенности, наблюдаемую в последние годы, в свете конфликта и наличия образа «врага» Альянс консолидировался. На дипломатическом фронте союзники объединились в осуждении российских действий [38]. Мадридский саммит 2022 года стал лишь отправной точкой, и увеличение инвестиций в оборону и безопасность, по мнению экспертов ISPI, должно стать нормой не только в финансовом плане, но и в производственных возможностях для получения более высоких результатов по обеспечению региональной и глобальной безопасности.

С одной стороны, по качественным характеристикам РФ имеет преимущество перед НАТО. Как подтвердили учения «Запад-2019» и «Кавказ-2020», вооруженные силы Российской Федерации способны к быстрой мобилизации и развертыванию на любом плацдарме, полностью оснащены модернизированной бронетехникой, артиллерией, прикрыты средствами ПВО и обеспечены авиацией. С другой стороны, реальная ситуация косвенного противостояния с НАТО выявила определенные недостатки в управлении и развертывании войск, что привело к затягиванию конфликта. Кроме того, количественные показатели показали не лучший баланс сил для России. По состоянию на 2021 год группировка НАТО на Европейском фланге превосходила российскую по танкам – почти в 9 раз, по боевым бронированным машинам – в 6 раз, по артиллерийским системам – более чем в 4,5 раза и по самолетам – более чем в 5 раз. В частности, вооруженные силы НАТО и России на западном театре военных действий имели соответственно 13 000 и около 1 450 танков, 15 000 и 2 600 боевых бронированных машин, 15 000 и почти 3 200 артиллерийских систем, 3 800 и 750 боевых самолетов и т.д. [39]. Схожая ситуация сложилась

и на других стратегических направлениях, где объединенные силы США и их союзников значительно превосходят силы России. Тем не менее, планомерное увеличение военного бюджета отчасти позволило в 2017 – 2021 гг. запустить производство новых судов для Черноморского флота РФ: крупных надводных кораблей, корветов, патрульных кораблей и боевых катеров. Однако в свете украинского конфликта, некоторые западные эксперты считают, что фактический баланс колеблется. Несмотря на численные преимущества над Украинскими силами, российский Черноморский флот частично заблокирован на базах из-за постоянных атак БПЛА и БПНА, и поэтому не может действовать активно [40].

ВЫВОДЫ

С практической, военно-технической стороны Черноморский регион также стал объектом первоочередного интереса для нерегистрационных акторов. Их присутствие часто связано с участием в военных учениях. В последнее десятилетие НАТО уделяло особое внимание Черноморскому региону, что существенно повлияло на рост нестабильности. Причерноморские страны и их партнеры часто используют Черное море как уникальную площадку для размещения вооружений. Роль НАТО в регионе показательна не только с точки зрения общего опосредованного противостояния с Россией, но еще и с позиции использования морской акватории для создания собственных военно-морских группировок, ежегодных военно-морских учений “Sea Breeze”.

Для США, например, важной составляющей реализации своих интересов в регионе является военно-техническое сотрудничество со странами региона. Поскольку инициатива BLACKSEAFOR фактически прекратила свое существование, сотрудничество между региональными акторами также значительно сократилось. В результате все чаще стали возникать прецеденты совместных учений государств региона и стран-членов НАТО. Усиление партнерских отношений между ними и США ведет к планомерному увеличению военных расходов. Вашингтон, в свою очередь, благодаря эксплуатации военно-морских баз на побережье Болгарии и Румынии фактически получил доступ и возможность контроля западного Причерноморья.

Эскалация и поставки вооружений в зону Нагорно-Карабахского конфликта в свою очередь чревато возможным осложнением отношений между Россией и Турцией. Два ведущих региональных игрока на протяжении всего исследуемого периода находят способы поддерживать соответствующий уровень кооперации. И даже в условиях раскола с НАТО, Турция выступает связующим звеном. Однако, пожалуй, нигде больше в регионе их интересы не пересекаются так явно как в случае с Азербайджаном и Арменией. Гипотетическое столкновение региональных держав по данному треку может грозить всему региону еще большим ослаблением архитектуры безопасности.

Таким образом, растущие риски дестабилизации затрагивают не только сферу финансирования военных операций, учений, наращивания флота, но также и логистику в акватории Черного моря, сохранность значимых объектов инфраструктуры (Керченский мост и т.п.). Вместе с угрозами региональной стабильности, увеличиваются угрозы и для национальной безопасности РФ. Из-за явного геополитического дисбаланса можно наблюдать, как суверенное государство оказалось на диаметрально противоположной стороне военно-политического блока, состоящего и обладающего возможностями нескольких десятков суверенных государств. События исследуемого периода с 2014 по 2022 годы являются результатом нарастающих с годами противоречий между двумя противоположными по интересам субъектами и соответствуют «дилемме безопасности». Во многом действия НАТО были ответом Запада на усиление российского влияния в регионе, а действия России – на расширение активности евроатлантических структур.

Более того, все чаще в информационном поле появляются заявления лидеров государств и дипломатов о необходимости пересмотра стратегических характеристик Черноморского региона. Ещё в 2019 году, до начала СВО, официальная риторика черноморских стран изобиловала желанием усилить военно-морскую кооперацию с НАТО в целях обеспечения безопасности, как, например, в случае с Грузией [41]. Российская же сторона в ответ заявляла об опасности наращивания вооружений в регионе [42]. В 2022 – 2023 гг., уже после начала СВО, через официальные доклады и выступления можно заметить, что черноморские члены НАТО и их партнеры были в крайней степени обеспокоены желанием России «установить контроль над прибрежными районами Украины». В заявлениях Йенса Столтенберга можно было увидеть сообщения о «жизненно важном стратегическом значении», которое приобрел Черноморский регион для Альянса после начала СВО, и о призывах к дальнейшему повышению трат на оборону. А эффективная стратегия США должна при этом, по его мнению, строиться на дальнейшем усилении присутствия в регионе за счет развертывания дополнительных военно-морских сил, продажи оружия, инвестиций в оборону и дипломатических контактов [43].

Обеспокоенность выражается и на доктринальном уровне, причем в документах не только прибрежных государств, но и нерегистрационных акторов (в первую очередь, США): в новой редакции Морской Доктрины РФ [44], новой стратегической Концепции НАТО [45], Стратегии США для Черноморского региона на 2023 год, которую разработал Конгресс [46]. В последней прослеживается довольно узкое понимание безопасности – существенное упрощение региональной проблематики до, фактически, биполярного противостояния времен Холодной войны (примером служит инцидент со сбитым американским БПЛА над Черным морем) и игнорированию реальных общих для всего региона проблем (экологии, этно-конфессиональных конфликтов и т.п.).

Систематический рост оборонных бюджетов позволило некоторым странам сделать дополнительные закупки вооружений, принимать участие в союзных программах наращивания военной силы, увеличивать количественную и качественную характеристику своих флотов. Умножение активных фаз конфликтов служит дополнительным стимулом к увеличению расходов на военно-технические и другие сопутствующие нужды. Это привело к неконтролируемому наводнению конфликтующих сторон оружием, которое никак не ограничивается действующими международными договорами. Таким образом, мы можем сделать вывод, что, несмотря на наличие различных проявлений напряженности, именно фактор роста оборонных бюджетов и закупок вооружений угрожает архитектуре безопасности Черноморского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Booth, Ken. "Security and Emancipation." *Review of International Studies*, vol. 17, no. 4, 1991, pp. 313–326;
2. Szyra, Ryszard. "Military Security within the Framework of Security Studies: Research Results." *Connections*, vol. 13, no. 3, 2014, pp. 59–82;
3. Timofeev I.N. *The Euro-Atlantic Security Formula: Stable Deterrence and Its Alternatives*. – Report of the Valdai International Discussion Club, August 2017;
4. Robinson, D. M., Wood, W. D. and Houston, F. (2010) *Black Sea Security: International Cooperation and Counter-trafficking in the Black Sea Region*. Amsterdam: IOS Press (NATO Science for Peace and Security Series. E, Human and Societal Dynamics)
5. Islyamova E.E. *The Black Sea region in the context of the national security policy of the Russian Federation: questions of theory // Via in tempore*. Story. Political science. 2019. №2;
6. Mamedov R., Pylova O. *On the way to "strategic depth" in the Black Sea region // 24.08.2019*;
7. Glazova A.V. *The struggle for influence in the Black Sea region is one of the priorities for Moscow's foreign policy*;
8. Kortunov A. *Russian Foreign Policy in the Middle East: Achievements and Limitations / - Russian International Affairs Council*.
9. *Back to the Future*. ISPI Report 2023. Edited by Alessandro Colombo and Paolo Magri. © 2023 Ledizioni LediPublishing. 198 p.;

10. *Russia, NATO, and Black Sea Security*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020;
11. *SIPRI Yearbook 2021*. Oxford University Press.
12. *Royal United Services Institute for Defence and Security Studies (RUSI) Conference Report, January 2023*; Flanagan, Stephen J., Anika Binnendijk, Irina A. Chindea, Katherine Costello, Geoffrey Kirkwood, Dara Massicot, and Clint Reach;
13. *Consolidation of the West and asymmetric bipolarity: Workbook No. 69 / 2022 / [A. V. Kortunov; ed. E. O. Karpinskoy, I. A. Tsybaly]*; *Russian International Affairs Council (RIAC)*. — M.: NP RIAC, 2022. — 40 p.;
14. Tobias Bunde, Sophie Eisentraut, Natalie Knapp, Leonard Schütte, Julia Hammelehle, Isabel Kump, Amadée Mudie-Mantz, and Jintro Pauly, "Munich Security Report 2023: Re:vision." *Munich Security Conference*, February 2023;
15. *United Nations Convention on the Law of the Sea*. United Nations. https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (Date of access: 01/02/2023)
16. *U.S. Military Spending/Defense Budget 1960-2023*. *Macrotrends*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/USA/united-states/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)
17. Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
18. *U.S. Military Spending/Defense Budget 1960-2023*. *Macrotrends*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/USA/united-states/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)
19. *Turkey Military Spending/Defense Budget 1960-2023*. *www.macrotrends.net*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/TUR/turkey/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)
20. *Turkish Naval Forces*. *Navy Recognition*. – [Electronic resource] – <https://www.navyrecognition.com/index.php/component/search/?searchword=turkish%20naval%20forces&searchphrase=all&Itemid=1890> (Date of access: 03/21/2023)
21. *Romania Military Spending/Defense Budget 1960-2023*. *www.macrotrends.net*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/ROU/romania/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)
22. *Romanian Naval Forces*. *Navy Recognition*. – [Electronic resource] – <https://www.navyrecognition.com/index.php/component/search/?searchword=romania%20naval%20forces&searchphrase=all&Itemid=1749> (Date of access: 03/21/2023)
23. *Bulgaria Military Spending/Defense Budget 1989-2023*. *www.macrotrends.net*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/BGR/bulgaria/military-spending-defense-budget> (Date of access: 03/21/2023)
24. Mihail Naydenov. *Bulgaria in the Black Sea: Defending against Russian hybrid warfare* – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.mei.edu/publications/bulgaria-black-sea-defending-against-russian-hybrid-warfare> (Accessed: 02/25/2023)
25. *Georgia Military Spending/Defense Budget 1996-2023*. *www.macrotrends.net*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/GEO/georgia/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)
26. *Ukraine Military Spending/Defense Budget 1993-2023*. *www.macrotrends.net*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/UKR/ukraine/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)
27. *What weapons has Ukraine received from the US and allies?* *Aljazeera and news agencies*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.aljazeera.com/news/2022/6/15/infographic-what-weapons-has-ukraine-received-from-the-us-and-al> (Accessed: 02/25/2023)
28. *NATO's response to Russia's invasion of Ukraine*. NATO. – [Electronic resource] – Access mode: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_192648.htm (Accessed: 02/25/2023)
29. *Biden signs \$40 billion aid package for Ukraine during trip to Asia*. CNBC – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.cnb.com/2022/05/21/biden-signs-40-billion-aid-package-for-ukraine-during-trip-to-asia.html> (Accessed: 02/25/2023)
30. Arianna Antezza, André Frank, Pascal Frank, Lukas Franz, Ivan Kharitonov, Bharath Kumar, Ekaterina Rebinskaya and Christoph Trebesch. *The Ukraine Support Tracker*. // Kiel Institute for the World Economy. – 2022. – [Electronic resource] – Access mode: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/Ifw-Publications-/ifw/Kiel_Working_Paper/2022/KWP_2218_Which_countries_help_Ukraine_and_how_/KWP_2218_Version5.pdf (Accessed: 02/27/2023)
31. *Russia Military Spending/Defense Budget 1992-2023*. *www.macrotrends.net*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/RUS/russia/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)
32. *Federal Law No. 390-FZ of 06.12.2021 "On the federal budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024"*. Official Internet portal of legal information – [Electronic resource] – Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070016> (Accessed: 02/25/2023)
33. *Средневзвешенный курс валют: Доллар США*. Аудит. – [Electronic resource] – Access mode: https://www.audit-it.ru/currency/sr_yz.php?currency=USD&period_month=12&period_year=2022&fin-year_start=0&getcurrency=1 (Accessed: 02/25/2023)
34. *Moldova Military Spending/Defense Budget 1993-2023*. *www.macrotrends.net*. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/MOL/moldova/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)

rotrends.net. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/MDA/moldova/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)

35. Armenia Military Spending/Defense Budget 1992-2023. www.macrotrends.net. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/ARM/armenia/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)

36. Azerbaijan Military Spending/Defense Budget 1992-2023. www.macrotrends.net. – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.macrotrends.net/countries/AZE/azerbaijan/military-spending-defense-budget> (Accessed: 02/25/2023)

37. Military power of NATO & Russia. Armedforces.eu – [Electronic resource] – Access mode: https://armedforces.eu/compare/country_NATO_vs_Russia (Accessed: 02/25/2023)

38. Back to the Future. ISPI Report 2023. Edited by Alessandro Colombo and Paolo Magri. © 2023 Ledizioni LediPublishing. 198 p. ISBN 9788855268691

39. The ratio of the combat capabilities of the armed forces of the Russian Federation and NATO in Europe. – RUSSTRAT: Institute of International Political and Economic Strategies // - [Electronic resource] - <https://russtrat.ru/analytics/9-fevralya-2021-0010-2930> (Date of access: 12/15/2022)

40. Outplayed By Ukraine: What Is Next For Russia's Navy In The Black Sea? NAVAL NEWS – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/12/outplayed-by-ukraine-what-is-next-for-russias-navy-in-the-black-sea/budget> (Accessed: 02/25/2023)

41. Joint press conference. NATO. - [Electronic resource] - https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_169306.htm (Date of access: 03/20/2023)

42. RUSSIA WARNING: Kremlin lashes out at NATO over 'aggravating' Black Sea military build-up - [Electronic resource] - <https://www.express.co.uk/news/world/1087877/russia-news-world-war-3-black-sea-military-crimea-ukraine-nato> (Date of access: 03/20/2023)

43. The Inhospitable Sea: Toward a New U.S. Strategy for the Black Sea Region. Center for strategic and international studies (CSIS) - [Electronic resource] - <https://www.csis.org/analysis/inhospitable-sea-toward-new-us-strategy-black-sea-region> (Date of access: 03/20/2023)

44. Maritime Doctrine of the Russian Federation 2022. / Security Council of the Russian Federation. - - [Electronic resource] - <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document34/> (Date of access: 11/02/2022)

45. NATO Strategic Concept 2022 - [Electronic resource] - <https://www.nato.int/strategic-concept/> (Date of access: 03/22/2023)

46. Black Sea Security Act of 2022. GovTrack. - [Electronic resource] - <https://www.govtrack.us/congress/bills/117/hr9511/text> (Date of access: 03/22/2023)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 23.03.2023

Approved date: 21.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК: 339.9

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_30



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

РОССИЯ – СЕВЕРНАЯ АФРИКА: НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

© Автор(ы) 2023

ДЖОЛАНОВ Роман Сергеевич, специалист по реабилитации, самозанятый
119991, Россия, Москва, Djolanovroman@mail.ru

ORCID: 0009-0009-4043-0797

КРЫЛОВА Екатерина Александровна, кандидат политических наук, научный сотрудник
Санкт-Петербургский научный центр РАН
199034, Россия, Санкт-Петербург, ekaterinaa.krylova@gmail.com

SPIN:3500-4010

ORCID:0000-0002-3026-4395

КУПОРОВА Мария Андреевна, инженер
ФГУП КБ Арсенал

195009, Россия, Санкт-Петербург, mariakuporova@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-6642-9835

ПРЕДЕИН Клим Владимирович, студент

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
125993, Россия, Москва, klimpredein@mail.ru

SPIN: 4833-1393

ORCID:0009-0004-8724-2906

Аннотация. В условиях глобальных изменений, происходящих в системе международных отношений, особую актуальность приобретают исследования, посвященные расширению сотрудничества с активно развивающимися странами, обладающими значительным социальным и научным потенциалом. Так, на данный момент африканский регион, безусловно, заслуживает внимания и изучения, а понимание возможностей взаимодействия между Россией и Африкой – это стратегически важное направление для нашей страны. Российская Федерация, как преемница Советского Союза, активно действует в Африке, выстраивая не только экономические отношения, но и научно-технологическое и космическое сотрудничество. В настоящей работе исследуются перспективы научно-технологического и космического сотрудничества со странами Северной Африки. Формируя свою экономическую зону, Россия заинтересована в стабильности и суверенитете входящих в нее государств. В этом плане ставка на космическую сферу является совершенно оправданной. Кроме того, увеличение товарооборота со странами Африки также является важной составляющей для России в плане развития экономической устойчивости и влияния, содействуя решению экономических проблем «Север-Юг». Наконец, включая Северную Африку в свою культурную и политическую орбиту, Россия стабилизирует мировые процессы, формируя многополярную систему международных отношений.

Ключевые слова: Африка, российско-африканское сотрудничество, экономические отношения, научно-технологическое сотрудничество, космическое сотрудничество России и Африки, российско-африканские отношения, Северная Африка, Россия в Африке, космические программы, мировая экономика, международные экономические отношения, геополитика.

RUSSIA – NORTH AFRICA: SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL AND SPACE COOPERATION

© The Author(s) 2023

DZHOLANOV Roman Sergeevich, Rehabilitation specialist, self-employed
119991, Russia, Moscow, Djolanovroman@mail.ru

KRYLOVA Ekaterina Aleksandrovna, candidate of political sciences, Researcher
St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
199034, Russia, St. Petersburg, ekaterinaa.krylova@gmail.com

KUPOROVA Maria Andreevna, Engineer
FGUP KB Arsenal

195009, Russia, St. Petersburg, mariakuporova@yandex.ru

PREDEIN Klim Vladimirovich, Student

Moscow Aviation Institute (National Research University)
125993, Russia, Moscow, klimpredein@mail.ru

Abstract. In the context of global changes taking place in the system of international relations, studies devoted to the expansion of cooperation with actively developing countries with significant social and scientific potential are of particular relevance. So, at the moment, the African region certainly deserves attention and study, and understanding the possibilities of interaction between Russia and Africa is a strategically important direction for our country. The Russian Federation, as the successor to the Soviet Union, is actively operating in Africa, building not only economic relations, but also scientific, technological and space cooperation. This paper explores the prospects for scientific, technological and space cooperation with the countries of North Africa. Forming its economic zone, Russia is interested in the stability and sovereignty of its member states. In this regard, the bet on the space sector is completely justified. In addition, increasing trade with African countries is also an important component for Russia in terms of developing economic stability and influence, helping to solve the economic problems of the “North-South”. Finally, by including North Africa in its cultural and political orbit, Russia will stabilize world processes, forming a multipolar system of international relations.

Keywords: Africa, Russian-African cooperation, economic relations, scientific and technological cooperation, space cooperation between Russia and Africa, Russian-African relations, North Africa, Russia in Africa, space programs, world economy, international economic relations, geopolitics.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня африканский континент находится под пристальным вниманием крупнейших стран мира. Регион богат природными ресурсами и стратегически важен для развития экономики мира в целом. Исследованию

его развития посвящено множество работ экономистов, специалистов в области международных отношений, а также ведутся междисциплинарные исследования, примером которого является настоящая работа. Среди актуальных научных событий в России, посвященных

проблеме Россия-Африка, являются Семинар «Роль Африканского континента в глобальной политике «Год Африки» в России» [10] и Вторая Международная парламентская конференция «Россия – Африка» [3]. Российско-африканские отношения обсуждаются как на научных площадках, так и на экономических и политических форумах, им посвящено множество работ, среди которых выделим работы Н. Джина, А. Харифа, Ф. Лукьянова, Ж.Н. Комиссарова, О. А. Оганяна, А. Морошкина, А. Ю. Носкова, В. Р. Филиппова, А. Шпунта. В настоящей работе рассматриваются не общие экономические тенденции развития Африки и отношения с Россией, а научно-технологическое и космическое сотрудничество, что определяет научную новизну данной работы. Авторская гипотеза: совместно развивая со странами Северной Африки космические программы и научно-технологическое сотрудничество, Россия может укрепить свое влияние в африканском регионе и наладить культурные, экономические, научные и политические связи с быстроразвивающимися африканскими странами, которые обладают огромным демографическим и ресурсным потенциалом и активно обретают свой суверенитет.

Причины и обстоятельства, определяющие стремление стран Северной Африки действовать в сфере космических исследований

1. С помощью космоса Африка может решить колоссальное количество собственных экономических вопросов. Это наличие спутниковой связи и прочих возможностей, связанных с цифровизацией. Это координирование энергетики, возможность снять энергетические карты. Это исследование, изучение, аналитика, улучшение качества дистанционной коммуникации в целях онлайн-образования, телемедицина, банковские транзакции, телефония, широкополосная связь, передача теле- и радиосигнала. Одним словом это серьезные плюсы для социальной и научно-технической сферы.

2. Для африканских стран вопросы престижа и суверенитета также имеют значение. Космические технологии здесь явно играют не последнюю роль. «Африканские страны всё больше руководствуются собственными интересами. Им важно, что они могут получить от тех или иных крупных государств» [4].

3. Согласно отчету ЮНИСЕФ 2021 уже к 2025 году Египет может столкнуться с проблемой «абсолютной нехватки воды». [1] В настоящее время наблюдается стремительный рост населения и, как следствие, возрастающая потребность в питьевой воде, воде для орошения и сельскохозяйственных нужд. Река Нил, являясь единственным источником воды для населения, не справляется с одновременным удовлетворением обозначенных нужд. Разрешением проблемы может стать обнаружение подземных вод и иных источников на территории страны с применением спутниковых технологий.

Если этот частный случай расширить на весь континент, то уверенно можно сказать, что космическая геологоразведка поможет африканским странам с обнаружением и разработкой собственных природных ресурсов.

4. Страны Северной Африки нуждаются в создании собственных научно-технологических школ, задействовании молодежи в сложных высокотехнологичных производствах. Ожидается, в том числе положительный социальный эффект, связанный с формированием класса инженеров, ученых, интеллектуалов.

5. Предотвращение критического технологического отставания, которое рано или поздно может обернуться очередной военной экспансией со стороны европейских государств.

Цели, ради достижения которых страны Северной Африки заинтересованы в реализации собственных космических программ

Поскольку континент является самым быстрорастущим рынком телекоммуникаций и информационных технологий в мире, несомненно, использование спутни-

ков для построения цифровой инфраструктуры является ключевым аспектом.

Итак, цели государств Северной Африки:

- суверенитет и престиж;
- создание своей научно-технической школы;
- практические технологии в геодезии, климатических исследованиях;
- экономика и рабочие места, эффективное экономическое взаимодействие внутри БРИКС;
- развитие инфраструктуры, логистики, связь, интернет, технологический суверенитет;
- преодоление бедности и мощная социальная повестка;
- стабилизация политических процессов, безопасность, блокирование терроризма;
- научные и социально-экономические связи внутри самих государств Африки;
- технологическое и экономическое сотрудничество с Россией и Китаем;
- широкое применение космических технологий в других отраслях.

Как сказал Омар аль Башир, президент Судана: «Африка просто обязана иметь собственное космическое агентство» [2].

Стратегии финансирования национальных космических программ стран Северной Африки

Согласно оценкам, приведенным в материалах второй Международной парламентской конференции «Россия-Африка» [3], целостная комплексная национальная система развития научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) в Египте находится на заключительной стадии формирования. Низкий уровень финансирования НИОКР свидетельствует о том, что расходы на прикладные исследования чаще всего являются расходами на адаптацию ввозимых в страну технологий. Подобные исследования более востребованы в сравнении с фундаментальными исследованиями и разработками в рамках национальных программ развития местных технологий. Страны Африки не могут позволить себе фундаментальную науку из-за отсутствия кадровой и научно-производственной базы, без гарантии получения ожидаемого эффекта от использования дефицитных ресурсов.

Вместе с тем активное финансирование региона идет из Китая. Россия простила Африке долги и взяла обязательства по продовольствию в рамках зерновой сделки. Действительно, большие проекты в сфере космоса, закладывающие фундаментальную науку в регионе, в ближайшем будущем Северная Африка сможет реализовать с непосредственным участием РФ и КНР, поскольку развитие науки в странах Северной Африки сопряжено с обучением специалистов и преодолением проблем с инфраструктурой и логистикой. А это возможно только при долгосрочном взаимовыгодном взаимодействии со странами, которые являются технологическими лидерами, готовыми делиться технологиями, готовыми финансировать и готовыми обучать специалистов. В условиях острой технологической и экономической конкуренции в мире на данный момент таких стран очень не много.

По данным Годового отчета африканской космической промышленности New Space Africa за 2019 год [9] объем космической промышленности в Африке в настоящее время оценивается в 7,37 миллиарда долларов США, а в ближайшие пять лет он вырастет до 10,29 миллиарда долларов США. Всего в отчете представлены 34 компании. Из них 3 являются дочерними компаниями университетских исследовательских институтов, 5 – государственными компаниями, а 26 – частными.

Только 11 из 34 компаний, представленных в отчете, обслуживают национальные рынки стран, в которых они базируются; 7 обслуживают своих клиентов и клиентов по всему континенту, а остальные 16 уже поставляют продукты и услуги на мировой рынок.

Наличие у стран Северной Африки научно-технологических предпосылок и собственной исследовательско-технологической основы для осуществления научно-космической деятельности

К началу 2020-х годов за счет госфинансирования в НИОКР страны Африки смогли обеспечить в основном адаптацию ввозимых из-за рубежа технологий. Однако роль госфинансирования по части фундаментальных исследований и национальных разработок по развитию местных технологий мала, о чем свидетельствуют данные глобального инновационного индекса для 132 государств мира на 2020 год.

Число университетов и их филиалов в странах Северной Африки значительно выросло и к концу 2010-х годов составило: 197 в Тунисе, 152 в Марокко, 103 в Алжире, 64 в Египте, 26 в Ливии, 52 в Судане, 4 в Мавритании. В структуре действующих университетов появились факультеты технического профиля по специальностям, наиболее востребованным в национальной экономике. Также выросло число научно-исследовательских центров, деятельность которых связана с основными отраслями хозяйственной деятельности.

В докладе экспертов ЮНЕСКО североафриканские страны занимают места в середине списка государств мира по индексу развития национальной системы образования, являющейся основой формирования научно-исследовательской базы: Египет – 118 место, Тунис – 108 место и Алжир – 102 место.

В мае 2022 года правительство Египта объявило о планах строительства космического города в Каире [6], на территории которого будут: Египетское космическое агентство, Африканское космическое агентство, завод по сборке спутников, станции спутникового мониторинга и наблюдения, космический музей, Египетская космическая академия, Центр интеграции и испытаний, Центр проектирования и разработки космических аппаратов и библиотека космических исследований. Строительство планируют завершить в 2026 году.

В Египте также существует национальный исследовательский институт астрономии и геофизики.

В Марокко действует Королевский центр дистанционного зондирования (CRTS).

Тунисское космическое агентство создано в 2012 году. Агентство разрабатывает самолеты, мини-ракеты, экспериментальные ракеты, метеобаллоны, беспилотники.

В Алжире действует Алжирское космическое агентство, которое проводит мероприятия по популяризации и повышению осведомленности о космических технологиях и их применении в мире образования среди молодежи. Также на территории Алжира функционирует Университет науки и технологии Уари Бумедьена (USTNB).

Космическое агентство в Судане: Управление дистанционного зондирования и сейсмологии (RSSA) – исследования сосредоточены на астрономии, дистанционном зондировании и малых спутниках.

В Ливии действует Ливийский центр дистанционного зондирования и космической науки, и также SGAC. Кроме Ливии, у всех перечисленных стран Северной Африки на данный момент имеются функционирующие спутники.

Также в Африке функционируют частные New Space компании.

В 2016 году Африканский союз принял космическую стратегию и в 2018 году согласовал устав Африканского космического агентства (AfSA) – региональной организации, созданной для содействия сотрудничеству в области космической политики государств-членов АС. 24 января 2023 года Каир, Египет стал штаб-квартирой Космического агентства Египта и Африканского космического агентства. Таким образом, Египет стал лидером Африки в космосе.

На данный момент не менее 50 спутников контролируется африканскими государствами; в основном это Алжир, Ангола, Египет, Кения, Марокко, Нигерия и ГРПТИ: 110000; ВАК: 5.5.2.; 5.5.4.

Южная Африка.

В целом, на долгосрочной перспективе можно оценить потенциал Северной Африки в плане развития космических технологий как хороший. Однако среди актуальных острых проблем региона можно выделить:

- малое количество специалистов;
- недостаточное развитие научно-производственной базы;
- слабое развитие инфраструктуры;
- социально-политическая нестабильность.

Как в практическом плане может выглядеть Российско-Африканское космическое сотрудничество?

Россия – это в полном смысле суверенное государство, обладающее энергетической, военной и научной силой и политической волей для самостоятельного определения своей внешней и внутренней политики. Будучи одним из мировых лидеров, Россия влияет на глобальные мировые процессы, будь то экономика, политика, наука или космос.

На данный момент зона политического и экономического влияния России растет. Здесь уместно упомянуть и партнерство с Китаем и формат БРИКС, и активные действия России на мировой арене по отстаиванию своего суверенитета, военных, экономических и культурных интересов.

Велика роль России в мире как научной и космической державы, а также наметившаяся в последние годы роль культурного центра, ориентированного на традиционные семейные ценности. При этом Россия не навязывает своего культурного влияния и признает право других стран на суверенитет, что в данный исторический период является одним из важнейших факторов привлекательности взаимодействия с Россией других стран.

В том числе африканские страны видят в России сильного партнера и заинтересованы в научно-техническом, космическом, продовольственном и энергетическом сотрудничестве. Память о масштабной помощи со стороны СССР и не менее важная помощь в продовольственной сфере со стороны РФ сейчас, дает африканским странам возможность сравнить сотрудничество с Россией и взаимодействие с западными странами, которое по-прежнему больше похоже на колониальное влияние.

Что касается непосредственно космической сферы, крупным успешным проектом стало внедрение на рудниках по добыче фосфатов в Марокко системы на основе технологий ГЛОНАСС. Запуск в 2019 году с космодрома Байконур спутника Egyptsat-A и запуск в 2021 году первого тунисского спутника российской ракетой-носителем «Союз-2.1а» открывают новый этап космического сотрудничества между Россией и Северной Африкой. Особенно это касается планов по дальнейшему запуску спутников совместно с Египтом и Тунисом.

Обладая сильной научной школой и технической базой, Россия принимает студентов из стран Африки. Надо отметить, что в странах Африки с большим интересом относятся к возможности подготовки своих кадров на территории России. Сотрудничество в сфере науки, космоса и образования будет только нарастать.

Интересы России в развитии сотрудничества в космической сфере со странами Северной Африки

На данный момент за влияние на африканском континенте идет активная конкуренция. Обладая богатыми природными ресурсами, африканские страны находятся под пристальным вниманием со стороны США и Европы, например, Франция является одним из конкурентов России, не только из-за исторически сильных связей, но, в сфере контроля над урановыми месторождениями, необходимыми для атомной промышленности и ядерного оружия Франции [5; 7; 8]. Активнейшим образом на континенте действует Китай. Россия тоже не остается в стороне и все более активно сотрудничает с африканскими странами.

В африканских странах довольно интересная демо-

графическая картина: мы видим, что молодое население превалирует над пожилым. Подобной ситуацией на данный момент не могут похвастаться другие страны, имея закономерные проблемы с пенсионным обеспечением граждан и зачастую нехватку рабочей силы. С улучшением уровня образования в странах Северной Африки многие молодые люди из этих стран смогут стать востребованными специалистами. Однако не будем забывать, что низкое образованное и социально не устроенное молодое население – это также большая опасность. В случае, если социальная и политическая ситуация в африканских странах не будет планомерно улучшаться, то вместо созидательной рабочей силы могут образоваться потоки беженцев, которые не хотят работать и не желают ассимилироваться, а то и вовсе превращаются под влиянием внешних сил в радикальные группировки.

Исходя из этого, Россия заинтересована в научном высокотехнологическом сотрудничестве со странами Северной Африки. Ведь такое сотрудничество предполагает и подготовку кадров, и развитие инфраструктуры и экономики региона. Формируя свою экономическую зону, Россия заинтересована в стабильности и суверенитете входящих в нее государств. В этом плане ставка на космическую сферу является совершенно оправданной.

Кроме того, увеличение товарооборота со странами Африки также является важной составляющей для России в плане развития экономической устойчивости и влияния. Наконец, включая Северную Африку в свою культурную и политическую орбиту Россия стабилизирует мировые процессы, двигаясь в сторону многополярности, формируя без преувеличения новое мировое устройство.

Не исключены также военные интересы со стороны РФ, такие как размещение баз или военно-техническое сотрудничество со странами Северной Африки. Так, например, в случае развертывания в этих странах масштабного технологического строительства, с большой вероятностью Россия будет должна разместить вместе с тем свои базы для охраны.

Вполне возможным является трехстороннее сотрудничество Россия-Китай-Африка при создании инфраструктуры и космической отрасли в североафриканском регионе. Такое сотрудничество укрепит экономические и политические связи между государствами

РЕЗУЛЬТАТЫ

Какие практические шаги могут быть предприняты для расширения сотрудничества России со странами Северной Африки в космической сфере?

Очевидна необходимость в поднятии уровня африканских специалистов в научной и космической сферах. С этой целью правительства стран северной Африки могут заключать контракты со студентами, обучающимися в России, обязующие последних вернуться на родину и работать в космической сфере после обучения.

Российские специалисты также могут быть направлены в ВУЗы Северной Африки для преподавания дисциплин, связанных с космосом. Например, инженерия, построение пилотируемых спутников, космическая геологоразведка и так далее.

Страны Северной Африки могут сформулировать список наиболее актуальных задач своего региона, которые можно решить с помощью космических технологий. И после этого развернуть обучение по соответствующим дисциплинам при непосредственной поддержке и участии российских специалистов и преподавателей. Здесь уместно вспомнить и про запуски спутников, и про широкополосную связь, и про геодезическое зондирование и т.д.

Отдельным крайне важным пунктом считаем формирование культурной повестки среди детей, школьников и молодежи в странах Северной Африки. Престиж и интерес к сфере науки и космоса должен быть поднят на совершенно новый уровень, чтобы молодежь была заинтересована попасть в эти сферы и ассоциировать их с пророссийской позицией. Для этого можно развернуть

масштабную агитационную программу: комиксы про науку и космос, настольные игры про космонавтику, подготовка популярных африканских блогеров по этим тематикам, тв-программы и репортажи, песни популярных исполнителей, создание молодежного африканского космического движения со своей атрибутикой и пророссийской идеологией.

Актуальной проблемой является разработка ресурсов с последующим производством тех же спутниковых технологий, различных высокотехнологичных аппаратов или сооружений. Помощь со стороны РФ в организации подобных производств и их дальнейшей эксплуатации также может обсуждаться исходя из ресурсов и задач каждой из стран Северной Африки.

Что касается масштабного строительства, то целесообразно обсудить создание радиообсерватории, геодезической станции, станции ГНСС, чтобы фундаментальная наука и практическая выгода совмещались с относительно умеренными затратами. Подобные проекты могут осуществляться параллельно с подготовкой африканских специалистов к освоению технологий аналогичного строительства и эксплуатации таких объектов. Однако, подчеркнем, что во всех дружественных действиях России в сторону стран Северной Африки считаем уместным активное медийно-информационное сопровождение в этих странах с целью формирования пророссийской позиции и политического влияния РФ в регионе.

Хотим отметить, что любое масштабное строительство в Африканском регионе, имеющее отношение к космосу, имеет ряд ограничений:

- Северная Африка далека от идеала в плане астроклимата из-за калимы – взвеси мельчайшей пыли из пустыни в атмосфере;
- слабость инфраструктуры и общей логистики в регионе;
- вложение средств в фактически неподконтрольную в политическом смысле территорию.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования

Развивая космические программы и научно-технологическое сотрудничество, Африка может решить колоссальное количество собственных экономических вопросов.

С принятием Африканским союзом космической стратегии в 2016 году, Каир стал штаб-квартирой Космического агентства Египта и Африканского космического агентства. Таким образом, Египет стал лидером Африки в космосе.

Африка стала регионом с возрастающей конкуренцией России, США, ЕС, Великобритании, Китая, Японии.

Развивая двусторонние и многосторонние отношения в космической и научной сфере со странами Северной Африки, Россия может достигнуть экономического и политического влияния в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Water Scarcity in Egypt. Growing Concerns, and Partnership. Электронный ресурс: <https://www.unicef.org/egypt/documents/water-scarcity-egypt> (27.03.2023)
2. Африка потеснит космические державы. Электронный ресурс: <https://www.pravda.ru/world/1127372-africa/>
3. Вторая Международная парламентская конференция «Россия – Африка». Электронный ресурс: http://duma.gov.ru/international/forum_rus/ (27.03.2023)
4. Джина Н, Хариф А, Лукьянов Ф. Африке нужна такая модель взаимодействия, при которой она будет главным выгодоприобретателем». Электронный ресурс: <https://globalaffairs.ru/articles/afrika-vygody/> (01.04.2023)
5. Комиссарова Ж.Н., Оганян О.А. Экономические отношения Франции со странами зоны франка (на примере Габона, Республики Конго, Кот-д'Ивуара, Нигера и Сенегала). Электронный ресурс: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/economic-relations-between-france-and-the-franc-zone-countries.pdf> (12.04.2023)
6. Морошкина А. Как развивается космическая экономика Африки. Электронный ресурс: [https://trends.rbc-ru.turbopages.org/turbo/trends.rbc.ru/s/trends/industry/632c59749a794712299291dc](https://trends-rbc-ru.turbopages.org/turbo/trends.rbc.ru/s/trends/industry/632c59749a794712299291dc) (27.03.2023)
7. Носков А. Ю. Урановые войны Франции в черной Африке. Электронный ресурс: https://www.ng.ru/ng_energiya/2016-10-11/12_uran.html (12.04.2023)

8. Филиппов В.Р. Африканский капкан для Эммануэля Макрона. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrikanskiy-kapkan-dlya-emmanuelya-makrona>(12.04.2023)

9. Шпунт А. Космос над Африкой: новые тенденции космических программ континента. Электронный ресурс: <https://regnum-ru.turbopages.org/turbo/regnum.ru/s/news/2784436.html> (12.04.2023)

10. Семинар «Роль Африканского континента в глобальной политике «Год Африки» в России». ИМЭМО РАН, РСМД. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=Zf9LbMMwhvU> (28.03.2023)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 29.06.2023

Approved date: 13.07.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 32.019

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_31



©2023 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОКАЗАТЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ

© Автор(ы) 2023

КОНДРАТЮК Сергей Викторович, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, Тольятти, kondratyuk.serzh@mail.ru

Author ID: 57212942343

SPIN-код: 6273-2709

ORCID: 0000-0001-7272-5359

WOS Research ID: AAZ-2563-2021

Scopus AuthorID: 988028

МОИСЕЕВ Александр Михайлович, профессор,
доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики
Донбасский государственный университет юстиции.
283049, Россия, Донецк, moiseev.prof@gmail.com

AuthorID: 860511

SPIN: 1275-9857

ORCID: 0000-0002-2840-6083

ИВАНОВА Татьяна Николаевна, доцент, доктор социологических наук,
заведующий кафедрой «Журналистика и социология»
Тольяттинский государственный университет.
445020, Россия, Тольятти, IvanovaT2005@tltu.ru

AuthorID: 655672

SPIN-код: 1255-7528

ResearcherID: AAZ-8637-2020

ORCID: 0000-0003-3163-8763

МИХАЙЛОВ Михаил Анатольевич, доцент, кандидат юридических наук,
и.о. заведующего кафедрой «Цифровая и традиционная криминалистика»
Севастопольский государственный университет.
299053, Россия, Севастополь, tmikh1@ya.ru

Author ID: 189185

SPIN-код: 7307-3426

ORCID: 0000-0003-3796-4973

Research ID: NHD-0315-2022

Scopus AuthorID: 57431132400

СЕДНЕВ Владислав Владимирович, профессор,
доктор медицинских наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Донецкая Академия Управления и Государственной Службы.
83015, Россия, Донецк, wsednev63@mail.ru

AuthorID: 845730

SPIN-код: 2262-7092

ЦВЕТКОВА Ирина Викторовна, доцент, доктор философских наук,
профессор кафедры «История и философия»
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, Тольятти, aleksandr@kozlov@mail.ru

AuthorID: 469291

SPIN-код: 4589-0634

ORCID: 0000-0002-3433-328X

Scopus ID: 7005860629

Researcher ID: J-7425-2013

Аннотация. Развитие российского общества сопровождается криминализацией общественных отношений. Угрозы обществу связаны с процессами глобализации криминалитета, с укреплением преступных сообществ, организованных по иерархическому принципу. Государство формирует антикриминальную политику, как направление реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. С позиций политологии исследованы вопросы теории формирования антикриминальной политики государства. Сущность антикриминальной политики заключается в разработке и реализации мер противодействия преступности. Дано научное обоснование антикриминальной политики. Ее понятие определено через концепт антикриминальной безопасности общества и государства. Антикриминальная безопасность трактована как защищенность общества от угроз со стороны криминалитета, международного и внутригосударственного. По результатам проведенного социологического исследования установлены количественные показатели эффективности антикриминальной политики. Среди таких показателей актуальными названы качество профилактики преступлений, доверие граждан к государственным органам и прозрачность их деятельности, достижение социального согласия. Выделены факторы и условия, способствующие укреплению влияния криминалитета в обществе: расшатывание духовно-нравственных основ, экспансия криминальной субкультуры в общественное сознание, политическая нестабильность, низкий уровень доходов трудящихся. Определены соответствующие направления и меры по реализации антикриминальной политики – идеологические и культурные, социальные, экономические. Выявлена необходимость преодоления криминальной субкультуры. Подтверждено значение экономических показателей антикриминальной политики. Намечены пути совершенствования антикриминальной политики, применительно к регионам Российской Федерации.

Ключевые слова: политология, антикриминальная политика, антикриминальная безопасность, анкетирование, региональные показатели.

ANTI-CRIMINAL POLICY: THEORY OF FORMATION AND IMPLEMENTATION INDICATORS

© The Author(s)

KONDRATYUK Sergey Viktorovich, Candidate of law science,
Senior lecturer at the Department of Criminal Law and Process
Togliatti State University

445020, Russia, Togliatti, kondratyuk.serzh@mail.ru

MOISEEV Alexander Mikhailovich, Doctor of Law, Full Professor, Head of Criminology Department,
Donbass State University of Justice

283049, Russia, Donetsk, moiseev.prof@gmail.com

IVANOVA Tatiana Nikolaevna, Doctor of Philosophy,
Full Professor, Head of Sociology Department
Togliatti State University,

445020, Russia, Togliatti, IvanovaT2005@tltsu.ru

MIKHAILOV Mikhail Anatolyevich, docent, Candidate of law science,
Acting Head of the Department of Digital and Traditional Criminology.
Sevastopol State University,

299053, Russia, Sevastopol, mmikh1@ya.ru

SEDNEV Vladislav Vladimirovich, Professor, Doctor of Medical Sciences,
Professor of the Department of Civil and Business Law.

Donetsk Academy of Management and Public Administration.

83015, Russia, Donetsk, wsednev63@mail.ru

TSVETKOVA Irina Viktorovna, Doctor of Philosophy,
Full Professor of History and Philosophy Department,
Togliatti State University

445020, Russia, Togliatti, aleksandr@kozlov@mail.ru

Abstract. The development of Russian society is accompanied by the criminalization of public relations. Threats to society are associated with the processes of globalization of criminality, with the strengthening of criminal communities organized according to a hierarchical principle. The state forms an anti-criminal policy as a direction for the implementation of the National Security Strategy of the Russian Federation. From the standpoint of political science, the issues of the theory of the formation of the anti-criminal policy of the state are investigated. The essence of anti-criminal policy is the development and implementation of measures to counter crime. The scientific justification of the anti-criminal policy is given. Its concept is defined through the concept of anti-criminal security of society and the state. Anti-criminal security is interpreted as the protection of society from threats from criminals, international and domestic. According to the results of the conducted sociological research, quantitative indicators of the effectiveness of anti-criminal policy have been established. Among such indicators, the quality of crime prevention, citizens' trust in state bodies and transparency of their activities, and the achievement of social harmony are called relevant. The factors and conditions contributing to the strengthening of the influence of criminality in society are highlighted: the loosening of the spiritual and moral foundations, the expansion of the criminal subculture into the public consciousness, political instability, low income of workers. The relevant directions and measures for the implementation of anti-criminal policy - ideological and cultural, social, economic - have been identified. The necessity of overcoming the criminal subculture is revealed. The importance of economic indicators of anti-criminal policy is confirmed. The ways of improving the anti-criminal policy in relation to the regions of the Russian Federation are outlined.

Keywords: political science, anti-criminal policy, anti-criminal security, questionnaire survey, regional indicators.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

На современном этапе развития российского общества политологи и социологи отмечают его существенную криминализацию. Так, высокоорганизованные преступные сообщества экстремистского толка захватывают позиции в сферах политики, культуры и идеологии. При этом, преступные сообщества применяют для достижения своих целей новейшие средства науки и техники, а также технологии манипулятивного воздействия на массовое сознание.

В ответ государство формирует антикриминальную политику в системе национальной безопасности России [1–3]. Сущность такой политики заключается в разработке и реализации мер противодействия преступности, в том числе и экстремистского направления [4; 5]. Современная система противодействия преступности приобрела комплексный и согласованный характер [6–8]. Основу антикриминальной политики государства закладывают работы таких ученых, как П. В. Агапов, Ю. М. Антонян, Е. А. Антонян, О. Р. Афанасьева, В. В. Бычков, А. И. Долгова, О. А. Евланова, Ю. С. Жариков, М. П. Клейменов, И. М. Мацкевич, В. В. Меркурьев, А. Н. Мондохонов, К. В. Ображиев, А. А. Христюк, А. В. Шеслер, В. Е. Эминов. Можно назвать и других авторов, представивших заметные результаты по данному направлению: работы профессора И. А. Биккинина и его учеников, труды научной шко-

лы Э. С.-М. Ахъядова, научные публикации А. А. Умаровой; статьи, опубликованные профессором В. А. Номоконовым, научная позиция профессора И. А. Александровой и профессора Г. Н. Горшенкова, труды профессора С. В. Максимова, а также работы таких авторов, как В. С. Джатиев, К. А. Долгополов и Б. Б. Джамалова, И. Л. Третьякова, Л. В. Косарева и др. Однако не все политологические и социологические проблемы противодействия криминалу приобрели решение в системе антикриминальной политики государства.

Организованная преступность экстремистского направления обладает региональной спецификой в Российской Федерации [9; 10]. Так, в отдельных регионах сложились сообщества, руководимые лидерами преступной иерархии (ворами-в законе, положенцами, смотрящими и т.п.) [11; 12]. На территории новых субъектов Российской Федерации все еще продолжают боевые действия, из-за чего криминалитет насыщен оружием, взрывными устройствами, высокоэффективными средствами связи, другой военной амуницией [13; 14]. На освобожденной территории наблюдается значительная криминализация общественных отношений, чему способствует десятилетиями насаждавшаяся русофобия, распространённость идей нацизма, действовавшая социальная практика террора [15; 17]. Таким образом, отмечаем разнообразие условий реализации антикриминальной политики в субъек-

тах Российской Федерации.

Текущее состояние проблемы реализации антикриминальной политики государства определено задачами Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.06.2021 № 400. На настоящий период антикриминальная политика приобрела обширную научную базу [18–20]. Однако проблемными остаются методические и практические вопросы укрепления законности, защиты граждан от практики террора и идеологии экстремизма.

Для разрешения данных проблем в системе национальной безопасности государства необходима обширная и достоверная эмпирическая база. Одним из способов накопления эмпирического материала признаются масштабные социологические исследования по вопросам эффективности текущей антикриминальной политики в регионах Российской Федерации. Инструментарий информационного обеспечения антикриминальной политики включает сбор и анализ данных о проникновении криминалитета в общественную практику, а также представления общества о результативности воздействия на преступность со стороны государства. Информационное обеспечение антикриминальной политики целесообразно проводить в режиме мониторинга общественного мнения, что открывает возможности для анализа и сопоставления данных по различным регионам РФ.

В связи с изложенным, очевидна актуальность политологических исследований теории антикриминальной политики государства, а также проведения социологического мониторинга, охватывающего различные регионы Российской Федерации и направленного на выявление факторов, условий и других причин распространения преступности экстремистского толка.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Формирование целей статьи (постановка задания)

Цель исследования – сформировать теоретическую базу антикриминальной политики государства; конкретизировать социологические показатели ее эффективности, применительно к регионам Российской Федерации.

Задачи исследования в рамках очерченной цели:

- определить место антикриминальной политики в системе национальной безопасности Российской Федерации;
- уточнить сущность реализации антикриминальной политики государства;
- определить показатели эффективности антикриминальной политики государства;
- социологическими исследованиями уточнить перспективные направления реализации антикриминальной политики и пути ее совершенствования.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии.

При проведении исследования применялись методы общенаучный, логические, метод анализа юридических документов, метод социологического мониторинга. Материалом послужили результаты анкетирования по вопросам текущей антикриминальной политики государства. На основе технологии Webanketa сбора и статистической обработки результатов анкетирования, применена методика социологического мониторинга эффективности антикриминальной политики в условиях регионов Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов

Теоретическая часть. В настоящий период в обществе возрастает нетерпимость к различного рода проявлениям преступности, том числе в формах экстремизма, терроризма, ксенофобии [21; 22]. Формируются общественно-политические объединения, отстаивающие позиции законности, уважения общественных интересов, соблюдения прав гражданина, общественных групп, социальных структур. Демократические основы россий-

ского общества противостоят преступному лидерству, организованному преступным сообществам, преступным группам и индивидуальной преступности. Однако для укрепления существующих антикриминальных позиций в обществе на настоящем периоде необходима концепция стратегического противостояния влиянию криминалитета, как международного, так и внутригосударственного. В общем, защищенность от указанных угроз криминального содержания определяем как антикриминальную безопасность государства. В свою очередь, ее можно выразить как систему обеспечения защищенности человека и гражданина, общества и государства от криминальных проявлений. При этом в обеспечивающую систему входят государственные институты, органы, организации, в том числе силовые структуры и спецслужбы [23–24]. Указанные структуры напрямую осуществляют деятельность по обеспечению антикриминальной безопасности общества и государства. На ее обеспечение и нацелена антикриминальная политика.

В процессе формирования теоретических основ антикриминальной политики, определены факторы, определяющие антикриминальную безопасность общества и государства.

1. Первым выделяем международный фактор антикриминальной безопасности. Представляется очевидным, что в составе текущей антикриминальной политики следует учитывать обострение международной конкуренции за обладание природными, технологическими, информационными и другими национальными ресурсами, принадлежащими российскому государству.

В аспекте глобализации приобретает значение международная антикриминальная безопасность. Антикриминальной политикой обуславливается соотношением международных и внутригосударственных структур криминалитета. В международном аспекте антикриминальная политика проявляется в вовлеченности отечественных правоохранительных органов в мировую систему противодействия преступности, согласуется с уровнем и состоянием антикриминального взаимодействия между государствами.

Отечественная политология вырабатывает собственное понимание процессов глобализации и их влияния на отечественную антикриминальную политику. Современные авторы признают необходимость выстраивания глобальных концепций противодействия криминалитету [25; 26]. Объективный процесс глобализации охватывает многие стороны жизнедеятельности общества и государства. Но можно видеть и глобализацию, проводимую криминалитетом как международного, так и внутригосударственного уровней. Процессы глобализации отражают интересы ключевых субъектов глобального криминалитета. Криминальная глобализация характеризуется моноцентричными тенденциями. Международные преступные синдикаты, международные преступные сообщества захватывают влияние и утверждают собственное монопольное доминирование в наиболее прибыльных отраслях экономики и финансов. Такая глобализация стремится ликвидировать национальные границы и другие препятствия проникновению криминалитета в общественные отношения России.

Однако, по мнению многих отечественных политологов, современному миру не соответствует принцип монопольного доминирования [27–29]. Объективно, полицентричная модель глобализации соответствует как реалиям мировой, так и отечественной антикриминальной политики. Можно назвать следующие вопросы, требующие решения при построении международной антикриминальной политики:

- преодоление сращивания и объединения национальных преступных сообществ в интеграционные союзы;
- противодействие транснациональным преступным синдикатам, международным преступным сообществам и организациям;
- создание и согласование действий межгосудар-

ственных антикриминальных организаций, международных антикриминальных институтов регулирования и координации действий.

При этом следует учитывать подвижность баланса позитивных и негативных тенденций в практике реализации антикриминальной политики. Соответственно этому повышается уровень требований к ее научной обоснованности и практической апробации.

Отмечаем, что по материалам современных политологических исследований, ряд государств содействуют транснациональным преступным корпорациям [30–32]. Одновременно такие государства являются влиятельными членами Интерпола, Европола, ЕСПЧ, а также других международных антикриминальных институтов. Так, можно видеть, что отдельные международные антикриминальные структуры, с одной стороны, поддерживают преступные синдикаты и международные преступные сообщества, а, с другой, активно формируют новый социально-политический миропорядок, в котором они захватывают доминирующее влияние. Поэтому остается открытым вопрос, на каких концептуальных основах преодолевать негативные тенденции криминальной глобализации [33]. На сегодня становятся очевидными преимущества многополярного мирового устройства для реализации антикриминальной политике российского государства.

В сфере межгосударственного противодействия криминалитету преобразуются и складываются новые направления совершенствования антикриминальной политики. Национальные интересы общества и государства должны превалировать в вопросах международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Отечественная антикриминальная политика приобретает функцию координации межгосударственного взаимодействия по направлениям антикриминальной безопасности. Очевидно, что принципы отечественной антикриминальной политики соответствуют интересам как российского общества и государства, так и интересам здоровых межгосударственных структур.

Между тем, исходя из современных реалий, вынуждены констатировать корпоративное превосходство преступных синдикатов над интересами общества и государства. На такой почве международный криминалитет захватывает влияние, пользуясь несогласованностью в антикриминальной политике ведущих стран [34–36]. В сложившихся условиях антикриминальная политика российского государства должна противостоять угрозам со стороны международного криминалитета. Приоритетом отечественной антикриминальной политики остаются интересы общества и государства.

В прошлые годы российским государством принимались попытки отстоять национальные интересы на условиях сотрудничества и взаимоуважения. Но в настоящее время такие попытки не нашли понимания со стороны транснациональной преступности. Современное состояние гибридного конфликта с международным криминалитетом стало следствием поддержки и даже покровительства международного сообщества. В таких условиях единственно правильным решением становится последовательное и системное отстаивание национальных интересов в сфере антикриминальной безопасности. При этом недопустимо какое-либо ущемление интересов российского государства. Негативное воздействие со стороны международного криминалитета должно пресекаться во всех сферах общественной и государственной жизнедеятельности. В этом аспекте, совершенствование отечественного законодательства должно происходить с учетом направлений антикриминальной политики, без какого-либо ущемления национально-государственных интересов России. Все, что противодействует данной антикриминальной политике, чревато угрозами и ущербами для национальной безопасности страны. Поэтому реформирование законодательства также должно находиться в русле антикриминальной политики государства, отвечать

задачам Стратегии национальной безопасности.

2. Фактор уровня социального согласия.

В российском государстве сложились все условия, чтобы обеспечить процветание всего общества. На это направлены многолетние усилия по укреплению кадрового, ресурсного, культурного, интеллектуального потенциала России. Антикриминальной политике соответствует демократизация государственности в направлении социального согласия [37]. На современном этапе своего развития, несмотря на разнообразные политические и социально-экономические потрясения последних десятилетий, Россия укрепляется как многонациональное государство, на основе национальных традиционных ценностей, исторических и культурных корней, сформировавшихся общественных и государственных интересов [38; 39].

Исходя из Стратегии национальной безопасности, можно выделить основные причины криминализации общественной практики:

- рост безработицы, поскольку значительная часть преступлений совершается лицами, не имеющими постоянного источника дохода;

- сращивание части чиновничества государственных органов с организованной преступностью, возможность доступа криминальных структур к управлению определенной долей производства и их проникновение в различные властные образования;

- ослабление системы государственного контроля, что неизбежно приводит к расширению деятельности криминальных структур на внутреннем финансовом рынке, в сфере приватизации, экспортно-импортных операций и торговли.

3. Фактор приоритета национальных интересов, устойчивое общественное и культурное развитие.

Антикриминальная политика опирается на такие концептуальные понятия, как национальные интересы, пресечение криминалитета, устойчивое общественное и культурное развитие, изложенные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Антикриминальная политика предполагает научное описание потенциальных и действующих угроз со стороны криминалитета. Такая политика конкретизирует объекты защиты, а к ее субъектам относим государственные институты, организации, органы, участвующие в формировании механизмов защиты общества и государства от различного рода проявлений преступности.

Так, приоритетные задачи антикриминальной политики сводятся к устойчивому социальному развитию, к защите от криминальных угроз в области социальной практики, политики, образования и воспитания, культуры. Поэтому успешное комплексное решение проблем антикриминальной безопасности возможно на основе устойчивого функционирования многонационального, многоконфессионального, многоукладного российского общества. Реализация антикриминальной политики способствует стабильности и постоянному развитию всех сфер общественной жизнедеятельности – политической, социальной, культурной, образовательной и воспитательной, экономической [40].

На основании системного охвата общественных интересов можно говорить о включенности антикриминальной политики в состав Стратегии национальной безопасности.

4. Фактор криминализация общественных отношений.

Построение антикриминальной политики учитывает комплексность криминальных угроз. В целом, они обусловлены экономическими проблемами государства, такими как сокращение внутреннего валового продукта, уменьшение инвестиционной, инновационной активности и научно-технического потенциала и т.п. Указанные проблемы сказываются на уровне жизни населения, в частности, на обеспечение неимущих граждан товарами первой необходимости и медикаментами, доступом к образованию, медицинскому обслуживанию, возможно-

стью улучшить жилищные условия и т.п. Подобные проблемы в обществе приводят к ослаблению экономического потенциала страны, свертыванию научных исследований по актуальным направлениям, выезду за рубеж специалистов, ученых, деятелей культуры и искусства. Утрата интеллектуального потенциала России угрожает утратой передовых позиций в мире, деградацией наукоемких производств, усилением внешней технологической зависимости и подрывом обороноспособности. Ряд указанных факторов приводит к переходу кадрового и демографического потенциала в криминальные сообщества как международного, так и внутригосударственного уровня.

Негативные процессы указанного характера приводят к усилению политической нестабильности, нарушению единого культурного пространства и ослаблению социальных и культурных связей.

5. Духовно-нравственный фактор.

Фактор разрушения традиционных духовных ценностей угрожает обществу, на что указано в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. Формируемая криминалитетом социальная дифференциация общества, целенаправленное разрушение традиционных духовных ценностей способствуют усилению напряженности в обществе. Такими общественными явлениями активно пользуется криминалитет. Например, ослабление социально-культурного взаимодействия субъектов Российской Федерации представляет угрозу, в плане экспансии криминальной субкультуры в общественное сознание, навязывающей идеологию преступных сообществ, преступной иерархии и лидерства в ней.

Угрозу национальной безопасности создает расслоение общества по имущественному признаку. Увеличивается количество малообеспеченных граждан, расширяются социальные прослойки населения, живущего за чертой бедности, отмечен рост безработицы [41]. В результате, возрастает количества лиц, неудовлетворенных своим социальным положением. И эти обстоятельства неизбежно направляют их в ряды криминальных сообществ. Криминалитет, в лице статусных лидеров преступных сообществ целенаправленно привлекает молодежь в свои ряды. При этом действует мощная система криминальной пропаганды. Молодежь вовлекается в ряды криминалитета картинками красивой жизни преступников, другими продуктами массовой культуры и криминальной субкультуры.

6. Экономический фактор.

Особого внимания, в плане реализации антикриминальной политики, требует защита экономических интересов общества и государства. Здесь следует принимать во внимание усиление противоречий между государствами и субъектами экономической деятельности. В антикриминальном ключе значение приобретает ограничение оборота иностранной валюты в обществе. Этому способствует прекращение расчетов в иностранной валюте на внутреннем рынке и предотвращение бесконтрольного вывоза капитала за пределы государства.

Итак, можно констатировать угрозу криминализации общественных отношений во всех сферах общественной жизнедеятельности. Используемый системный подход к исследованию проблем криминализации позволяет увидеть его причины и последствия [42–44]. Так, проникновение криминалитета в общественную практику приводит к ослаблению правового влияния государства на регулирование различных сфер общественной жизнедеятельности, в частности, в экономической, политической, культурной и духовной, других. Ученые отмечают факт сращивания отдельных элементов исполнительной и законодательной ветвей власти с криминальными структурами.

Обратимся к уточнению критериев и показателей ан-

тикриминальной политики в системе национальной безопасности. На основании анализа научных источников можно констатировать отсутствие научно-разработанных системных показателей эффективности антикриминальной политики государства. В связи с этим, считаем необходимым конкретизацию принципов построения антикриминальной политики.

Принцип системности. Согласно системному подходу, антикриминальная государственная политика в области обеспечения антикриминальной безопасности строится на вариантах прогнозов общественного и социального развития страны и отдельных субъектов Российской Федерации. При этом, антикриминальная политика подлежит постоянной корректировке и совершенствованию, в зависимости от характера и типа текущих воздействий со стороны криминалитета. Системность антикриминального воздействия означает одновременное улучшение общественного климата, повышение вклада общественных структур в систему антикриминальной безопасности, развитие государственных органов и общественных организаций; правовое воспитание населения, особенно молодежи, культурный досуг, развитие спорта.

Принцип адаптивности. Антикриминальная политика, в силу своей адаптивности, способна переключаться на преодоление актуальных криминальных воздействий, в зависимости от конкретной ситуации без принятия экстренных, в неполной мере проработанных и недостаточно взаимосвязанных решений.

Принцип эффективности. Принимаемые меры по преодолению криминалитета можно признать эффективными при условии минимизации затрат в ходе антикриминального воздействия на криминогенную ситуацию, без ущерба для заявленных целей [45]. Должна быть обеспечена необходимая защита законных прав и интересов личности, общественных групп и социумов. Критерий законности антикриминального воздействия подлежит безусловному выполнению. Так, в адаптивности и эффективности выражается критерий допустимых методов воздействия на криминалитет и на криминогенную ситуацию.

Принцип научности. Данный принцип реализации антикриминальной политики государства проявляется в ее научном исследовании и обосновании. Ограничительным критерием на реализацию антикриминальной политики является и то, что действия ее субъектов не могут нести в себе угрозы антикриминальной безопасности и быть направленными во вред общественным интересам. Обеспечивается законность действий всех представительных органов государственной власти.

В современных условиях государство не может директивными методами осуществлять реализацию антикриминальной политики. Если в процесс ее реализации необходимо внести определенные коррективы, обеспечивающие оптимальное воздействие государства на определенные общественные структуры (на демографические параметры, общественные структуры, систему образования и воспитания, культуры и т.п.), то разрабатываются и приводятся в действие соответствующие меры по поддержанию должного уровня антикриминальной безопасности страны. Очевидно, что в целях обоснования мер антикриминальной политики необходим научный мониторинг показателей антикриминальной безопасности. Это сводится, прежде всего, к отслеживанию, анализу и прогнозированию ключевых параметров общественного развития.

Уточним задачи антикриминальной политики на современном этапе. Учитывая разнообразие причин и условий укрепления криминалитета в обществе, актуальны следующие задачи по формированию антикриминальной политики государства:

– научное прогнозирование и своевременное выявление внешних и внутренних угроз со стороны криминалитета, как международного уровня, так и внутригосу-

дарственного;

– мониторинг основных социально-экономических, демографических и иных показателей во взаимосвязи с состоянием криминологической обстановки, прогнозированием и профилактикой преступности;

– разработка и реализация неотложных и перспективных мер по преодолению влияния криминалитета на общество и государство;

В итоге, приходим к выводу, что основными направлениями реализации антикриминальной политики Российской Федерации следует считать:

– совершенствование государственного регулирования и контроля за соблюдением законодательства всеми социальными группами, социумами, отдельными гражданами;

– достижение системности в государственном регулировании различных направлений общественной жизнедеятельности;

– развитие сферы образования и воспитания молодежи. Укрепление кадрового и демографического потенциала государства. Преодоление негативных тенденций социально-экономического характера, подъем благосостояния народа.

Далее сформулируем критерий качества принимаемых решений в процессе реализации антикриминальной политики. Оптимизация данного процесса осуществляется по критериям минимизации криминальных угроз устойчивому поступательному развитию общества и государства. Укрепление правовой системы функционирования общества и государства, повышение уровня защищенности общества и государства от криминальных угроз находится в приоритете антикриминальной политики.

Соответственно, обеспечивающие мероприятия антикриминальной политики государства, ориентированные на долгосрочную перспективу:

– согласование и сближение направлений антикриминальной деятельности государственных институтов, организаций, органов, а также общественных структур, действующих в сфере антикриминальной политики;

– разработка и уточнение принципов и критериев деятельности общественных и государственных субъектов, действующих в сфере антикриминальной политики;

– усиление контроля за соблюдением законности и других принципов всеми субъектами антикриминальной политики государства;

– совершенствование механизма разрешения конфликтов и спорных вопросов, возникающих между субъектами реализации антикриминальной политики. Устранение противоречий и несогласованности между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти региона, по вопросам противодействия преступности в рамках антикриминальной политики;

– обучение и переобучение кадров, овладение ими современными методами анализа и оценки мер по реализации антикриминальной политики;

– предотвращение социальных конфликтов, вызванных деятельностью преступных сообществ, статусных лидеров преступной иерархии;

– гармонизация общественно-политических отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья с учетом антикриминальной безопасности страны.

В среднесрочной перспективе реализации подлежат следующие задачи антикриминальной политики государства:

– поддержка государственных и общественных проектов, направленных на профилактику преступности в регионе, при последовательном устранении неэффективных и устаревших проектов;

– развитие социальной инфраструктуры, необходимой для реализации антикриминальной политики;

– обеспечение эффективного использования кадровых, интеллектуальных, материально-технических ресурсов для реализации антикриминальной политики;

– обобщение и распространение положительного опыта реализации антикриминальной политики;

– преодоление структурных деформаций, согласова-

ние структуры государственных органов и общественных организаций, действующих в сфере профилактики преступности;

– ускорение адаптации антикриминальной политики к текущему состоянию преступности;

– повышение уровня антикриминальной безопасности общества и государства.

Последовательное выполнение перечисленных мер предотвращает различные угрозы антикриминальной безопасности. При этом можно выделить направления реализации антикриминальной политики, которые определяют цели и ориентиры для действий органов государственной власти и общественных структур по обеспечению антикриминальной безопасности государства.

Первое направление определяем как общегосударственное. По этому направлению в ходе проведения антикриминальной политики должны решаться следующие задачи:

– повышение уровня правосознания и правовой культуры в обществе;

– привлечение молодежи к участию в общественно-полезных проектах, программах, грантах;

– стимулирование актуальных направлений реализации антикриминальной политики государства;

– разработка и осуществление разнообразных общественных проектов антикриминального содержания;

– стимулирование общественно-полезных начинаний антикриминального содержания;

– совершенствование воспитательной работы антикриминального направления в рамках общегосударственных мероприятий.

По региональному направлению в ходе осуществления антикриминальной политики решению подлежат следующие задачи:

– развитие общественных движений и организаций антикриминального направления;

– реформатирование или реорганизация государственных и общественных структур, неэффективных в плане антикриминальной безопасности;

– устранение возможностей появления новых преступных сообществ и преступных иерархий;

– развитие общественных движений, действующих в русле антикриминальной политики;

– пропаганда норм антикриминального поведения общественных субъектов.

Индивидуальное направление. С точки зрения антикриминальной безопасности, к нему следует отнести воспитание, образование, культуру, спорт, досуг и др.

В целом, государством антикриминальная политика призвана стабилизировать и способствовать консолидации общества. Тогда обобщенным показателем эффективности антикриминальной политики становится достижение устойчивого поступательного развития общества и государства. При этом укрепляется материальное положение граждан, повышается уровень жизни. В целом, антикриминальная политика предотвращает угрозу безопасности страны с точки зрения возможных социальных конфликтов, стимулированных криминалитетом. Однако на настоящем этапе наблюдается процесс расслоения общества по материальному критерию. Данное явление является дестабилизирующим фактором, создающим потенциальную угрозу возникновения социальных конфликтов и укрепления криминалитета. Проблема бедности требует незамедлительного решения в рамках специальной программы с помощью комплекса законодательных и нормативных мер. Иначе, в условиях крайней поляризации общества представители наименьшего слоя, а также и представители среднего класса закономерно перетекают в сферу влияния преступных сообществ. В свете изложенного можно заключить, что реализация антикриминальной политики должна способствовать равномерному, справедливому распределению общественного продукта между различными социальными группами населения.

Достигнутое понимание системы антикриминальной безопасности позволяет конкретизировать показатели качества реализации антикриминальной политики государства. Причем, уровень указанных показателей должен быть таким, что за их пределами общества и государство теряет свойство антикриминальной защищенности.

Выделим основные показатели антикриминальной безопасности. На общегосударственном уровне к ним относим социально-экономическое состояние населения – уровень и качество жизни; уровень и качество профилактики преступности; показатели уровня и темпы роста преступности; обеспеченность государственных органов кадровыми и материально-техническими ресурсами; показатели качества функционирования органов государственной власти; взаимодействие отечественных государственных институтов, органов, организаций, основная деятельность которых направлена на обеспечение антикриминальной безопасности общества и государства, с международными антикриминальными структурами; деятельность преступных сообществ, преступной иерархии, статусных лидеров преступной иерархии; показатели деятельности государственных систем правоохранительной; правоприменительной, судебной; степень развитости гражданского общества.

На региональном уровне показателями антикриминальной безопасности, наряду с упомянутыми, называем следующие: вовлеченность населения в общественно-полезные мероприятия; уровень криминализации социума; уровень региональной преступности; эффективность профилактической деятельности на региональном уровне; количество преступных сообществ, распространенность криминальной субкультуры в социуме и др.; удельный вес региона в общегосударственной преступности; влияние в регионе преступных сообществ, проникновение преступной иерархии в общественную практику.

Таким образом, по результатам теоретических исследований можно сделать следующие выводы.

1. Реализация антикриминальной политики государства отображает его способность противостоять угрозам со стороны криминалитета, с одновременным контролем ресурсов демографических и кадровых, научных и интеллектуальных, информационных, материальных, финансовых и других.

2. Сформирован примерный перечень параметров эффективности антикриминальной политики. По указанным параметрам возможно отслеживание состояния и динамику реализации антикриминальной политики. Параметры антикриминальной политики позволяют оценивать:

- динамику и структуру преступности, а также результативность антикриминальной политики;
- состояние демографического, кадрового, производственного и научного, культурного и идеологического потенциалов страны;
- степень соответствия антикриминальной политики текущим внутренним и внешним социально-политическим условиям; состояние защищенности общества от воздействия со стороны криминалитета, как международного, так и внутригосударственного уровней;
- степень развития общественных институтов и государственных и общественных структур антикриминальной направленности;
- направленность основных групп населения на легальный способ жизнеобеспечения.

Социологическое исследование. В плане оценивания эффективности текущей антикриминальной политики, нами проведено социологическое исследование показателей состояния антикриминальной безопасностью по регионам России. Исследование проведено методом анкетирования по вопросам, отображающим основные параметры эффективности антикриминальной политики. Представляем обобщенный обзор результатов проведенного анкетирования.

В социологическом опросе принял участие 1 121

респондент. Исследованием охвачены 33 региона Российской Федерации; при этом, молодежь в возрасте от 18 до 25 лет составляет 70 % от числа опрошенных; две трети опрошенных имеют высшее образование; 17 % участников опроса получили среднее профессиональное образование; начальное профессиональное образование, согласно ответам, у 4 % респондентов; окончили школу 7 % опрошенных. Больше половины опрошенных составляют студенты, значительная часть респондентов (до 40 %) заняты в различных отраслях общественного производства. Таким образом, участников опроса характеризует высокий образовательный статус и активная жизненная позиция.

Получены и обобщены представления респондентов о социально-политических причинах преступности. Основной из них, как отметили две трети респондентов, считается низкий уровень жизни населения. Примерно половина респондентов (47 %) среди причин преступности называет безработицу. Социальное неравенство отмечено в 41 % анкет. Треть опрошенных в качестве негативных социальных явлений, увеличивающих уровень преступности, назвали высокий уровень миграции, а также бытовое насилие. Согласно мнению четверти респондентов, внешние угрозы, нестабильная международная обстановка способствуют повышению преступности. Отмечаем высказывания респондентов, конкретизирующие причины указанного характера; «отсутствие действенных мер поддержки незащищенных слоев населения», «коррупция в органах власти», «закрывать работы органов государственной власти, низкий уровень публичности их деятельности».

Обращает на себя внимание региональное распределение мнений о социально-политических причинах криминализации общества. Так, респонденты из ЛНР и ДНР чаще, чем другие, отмечают внешние угрозы, нестабильную международную обстановку. Участники опроса из Крыма чаще, среди факторов, влияющих на преступность, называют низкий уровень жизни населения и социальное неравенство. Выделяем некоторые комментарии в ответах респондентов по данному вопросу: «преступность обусловлена сокращением среднего класса, социальной напряженностью между классами», «преступность – следствие неэффективности государственного управления», «преступность обусловлена экономическим базисом общества».

Обобщены мнения по вопросу о социально-психологических факторах, которые формируют личность преступника. Из результатов можно видеть, что до половины опрошенных указали идеологический фактор как основной, определяющий преступность среди молодежи. Две пятых опрошенных отмечают влияние социально-бытовых условий. При этом десятая часть респондентов подчеркивает значение экономических факторов, и только 2 % выделяют генетическую обусловленность формирования личности преступника.

Участникам опроса было предложено оценить уровень угроз для общества со стороны криминалитета. Здесь также приоритет показали социально-политические факторы. Так, 82 % респондентов отметили высокую опасность терроризма и экстремизма. Две трети респондентов выделили высокий уровень опасности незаконного оборота наркотиков, оружия, а также коррупции. Примерно половина опрошенных отметили, в числе основных угроз, посягательства на государственную власть.

Активность респондентов проявилась в комментарии по вопросу влияния криминальной субкультуры на криминализацию общества. Так, две трети опрошенных считают, что криминальная субкультура является источником культа всевластия денег и продажности, неуважения к законам. Больше половины респондентов убеждены, что криминальная субкультура укрепляет в обществе недоверие к сотрудникам правоохранительных органов. Такая субкультура пропагандирует силовой способ разрешения социальных конфликтов, идеализирует лич-

ность преступных лидеров (47 % респондентов). Треть опрошенных отметили насаждение в обществе чувства страха перед криминальными авторитетами и рядовыми преступниками.

В комментариях респонденты конкретизировали влияние криминалитета на жизнедеятельность общества: участие криминальных сообществ в развитии нелегальных видов бизнеса, в навязывании традиций и правил криминальной субкультуры, – отмечено в половине анкет; связь криминальных сообществ с террористическими, экстремистскими группировками отмечают 48 % опрошенных (причем, так считают большинство респондентов из ЛНР, ДНР, по сравнению с представителями других регионов); 36 % респондентов отмечают влияние криминальных сообществ на создание психологической атмосферы неуверенности, недовольства существующим социальным порядком (участники опроса из Челябинской области на 19 % чаще, чем другие, указали на данное обстоятельство).

Обобщены мнения респондентов об эффективности мер государственного противодействия преступности. В этом контексте, 42 % участников опроса оценили уровень преступности в российском обществе как высокий. Причем, данное мнение высказали респонденты старшей возрастной группы (на 14 % чаще, чем молодежь). Почти половина респондентов (46 %) определяют уровень преступности как невысокий, и эта позиция чаще характерна для молодежи, но реже встречается среди респондентов старше 26 лет.

В региональном аспекте, респонденты из Московской и Ленинградской областей чаще других оценили уровень преступности как высокий, а напротив, участники опроса из Крыма, Челябинской и Владимирской областей определили его как невысокий. При этом, 13 % респондентов признают возможным искоренение преступности, но только отдельных ее видов. Две трети респондентов полагают, что устранить преступность невозможно, они признают только сдерживание ее. По поводу мер по преодолению преступности, некоторые респонденты высказали следующее: «улучшить уровень жизни, легализовать лёгкие наркотики», «в условиях справедливого, социального, самоорганизованного и саморегулируемого общества будущего», «путем правильного семейного воспитания», «на основе морали и норм нравственного поведения».

Ужесточение наказания, как действенную меру преодоления преступности отметили 68 % респондентов (респонденты из Самарской области, ЛНР, ДНР чаще, чем другие, отмечают эффективность ужесточения наказаний и жестких запретов). Две трети участников опроса выделили систему профилактики для снижения преступности, а также правовое просвещение. Респонденты в возрасте от 18–25 лет чаще поддерживают эти меры, в отличие от представителей старшей возрастной группы. Жесткие меры борьбы с преступностью отмечены примерно половиной опрошенных. Однако респонденты в возрасте старше 26 лет реже признают их эффективность. Смягчение наказаний считают эффективным только 14 % опрошенных. Среди респондентов из Челябинской, Владимирской областей больше сторонников ужесточения наказаний и жестких запретов, чем в других регионах. При этом они реже считают эффективной мерой смягчение наказаний.

Важным показателем результативности антикриминальной политики считается ощущение защищенности населения. В такой постановке вопроса, только 7 % опрошенных считают себя полностью защищенными от преступных посягательств, а 48 % выбрали вариант ответа «скорее защищены». Четверть опрошенных утверждают, что они скорее не защищены, а 9 % не считают себя защищенными (основной массив составили респонденты из Крыма). Таким образом, 56 % респондентов можно отнести к группе «скорее защищены». В группу «скорее не защищены» включены 35 % респондентов.

По вопросу об эффективности антикриминальной политики респонденты высказались следующим образом. Только 6 % опрошенных признали эффективными меры противодействия преступности; 42 % респондентов выбрали вариант ответа «скорее эффективные», однако, треть опрошенных утверждают, что они скорее неэффективны, а 7 % не считают их эффективными.

По поводу мер воздействия на преступников, две трети опрошенных считают, что их безопасность зависит от деятельности правоохранительных органов по раскрытию преступлений. Больше половины участников опроса отметили значимость применения наказания для преступников, пресечения деятельности преступных сообществ. Две пятых опрошенных отдали приоритет профилактике преступности. К мерам противодействия преступности эти респонденты отнесли способность граждан постоять за себя. Примерно такое же количество респондентов отмечают необходимость воспитательной и просветительской работы по предотвращению преступлений.

В графе «другое» представлены следующие предложения по противодействию преступности: «реальная независимость судей», «повышение уровня квалификации полиции и СК РФ, формирование негативного отношения граждан к криминальному поведению», «легализация ношения оружия как средства самообороны».

Установлено региональное распределение мнений по данному вопросу: участники анкетирования из Крыма чаще, чем другие, выделяют длительную изоляцию преступников, как фактор безопасности общества; респонденты из Московской, Ленинградской областей обращают внимание на воспитательную и просветительскую работу по предотвращению преступлений; участники анкетирования из Челябинской области выделяют качественную работу правоохранительных органов по раскрытию преступлений как фактор антикриминальной безопасности; для респондентов из Владимирской области оказались важными такие меры безопасности, как эффективное применение законов для наказания преступников.

Завершали опросник показатели доверия правоохранительным органам со стороны населения, в плане антикриминальной безопасности. Полностью доверяют сотрудникам правоохранительных органов 10 % опрошенных; 47 % выбрали вариант ответа «скорее доверяю». 28 % опрошенных утверждают, что они скорее не доверяют сотрудникам правоохранительных органов, а 6 % не доверяют совсем. Таким образом, 57 % респондентов можно отнести к группе, которая «скорее доверяет» правоохранительным органам. В группу, которая состоит из респондентов, определивших свое отношение к сотрудникам правоохранительных органов как «не доверяю» и «скорее не доверяю», включены 34 % респондентов.

В ходе анкетирования также были установлены зависимости исследуемых показателей антикриминальной политики от уровня образования, правовой культуры, а также от возраста и рода занятий.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

1. Уточнено определение понятия антикриминальной безопасности как защищенность общества от угроз со стороны криминалитета, международного и внутригосударственного. Антикриминальная политика признана составной частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

2. Сформулированы основные теоретические положения и практико-ориентированные направления деятельности в рамках концепции антикриминальной безопасности.

3. Выделены факторы и условия, способствующие укреплению влияния криминалитета в обществе. Определены направления реализации антикриминальной политики – социальное, идеологическое, экономическое. Выявлена необходимость преодоления криминальной субкультуры, уменьшения безработицы среди молодежи, а также устранения и других причин криминализации общественных отношений.

4. Полученные результаты социологического исследования подтверждают актуальность научного обоснования антикриминальной политики и ее совершенствования.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

В теоретическом и методическом плане предстоит уточнить показатель уровня социального согласия. Дальнейшей разработкой требуют региональные и индивидуальные показатели криминализации общественных отношений. В плане совершенствования антикриминальной политики, предстоит доработать соответствующие меры профилактики преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аширбекова М.Т. Обеспечение национальной безопасности как генеральная функция государства / М.Т. Аширбекова, В.В. Семенова // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2023. № 1. С. 164-171.
2. Журавлев Д.М. Стратегирование национальной и экономической безопасности / Д.М. Журавлев, В.К. Чаадаев // *Управленческое консультирование*. 2023. № 4(172). С. 16-29.
3. Лесников Г.Ю. Становление международной уголовной (антикриминальной) политики / Г.Ю. Лесников, Е.Г. Ляхов, Д.Е. Ляхов // *Публичное и частное право*. 2018. № 3(39). С. 147-151.
4. Жуков А.З. Информационные войны в современном мире: сущность и основные формы проявления / А.З. Жуков, А.А. Романов, М.А. Огородников // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 1(176). С. 350-351.
5. Абазов А.Б. Кибертерроризм - новая угроза гражданскому обществу / А.Б. Абазов, Т.А. Фаирушин, Д.В. Чайченко // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 1(176). С. 343-345.
6. Непранов Р.Г. Национальная безопасность России в контексте евразийской интеграции / Р.Г. Непранов, А.Н. Познышев // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2023. № 2(153). С. 59-63.
7. Шхагошев Р.В. Информационная война, её влияние на общественное восприятие событий в мире / Р.В. Шхагошев, К.Г. Чернушкова, О.И. Лукьянова // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2023. № 3(154). С. 144-148.
8. Моргунов Е.В. Основные методологические подходы изучения человеческого развития как важнейшего приоритета обеспечения национальной безопасности России / Е.В. Моргунов, С.В. Чернышевский // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2023. № 61. С. 32-39.
9. Жариков Ю.С. К вопросу о причинах экстремистской идеологии в молодежной среде современной России: социально-экономический аспект / Ю.С. Жариков // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 3, № 1(133). С. 98-102.
10. Эминов В.Е. Криминология организованной коррупциогенности / В.Е. Эминов // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2017. № 7(35). С. 19-23.
11. Мондохонов А.Н. Понятие, признаки и виды преступных объединений / А.Н. Мондохонов // *Законность*. 2020. № 3(1025). С. 50-54.
12. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности / А.В. Шеслер // *Вестник Кузбасского института*. 2020. № 1(42). С. 110-123.
13. Расторопов С.В. Особенности современного правового обеспечения противодействия преступлениям, сопряженным с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств / С.В. Расторопов // *Вестник Владимирского юридического института*. 2022. № 2(63). С. 63-68.
14. Данилова Е.А. Технологии политического PR в информационной войне РФ и Запада в рамках военно-политического конфликта на Украине: новые вызовы и новые возможности для России / Е.А. Данилова, Е.Д. Заболотная // *Власть*. 2023. Т. 31, № 2. С. 56-63.
15. Попова Е.А. Трансляция концепции «Русского мира» в зарубежных СМИ (на примере Восточной Европы): риски и угрозы для России / Е.А. Попова // *Вопросы политологии*. 2023. Т. 13, № 4(92). С. 1801-1808.
16. Клейменов М.П. Евромайдан: криминологический анализ / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов, Е.М. Сейбол // *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2022. Т. 19, № 2. С. 81-90.
17. Иванова Ю.А. К вопросу о терроризме: актуальные аспекты / Ю.А. Иванова, Т.В. Радченко, К.В. Шевелева, М.В. Саудаханов // *Криминологический журнал*. 2021. № 3. С. 29-34.
18. Номоконов В.А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? / В.А. Номоконов // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2014. № 1(15). С. 32-36.
19. Джатиев В.С. О российской антикриминальной политике / В.С. Джатиев // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2014. № 2(33). С. 31-37.
20. Горшенков Г.Н. Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале / Г.Н. Горшенков // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2016. № 3(35). С. 300-302.
21. Антонян Е.А. Соблюдение законодательства в сфере противодействия терроризму / Е.А. Антонян // *Юридическое образование и наука*. 2022. № 3. С. 32-35.
22. Беляева Т.Н. Противодействие экстремизму (терроризму): приоритетное направление правоохранительной деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности / Т.Н. Беляева, С.В. Борисов // *Труды Академии управления МВД России*. 2020. № 4(56). С. 105-116.
23. Максимов С.В. Системная уголовная политика / С.В.

Максимов, Н.В. Валуйсков // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2018. № 2(49). С. 63-69.

24. Жубрин Р.В. Проблемы противодействия незаконной миграции как угрозе национальной безопасности / Р.В. Жубрин, Т.В. Ашиткова // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2022. № 6(92). С. 5-11.

25. Долгова А.И. Терроризм и международно-правовая основа борьбы с ним / А.И. Долгова // *Военное право*. 2018. № 3(49). С. 280-288.

26. Александров А.С. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке / А.С. Александров, И.А. Александрова, С.В. Власова // *Государство и право*. 2019. № 9. С. 75-86.

27. Гринин Л.Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем / Л.Е. Гринин // *История и современность*. 2016. № 1(23). С. 20-63.

28. Минаев А.И. Современная система международных отношений: трансформация в ограниченную многополярность / А.И. Минаев // *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2022. № 4(83). С. 121-128.

29. Умарова А.А. Соотношения международного и отечественного опыта государственного внешнего контроля в сфере реализации антикриминальной политики / А.А. Умарова // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 8(188). С. 120-122.

30. Долгополов К.А. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / К.А. Долгополов, Б.Б. Джамалова; Всероссийский государственный университет юстиции, Ростовский институт (филиал). Москва: ООО «Парнас», 2018. 166 с.

31. Меркушин В.В. О некоторых проблемах международно-правового статуса транснациональных корпораций и их идентификации в качестве квазисубъектов транснациональной организованной преступности / В.В. Меркушин // *Право.ру*. 2022. № 1(75). С. 116-122.

32. Варлачева А.В. Глобализация транснациональной организованной преступности / А.В. Варлачева, Д.Г. Попов // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*. 2021. № 1. С. 17-23.

33. Бычков В.В. Противодействие новым вызовам экстремистской деятельности с использованием информационно-сетевых технологий на уровне трансграничных экстремистских сообществ / В.В. Бычков, В.А. Прорвич // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 5. С. 54-60.

34. Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки / И.М. Мацкевич // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2017. № 4. С. 69-77.

35. Токторов А.Э. Криминологический анализ причин и условий терроризма представляющий угрозу в отдельных сферах национальной безопасности / А.Э. Токторов, А.Э. Токторова, Ч.С. Эрдалатов // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2021. № 6. С. 3-7.

36. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности / С.И. Захарцев, О.А. Клименко, А.К. Мирзоев [и др.] // *Мир политики и социологии*. 2017. № 1. С. 120-139.

37. Косарев В.Н. Проблема борьбы с коррупцией как деструктивным явлением в обществе / В.Н. Косарев, Е.Н. Морозов, Л.В. Косарева // *Право и образование*. 2009. № 10. С. 88-93.

38. Шамсунов С.Х. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования / С.Х. Шамсунов, В.В. Меркурьев, П.В. Агапов [и др.] // *Пенитенциарная наука*. 2022. Т. 16, № 2(58). С. 127-145.

39. Ахъядов Э.С.М. Антикриминальная государственная политика: теория и практика / Э.С.М. Ахъядов // *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2020. Т. 39, № 3. – С. 164-168.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests.

Received date: 17.07.2023

Approved date: 01.08.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 323.212+32.019.51
DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_32



©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ПАРТНЕРСТВО ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

© Автор(ы) 2023

МАЛЫШ Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент департамента международных отношений, Уральский гуманитарный институт

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Россия, Екатеринбург, malysz.elena@mail.ru

SPIN: 6589-3600

AuthorID: 643731

ResearcherID: U-2572-2019

ORCID: 0000-0002-7428-593x

SCOPUSID: 57202496727

Аннотация. *Цель:* определить, как Европейская Комиссия предполагает наладить партнерство между различными заинтересованными сторонами в странах Европейского Союза (ЕС) в обеспечении стабильности поставки продовольствия на европейские рынки, в защите доходов европейских фермеров, в поддержании жизнеспособности европейских сельских районов и в защите окружающей среды сельских территорий, с учетом амбиций «Европейского зеленого курса», стратегий «От фермы до вилки» и биоразнообразия. *Метод:* в статье применяются технологии обзорно-аналитического исследования европейского опыта реализации механизмов политического партнерства при осуществлении Общей сельскохозяйственной политики Европейского Союза (САР). Начиная с 1 января 2023 года и вплоть до окончания 2027 года, поддержка фермеров и других субъектов в сельском хозяйстве и в сельских районах, будет основана на правовой базе Общей сельскохозяйственной политики и в вариантах Национальных стратегических планов стран ЕС. *Результаты:* на основе анализа нормативно-правовых актов, определяющих правила регулирования САР, выделена структура политического партнерства, которую предполагается использовать в целях европейского государственного регулирования. *Научная новизна:* в статье впервые предложена схема политического партнерства, состоящая из формулировки общих ценностей субъектов партнерства, которые формируют группы интересов для соответствующих объектов регулирования аграрной сферы Европейского Союза. *Практическая значимость:* основные положения и выводы статьи могут быть использованы при исследовании и изучении процессов формирования политического партнерства при реализации новой Общей сельскохозяйственной политики.

Ключевые слова: политическое партнерство, Общая сельскохозяйственная политика, Европейский Союз, государственное регулирование, национальные стратегические планы, устойчивое развитие, аграрная политика, аграрная сфера.

PARTNERSHIP IN THE IMPLEMENTATION OF THE COMMON AGRICULTURAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION

© The Author(s) 2023

MALYSH Elena Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of International Relations, Ural Humanitarian Institute

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
620002, Russia, Yekaterinburg, malysz.elena@mail.ru

Abstract. *Objective:* To determine how the European Commission intends to establish partnerships between various stakeholders in the European Union (EU) countries in ensuring the stability of food supply to European markets, in protecting the incomes of European farmers, in maintaining the viability of European rural areas and in protecting the environment of rural areas, taking into account the ambitions of the European Green Deal, Farm to Fork strategies and biodiversity. *Method:* the article uses technologies for a review and analytical study of the European experience in the implementation of political partnership mechanisms in the implementation of the Common Agricultural Policy of the European Union (ATS). From January 1, 2023 until the end of 2027, support for farmers and other actors in agriculture and rural areas will be based on the legal framework of the Common Agricultural Policy and in the versions of the National Strategic Plans of EU countries. *Results:* based on the analysis of regulatory acts defining the rules for regulating the ATS, the structure of political partnership is identified, which is supposed to be used for the purposes of European state regulation. *Scientific novelty:* for the first time, the article proposed a political partnership scheme consisting of the formulation of the common values of the subjects of the partnership, which form interest groups for the relevant objects of regulation of the agrarian sphere of the European Union. *Practical significance:* the main provisions and conclusions of the article can be used in the study and study of the processes of forming a political partnership in the implementation of the new Common Agricultural Policy.

Keywords: political partnership, Common Agricultural Policy, European Union, public regulation, national strategic plans, sustainable development, agrarian policy, agrarian sphere.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение новой Общей сельскохозяйственной политики Европейского союза 2023 – 2027 гг. и восприятие идей, вкладываемых европейцами в дальнейшее развитие своего аграрного сектора, является актуальной темой не только для экономистов, но и для политических исследований. При этом следует отметить, что на портале Европейской Комиссии объявленной целью аграрной политики указывается одна из традиционных для политической науки форм взаимодействия субъектов политики, а именно форма партнерства между обществом и сельским хозяйством [1]. Взаимодействие в виде партнерства на уровне регулятора – это вопрос, скорее политический, чем экономический. При этом нужно отметить, что в текстах Регламентов ЕС по аграрной политике термин «партнерство» не звучит.

Проведение исследований аграрной сферы Европейского Союза отечественными специалистами ведется обычно с целью применения каких-либо элементов европейского опыта в России. Опыт регулирования сельского хозяйства в Европейском Союзе рассматривается в основном с точки зрения изучения эффективности бюджетного субсидирования и изучается экономистами, например, можно выделить следующих авторов: О. У. Девлетов [2], Н. Б. Кондратьева [3], Э. Н. Крылатых [4], В. И. Назаренко [5], А. Г. Папцов [6].

Политическое партнерство имеет значение в политических процессах с участием государственной власти, общества, предпринимателей и крупного бизнеса. В результате реализации партнерства акторы стараются определить баланс интересов государства, населения и производителей. Опыт стран Европы по эффективному

взаимодействию государства и бизнеса изучается с разных сторон: социальное партнерство (Е. Е. Торопушина, Е. П. Башмакова [7], К. Е. Романова [8]), технологическое партнерство (А. В. Фролов [9]) и другие. Основная часть политических исследований – это различные виды собственно политического партнерства – политическое, военное, региональное и другие.

Для политологии постановка проблем о политическом партнерстве в аграрной сфере является сравнительно новым, мало изученным вопросом. Политическое партнерство в сфере регулирования аграрной экономики – это тема, которая была выдвинута европейским регулятором впервые.

Вопросы государственного регулирования аграрной сферы, согласованность многоуровневой поддержки аграрного сектора и многое другое – это темы для изучения междисциплинарных исследований аграрной политики. Для исследований аграрной политики Европейского Союза характерно изучение проблем единого аграрного рынка. Современные авторы рассматривают Единую сельскохозяйственную политику Европейского Союза с разных сторон: Э. Г. Мартиросян [10] и К. В. Энтин [11] изучают правовую базу сельскохозяйственной политики, Н. А. Мистратова, А. В. Коломейцев, М. А. Янова [12] анализируют европейский опыт производства и реализации органической продукции, выращиваемой на полях Европы, влияние пандемии COVID-19 изучает О. Ю. Потемкина [13], применение европейского опыта при согласовании агропромышленной политики Евразийского Экономического Союза исследует группа авторов под руководством С. С. Сидорова [14], О. Ю. Якимова [15] сравнивает опыт цифровизации сельского хозяйства Европейского Союза и России. Среди зарубежных авторов выделим исследование М. Сегу [16], который изучает новую модель европейской аграрной политики.

Регулирование аграрной сферы и Общая сельскохозяйственная политика базируются на огромной теоретической базе, принципы управления были унаследованы от политик по преодолению мировых кризисов и затем они были развиты во имя соблюдения баланса между самообеспечением продовольствием и экспортом продовольствия, конкурентной борьбой на мировых сельскохозяйственных рынках. Европейская аграрная политика имеет стабильный и эффективный социальный аспект. В последнее десятилетие огромное значение имеет политика устойчивого развития аграрной сферы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является рассмотрение европейского партнерства как системного объекта, отношений, складывающихся между обществом, как субъектом, и представителями аграрной сферы в процессе согласования политических интересов и регулирования социально-экономических процессов. Излагаемый материал может быть полезен при разработке мер регулирования развития аграрного производства и сельских территорий.

Данное исследование опирается на системный подход, согласно которому партнерство в сфере регулирования аграрной сферы понимается как система взаимосвязанных элементов. Системный подход, применяемый к структуре партнерства общества и аграрной сферы, предполагает исследование базовых характеристик политического партнерства: выделить цели партнерства, его субъекты, описать механизм регулирования как объект партнерства и показать спектр интересов в реализации партнерства.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Значение аграрного сектора для интеграционных процессов в Европе имеет большую важность, чем та роль, которую сельское хозяйство играет в экономике Европейского Союза. Европейская интеграция начала свое строительство в частности с решения аграрного вопроса. Начало Общей сельскохозяйственной политики Европейского союза (САР) «Общего рынка» положено

в 1950-х годах. Уровень развития аграрного сектора экономики Европы уже тогда соответствовал индустриальным характеристикам. Одновременно с этим в мире шло формирование общемировых рынков сельскохозяйственного сырья и продовольствия. На первом этапе САР решала чисто рыночные проблемы: «1) увеличения производительности путем способствования прогрессу и обеспечения оптимального использования факторов производства, главным образом, труда; 2) гарантия справедливых стандартов жизни сельскому населению; 3) стабилизация рынков; 4) обеспечение потребителей продуктами питания по приемлемым ценам...» (Римский договор 1957, статья 39) [17]. Далее (на протяжении 1970-х и 1980-х годов) решались проблемы фермерства. Проблемы перепроизводства привели к сокращению уровня поддержки, а необходимость выполнения обязательств Уругвайского раунда ГАТТ/ВТО привели к созданию интегрированной системы управления и контроля InVeKoS (Integriertes Verwaltungs- Kontrollsystem), которая привела к созданию весьма эффективного системного инструмента за государственными расходами в аграрной сфере.

К началу 2010-х годов Общая сельскохозяйственная политика [18] справилась с поставленными в начале интеграции задачами: с нестабильностью аграрного производства в условиях разнообразных (часто критических) климатических условиях, с самообеспечением по основным продуктам питания, со стабилизацией и снижением цен на продукты, с гарантированием уровня доходов фермерам. Но были как не решенные задачи, так и проблемы, которые обозначились в ходе реализации аграрной политики. 1) Основная проблема это разница в поддержке мелких фермеров и крупных хозяйств, сокращение, как численности самих фермеров, так и площадей, которые обрабатываются ими. 2) Усложнение системы поддержки привело к высокой бюрократизации выплат. 3) Сокращение качества сельскохозяйственных земель, сокращение возможностей формирования земельного дохода. 4) Обострились проблемы развития сельских районов и земель, занятых лесными ресурсами.

К 2020-м годам в аграрном секторе Европейского Союза сложились устойчивая специализация, стабилизация роста экспортных доходов и диверсификация экспортных рынков европейских производителей, стала реальностью обеспечение социальной стабильности сельскохозяйственных производителей, стало нормой возможность и осуществление природоохранных мероприятий. Базой реформ стала стабилизация стоимости сельскохозяйственных ресурсов (земельных, энергетических, трудовых, минеральных и др.) и цен на продукты питания. Это позволило сформулировать цели для новых реформ САР на период после 2020 года. После долгих дискуссий была принята основа дальнейшей политики - баланс экономической, социальной и экологической устойчивости. Предполагается, что через интеграцию прямой помощи и инвестиций в достижение конкретных приоритетов, государства-члены через национальные стратегические планы будут учитывать свою специфику и свои особые потребности, поддерживать доходы сельского хозяйства, обеспечивать продовольственную безопасность, повышать конкурентоспособность через исследования, технологии и цифровизацию, расширять права и возможности фермеров в производственно-сбытовой цепочке, бороться с изменением климата, привлекать молодых фермеров и содействовать развитию бизнеса в сельских районах.

К концу 2022 года были приняты основные Регламенты (ЕС) [19; 20; 21] по новой Единой сельскохозяйственной политике. Базовый фактор, который вышел сейчас впервые на первый план, это вопрос о сути европейской аграрной политики, то, на что или кого она направлена политика регулирования в Европейском Союзе, на какую сферу экономики или экологии, или социальной сферы.

В тексте Регламента (ЕС) 2021/2115 Европейского парламента и Совета от 02.12.2021 г. «Установление правил поддержки стратегических планов, разрабатываемых государствами-членами в рамках общей сельскохозяйственной политики (стратегические планы CAP) и финансируемых Европейским сельскохозяйственным гарантийным фондом (EAGF) и Европейским сельскохозяйственным фондом развития сельских районов (EAFRD)» [21] определена следующая структура новой Общей сельскохозяйственной политики Европейского союза (CAP): уровень Союза, международный, национальный, региональный, местный и сельскохозяйственный (преамбула, пункт 3). Все эти уровни политики фактически не определяют структуру новой аграрной политики.

Покажем, как фактически формировалась структура европейской аграрной политики. Исходной точкой при формировании европейской аграрной политики в начале интеграционных процессов, были требования принятия политических решений при регулировании аграрного рынка, стояла задача построения эффективного единого рынка.

1) Структура аграрной политики, которой соответствовали свои объекты, совпадала с классическими представлениями о функциях аграрного рынка:

а) аграрный рынок, как регулятор объемов, стоимости производства и ассортимента продукции – сельскохозяйственная (сельскохозяйственные товаропроизводители) и агропромышленная (производители средств производства для сельского хозяйства, пищевая и перерабатывающая промышленность) политики;

б) рынок способствует стабилизации цен – инфраструктурная (транспортировка, сбыт, логистика и торговля) и продовольственная политики;

в) рынок с помощью конкуренции делает аграрный сектор более конкурентоспособным – инновационная и внешняя (экспортная и импортная) политики.

Современная структура аграрной политики находится в русле трендов устойчивого развития. Ведущими факторами стали не рыночные принципы, а управленческие принципы, основанные на идеи несения ответственности перед обществом, природой и будущими поколениями. Экономическая выгода разделяется с социальной ответственностью и заботой об окружающей среде. Структура аграрной политики, таким образом, расширилась с помощью присоединения:

2) социальной политики – политика развития сельских территорий;

3) экологической политики – политика Европейского зеленого курса.

Основной вопрос в связи с исследованием политического партнерства в новой структуре политики следующий: как устранить коренные противоречия между аграрными сферами общественной жизни, связанными с производством, потреблением, сельским развитием, экологическими требованиями. Будет ли сфера механизмов, предложенного в новой CAP, отвечать требованиям механизмов осуществления политического партнерства? Как будут сочетаться интересы партнеров при одновременной модернизации и многоплановой устойчивости. Многонаправленность устойчивости в новой CAP охватывает экономическую, социальную, экологическую и климатическую устойчивости сельскохозяйственных, лесных и сельских районов.

Современная структура новой Общей сельскохозяйственной политики Европейского союза требует нового описания особенностей объектов политики. Основным объектом финансовой поддержки Европейского Союза в аграрной сфере экономики всегда был сельскохозяйственный товаропроизводитель. Какие изменения в его деятельность привнесло изменение структуры аграрной политики? Являются ли сформированные политические приоритеты эволюционными или привнесенными ис-

кусственно.

Думается, что изучение «новой» сущности аграрного партнерства должно вестись в рамках разнонаправленных политических процессов. Одни – внутренние процессы аграрной сферы, которые направлены на решение проблем производства продовольствия. Другие – внешние, направленные на решение межрегиональных и глобальных проблем продовольственной безопасности, проблем охраны окружающей среды, проблем развития сельских территорий, проблем поддержки европейской системы ведения фермерского хозяйства. Видим, что огромный набор проблем, который во многом искусственно обрушился на европейского фермера – это проблемы, которые «добавились» ему при управлении земельными ресурсами, ранее не касались его, а сейчас выдвигаются на главную позицию в рамках системы финансовой поддержки Европейского Союза.

Что в приоритете – производство продовольствия или набор задач устойчивого развития? Законодательством выдвигаются требования к управлению, фермеры, получающие поддержку Общей аграрной политики, должны соблюдать стандарты Европейского Союза по хорошему сельскохозяйственному и экологическому состоянию земель (GAEC) [22]. Они должны заботиться об охране окружающей среды, здоровье населения и животных, благополучие растений и животных, предотвращении эрозии почв, поддержке органического вещества почвы и ее структуры, обеспечивать сохранность ландшафтных особенностей, вести управление в части охраны водных ресурсов [23].

Важность проработки данного спектра проблем обусловлена признанием важности участия аграрной сферы Европейского Союза в решении общемировых проблем устойчивого развития. В июне 2021 года после обширных переговоров между Европейским парламентом, Советом Европейского Союза и Европейской комиссией была достигнута договоренность о реформе общей сельскохозяйственной политики (ЕСП). Новая аграрная политика направлена на более высокие зеленые амбиции и, как было продекларировано, будет способствовать достижению целей Европейского зеленого курса. Это включает в себя внедрение экологических схем, которые обеспечат более сильные стимулы для экологически чистых методов ведения сельского хозяйства.

Требования Европейского Союза по устойчивому использованию сельскохозяйственных угодий связано с тем, что фермеры выступают в качестве управляющих сельской местностью, они формируют ландшафты, и благодаря своей работе фермеры обеспечивают общественные блага, выгодные для всех. Однако фермеры также зависят от природных ресурсов, таких как почва и вода. На сельскохозяйственную деятельность влияют климатические явления, состояние окружающей среды, биологическое разнообразие и качество воды. Европейский «зеленый прямой платеж» (или «озеленение») поддерживает фермеров, которые внедряют или поддерживают методы ведения сельского хозяйства, способствующие достижению экологических и климатических целей Европейского Союза. Посредством «озеленения» Европейский Союз вознаграждает фермеров за сохранение природных ресурсов и предоставление общественных благ, которые являются выгодами для населения, которые не отражаются на рыночных ценах. Предполагается, что страны Европейского Союза должны выделять не менее 30 % своей поддержки на «озеленение» аграрной сферы.

Согласно рекомендациям Европейской Комиссии, организатором аграрного партнерства видится каждое государство-член ЕС. В состав партнеров на уровне каждого государства необходимо включить «а) органы на региональном и местном уровнях, а также другие органы государственной власти, в том числе органы, компетентные по вопросам окружающей среды и климата; б) эконо-

мические и социальные партнеры, в том числе представители сельскохозяйственного сектора; в) соответствующие органы, представляющие гражданское общество, и, в соответствующих случаях, органы, ответственные за содействие социальной интеграции, основным правам, гендерному равенству и недискриминации» [21].

Самая значимая и многочисленная часть партнеров в этой схеме, на которую направлено прямое воздействие регулирования, это экономические и социальные партнеры. Они образуют своеобразную систему партнеров с разнородными функциями – систему субъектов Общей сельскохозяйственной политики Европейского союза. Субъект оформляет свою политику в виде стратегического плана [24; 25].

Во-первых – европейские фермеры, производители аграрной продукции. Они же являются жителями сельских территорий и потребителями продуктов питания и другой аграрной продукции, не используемой жителями городов, но необходимых сельскому населению.

Во-вторых – европейцы, как потребители всего того, что производит аграрный сектор экономики Европейского Союза и всего мира (страны Европейского Союза в последние годы увеличивают объемы импорта продовольствия). Их труд является трудовым ресурсом, их сбережения – инвестиционным ресурсом, их знания – информационным ресурсом и т. д.

Третья сторона – крупные производители продовольствия и продуктов питания, имеющие юрисдикцию в Европе и, что более важно, иностранные транснациональные корпорации.

Четвертая сторона – общественные (профессиональные, кооперационные) объединения европейских аграриев, которые решают вопросы по взаимодействию между аграрными объединениями, развитие аграрной инновационной сферы, развитие отношений с промышленностью, инфраструктурой, логистикой и сбытом, торговлею.

Таким образом, политическое партнерство в аграрной сфере в системе регулирования Европейского Союза предусматривается по многосубъектным осям взаимодействия:

государство – производители – потребители,
государство – бизнес – общество.

Механизмы политического партнерства должны согласовывать реализацию интересов различных субъектов политики, убирать основание конфликтов, основываясь на принципе добровольности принятия равноправия сторон и ответственности за исполнение обязательств. Как обеспечить политический диалог, прагматизм во взаимоотношениях, высокую степень участия всех субъектов, даже латентных? Для этого требуется достаточный уровень политической культуры. Механизм политического партнерства, как известно, должен включать правовые, организационные, социальные, экономические методы. Основа механизма политического партнерства строится на обозначении круга интересов партнеров и на методах их согласования. Круг интересов партнеров рождается из сфер взаимодействия, разобьем круг взаимодействия на спектр.

Первая часть спектра связана с взаимоотношениями мелкотоварных производителей (фермеров и других аграрных производителей) и крупного аграрного (не только, но и промышленного) бизнеса.

Вторая – решение проблем регулирования региональных интересов аграрных производителей и требований Единой политики Европейского союза. Особенно это касается субъектов, чьи земельные участки располагаются в районах, сталкивающихся с естественными или другими специфическими ограничениями (АНК) – это районы, которые труднее эффективно обрабатывать из-за конкретных проблем, вызванных природными условиями. Для того чтобы предотвратить заброшенность этих земель, Европейский Союз оказывает поддержку как в рамках программ развития сельских районов, так и в рамках программ поддержки доходов.

Третья часть спектра политического партнерства в аграрной сфере Европейского Союза охватывает производителей, которые возникают в связи с требованиями финансирования малых фермерских хозяйств. Более трех четвертей фермерских хозяйств в Европейском Союзе являются небольшими – менее десяти гектаров – и большое количество – менее пяти гектаров. Небольшой размер этих хозяйств часто увеличивает относительную административную нагрузку, связанную с подачей заявлений на получение пособия по доходу. Страны Европейского Союза могут применять схему мелких фермеров, упрощенную схему поддержки доходов, предоставляющую единовременную выплату фермерам, которые решат участвовать. Это заменяет все другие формы выплаты пособия по безработице. Максимальный размер выплаты определяется на национальном уровне, но не может превышать 1 250 евро. Схема мелких фермеров освобождает участвующих фермеров от обязательств по экологизации, а санкции за перекрестное соблюдение не применяются к их выплатам по поддержке дохода. Справедливость подобных выплат малым фермерским хозяйствам всегда можно подвергнуть сомнению, что и вызывает необходимость изучения этого спектра аграрных политических интересов.

И, наконец, четвертый вид спектра политических процессов в аграрной сфере касается во многом уже традиционных проблем согласования интересов сельских жителей и городского населения.

Группы политических интересов способны оказывать как стимулирующее, так тормозящее воздействие на проведение аграрных переустройств. В зависимости от степени поддержки большинством групп интересов, либо теми из них, которые обладают наибольшим влиянием, будет определяться успех политических мер. Необходимость согласования интересов участников не вызывает каких-либо вопросов. По этой причине Европейской комиссией в настоящее время создаются Группы гражданского диалога, которые, являясь экспертными группами, входят в Генеральный директорат по сельскому хозяйству и развитию сельских районов, они обеспечивают единую правовую и процедурную основу для консультаций с неправительственными заинтересованными сторонами. Все экспертные группы разбиты на семь направлений диалога: 1) стратегические планы CAP в странах ЕС; 2) сельскохозяйственные рынки; 3) политика в отношении секторов животноводства; 4) международные аспекты сельского хозяйства; 5) органическое земледелие; 6) качество и продвижение; 7) окружающая среда и изменение климата. Кроме этого у стран Европейского Союза есть возможность воздействовать на правовую основу Общей сельскохозяйственной политики через систему сельскохозяйственных комитетов (их 11 штук). Усилия всех этих институтов сконцентрированы на оценке воздействия при планировании, подготовке и предложении нового европейского законодательства, изучают необходимость действий со стороны Европейской Комиссии и возможные последствия доступных решений.

ВЫВОДЫ

Проведенное обзорно-аналитическое исследование нового этапа реализации Общей сельскохозяйственной политики Европейского Союза позволило выявить механизмы политического партнерства при её осуществлении. Партнерство предполагает взаимодействие между различными заинтересованными сторонами в странах Европейского Союза с целью обеспечения стабильности поставок продовольствия на европейские рынки, защиты доходов европейских фермеров, поддержания жизнеспособности европейских сельских районов и защиты окружающей среды сельских территорий. Схема политического партнерства опирается на группировку общих ценностей разнообразных субъектов партнерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *European Commission. Common Agricultural Policy*

[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://agriculture.ec.europa.eu/common-agricultural-policy_en (дата обращения 24.08.2023).

2. Девлетов О.У. Особенности финансирования агробизнеса в современном мире: опыт Европейского союза // Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 1 (9). С. 1-13.

3. Кондратьева Н.Б. Сельскохозяйственная политика ЕС: вопросы концентрации и конкуренции // Современная Европа. 2019. № 4. С. 73-84.

4. Аграрная Европа в XXI веке / Крылатых Э.Н. и др.; под общ. ред. Э.Н. Крылатых. М.: ООО Изд-во «Летний сад», 2015. 328 с.

5. Назаренко В.И. Аграрная политика и продовольственное хозяйство. Екатеринбург, 2010. 419 с.

6. Папцов А.Г. Экономика аграрного сектора развитых стран в условиях мирового продовольственного кризиса. М.: ГРИФ, 2009. 288 с.

7. Торопушина Е.Е., Башмакова Е.П. Государственно-частное партнерство в социальной сфере арктических стран Европы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 167-190.

8. Романова К.Е. Становление и развитие социального партнерства в Европе // Научный поиск. 2018. № 1. С. 69-72.

9. Фролов А.В. Технологические государственно-частные партнерства: пример и опыт Европы // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2021. № 4 (39). С. 58-67.

10. Мартиросян Э.Г. Правовая база единой сельскохозяйственной политики в ЕС // Право и политика. 2018. № 9. С. 3-4.

11. Энтин К.В. Право Европейского Союза сквозь призму практики Суда Европейского Союза. М.: Статут, 2020. 324 с.

12. Мистратова Н.А., Коломейцев А.В., Янова М.А. Анализ зарубежного опыта производства и реализации органической продукции сельского хозяйства // Вестник Красноярского государственного университета. 2018. № 2. С. 162-165.

13. Потемкина О.Ю. Европейский союз: сезонные рабочие в условиях пандемии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №5. С. 45-51.

14. Три года интеграции: согласованная агропромышленная политика Евразийского Экономического Союза / Под ред. С.С. Сидорского. Москва, 2018. 76 с.

15. Якимова О.Ю. Цифровизация сельского хозяйства: опыт Европейского Союза и России // Контекстус. 2020. № 1. С. 18-25.

16. Carey M. The Common agricultural policy's new delivery model Post2020: National administration perspective // EuroChoices. 2019. № 1, vol. 18. P. 11-17.

17. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union - Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union - Protocols - Annexes - Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 - Tables of equivalences [Электронный ресурс]. Режим доступа: [EUR-Lex - 12012E/TXT - RU - EUR-Lex \(europa.eu\)](http://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/1306/2020-12-29), свободный (дата обращения 24.08.2023).

18. Regulation (EU) № 1306/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 on the financing, management and monitoring of the common agricultural policy and repealing Council Regulations (EEC) № 352/78, (EC) № 165/94, (EC) № 2799/98, (EC) № 814/2000, (EC) № 1290/2005 and (EC) № 485/2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2013/1306/2020-12-29> (дата обращения 24.08.2023).

19. Regulation (EU) 2021/2116 of the European Parliament and of the Council of 2 December 2021 on the financing, management and monitoring of the common agricultural policy and repealing Regulation (EU) № 1306/2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:32021R2116&qid=1692885321622&rid=1> (дата обращения 24.08.2023).

20. Regulation (EU) 2021/2117 of the European Parliament and of the Council of 2 December 2021 amending Regulations (EU) № 1308/2013 establishing a common organisation of the markets in agricultural products, (EU) № 1151/2012 on quality schemes for agricultural products and foodstuffs, (EU) № 251/2014 on the definition, description, presentation, labelling and the protection of geographical indications of aromatised wine products and (EU) № 228/2013 laying down specific measures for agriculture in the outermost regions of the Union [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:32021R2117&qid=1692885397111&rid=1> (дата обращения 24.08.2023).

21. Regulation (EU) 2021/2115 of the European Parliament and of the Council of 2 December 2021 establishing rules on support for strategic plans to be drawn up by Member States under the common agricultural policy (CAP Strategic Plans) and financed by the European Agricultural Guarantee Fund (EAGF) and by the European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD) and repealing Regulations (EU) № 305/2013 and (EU) № 307/2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/AUTO/?uri=CELEX:32021R2115&qid=1692885461572&rid=1> (дата обращения 24.08.2023).

22. Soil Strategy for 2030. Reaping the benefits of healthy soils for people, food, nature and climate SWD (2021) 323 final. Новая "Почвенная стратегия" ЕС до 2030 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/environment/publications/eu_soil-strategy-2030_en (дата обращения 24.08.2023).

23. List of potential Agricultural Practices that ECO-schemes could support [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fact-sheet-agri-practices-under-ecoscheme_en_0.pdf (europa.eu) (дата обращения 24.08.2023).

24. European Commission. Strategic plans CAP [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://agriculture.ec.europa.eu/cap-my-country/cap-strategic-plans_en#at-a-glance (дата обращения 24.08.2023).

25. Фрумкин Б.Е. Общая сельскохозяйственная политика (март-май 2023) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2023. № 112. С. 39-45.

Received date: 26.08.2023

Approved date: 09.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

УДК 33:91(571.6)

DOI: 10.57145/27128482_2023_12_03_33

©2023 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЕДИНИЦ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

© Автор(ы) 2023

СТОРОЖУК Михаил Владимирович, аспирант

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

129226, Россия, Москва, info@storojuk.ru

SPIN: 0000-0000

AUTHORID: 000000

ORCID: 0009-0002-3221-0697

Аннотация. Рассматривая особенности развития Дальневосточных территориально-хозяйственных единиц, в статье описываются характерные черты, отличающие регион от других субъектов РФ. Актуальность темы обусловлена повышением стратегической важности ДФО, в связи с процессами, происходящими в стране и в мире. Цель работы – рассмотреть понятия и существенные черты территориально хозяйственных единиц Дальнего Востока. Методы исследования: анализ, синтез и обобщение. Новизна заключается в проведенном сравнительном анализе с целью выявления возможных вариантов дальнейшего развития территориально-хозяйственных единиц Дальнего Востока. Теоретическая часть работы посвящена рассмотрению самого понятия и существенных черт территориально-хозяйственной единицы. Практическая часть описывает результаты проведенного анализа статистических, а также выявленных данных по показателям развития региона за последние годы. В результате исследования, опираясь на данные отечественных исследователей, а также на анализ данных представленных самим регионом, выявляются как ключевые проблемы, так и основные варианты их решения. Так же в статье затронута тема прогнозирования территориального развития с возможными вариантами организации данного процесса для всех территориальных единиц. В заключении выдвинуто предложение по внедрению в политическую и экономическую сферу ПЦМ планирования.

Ключевые слова: Дальневосточный регион, ТХЕ (территориально хозяйственная единица), особенности управления, проблемы региона, государственный интерес, дифференциация территорий, комплексный подход.

CONCEPTS AND ESSENTIAL FEATURES OF THE TERRITORIAL ECONOMIC UNITS OF THE FAR EAST

© The Author(s) 2023

STOROZHUK Mikhail Vladimirovich, graduate student

Russian State Social University

129226, Russia, Moscow, info@storojuk.ru

Abstract. Considering the features of the development of the Far Eastern territorial and economic units, the article describes the characteristic features that distinguish the region from other subjects of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the increased strategic importance of the Far Eastern Federal District, in connection with the processes taking place in the country and in the world. The purpose of the work is to consider the concepts and essential features of the territorial economic units of the Far East. Research methods: analysis, synthesis and generalization. The novelty lies in the comparative analysis carried out in order to identify possible options for the further development of territorial and economic units of the Far East. The theoretical part of the work is devoted to the consideration of the concept itself and the essential features of a territorial-economic unit. The practical part - describes the results of the analysis of statistical, as well as identified data on indicators of the development of the region in recent years. As a result of the study, based on the data of domestic researchers, as well as on the analysis of data presented by the region itself, both key problems and the main options for their solution are identified. The article also touches upon the topic of forecasting territorial development with possible options for organizing this process for all territorial units. In conclusion, a proposal was put forward for the introduction of PCM planning into the political and economic sphere.

Keywords: Far East region, TXE (territorial economic unit), features of management, problems of the region, state interest, differentiation of territories, integrated approach.

ВВЕДЕНИЕ

Политика правительства в отношении регионов на сегодняшний день основывается на трех ключевых направлениях: экономика, реализация властных полномочий и правовое регулирование. Остальные сферы, такие как социальная и духовная, безусловно так же важны и занимают свои позиции в системе распределения указов и полномочий, но в связи с тем, что они не приносят существенного дохода в государственный бюджет, их обеспечение и регулирование можно назвать дотационными. Потому ключевой проблемой многочисленных исследований становится изучение благополучия социально-экономического развития страны и ее отдельных территорий.

К данной работе на первый план выдвигается проблема специфики развития ДФО как территориально-хозяйственной единицы.

Анализ последних исследований показал, что отечественные исследователи активно рассматривают развитие Дальнего Востока во всех сферах жизни субъекта, так как он является одним из стратегически значимых в стране [3; 5; 6]. И не смотря на то, что в состав РФ входят полностью дотационные регионы, цель правительства – вывести все субъекты на самодостаточный уровень. Как

указывают политологи [22], именно с этой целью была рассмотрена и преобразована территориальная организация страны. Которая, с одной стороны, позволяет систематизировать процесс возведения производящих организаций и наладить необходимую инфраструктуру, а с другой – она определяет перспективы развития самой территории, на которой и происходят процессы оптимизации экономических связей [9; 13].

Рассматривая Дальневосточный регион, с точки зрения территории хозяйствования, необходимо отметить, что данная тема крайне актуальна сегодня, когда правительство проводит сразу несколько линий внутренней политики: активизируя отечественного производителя и актуализируя деятельность самих регионов в наиболее перспективных для них отраслях.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель работы – рассмотреть особенности развития Дальневосточных территориально-хозяйственных единиц.

Методы исследования:

Проведя анализ научной литературы, а также ряда статистических показателей были выявлены характерные черты ТХЕ на примере Дальнего Востока.

Опираясь на открытые источники информации о развитии региона, а также о возможностях экономического

роста в отдельных его территориях, была получена информация о нестабильном и скачкообразном развитии ряда экономических отраслей и направлений хозяйствования, что определено периодом изучения. Так, неоднократно различные исследователи указывают на то, что 2021 год был особым годом в экономическом плане развития всех стран и их отдельных частей. Относительно Дальнего Востока можно сказать, что в период с 2019 по 2023 гг. происходили регулярные трансформации общественных и политических интересов, а в экономическом плане наблюдалась переориентация сфер интересов, которая на сегодняшний день концентрируется на Восточных партнерах и их интересах в развитии тех или иных отраслей.

Синтезируя прикладные данные исследований, обозначена стратегическая значимость региона, а также выдвинуты предложения по его дальнейшему развитию. Так, в связи с тем, что произошел уклон в сторону Востока, официальные данные, результаты исследований различных специалистов, и инвестиционная активность со стороны восточных партнеров указывают на активное развитие ряда отраслей и в первую очередь инфраструктуры, которая свяжет Российское государство с заинтересованными в сотрудничестве сторонами.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Взяв за основу статистические данные, а также результаты исследований как отечественных, так и зарубежных авторов, были изучены ключевые показатели развития ДФО и особенности государственного интереса к данному субъекту. Так, опираясь на оценку регионального развития, проведенную отечественными специалистами [1], а также сравнивая экономические показатели развития ключевых отраслей экономики, к которым можно отнести торговлю, общественное питание, нефтедобычу, промышленность и бытовые услуги [7], выявилось, что за последние годы показатели указывают на серьезный спад, даже при условии государственной поддержки и привлечения внешних инвесторов (рисунок 1).



Рисунок 1 – Развитие ключевых отраслей хозяйствования в ДФО [8]

Из представленных на рисунке 1 данных становится очевидно, что за 2019 – 2022 года экономические отрасли имели как периоды сильного упадка, так и подъема. Только отрасль бытовых услуг постепенно растет, что объясняется повышенным интересом к различным формам обеспечения населения. С другой стороны, ключевые позиции нефтедобывающей отрасли и торговых отношений пошатнулись, что естественно, так как политическая обстановка оказала сильное влияние на вопросы разработок и торговых операций. Кроме того, как известно, на протяжении последних двух лет, российское правительство выбрало направление на расширение торговых связей со странами Азии [4]. Последнее стало очевидным выбором российского правительства, так как на протяжении последних лет активно реализуется проект «Шелковый путь», который позволил Дальневосточному региону безболезненно лишиться

поставщиков и покупателей из стран, находящихся под влиянием США (рисунок 2) [2]. В данном ключе необходимо отметить, что работа со странами ЕАЭС позволила избежать серьезного урона для экономики всей страны, и ДФО еще раз подтвердил статус приоритетного региона для развития национальной экономики [14].

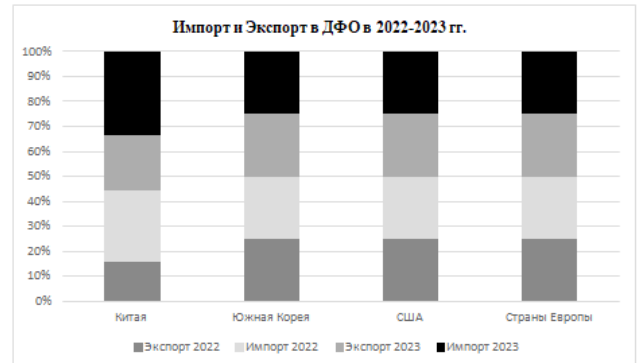


Рисунок 2 – Торговые связи Дальневосточного региона за 2022 – 2023 гг. (составлено автором)

Страны Европы и США стали ограничивать поступления своих товаров на российский рынок, что позволило правительству приступить к решению самого важного вопроса – отставание российских регионов по вопросам производства [16]. Так, с 2022 года правительство продвигает систему государственных патентов для регионов и региональных предпринимателей, которые могут принимать участие в конкурсах на получение патентов на изобретения выпускаемых предпринимателями. Так, в рамках самых различных отраслей экономики в Дальневосточном регионе разрабатываются и внедряются в массовое использование отечественные аналоги зарубежных товаров, продуктов и даже услуг. И необходимо отметить, что такая политика привела к серьезным скачкам в росте отечественного производства (рисунок 3). При этом, как отмечают специалисты, правительство предоставило право регионом самостоятельно выделять те или иные области развития экономики и предоставления патентов в рамках наиболее перспективных, по мнению местных властей, отраслей [17]. Как отмечают исследователи, Дальневосточный регион выбрал несколько направлений: строительство, грузоперевозки, высокотехнологическое производство.

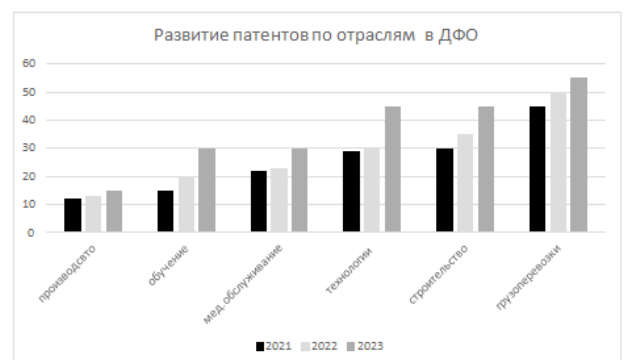


Рисунок 3 – Выдаваемые патенты по отраслям в экономике за период с 2021 по начало 2023 гг. [10]

Из данных на рисунке 3 видно, что правительство региона не отказывается от развития и других отраслей жизни общества и безусловно, большая доля денежных средств уходит на обеспечение социальной сферы, но, так же важно отметить, что руководство Дальневосточного региона ставит перед собой основную цель – добиться минимального разрыва между уровнем развития населенных пунктов самого региона [18].

В данном ключе, можно выделить ключевые чер-

ты территориально хозяйственных единиц Дальнего Востока:

деление на три зоны: юг Дальнего Востока, ближний и дальний Север ДФО, которые имеют огромный разрыв по экономическим показателям;

каждая зона отличается всей интенсивностью территориального хозяйствования и имеют собственные перспективы развития;

зональное положение определяет специализацию ТХЕ и как следствие самого Дальневосточного региона; особый подход к системе управления структурными единицами в зонах экономического деления [20].

Опираясь на данные ГУ ЦБ РФ [11], а так же ФСГС РФ [12] можно выдвинуть предположение, что в дальнейшем Дальневосточный Федеральный округ сохранит свои позиции, как одного из ключевых регионов страны, в который будут направляться не только государственные инвестиции, но так же предложения по дальнейшей оптимизации развития отдельных хозяйственных единиц субъекта.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как известно, российская экономика имеет смешанный тип системы реализации хозяйствования. При этом, роль государства в экономическом секторе так же важна. Государственные предприятия несут важные функции: во-первых, они создают рабочие места, даже если само предприятие не несет значительной прибыли; во-вторых, идет процесс реализации ПЦМ (программно-целевого метода) планирования бюджета, что предполагает выполнение поставленных правительством задач по развитию в той или иной области экономической деятельности [19]. И, как следствие, государственная сфера экономики – это система реализации государственных экономических программ, которые в отношении развития территории хозяйствования в Дальнем Востоке могут быть сведены к следующему:

развитие обеспечивающей отрасли;

развитие военно-промышленного комплекса, производства и строительства, туризма и прч. отраслей экономики в регионе;

развитие образования и науки;

развития разнопрофильного бизнеса;

а так же закрепление позиций крупных компаний на международной арене [15].

Такая политика проводится с 2011 года, когда в своем Послании к Федеральному Собранию Президент РФ отметил, что необходимость развития программ экономического роста перестает быть задачей, которую будет постоянно реализовывать только правительство, другим участникам экономических отношений, так же необходимо применять ПЦМ в рамках бюджетного планирования и реализации экономических целей и задач [21].

В ключе последних событий, необходимо отметить, что ПЦМ планирование реализуется в основном в странах со смешанной экономикой, но по большей части это заметно именно в России и в ряде стран Азии, что позволяет еще сильнее сблизить торговые отношения между странами.

Потому не удивительно, что в последние годы идет процесс разработки проектов по оптимизации системы взаимодействия правительства региона и бизнеса. А так же был разработан план формирования бюджета и совершенствования бюджетного процесса, подходящий для всех и соответствующий ряду международных норм, позволяющих выходить крупным организациям на уровень зарубежных партнеров, создавая там свои филиалы и комплексы.

И если до 2022 года правительство видело перспективы в развитии таких сфер, как туризм, нефтегазовый комплекс, энергетика и разработка полезных ископаемых, то последние события внесли свои коррективы в планы федеральных и местных властей в Дальневосточном регионе. В итоге, для развития Дальневосточного региона ПЦМ предлагается:

крупным горнодобывающим компаниям; организациям занимающимся морехозяйственным комплексом, в том числе и в области строительства морского транспорта;

предприятиям, которые планируют заниматься или уже занимаются металлургией и машиностроением.

Но, это не решает проблему с отставанием Зоны Дальнего Севера, где по-прежнему преобладают натуральное хозяйство и звероводство.

В данном ключе, считается возможным развивать в этом районе горнодобывающее производство, а так же ориентировать его на военное производство и обеспечение.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, можно отметить, что понятие ТХЕ (территориально-хозяйственная единица) – неоднозначно и предполагает создание единой экономической зоны. Однако Дальневосточный регион по своему зонированию делится на три таких единицы, которые отличаются своей экономической ориентацией, уровнем жизни, уровнем доступности и т.д., и даже при условии успешной реализации всех правительственных инициатив, экономически выгодных преобразований и общего экономического подъема, это не сможет гарантировать полноценного выравнивания экономических зон.

В данной работе был проведен анализ информации о развитии региона в 2019 – начале 2023 гг., когда шли неоднозначные процессы как в стране, так и в мире. Пандемия, военная операция в Украине, усиление санкционного гнета со стороны Запада, переориентация отечественной экономики на внутренний рынок и обращение к восточным партнерам – эти и многие другие события оказали влияние на развитие всей России. Но Дальневосточный регион, как стратегически важная территория, претерпел не только преобразования, связанные с особенностями международных отношений, но также изменения коснулись экономических зон субъекта, что выражается в активном сотрудничестве и привлечении инвестиций со стороны стран Востока, которые выражают свою энергосберегательную позицию и финансируют наукоемкие области, а также строительный сектор, направляя средства в развитие инфраструктуры, а не в ресурсодобывающие отрасли. Такое положение, в перспективе, ведет к следующим тенденциям, которые прослеживаются уже сегодня:

снижение разработок энергоресурсов приведет к росту цен на нефтепродукты на внутреннем рынке;

интерес к наукоемким отраслям ускорит процесс развития инноваций и распространения новых технологий, что повлечет необходимость совершенствовать подготовку человеческих ресурсов;

относительно самого Дальнего Востока, возможен рост интереса со стороны граждан центральных регионов, в поиске работы и повышения квалификации именно в данном регионе, как одном из ключевых мест, где уже сегодня реализуются проекты коммерческого интереса восточных стран.

При этом, учитывая все вышесказанное, необходимо понимать специфику Дальневосточного региона, его зонирование и отставание ряда территорий. Что говорит о необходимости реализации интересов не только восточных партнеров, но и собственных, в частности – военно-политических. В современных условиях считается возможным предположить, что именно развитие военной отрасли, в частности промышленного сектора, машиностроения и организации зон безопасности, сможет выровнять ряд отстающих территорий. Однако данный вопрос требует более тщательной проработки и остается одним из приоритетов правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аврамчикова Н. Т., Винокурецва Е. А. Оценка перспектива развития региональных экономических систем приграничных регионов (на материалах Забайкальского края) // Власть и управление на Востоке России. 2023. №2 (103). С.19-30.
2. Алтухов А., Семин А. Усиление межгосударственной интеграции в агропромышленном комплексе стран ЕЭП // Европейский научно-

исследовательский журнал. - 2018. Том XXI, выпуск 2, С. 753-771.

3. Груздев В. М. Территориальное планирование. Теоретические аспекты и методология пространственной организации территории // <https://bibl.nngasu.ru/electronicresources/uch-metod/architecture/853003.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).

4. Демина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. - 2018. - Т.2. № 4. - С. 21-30.

5. Дмитриева Т. Е., Лаженцев В. Н. Организация прогнозирования территориального развития // <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-prognozirovaniya-territorialnogo-razvitiya> (дата обращения: 28.04.2023).

6. Кембаев Ж. URL-адрес Евразийского экономического сообщества: http://www.academia.edu/Documents/in/Public_International_Law (дата обращения: 28.04.2023).

7. Латышева Н. Е., Назаренко О. А., Агешина Е. Ю. Экономика Дальнего Востока в 2022 году: аналитические итоги // Власть и управление на Востоке России. 2023. №1 (102). С.45-59.

8. Митрошин И. В. Уровень жизни в отдельных регионах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2023. №2 (103). С.6-20.

9. Носонов А. М. Территориальное прогнозирование, планирование и региональная политика // https://artno.ucoz.ru/prj_15_1-1-.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

10. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Мазитова М. Г., Сулов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном Федеральном Округе в 2021-2023 гг. // Пространственная экономика. 2023. №6. С.135-182.

11. Региональная экономика: комментарии ГУ/ЦБ РФ. 2022. № 16. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43537/report_08122022.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

12. Социально-экономическая ситуация в России / ФСГС. 2023. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm. (дата обращения: 28.04.2023).

13. Far Eastern Economic Region: Characteristics And Features // <https://en.birmis.com/far-eastern-economic-region-characteristics-and-features/> (дата обращения: 28.04.2023).

14. Freeze G. L. Territorial Organization of the Economy // The Russian Far East: An Economic. 2019. Chapter 1. pp. 5-27

15. Mei Ju-ao Charter and Organization of the International Military Tribunal for the Far East // The Tokyo Trial and War Crimes in Asia. 2018. Chapter 2. pp.39-118.

16. Minakir P.A., Renzin O.M. Economic Science and Regional Economic Development: The Russian Far East. Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 7-37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.007-037> (дата обращения: 28.04.2023).

17. Mubanga P. Special Economic Zones An Evaluation of Lusaka South Multi Facility Economic Zone // Journal of Social and Political Sciences. 2020. №3. PP.69-74.

18. Postnikova K.Yu., Egorov N.A. Features of forming territories of advanced economic development in russia's Far East // Social and Human Sciences. 2019. №8 (86). PP. 19-26. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.86.8.026> (дата обращения: 28.04.2023).

19. Prokapalo O.M. A new stage of coordination of scientific and economic research on the problems of development of the Far East // Regionalism. 2021. Vol. 8. No. 2. pp. 5-13. <https://doi.org/10.14530/reg.2021.2.5> (дата обращения: 28.04.2023).

20. Sosnovskikh S. Implementation of the Territories with Special Economic Regimes in the Far East of Russia // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. 2022. №8. PP.7-20

21. Thame C. Joint Study and Survey of Special Economic Zones (SEZs) and Cross Border Economic Zones (CBEZs) // The Mekong Institute. 2018. №2(20). PP.13-24.

22. Wilson Rowe E., Blakkisrud H., Troyakova T. Russia's turn to the East // Domestic Policymaking and Regional Cooperation. 2019. №11. PP.14-17

Received date: 14.09.2023

Approved date: 28.09.2023

Accepted date: 18.10.2023

ТРЕБОВАНИЯ (краткие) К ПУБЛИКАЦИЯМ В ЖУРНАЛЕ:

Азимут научных исследований: педагогика и психология (коэффициент научной значимости K2)

(№ 145 в Перечне ВАКА) – ИФ- 0,643

Сайт: <http://landrailpip.ru/>

Научные специальности:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки),
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Азимут научных исследований: экономика и управление (коэффициент научной значимости K2)

(№ 146 в Перечне ВАКА) – ИФ- 0,615

Сайт: <http://landraileiu.ru/>

Научные специальности:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)

Балтийский гуманитарный журнал (коэффициент научной значимости K2)

(№ 220 в Перечне ВАКА) – ИФ- 0,677

Сайт: <http://landrailbgz.ru/>

Научные специальности:

- 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки),
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Карельский научный журнал (входит в РИНЦ) - ИФ- 0,992Сайт: <http://landrailknz.ru/>

(отрасли науки: педагогические науки; психологические науки; экономические науки; филологические науки)

СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ:*Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:*

1. Метаданные статьи на русском и английском языках (научная специальность, УДК, DOI, название статьи, знак копирайта (авторского права), научные индикаторы автора, ФИО автора полностью, должность, организация, адрес организации, личная электронная почта, аннотация и ключевые слова) – не проверяются на антиплагиат.

2. Тело статьи:**ВВЕДЕНИЕ**

- Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами (кратко описывается проблема исследования и значение ее решения)
- Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. (указаны общие тенденции в том, что уже было опубликовано, указано на отдельную проблему или на перспективу развития по данной тематике)

- Обосновывается актуальность исследования.

(подтверждена актуальность исследования, указано практическое значение статьи и ее вклад в науку)

МЕТОДОЛОГИЯ

- Формирование целей статьи.
- (указывается цель статьи)
- Используемые методы, методики и технологии.
- (а) описание методов, которые вы применяли конкретно для статьи, если теоретическая статья, то выбрать один метод и описать его методологию, теорию, историю, конкретно какие принципы этого метода применяли к данному исследованию, б) описание этапов эксперимента, в) описание участников эксперимента (возраст, пол, вузы и какие площадки были охвачены)

РЕЗУЛЬТАТЫ

- Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.
- (а) раскрыто новшество статьи, описаны авторские наблюдения и результаты, б) представленные результаты соответствуют заявленным целям и задачам статьи, в) описана идея, концепция, методика, которая нашла применение (конкретика), г) представлены результаты в виде таблиц и рисунков - названия таблиц и рисунков отвечают содержанию таблиц и рисунков)

ОБСУЖДЕНИЕ

- Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.
- (а) сравнили различные методы, сравнили результаты исследования с аналогичными в других статьях, б) написали о различиях или сходстве (или и о различиях, и о сходстве), в) сделали разбор и разъяснение результатов, г) сделали обобщение и оценку результатов, сделали оценку достоверности полученных результатов, д) определили место полученных в ходе исследования результатов в структуре известных знаний)

ВЫВОДЫ

- Выводы исследования.
- (подводятся итог статьи, указываются результаты, к которым пришли в результате проведенного исследования)
- Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.
- (указываются направления, по которым необходимо провести дальнейшие исследования)

3. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (не проверяется на антиплагиат).

(в списке литературы 10 источников за последние 5 лет (в 2022 году - это статьи 2017-2021 годов) и в списке литературы 10 иностранных источников)

Технические параметры:

Названия файла:

•Фамилия_направление_город (например: Иваненко_право_Киев, Романов_психология_Анадырь и т.д.)

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 10, междустрочный интервал – 1, абзацный отступ – 0,5 см (это сделано для того, чтобы автор точно знал сколько страниц текста у него будут в журнале), все поля – 2 см, литература – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (желательно не менее 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (не менее 150-200 слов) на русском и английском.

Неразрывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов

- 10 (обязательно), длина формул не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы

набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, КИРИЛЛИЦА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ).
Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы. Сканированные рисунки исполнять с отдельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

- А) <http://teacode.com/online/udc/>
- Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки:

- А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)
- Б) <http://translate.google.com/>

Статью обязательно дать на вычитку соответствующим филологам

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

- А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора и высылаются по запросу редколлегии)

ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЕЦ!

Материалы подаются в редакцию:

до 1 марта (мартовский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер
до 1 июня (июньский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер
до 1 сентября (сентябрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер
до 1 декабря (декабрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер
Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное (за исключением аспирантов и докторантов очной формы):

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет:

- АНИ: педагогика и психология - 5555 рублей за статью;
- АНИ: экономика и управление - 5553 рубля за статью;
- Балтийский гуманитарный журнал – 5551 рубль за статью;
- Карельский научный журнал - 2222 рубля за статью.

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала: мы рассылаем авторам электронным типографский макет журнала, который вы можете распечатать в любой типографии и он будет идентичен нашему.

Оплата производится после получения вами **сообщения о прохождении рецензирования и приеме статьи к публикации**, после чего автором высылаются скриншот или фото оплаты через Сбербанк-онлайн или через другие банки-онлайн на адрес журнала:

•Фамилия_оплата_город (например: Иваненко_оплата_Киев)

Статью высылать по адресу (обязательно указывайте научное направление):

- ANI-ped-i-psych@ya.ru (АНИ: педагогика и психология)
- ANI-ekonom-i-politika@ya.ru (АНИ: экономика и управление)
- BalticGZ@yandex.ru (Балтийский гуманитарный журнал)
- KarelianNZ@yandex.ru (Карельский научный журнал)

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ (для российских авторов)

Организация: ООО «Ландрейл» (с 29.08.2022 года учредитель журнала)

ИНН 6320068129

КПП 632001001

ОГРН 1226300024939

Расчётный счёт 40702810254400060734

БИК 043601607

Банк ПОВОЛЖСКИЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК

Корр. счёт 30101810200000000607

ОКВЭД 58.14, 58.29, 63.11, 63.12, 62.01, 72.20, 85.22

Сумма возмещения расходов за публикацию статьи у каждого журнала смотрите в ТРЕБОВАНИЯХ.

В назначении платежа обязательно указывайте: Публикация научной статьи (или оплата за обучение – если в банке в перечне нет такой строки)

Более полную информацию, а также образцы оформления статей можно получить на сайте журнала.